

ТРУДЫ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. В. В. КУЙБИШЕВА

Том 171

Серия историческая

**СБОРНИК
НАУЧНЫХ РАБОТ
ИСТОРИЧЕСКИХ КАФЕДР**

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
Томск — 1983

ТРУДЫ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. В. В. КУЙБЫШЕВА

Том 171

Серия историческая

СБОРНИК НАУЧНЫХ РАБОТ
ИСТОРИЧЕСКИХ КАФЕДР

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
Томск — 1963

Редактор — доцент А. А. Говорков

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Проф. А. И. Данилов (председатель, ректор университета), проф. В. А. Пегель (зам. председателя), доц. Ю. В. Чистяков (зам. председателя), доц. Р. Н. Щербаков (ученый секретарь), директор издательства М. С. Змазнев, проф. Б. Г. Йоганзен, проф. В. Н. Кессених, проф. П. П. Куфарев, проф. И. М. Разгон, проф. К. В. Савицкий, проф. М. В. Тронов, проф. В. А. Хахлов, проф. К. П. Ярошевский, проф. А. Р. Ананьев, доц. З. Я. Бояршинова, доц. М. А. Кривов, доц. А. А. Любавин, доц. Г. И. Назаров, проф. Н. В. Прикладов, доц. А. С. Самарин, проф. В. В. Серебрянников, директор научной библиотеки М. Р. Фильмонов, доц. В. С. Флеров, секретарь парткома Д. В. Коломин.

ТРУДЫ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ В. В. КУЙБЫШЕВА

Том 171

Серия историческая

**ИЗ ИСТОРИИ МИЛИТАРИСТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ
ПАНГЕРМАНСКОГО СОЮЗА ВО ВРЕМЯ МАРОККАНСКОГО
КРИЗИСА 1911 г.**

А. И. БАЛОБАЕВ

Пангерманский союз, основанный в 1891 г. наиболее реакционными кругами германской буржуазии и юнкерства, сыграл большую роль в подготовке первой мировой войны. Будучи орудием крупных монополий Германии Пангерманский союз являлся своеобразным штабом всех милитаристских и шовинистических сил германского империализма. В количественном отношении союз был не очень большим: число его членов перед первой мировой войной составляло около 20 тысяч¹⁾.

Пангерманский союз руководил деятельностью таких организаций, как «Флотский союз», «Колониальное общество», «Имперский союз борьбы с социал-демократией», «Союз содействия германизму в восточных провинциях» и т. д. Общее число членов этих союзов превышало миллион человек²⁾. Члены правления Пангерманского союза часто являлись одновременно руководителями других милитаристских союзов. Например, во Флотском союзе и Оборонном союзе у руководства был пангерманец генерал-лейтенант Кейм, в Колониальном обществе — член Пангерманского союза герцог Иоганн фон Мекленбургский, в Имперском союзе борьбы против социал-демократии — генерал Либерт и т. д.³⁾.

Пангерманский союз имел в своем распоряжении несколько крупных газет и журналов: газеты «Теглицхе рундшау», «Пост», «Дейче дейтунг», «Берлинер нейесте нахрихтен», «Лейпциге нейесте нахрихтен», «Рейниш-Вестфелише дейтунг» и «Гамбургер нахрихтен»⁴⁾; а также журнал «Цукунфт», издаваемый пангерманцем Максимилианом Гарденом. Использовалась в целях пропаганды и непериодическая печать — книги, брошюры, листовки, воззвания и т. д. Главная типография союза находилась в Мюнхене, где издавался центральный орган Пангерманского союза журнал «Альдейче блэттер».

Изучение вопроса о роли Пангерманского союза в идеологической подготовке первой мировой войны имеет актуальное значение в наше время — время острой идеологической борьбы двух социальных систем. Однако этот вопрос слабо освещен в советской исторической литера-

¹⁾ А. Криск. Geschichte des Alldeutschen Verbandes. 1890—1939. Wiesbaden, 1954, SS. 13, 17.

²⁾ К. Д. Цетряев. «Очерки по истории Германии начала XX века (1900—1914 гг.)». Одесса, 1959, стр. 138.

³⁾ А. Криск. Op. cit., S. 17.

⁴⁾ АВПР. Канцелярия, 1911, д. 215, л. 29.

туре. Объясняется это отчасти тем, что все архивы Пангерманского союза погибли во время воздушного налета на Берлин в 1945 г.⁵⁾

Чаще всего в работах советских историков встречаются лишь указания на шовинистическую и милитаристскую пропаганду перед первой мировой войной, которую вел Пангерманский союз — рупор монополий, контролировавших сталелитейную, угольную и другие важнейшие отрасли промышленности Германии⁶⁾.

Исключением в этом отношении является монография А. С. Ерусалимского «Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века»⁷⁾, где автор детально анализирует деятельность Пангерманского союза в конце XIX века, прослеживает связь основателей Пангерманского союза с крупнейшими монополиями Германии.

Из наиболее крупных работ иностранных авторов, показывающих деятельность Пангерманского союза, необходимо отметить работу Георга Хальгартена «Империализм до 1914 года», Альберта Нордена «Уроки германской истории», Альфреда Крука «История Пангерманского союза», Гюнтера Гейдорна «Монополии — пресса — война», Альберта Шрайнера «К истории германской внешней политики», Вальтера Бартеля «Левые в германской социал-демократии в борьбе против милитаризма и войны»⁸⁾. Существует также значительная мемуарная литература, в которой указывается на деятельность Пангерманского союза. Это «Воспоминания» А. фон Тирпица, «Воспоминания» Б. Бюлова⁹⁾ и т. д.

В данной статье ставится задача осветить милитаристскую пропаганду Пангерманского союза в период второго марокканского кризиса. Статья написана по неопубликованным документам Архива внешней политики России (АВПР), а также на основе изучения документов, опубликованных в СССР¹⁰⁾ и немецких документальных публикаций начала XX века¹¹⁾.

⁵⁾ А. Крук. *Op. cit.*, S. VI.

⁶⁾ См. А. Гуральский. «Из истории пангерманизма». Исторический журнал. 1945, № 5, стр. 22—34.

Д. Зандберг. «Немецкие историки на службе германского империализма». «Вопросы истории». 1948, № 11, стр. 92—104.

К. Д. Петряев. «Очерки по истории Германии начала XX века (1900—1914 гг.)». Одесса, 1959.

Ф. А. Ротштейн. «Из истории прусско-германской империи». М., 1948.

Е. И. Рубинштейн. «Политика германского империализма в западных польских землях». М., 1953.

С. А. Стегарь. «Агадирский конфликт». Ученые записки Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина. 1949, т. VIII, стр. 131—208.

З. К. Эггерт. «Борьба классов и партий в Германии в годы первой мировой войны». М., 1957.

⁷⁾ А. С. Ерусалимский. «Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века». М., 1951.

⁸⁾ Георг Хальгартен. «Империализм до 1914 г.». М., 1961.

Альберт Норден. «Уроки германской истории». М., 1948.

Вальтер Бартель. «Левые в германской социал-демократии в борьбе против милитаризма и войны». М., 1959.

А. Крук. *Geschichte des Alldeutschen Verbandes*. Wiesbaden. 1954.

Albert Schreiner. *Zur Geschichte der deutschen Aussenpolitik. 1871—1945. Erster Band. 1871—1918*. Berlin. 1955. Günter Heidorf. *Monopole — Presse — Krieg*. Berlin. 1960.

⁹⁾ Бернгард Бюлов. *Воспоминания*. М., 1935. А. фон Тирпиц. *Воспоминания*. М., 1957.

¹⁰⁾ Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архива царского и временного правительств 1878—1917 гг. Серия II, т. XVIII, часть I, М., 1938; часть II, М., 1939; далее — М. О.

¹¹⁾ Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette. Bd. XXIX, Berlin, 1925. Далее — G. P.

Марокканский кризис 1911 г., едва не ставший поводом для развязывания мировой войны между империалистическими странами, является, по определению В. И. Ленина, важной «вехой» на пути к мировой войне¹²⁾. Именно в этот период милитаристская пропаганда пангерманских кругов достигла чрезвычайно большого размаха. В начале 1911 г. Франция готовилась к захвату Марокко. По договору, заключенному между Францией и Германией в 1909 г. в Касабланке, Германия признавала особые политические права Франции в Марокко. Но в области экономической деятельности признавалось равенство прав французского и немецкого капитала¹³⁾.

В марте 1911 г. туземные племена в Марокко сделали попытку поднять восстание против султана. Султан Марокко призвал на помощь французские войска. В ходе подавления восстания французы казнили много восставших. В ответ на это вспыхнули волнения в самом Фецце, где был убит французский полковник Маршан. Французский империализм решил не упускать такого удобного предлога для занятия столицы Марокко Фецца. О возможности ввода французских войск в Фецц правительство Франции в апреле предупредило Германию¹⁴⁾. В связи с этим в германских правительственных кругах стал обсуждаться вопрос о том, как реагировать на попытки Франции полностью превратить Марокко во французскую колонию. Было решено потребовать компенсаций за счет французских колоний, если не удастся добиться раздела Марокко между Францией и Германией. Этот план хорошо изложен в меморандуме Кидерлена-Вехтера кайзеру¹⁵⁾.

Тем временем шла деятельная обработка «общественного мнения» в Германии. В апреле 1911 г. состоялось совещание Кидерлена-Вехтера — статс-секретаря Министерства иностранных дел Германии — с председателем Пангерманского союза. На этом совещании Кидерлен-Вехтер предложил Г. Классу «выступить в печати и своих союзах с требованиями». Через несколько дней правление Пангерманского союза приняло решение, согласованное со статс-секретарем. В решении требовался раздел Марокко между Германией и Францией¹⁶⁾. Решение стало энергично поддерживаться пангерманской печатью. Уже в конце апреля 1911 г. замещавший русского посла в Берлине Шебеко доносил в Министерство иностранных дел: «Мароккский вопрос, запальчиво разжигаемый органами всенемецкой печати, грозит нарушить... отношения между Берлином и Парижем»¹⁷⁾. Статьи в газетах пангерманцев требуют раздела Марокко между Германией и Францией и грозят Франции «решительными действиями», если она не пойдет на уступки, — сообщает в том же донесении Шебеко. Он отмечает существование в Берлине «всеобщего раздраженного и недоверчивого настроения относительно Франции»¹⁸⁾.

Чем глубже разгоралась борьба между германскими и французскими милитаристами из-за Марокко, тем активнее ведется пропаганда войны пангерманскими кругами. Корреспондент газеты «Новое время», офицiosa Министерства иностранных дел России, характеризуя выступ-

12) В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 39, стр. 658.

13) Г. Хальгартен. Указ. соч., стр. 445.

14) G.P. Bd. XXIX. S. 97.

15) G.P. Bd. XXIX, SS. 101—108. Меморандум Кидерлена—Вехтера от 3 мая 1911 г.

16) В. Бартель. Указ. соч., стр. 73.

17) АВПР, Канцелярия, 1911, д. 18, л. 99. Делеша Шебеко Нератову 28 (15) апреля 1911 г.

18) Там же.

ления пангерманской прессы, писал: «Стон и вой, крики негодования и скрежет зубовой повисли в воздухе, к французам угрожающе протянулись сжатые кулаки, глаза налились кровью и сверкают ненавистью»¹⁹⁾.

Подстрекателем в эти критические дни выступила газета «Пост», тесно связанная с пангерманскими кругами.

Ход событий показывает, писала газета, что надежды на сохранение неприкосновенности и суверенитета Марокко неосуществимы. Франция сама нарушает Алжесирасские соглашения, и поэтому Германия имеет полную свободу действий. Газета выступала против новой конференции или новых переговоров со всеми державами. Она призывала «действовать мгновенно»²⁰⁾. Орган пангерманцев и прусских юнкеров «Нейе Прейссише цейтунг» писала в это же время о нарушении Францией Алжесирасского договора, об искажении Францией «духа договора»²¹⁾. А через несколько дней эта газета сообщала, что Германия молчит, но это не значит, что она отказывается от участия в решении судьбы Марокко. Газета предупреждала: мы ждем нашего часа и знаем, что он придет²²⁾. По отношению к России пангерманская печать в первые дни марокканского кризиса проявила сдержанность, рассчитывая на то, что в случае столкновения с Францией царская Россия сохранит нейтралитет. В середине мая в газете «Россия» была опубликована передовая статья, в которой утверждалось, что царское правительство «вполне сочувственно» встретило извещение «о всех действиях парижского кабинета, клонящихся к восстановлению порядка в Марокко»²³⁾. Профранцузская позиция царской России вызвала антирусские заявления в пангерманской прессе. Газета «Новое время» сообщала: «Среди всенемцев заметна склонность придать последним (сообщениям) недружелюбный оттенок. Это же настроение преобладает и в национальных кругах»²⁴⁾.

Появившиеся в конце мая в газетах некоторых европейских стран сообщения о том, что Германии придется довольствоваться жалкими клочками компенсаций из числа второстепенных французских колоний, приводит пангерманцев в ярость. Русский посол в Берлине Остен-Сакен в своей депеше в Министерство иностранных дел писал, что подобные сообщения «приписываются французским и английским источникам, которые имели целью «возбудить» общественное мнение в Германии, и особенно пангерманские круги, против правительства»²⁵⁾. Пангерманская печать резко критикует политику статс-секретаря ведомства иностранных дел Кидерлена-Вехтера в марокканском вопросе. Остен-Сакен сообщал в той же депеше: «Органы всенемецкой партии действительно разразились нападениями против руководителей внешней политики Германии». При этом сам Кидерлен-Вехтер «впервые за время своего управления Министерством иностранных дел... подвергся резким нападкам»²⁶⁾.

Наконец, когда газетные страсти достаточно накалились, германское правительство, опираясь на воинственный пыл созданного при его

¹⁹⁾ «Новое время», 14 (1) мая 1911 г.

²⁰⁾ G ü n t e r H e i d o g n. Op. cit., S. 294.

²¹⁾ Ibid., S. 295.

²²⁾ Ibid., S. 296.

²³⁾ «Россия», 14 (1) мая 1911 г.

²⁴⁾ «Новое время», 17 (4) мая 1911 г.

²⁵⁾ АВПР, Канцелярия, 1911 г., д. 19, л. 34—35, Остен-Сакен Нератову

20 (7) мая 1911 г.

²⁶⁾ Там же, л. 35.

активном участии «общественного мнения», решается на выполнение плана, изложенного в меморандуме от 3-го мая: 1-го июля германская канонерская лодка «Пантера» бросила якорь в Агадире. На следующий же день все газеты пангерманцев восторженно приветствуют этот «прыжок» «Пантеры». Рупор рурских магнатов тяжелой промышленности газета «Рейниш — Вестфелише цейтунг» поместила на первой странице статью с огромным заголовком: «Ура! Вот это подвиг!» Газета требовала раздела Марокко, угрожая в противном случае войной Франции. «Пантера» может сыграть роль «Эмской депеши», — писал автор статьи²⁷).

4-го июля в своем утреннем выпуске «Фоссише цейтунг», находившаяся под влиянием пангерманцев (в ней сотрудничал известный профессор Шиман, теоретик пангерманизма), приветствовала образ действий берлинского правительства и отмечала, что овладение Агадиром и его хинтерляндом стоит войны. В политике вначале нужны не слова, а дела, отмечалось в этой газете и подчеркивалось, что шаг, который сделало Министерство иностранных дел Германии, хорошо обдуман²⁸).

Несколько позднее выходит много различных брошюр и листовок с требованиями раздела Марокко между Францией и Германией²⁹). Генрих Класс, председатель Пангерманского союза, сменивший на этом посту умершего в 1908 г. профессора Гассе, публикует специальную брошюру «Вест-Марокко дейч!» Эту брошюру Остен-Сакен переслал в Министерство иностранных дел в качестве приложения к своей депеше от 4 августа (22 июля) 1911 г.³⁰).

Брошюра была выпущена издательством Лемана в Мюнхене, главным издательством Пангерманского союза. На обложке брошюры было напечатано, что 50.000 экземпляров данной брошюры было распродано в 3 недели. Брошюра Класса появилась в самый разгар кризиса. Во вступлении к ней Класс пишет, что германское правительство послало канонерку «Пантера» в Агадир «с целью привлечь всеобщее внимание к марокканскому вопросу». Он подчеркивает, что общественное мнение всего мира полностью согласно с тем, что появление канонерки в Агадире в случае успеха может приобрести далеко идущее значение³¹).

Следует отметить, что далее в этой же брошюре лидер Пангерманского союза совершенно по-другому объясняет, почему германское правительство должно было послать «Пантеру» в Агадир. Класс пишет, что Пангерманский союз десятилетиями занимался марокканским вопросом, поэтому вопрос о Марокко хорошо знаком всем членам союза; что союз защищал требования «общественности», когда Марокко еще не желали знать³²). Класс утверждает, что Марокко не может прийти к спокойствию и порядку под управлением своего туземного царствующего дома, и что столкновение держав из-за Марокко выдвигает Германскую империю в первый ряд. Он подчеркивает, делая на этом особое ударение, что без участия Германской империи марокканский вопрос не может быть решен³³). А это как раз то, чего и добивалось кайзеровское правительство в Марокко в 1911 г. Класс подчеркивает, что

²⁷) Г. Хальгартен. Указ. соч., стр. 494.

²⁸) Цит. по Günter Heidorn. Op. cit., S. 298.

²⁹) Характеристику немецкой печати летом 1911 г. см. в кадетской газете «Речь» от 6 октября (23 сентября) 1911 г.

³⁰) См. АВПР, Канцелярия, 1911 г., д. 18, л. 164, Остен-Сакен Нератову 4 августа (22 июля) 1911 г.

еще весной 1904 г. Пангерманский союз решительно выступил за раздел Марокко. Он напоминает в подтверждение этого, что тогда им была выпущена брошюра «Марокко потеряно?»³¹⁾ Затем лидер пангерманцев уже откровенно объясняет, зачем нужно Марокко германскому империализму: «Марокко может стать рынком сбыта товаров нашей промышленности, областью для народной колонизации, местом открытия важнейших руд и страной плантаций»³⁵⁾. Он берет здесь на вооружение излюбленный прием пангерманцев, утверждавших, что Германии не хватает «жизненного пространства» в силу большой перенаселенности страны. Этим приемом Класс пытается скрыть стратегические замыслы германских милитаристов, стремившихся укрепиться в Марокко, чтобы занять более сильную позицию в Средиземном море. Класс рассматривает положение Сирии, Месопотамии и Турции, выражает сожаление о слабости немецких позиций в районе Средиземного моря и на Ближнем Востоке, и делает вывод, что пока остается не захваченной другими державами «только одна область» — Марокко, имеющая удобные гавани³⁶⁾.

Класс утверждает, что если в 1904—1905 гг. германское правительство имело своей целью в Марокко достижение «политики открытых дверей», то теперь это уже не устраивает Германию. Он требует захвата всего атлантического побережья Марокко. Для достижения этой цели, пишет Класс, Германия использует все возможности. Она имеет в виду здесь и «последнюю возможность» — войну — против европейских великих держав³⁷⁾.

Брошюра Класса была написана и вышла в свет в то время, когда руководители Пангерманского союза, ободренные успехом своей политики провокаций, ратовали за раздел Марокко и требовали, чтобы правительство отказалось от переговоров с Францией относительно компенсаций за счет французских колоний. Это было тем более опасно, что во второй половине августа — первой половине сентября 1911 г. франко-германские переговоры застопорились. Некоторые из наиболее оголтелых пангерманцев требовали захвата всего Марокко. Например, известный журналист Максимилиан Гарден писал в своем журнале «Цукунфт»: «Все Марокко должно быть германским, чтобы на морском пути к Египту и Индии находились германские пушки, а на границе с Алжиром стояли германские войска»³⁸⁾.

Царский посол в Берлине писал в Петербург, что «проникшие во французскую и английскую печать слухи о германских компенсациях за захват Францией Марокко «побудили как немецкое Колониальное общество, так и Всенемецкий союз высказаться против такого решения марокканского вопроса»³⁹⁾. Именно этого и хотело германское правительство. Оно рассчитывало, что шум, поднятый пангерманскими кругами и их критика в адрес правительства кайзера получат определенный отзвук в Париже, и французское правительство, напуганное угрозами пангерманцев, будет более уступчивым в вопросе о «компенсациях». Никаких официальных заявлений по поводу событий в Марокко германское правительство в это время не делает. Оно лишь тщательно

³¹⁾ Н. С I a §. Op. cit., SS. 4—6.

³⁵⁾ Н. С I a §. Op. cit., S. 6.

³⁶⁾ Н. С I a §. Op. cit., S. 10.

³⁷⁾ Н. С I a §. Op. cit., S. 11.

³⁸⁾ В. Бартель. Указ. соч., стр. 74.

³⁹⁾ М. О., Серия II, т. XVIII, ч. 1, стр. 296, Остен-Сакен Нератову 4 августа (22 июля) 1911 г.

зондировало почву в Лондоне, намереваясь выяснить действительные позиции Англии. С этой целью принц Генрих Прусский был направлен в Англию. Германское правительство надеялось, что в споре с Францией из-за Марокко Англия останется нейтральной. Таким образом, Франция оказалась бы в изоляции и существование Антанты было бы поставлено под угрозу. В мае — июне 1911 г. в немецкой прессе, в том числе и пангерманской, не появлялось статей и сообщений, направленных против Англии. Однако договориться о нейтралитете Англии в марокканском вопросе не удалось. Выступления английских политических деятелей — Грея, Асквита, а потом Ллойд-Джоржа — определили позицию английского правительства. Англия без колебаний поддержала Францию.

В ответ на это пангерманская пресса резко усилила нападки на политику Великобритании. Заодно критикуется и германское правительство, в том числе и Кидерлен-Вехтер, которому угрожают отставкой, если он не будет вести «твердую политику». Остен-Сакен сообщал в Петербург, что Кидерлен-Вехтер «не перестает получать воинственные письма», призывающие его перейти к «последнему доказательству» — войне⁴⁰).

Послушная правительству буржуазная пресса усердно поддерживала требования крайних милитаристов о разделе Марокко, обвиняла германское правительство в нерешительности и даже трусости. Газета «Националь дейтунг» писала о возможности ухода в отставку статс-секретаря ведомства иностранных дел Кидерлена-Вехтера⁴¹).

Германское правительство в связи с профранцузской позицией Великобритании вынуждено было возобновить переговоры с Францией о компенсациях. На позицию Германии значительное влияние оказала и позиция царского правительства, заявившего о верности союзу с Францией⁴²). На переговорах с французским послом в Берлине Ж. Камбоном Кидерлен-Вехтер, ссылаясь на то, что он вынужден учитывать настроение «общественного мнения» в Германии, требует все французское Конго. В связи с тем, что германо-французские переговоры во второй половине августа зашли в тупик, отмечается новая вспышка милитаристской пропаганды пангерманцев. Проходят бурные собрания членов Пангерманского союза, для проведения которых правление союза направляло своих агитаторов. Характерной особенностью этих собраний, как отмечает Остен-Сакен, являлась их резкая направленность против Англии⁴³). Хальгартен пишет о том, что пангерманская пропаганда сильно влияла на решения, принимаемые в это время императором Вильгельмом II⁴⁴). Последний в речи, произнесенной на банкете в ратуше города Гамбурга 27 августа 1911 г., заявил о необходимости дальнейшего усиления военно-морского флота с целью защиты германской торговли и мореплавания⁴⁵). Подобное выступление носило явно анти-английский характер.

⁴⁰) М. О. Серня II, т. XVIII, ч. 1, стр. 199, Остен-Сакен Нератову 8 июля (25 июня) 1911 г.

⁴¹) М. О. Серня II, т. XVIII, ч. 1, стр. 296, Остен-Сакен Нератову 4 августа (22 июля) 1911 г.

⁴²) М. О. Серня II, т. XVIII, ч. 1, стр. 175, Нератов Остен-Сакену 4 июля (21 июня) 1911 г.

⁴³) АВПр, Канцелярия, 1911 г., д. 18, л. 188.

⁴⁴) Г. Хальгартен. Указ. соч., стр. 500—501.

⁴⁵) М. О. Серня II, т. XVIII, ч. 1, стр. 398, Остен-Сакен Нератову 1 сентября (19 августа) 1911 г.

В сентябре 1911 г. состоялся съезд членов Пангерманского союза в Дюссельдорфе. Выступавшие на съезде ораторы высказывались по отношению к Франции сравнительно умеренно. Большим нападкам подвергалась Англия, что было не случайным. К этому времени германские империалисты убедились в том, что Германия не в состоянии выступить против Франции, за спиной которой стояли Англия и Россия. Поэтому острое милитаристской пропаганды направляется против Англии, с целью добиться увеличения ассигнований на дальнейшее развитие германского военно-морского флота. Выступавшие на съезде члены парламента, профессора, редакторы газет, предприниматели требовали защиты интересов германского капитала в Марокко. На съезде обсуждалась возможность войны с Францией и Англией. В резолюции съезда выражалось опасение перед возможностью создания Францией армии из марокканцев, «которая могла бы в случае нужды пополнить состав ее европейских кадров»⁴⁶). Резолюция требовала усиления немецких вооруженных сил. Этого и хотели добиться германские правящие классы от пангерманцев, являвшихся объединением наиболее шовинистических и агрессивных элементов германского империализма. На этом съезде Пангерманского союза проявилось дальнейшее усиление англо-германского антагонизма. Резолюция призывала дать самый решительный отпор английскому вмешательству «во франко-германский спор из-за Марокко»⁴⁷). Остен-Сакен отмечал, что «чувство раздражения против Англии... растет за последнее время». Германское правительство видит своего главного врага «в лице Англии, а не Франции». Английское правительство обвинялось официальными кругами Германии в том, что оно желает «помешать мирному улаживанию марокканского кризиса»⁴⁸). На этот раз германское правительство верно оценивало позиции английских правящих классов, которые не прочь были бы развязать войну против Германии. Но английское правительство боялось революционного взрыва в своей стране в случае нападения на Германию без серьезного повода. Оно хотело, чтобы Германия сама развязала европейскую войну.

Расчеты германских министров на то, что выступление Англии против притязаний Германии в Марокко приведет к еще более громким требованиям гонки вооружений со стороны пангерманских кругов, оправдались. Кадетская газета «Речь» писала об угрозах, которые исходили из лагеря пангерманцев в адрес Англии и Франции: «...Пусть помнят те, кто допустил новый позор, «позор Агадира», что этот позор будет последним. И пусть содрогнутся те, кто нам приготовил этот позор»⁴⁹).

Нападение Италии на Турцию и начало итало-турецкой войны послужило новым поводом для усиления пропаганды ускорения строительства линейных кораблей германского флота. «Уступчивость, будто бы проявленная Германией в марокканском вопросе,— писал Остен-Сакен из Берлина,— и внезапное вооруженное нападение обладающей более сильным флотом Италии на Турцию, явились вескими аргументами в устах сторонников увеличения германского флота»⁵⁰).

⁴⁶) Г. Хальгартен. Указ. соч., стр. 501.

⁴⁷) Там же.

⁴⁸) АВПР, Канцелярия, 1911 г., д. 18, л. 189, Остен-Сакен Нератову 1 сентября (19 августа) 1911 г.

⁴⁹) «Речь», 6 октября (23 сентября) 1911 г.

⁵⁰) М. О. Серия II, т. XVIII, ч. II, стр. 151, Остен-Сакен Нератову 13 октября (30 сентября) 1911 г.

Пангерманистская печать настойчиво пропагандировала необходимость ускоренного строительства новых линейных кораблей. Вместе с Пангерманским союзом выступают за увеличение германского флота и другие шовинистические организации, например, «Немецкий флотский союз»⁵¹⁾, «Колониальное общество» и т. п. Их выступления инспирировались германским правительством и использовались им для обоснования своих требований относительно увеличения ассигнований на флот и сухопутную армию. «Весьма вероятно, что правительство не совсем чуждо вышеизложенной агитации,— писал Остен-Сакен,— и что оно действительно выступит с требованием новых кредитов на увеличение флота, когда общественное мнение страны будет к тому достаточно подготовлено»⁵²⁾.

Третьего ноября 1911 г. было заключено франко-германское соглашение об урегулировании конфликта из-за Марокко. По этому соглашению Германия отказывалась от притязаний в Марокко, но получила большую часть французского Конго. «Грабят («делят») Марокко. Обменивают Марокко на Конго», — писал В. И. Ленин⁵³⁾. Соглашение было встречено криками негодования и протеста со стороны пангерманцев. Русский посол в Берлине сообщал в Министерство иностранных дел: «Почти вся печать, не находящаяся под влиянием правительства, и в особенности пангерманистские органы, видит в нем полное поражение Германии и капитуляцию перед Францией. Открыто высказывается мнение, что нет нужды в образцовой армии и сильном флоте, если в нужный момент не пользоваться своей силой, отступить перед более слабым противником»⁵⁴⁾. Пангерманцы особенно негодовали потому, что вместо ожидаемого юго-западного Марокко Германия должна была довольствоваться несколькими «клочками болот» в тропической Африке⁵⁵⁾. Обсуждение франко-германского соглашения происходило «при закрытых дверях» в бюджетной комиссии рейхстага⁵⁶⁾. Лишь через несколько дней после этого обсуждения официальное телеграфное агентство Вольфа опубликовало текст протокола первого заседания, где Кидерлен-Вехтер произнес пространную речь. В этой речи статс-секретарь ведомства иностранных дел оправдывал посылку немецкого крейсера в Агадир. Он изложил также суть переговоров с Францией и Англией. Это сообщение вызвало новые антианглийские выступления в германской буржуазной прессе. «Печать почти всех направлений на следующий же день обрушилась на Англию резкими статьями», — сообщал Остен-Сакен⁵⁷⁾. Именно это и надо было германскому правительству. Оно проводило курс на усиление гонки вооружений как морских, так и сухопутных. А это означало, что на трудящиеся слои населения Германии лягут новые налоговые тяготы. Рабочий класс Германии, выступавший против войны и гонки вооружений, ставил германское правительство в трудное положение, из которого оно стремилось выйти любыми путями, в том числе и путем усиления милитаристской и шовинистической пропаганды. Остен-Сакен писал, что в результате офици-

⁵¹⁾ Там же.

⁵²⁾ Там же, стр. 152.

⁵³⁾ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 39, стр. 668.

⁵⁴⁾ АВПР, Канцелярия, 1911 г., д. 18, л. 219, Остен-Сакен Нератову 9 ноября (27 октября) 1911 г.

⁵⁵⁾ A. Schreiner. Op. cit., S. 247.

⁵⁶⁾ М. О. Серия II, т. XVIII, ч. 1, стр. 84, Остен-Сакен Нератову 24 (11) ноября 1911 г.

⁵⁷⁾ АВПР, Канцелярия, 1911 г., д. 18, л. 245—246, Остен-Сакен Нератову 24 (11) ноября 1911 г.

озных сообщений газет пангерманских кругов «впечатление сводится к тому, что Германия находилась минувшим летом на волосок от военного столкновения с Англией»⁵⁸). Эта же мысль лежала в основе выступления Кидерлена-Вехтера в рейхстаге. Из подобных заявлений милитаристы делали вывод о том, что у Германии нет иного выхода, кроме дальнейшей гонки вооружений.

Непосредственным итогом марокканского кризиса 1911 г. явилось дальнейшее усиление гонки вооружений во всех странах, и особенно в Германии. Военный бюджет Германии на 1912 г. был резко увеличен. Расходы на армию были установлены в 770,4 млн. марок, а на флот — в 457,2 млн. марок, что вместе составляло приблизительно 43,5% всего бюджета. Нужно иметь в виду, что, кроме официально утвержденного бюджета на военные цели, тратились средства, отпущенные на чрезвычайные расходы⁵⁹).

Милитаристская пропаганда Пангерманского союза в период марокканского кризиса 1911 г. оказывала значительное влияние на развитие событий, на то или другое конкретное решение германского правительства. Марокканский кризис привел к дальнейшему росту англо-германского антагонизма, ускорил гонку вооружений во всех империалистических государствах и усилил угрозу возникновения мировой войны.

⁵⁸) АВПР, Канцелярия, 1911 г., д. 18, л. 245—246, Остен-Сакен Нератову 24 (11) ноября 1911 г.

⁵⁹) АВПР, Канцелярия, 1911 г., д. 18, л. 283, Остен-Сакен Сазонову 5 января 1912 г. (23 декабря 1911 г.)

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НОВОГО СБОРНИКА ВОСПОМИНАНИЙ ОБ ЭРНСТЕ ТЕЛЬМАНЕ

И. Я. БИСК

За последние годы круг материалов по истории германского рабочего движения значительно расширился. Больше стало также источников, освещающих жизнь и борьбу руководителя Коммунистической партии Германии, великого сына немецкого народа Эрнста Тельмана¹). Среди последних немало было и воспоминаний, но, за редкими исключениями, они публиковались только небольшими отрывками в периодических изданиях, малодоступны для читателя и исследователя и не дают полного представления о вожде германского рабочего класса²). Сборник «Бессмертный сын Германии. Воспоминания об Эрнсте Тельмане. Берлин, 1961»³) должен восполнить этот пробел.

Сборник подготовлен Институтом марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ, авторами его являются около 70 мемуаристов, деятелей германского рабочего движения. Открывают сборник предисловия В. Пика и В. Ульбрихта — по сути дела тоже мемуары. Почти все авторы воспоминаний — бывшие соратники и ученики Тельмана: участники легендарного гамбургского восстания и других классовых битв эпохи Веймарской республики, рядовые рабочие-коммунисты и работники аппарата КПГ, либо германского комсомола, Макс Рейман и Роза Тельман, поэт Эрих Вайнерт и стенографистка ЦК КПГ в веймарское время Герта Греф, вдовы расстрелянных гитлеровцами функционеров КПГ, занявших место своих мужей в строю, узники гитлеровских тюрем и концлагерей, а ныне — строители и руководители первого в истории немецкого рабоче-крестьянского государства, ветераны партии. Широкий и разнообразный состав мемуаристов обеспечивает всестороннее

1) E. Thälmann. Reden und Aufsätze zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. Berlin, 1955. (Пер.: Э. Тельман. Избранные статьи и речи. К истории германского рабочего движения. Т. I, М. 1957. Т. 2, М. 1958); E. Thälmann. Bilder und Dokumente aus seinem Leben. Berlin, 1955; I. Vester—Thälmann. Ernst Thälmann. Erinnerungen an meinem Vater. Berlin, 1955. (Пер.: И. Вестер—Тельман. Эрнст Тельман. Воспоминания о моем отце. Л. 1957) и др. Библиографию основной литературы см: Ernst Thälmann—Kämpfer für Frieden und Freiheit. Auswahlverzeichnis von Schriften über E. Thälmann. 2. erweiterte Auflage. Berlin, 1956 (1. Auflage—1955).

2) Например, Deutschlands unsterblicher Sohn. Begegnung mit Ernst Thälmann. — „Junge Welt“ v. 18. 8. 1955; G. Fuchs. Ein Mitkämpfer Ernst Thälmanns erzählt jungen Pionieren. — „Neues Deutschland“ v. 27. 9. 1953; F. Keilhaus. Erinnerungen an Begegnungen mit Ernst Thälmann. — „Neues Deutschland“ v. 19. 8. 1953.

3) Deutschlands unsterblicher Sohn. Erinnerungen an Ernst Thälmann, Berlin, 1961. 476 S.

освещение личности Тельмана и его роли в германском и международном рабочем движении.

Напечатанные в сборнике воспоминания создавались в разные годы. Некоторые в свое время были опубликованы, другие написаны специально для данного издания через 15 и более лет после встреч мемуаристов с Тельманом. Однако все мемуарные материалы сборника тщательно выверены, и неточности, связанные с несовершенством памяти любого мемуариста, почти не встречаются.

Архитектоника сборника своеобразна. В основе ее лежит хронологический принцип, который удачно сочетается с тематическим. За воспоминаниями о гамбургском периоде следуют разделы, в которых характеризуются разные стороны деятельности Тельмана (Тельман и молодежь, Тельман и женское движение, Тельман и крестьянство и т. д.). Большое место как по объему, так и по значению, занимает раздел «Кто избирает Гитлера — избирает войну», в котором внимание сосредоточено на борьбе КПГ против фашистской опасности в конце двадцатых — начале тридцатых годов. Последний раздел — воспоминания о почти двенадцатилетнем периоде борьбы Эрнста Тельмана с фашизмом в тюрьмах и лагерях вплоть до его убийства в Бухенвальде в ночь на 18 августа 1944 г.

Благодаря продуманной структуре сборника образ Э. Тельмана предстает перед читателем в становлении. «Не сразу стал Эрнст Тельман руководителем большого масштаба, — пишет Карл Батке. — Теорию марксизма-ленинизма он усваивал с железным усердием как тяжело работающий человек. Его познания и все, сделанное им, являлись продуктом интенсивной, упорной работы» (с. 128). Интересен рассказ Фридриха Дегмана о том, как Тельман, работая на гамбургской верфи, изучал произведения основоположников марксизма вдвоем с другим рабочим-портовиком: с детства привыкший к тяжелому труду, Тельман делал всю физическую работу за двоих и одновременно слушал товарища, читавшего произведения Маркса и Энгельса, после чего оба обсуждали прочитанное (с. 50). Мемуаристы показывают, что теория никогда не являлась для Эрнста Тельмана самоцелью: он изучал ее для применения к практической борьбе рабочего класса.

Авторы сборника сравнительно часто обращаются к важной вехе на боевом пути Тельмана — октябрьскому вооруженному восстанию 1923 г. в Гамбурге. Хотя в марксистской литературе гамбургскому восстанию посвящено немало страниц, опубликованные в сборнике воспоминания Густава Гунделаха, Луизы Дюннингхауз, Марты Берг-Андрэ, Фрица Зельмана, Рихарда Гиптнера, Ганса Мале, Фрица Апельта и др. характеризуют ряд новых моментов из его истории.

В сборнике приведены малоизвестные детали о внутрипартийной борьбе в КПГ в середине двадцатых годов, о I Конференции КПГ и о приходе к руководству партии — после «Открытого письма ИККИ» всем организациям и членам КПГ и после I Конференции КПГ — Эрнста Тельмана (с. 79, 101—103, 124, 131—133, 137, 215—217 и др.)⁴⁾.

⁴⁾ В написанной хорошим литературным языком брошюре В. Д. Кульбакина «Эрнст Тельман. М. 1961, время обращения ИККИ с «Открытым письмом» ошибочно датируется концом октября 1925 г. (с. 34). В действительности «Открытое письмо» написано в августе 1925 г., опубликовано в ИО КПГ 1 сентября 1925 г. (сб.: «Коммунисти-

Характеризуя Э. Тельмана как лидера партии и рабочего деятеля нового типа, большевистский стиль его руководства, мемуаристы подчеркивают теснейшую связь Тельмана с народом, плотью от плоти которого он являлся. Как бы суммируя ряд фактов, приведенных в этой связи авторами сборника, Герберт Варнке пишет: «Он не только был выходцем из рабочего класса, он в течение всей своей жизни оставался рабочим» (с. 211). «Тельман всегда оставался «Эрнст» и «наш Тедди»,— вспоминает Альфред Вернер (с. 132). «Рабочие его любили, потому что они его понимали»,— подчеркивает В. Кёнен (с. 300). Разумеется, эти сведения в принципе не новы для читателя, но авторы сборника, приводя новые штрихи, дают возможность понять образ Тельмана ярче и глубже.

Другой характерной чертой Эрнста Тельмана была огромная любовь к Советскому Союзу — стране его осуществленных идеалов. И эта особенность Тельмана известна нам, но мемуаристы Р. Тельман, А. Свиталла, К. Яннак и др. раскрывают ее на дополнительных фактах.

Мемуаристы показывают, как Тельман воспитывал кадры партии. Он учил коммунистов действовать наступательно во всех возможных случаях, включая полемику,— пусть противник ищет контраргументы, говорил он (с. 53—54). На повседневных примерах Тельман учил партию не отрываться от масс, разъяснять им политику партии; мало того, скажем, что коммунисты помешали празднованию дня рождения эскайзера Вильгельма II, а объяснили ли населению, почему не надо праздновать,— спрашивает он своих соратников (с. 96, 376 и др.). Тельман учил применению разнообразных форм и методов деятельности, соответствующих аудитории и обстановке. Не следует, например, считал он, засушивать молодежь одними теоретическими проблемами, молодежь и на митингах имеет право на веселье — и, нарушая сложившийся до него порядок проведения молодежных митингов, Тельман перед началом одного из них открывает танцы (с. 137—138). Однако о роли Тельмана в воспитании молодежи — комсомольцев, пионеров — более подробные материалы, чем в сборнике, можно найти в мемуарах Ирмы Вестер-Тельман и в книге воспоминаний Эриха Виснера⁵⁾, являвшегося членом ЦК комсомола Веймарской республики.

Представляется интересным и содержащим свежие сведения раздел сборника о Тельмане как руководителе Союза красных фронтовиков. Раздел является важным источником по истории, структуре и формам деятельности этой боевой антифашистской и антивоенной организации германского рабочего класса. Особенно значительны в настоящем сборнике воспоминания Ганса Ендрецкого, который являлся руководителем Союза красных фронтовиков в Берлин-Бранденбурге и членом общегерманского руководства Союза (с. 249—254). Воспоминания убедительно опровергают различные измышления о Союзе как буржуазных, так и социал-демократических мемуаристов.

Немногочисленны воспоминания о Тельмане как депутате рейхстага. Тельман выступал в рейхстаге редко, используя его трибуну только по принципиальным вопросам (хотя, в отличие от многих буржуазных депутатов, обычно не пропускал заседаний). Однако в качестве депута-

ческий Интернационал в документах. 1919—1932. М. 1933», с. 545 и „Die Rote Fahne“ v. I. 9. 1925). В рецензируемом сборнике правильно указано, что ЦО КПГ опубликовал „Открытое письмо“ в сентябре 1925 г. (с. 101).

⁵⁾ E. Wiesner. Man nannte mich Ernst. Erlebnisse und Episoden aus der Geschichte der Arbeiterjugendbewegung. Berlin, 1956.

та рейхстага он имел возможность принимать делегации трудящихся, расследовать их жалобы и помогать им в их борьбе (с. 138—140).

**

Авторы сборника уделяют много внимания борьбе Тельмана за единый и народный фронт, особенно его борьбе за единство действий рабочего класса против фашизма.

Для Тельмана было характерно то, что он постоянно учил соратников видеть в едином фронте с социал-демократическими рабочими ключ к историческим решениям,— пишет Александр Абуш.— «Он сердился, если видел, что в печати и в повседневной агитации имело место пренебрежение к коренному вопросу — борьбе за единство (рабочего — И. Б.) класса» (с. 87). Сотрудничая с Г. Димитровым, под руководством которого в конце двадцатых — начале тридцатых годов в Берлине нелегально действовало Западно-европейское бюро Коминтерна, и обсуждая с Димитровым вопросы борьбы с фашизмом, Тельман подчеркивал необходимость единства действий коммунистов и социал-демократов (с. 178—179). «Мы должны разрушить стену между нами и социал-демократическими товарищами по классу»,— говорил Эрнст Тельман (с. 378).

Тельман выступал за союз рабочего класса с крестьянством Веймарской республики. Мемуаристы рассказывают о личном участии Тельмана в воскресных агитпоходах коммунистов в деревни⁶), о том, как он часами умел слушать крестьян, убеждая их в ходе бесед, что КПГ отстаивает интересы не только рабочих, но и крестьян и всех трудящихся (с. 140—143). Тельман с пониманием относился также к нуждам и чаяниям средних слоев (с. 115—116).

Известно, что «...Эрнст Тельман, как и все руководство коммунистической партии Германии, не до конца усвоил ленинскую тактику последовательной демократической борьбы»⁷). Анализируя недостатки в деятельности КПГ, Эрнст Тельман, по свидетельству мемуариста Франца Далема, был не только вполне самокритичен, но и понимал, что на ошибках КПГ будут впоследствии учиться коммунисты других стран. Когда один из гестаповских бандитов в 1936 г. (после создания правительства Народного фронта во Франции и Испании) сказал Тельману, что при совместных выступлениях на выборах в рейхстаг КПГ и СДПГ явились бы неодолимой силой, Э. Тельман ответил: «Достаточно было бы уже совместных действий на предприятиях. Но если это и не удалось, мы все же открыли глаза рабочим других стран и дали пример того, как не надо было поступать. Это вы видите лучше всего на примере Франции и Испании» (с. 419).

**

Значительный интерес представляют также воспоминания о двенадцатилетнем периоде героического отпора Тельмана фашизму в гитлеровских застенках.

В сборнике помещены материалы о последнем заседании ЦК КПГ с Тельманом 7 февраля 1933 г. Подготовка, организация и ход этого

⁶) Об этих агитпоходах см. также мемуары М. Гельц. Год борьбы в рядах комсомола гинденбургской республики. Пер. с нем. М. 1930.

⁷) В. Ульбрихт. Памяти Эрнста Тельмана. Речь, произнесенная 18 августа 1949 г.— В кн.: В. Бредель. Эрнст Тельман. Политическая биография. Пер. с нем. М. 1952, с. 15.

исторического заседания ЦК восстановлены дополняющими друг друга мемуаристами до мельчайших деталей (с. 122, 379, 385—386, 389, 395, 405—406 и др.).

Относительно новы сведения о налаживании партией связи с Тельманом во время его заключения. Организацию этой связи, в основном шедшей через Розу Тельман, возглавлял сначала В. Ульбрихт, а с лета 1938 г. — Франц Далем. Конспиративные встречи с Розой Тельман осуществлялись через «тщательно подобранных, обладавших политическим опытом и обученных курьеров Политбюро» ЦК КППГ (с. 410). В сборнике помещены воспоминания Франца Далема и одного из таких курьеров — Эльзы Дауб, — к сожалению, не очень подробные. Руководство КППГ заботилось о том, чтобы Тельман был информирован о важнейших решениях Коминтерна и КППГ о едином и народном фронтах, о Народных фронтах во Франции и Испании, о создании в парижской эмиграции движения немецкого народного фронта. Удалось передать Э. Тельману содержание письма В. Пика с мнением партии по поводу проведения процесса, который гитлеровцы собирались организовать над Тельманом, а также сообщить ему о широком движении за его освобождение во всем мире (с. 413—415). В центральных вопросах стратегии и тактики, рассказывают мемуаристы, существовало полное единство во взглядах между Тельманом и партией. Информация помогала также Тельману успешно вести борьбу с фашистскими тюремщиками. Известно, что первоначально назначенный гитлеровцами официальный защитник Тельмана — Фр. Реттер не пожелал стать их пособником в планировавшемся судебном убийстве Тельмана и бежал за границу. Роза Тельман рассказывает и о другом эпизоде, характеризующем силу убежденности Тельмана: член нацистской партии адвокат Людвиг, встречавшийся с Тельманом, сказал ему однажды, что если эти встречи будут продолжаться, то Тельман превратит его в коммуниста (с. 434). Разумеется, этот, как и ряд подобных фактов, могли стать известны лишь благодаря воспоминаниям.

Тельман предстает перед читателем как личность, которой ничто человеческое не чуждо. Будучи человеком большой души, он любил природу, в частности, природу своей родины — Германии, был скромен и не терпел пышности, предпочитал мотоцикл легковому автомобилю и койку в доме товарища номеру в роскошном отеле; был чуток и всегда готов прийти на помощь в беде — перевязать ли голову раненой девочке, помочь ли пожилому рабочему перевезти тачку с тяжелым грузом, набросить ли без слов свой пиджак на плечи мерзнувшей стенографистке. И вместе с тем Тельман не гнушался стакана вина в компании друзей, не любил выступать при помощи начинавших тогда входить в обиход микрофонов-громкоговорителей, увлекшись речью — мог иногда опоздать к началу следующего собрания.

**

Настоящий сборник включает не все имеющиеся мемуары о Тельмане. За редкими исключениями, в сборнике отсутствуют контрольно-справочные данные: не сообщаются сведения об источниках текста публикуемых воспоминаний и о предшествующих изданиях последних.

В отдельных случаях мемуаристы рассказывают о событиях, очевидцами которых они лично не были. Так, большая часть воспоминаний Л. Гроссе о пребывании и последних днях Э. Тельмана в Бауцене представляет пересказ изложенного ей охранником из Бауцена, т. е. сви-

детельство из вторых рук. Разумеется, охранник был изрядно напуган нашедшей его после долгих поисков Л. Гроссэ, и рассказал не все, что знал. Тем не менее его по сути дела неконтролируемые показания представляются достоверными, а публикация мемуаров Л. Гроссэ в настоящее время — полезной для историка.

Нам кажется, что Герман Дюннов не всегда с достаточной четкостью характеризует отношение КППГ к веймарской буржуазной демократии в начале тридцатых годов, сводя вопрос к актам индивидуального террора, против которого, как справедливо отмечает Дюннов, марксисты всегда выступали. И совершенно прав Дюннов, объясняя неправильные акции иных коммунистов Веймарской республики молодостью КППГ, которая должна была еще учиться марксизму-ленинизму и умелому его применению к конкретной обстановке (с. 322).

Наши знания об Эрнесте Тельмане пополнились благодаря опубликованию рассматриваемого сборника воспоминаний, но этим значение последнего не исчерпывается. В сборнике приведено много ярких, а подчас и новых страниц из истории рабочего движения Германии в новейшее время, особенно в период Веймарской республики. В некоторых мемуарах цитируются отрывки из важных документов, малоизвестных, а иногда и неизвестных историку, которые вводятся таким образом в научный оборот, либо характеризуется обстановка, создания и опубликования тех или других документов (например, Программы помощи крестьянству), что еще более повышает значение сборника как исторического источника.

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИКЕ ГЕРМАНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА В СТРАНАХ ВОСТОКА ПОСЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

И. Я. БИСК

В то время как агрессивная политика кайзеровской Германии в странах Востока с конца 19 в. по 1918 г. является предметом пристального внимания советских германистов и востоковедов, отношение германского империализма к этим странам после первой мировой войны вплоть до начала 30-х гг. — тема, почти совершенно не исследованная. В историографическом обзоре Б. М. Данцига, где суммируются достижения советской туркологии за сорок послеоктябрьских лет, отмечается, что деятельность иностранных монополий и колониальная политика отдельных западных держав в Турции недостаточно изучены¹). Это положение справедливо, в частности, в отношении политики германского империализма после первой мировой войны в Турции, но не только в Турции. Даже в специальных трудах, где колониальная политика Германии на Востоке, казалось бы, подлежала подробному рассмотрению, ей уделено в лучшем случае несколько строк²).

С одной стороны, такое неравномерное распределение внимания наших историков оправдано. Усиленная и очевидная экспансия вильгельмовской Германии в конце 19 — начале 20 вв. сменилась на Востоке после поражения немцев в первой мировой войне относительной пассивностью. Во внешней политике Веймарской республики решительно преобладали вопросы взаимоотношений с западными державами, в частности стремление ликвидировать репарационный гнет. Огромное значение имели для веймарской Германии отношения с нашей страной. Понятно, что все эти проблемы находятся в поле зрения советских историков, вопрос же о взаимоотношениях Германии со странами Востока они почти или вовсе опускают как действительно игравший в тот период второстепенную роль.

Однако, с другой стороны, при подобной постановке вопроса становится непонятным, как сумела гитлеровская Германия в течение нескольких лет, предшествовавших второй мировой войне, столь быстро в значительной мере восстановить позиции германского империализма в ряде стран Востока и занять, например, в 1938—1939 гг. первое место

¹) Б. М. Данциг. Изучение истории, экономики и географии Турции в СССР. «Турецкий сборник», М., 1958. (АН СССР, Институт востоковедения), стр. 31.

²) См., например, В. Б. Ушаков. Внешняя политика Германии в период Веймарской республики. М., 1958; А. Ф. Миллер. Новейшая история Турции. М., 1948; М. С. Иванов. Очерк истории Ирана. М., 1952.

во внешней торговле Ирана или превратить в годы второй мировой войны Турцию в своего невоюющего союзника.

Полагая вместе с тем, что пробелы в освещении трактуемой темы связаны и с неполнотой документальной базы, мы пытаемся в настоящих заметках выяснить роль опубликованных недавно в ФРГ воспоминаний о веймарском времени как источников по истории проникновения германского империализма в страны Востока после первой мировой войны.

Вопросы взаимоотношений веймарской Германии и стран Востока освещаются преимущественно в мемуарах Вернера фон Блюхера³⁾ и в воспоминаниях Рудольфа Надольного⁴⁾. Блюхер во время первой мировой войны участвовал в неудачных авантюрах вильгельмовских дипломатов-разведчиков на Среднем Востоке, в 1918—1931 гг. был сотрудником (в частности референтом по Персии) в аппарате МИД'а, на Вильгельмштрассе, в 1931—1935 гг. — посланником в Иране. Работа в восточном отделе МИД'а, куда «стекалась вся информация», дает Блюхеру возможность ретроспективного обзора политики Германии на Ближнем и Среднем Востоке после первой мировой войны, но главное внимание он уделяет германо-иранским отношениям. Рудольф Надольный, один из самых опытных дипломатов веймарской Германии, в 1924—1931 гг. являлся германским послом в кемалистской Турции. Воспоминания его интересны в первую очередь как источник по истории германо-турецких отношений в тот период.

Поражение Германии в первой мировой войне подорвало позиции Германии на Востоке; не только оккупационные и «союзные» войска Германии, но и вся гражданская вильгельмовская агентура должны были «очистить» Восток», с сожалением констатирует Блюхер. Еще хуже был, с его точки зрения, запрет въезда определенным немцам в будущем. Так, под давлением англичан персидское правительство составило список из 70 лиц, которым воспрещался въезд в Персию. Это были наиболее опытные немецкие агенты — «лучшие знатоки страны», по словам Блюхера, который квалифицирует составление списка как «тяжелый удар по немецким интересам». Германский империализм, будучи после первой мировой войны занят другими проблемами внешней политики, не собирался, однако, в принципе отказываться от «натиска на Восток», по словам Блюхера, «в МИД'е не были готовы просто уйти... со сцены»⁵⁾. МИД Веймарской республики использовал каждый удобный случай для борьбы за ликвидацию указанного списка, ибо к фигурировавшим в нем лицам «надлежало бы вернуться при возобновлении отношений».

Берлин после первой мировой войны «оставался местом, где разгравывалась определенная часть восточной политики»⁶⁾, но масштабы этой политики были радикально сужены. МИД старался, по возможности, поддерживать контакт со своей бывшей агентурой на Востоке. Во время первой мировой войны многие представители последней из стран — колоний Антанты на Востоке — находились в Берлине, «отсюда ткали нити политики и находили при этом поддержку своей деятельности со стороны правительства Германии». После первой мировой вой-

³⁾ W. Blücher, Deutschlands Weg nach Rapallo. Erinnerungen eines Mannes aus dem zweiten Gliede. Wiesbaden, 1951; W. Blücher. Zeitenwende in Iran. Erlebnisse und Beobachtungen. Biberach an der Riß, 1949.

⁴⁾ R. Nadolny. Mein Beitrag. Wiesbaden. 1955.

⁵⁾ W. Blücher. Zeitenwende in Iran. S. 139.

⁶⁾ W. Blücher. Zeitenwende in Iran. S. 135.

ны численность восточной агентуры Германии из числа «туземцев», находившейся в Берлине, возросла, как показывает Блюхер, «вследствие прибытия политиков, имевших основание (!) временно (!!) уехать из своей страны»⁷⁾. Блюхер рассказывает о составе и деятельности этих так называемых «восточных колоний Берлина»: турецкой, персидской, индийской. Блюхер уверяет, что младотурецкие лидеры были вместе с семьями вывезены в 1918 г. на немецком военном судне в Германию не из политических расчетов дальнего прицела, а из чувства якобы благодарности за дружественные услуги в прошлом⁸⁾. Между тем он же показывает, что МИД не терял этих эмигрантов из вида, причем самому Блюхеру было поручено поддерживать связь между ними и МИД'ом. Больше того, чтобы быть в курсе дел и планов эмигрантов, МИД подсылал к ним шпионов. Такую роль играл, например, газетный корреспондент Пауль Вейтц, который ночи напролет пил и играл с эмигрантами, а потом, негласно состоя на жалованье в МИД'е, сообщал об узанном⁹⁾.

Соблюдая преемственность внешней политики, господствующие классы веймарской Германии поддерживали бывших кайзеровских агентов на Востоке, которые еще могли пригодиться впоследствии. Так, когда бывший курьер немцев в Персии начал издавать в Веймарской республике газету на персидском языке, многие фирмы, включая фирму Круппа, стали снабжать ее весьма доходными объявлениями рекламного порядка, занимавшими целые страницы. В разное время находили приют в Веймарской республике младотурецкие триумвиры — Энвер, Талаат и Джемаль, и если Талаат был убит на улице Берлина армянским террористом, то в значительной мере потому, что не последовал совету МИД'а, рекомендовавшего виновнику гибели сотен тысяч турецких армян поселиться в более укромном месте¹⁰⁾. Брат Энвера, Нури-паша, также имевший основания опасаться мести, по просьбе бывшего морского атташе Германии в Турецкой империи Г. Гумана был пристроен на теплое местечко в Дрездене, где настоящую фамилию его знали лишь три лица, включая полицейского президента Дрездена¹¹⁾.

Стремясь восстановить торговые связи с Персией, предприимчивый гамбургский купец Браун предпринял (после заключения Рапалльского договора) попытку организации пароходных рейсов через Балтийско-Мариинскую систему — Волгу — Каспий к персидскому порту Энзели. МИД предпринял меры к оживлению деятельности Немецко-персидского общества, во главе которого стояли небезызвестные фон Гентиг и консул Литтен. Общество развило бурную деятельность, наладило выпуск газеты, организовало доклады и т. п. Важен рассказ Блюхера о концессии, предоставленной немецкой авиакомпания Юнкерс в Иране в 1927—1932 гг.¹²⁾. На протяжении пяти лет самолеты фирмы осу-

⁷⁾ Ibid., S. 136.

⁸⁾ W. Blücher. Deutschlands Weg nach Rapallo. S. 130, 137.

⁹⁾ Там же, см. главу „Das turkestanische Abenteuer“.

¹⁰⁾ Во время похорон Талаата, на которых присутствовали члены „восточных колоний Берлина“ (речи произнесены были на 12 восточных языках), имел место любопытный антианглийский инцидент. Повинен был в нем некий „не в меру услужливый перс“, по старой памяти, но не во время, закончивший свою речь возгласом „Долой Англию!“ Инцидент, по поводу которого английский посол Д'Абернон нанес специальный визит на Вильгельмштрассе, удалось замять (W. Blücher. Deutschlands Weg nach Rapallo. S. 136; W. Blücher. Zeitenwende in Iran. S. 143).

¹¹⁾ Fr. Brehmer. Zwischen Gestern und Heute. Ein glückliches Leben in bewegter Zeit. Hattlingen, 1954. S. 348—351.

¹²⁾ W. v. Blücher. Zeitenwende in Iran. S. 229—230.

шествовали полеты по линиям Тегеран — Багдад и Тегеран — Пехлеви. Блюхер отмечает, что «немецкое воздушное сообщение в Персии» было предметом особых забот («Sorgenkind») Германии. Это понятно: в условиях иранского бездорожья авиационный транспорт должен был сыграть особо важную роль в проникновении германского империализма на Восток. Несмотря на все усилия германской дипломатии, продлить концессию в 1932 г. не удалось.

В течение первых шести лет существования Веймарской республики между Турцией и Германией не было дипломатических отношений, а въезд немцам в Турцию был запрещен. Веймарскую республику в Турции представлял до 1924 г. шведский посланник. Надольный, прибывший в Турцию в 1924 г., был первым дипломатическим представителем Германии в Турции после первой мировой войны. Вместе с Надольным получили право въезда в Турцию и другие немцы. Отношение населения к немцам, втянувшим в 1914 г. Османскую империю в гибельную войну, было враждебным, однако, как это вытекает из рассказа Надольного, Веймарская республика начала с 1924 г. быстрыми темпами восстанавливать в Турции позиции германского империализма, подорванные неудачной для него первой мировой войной.

Судя по изложению Надольного, немецкие дипломаты в Турции действовали умело, подлаживаясь под новую обстановку, сложившуюся в Турции в результате кемалистской революции. Например, немецкая миссия сразу обосновалась, к удовлетворению кемалистов, в их новой столице — Анкаре, несмотря на малярию, болотистую местность и другие неудобства, в то время как дипломатические представительства почти всех остальных держав долгое время продолжали оставаться в Стамбуле, ожидая, пока Анкара застроится и приобретет европейский вид¹³⁾.

Надольный рассказывает о подписании между Германией и Турцией пяти договоров, включая торговый договор, заключенный на началах наибольшего благоприятствования, о быстром проникновении германского капитала в Турцию, о предоставлении немецкими банками первого послевоенного займа Турции в 120 млн. марок, о концессиях на строительство железных дорог, в частности линии Кутайя — Балкессир, по которой должна была перевозиться турецкая хромовая руда (та самая дефицитная и необходимая в военном производстве хромовая руда, которой Турция обильно снабжала гитлеровскую Германию во время второй мировой войны) и т. п.¹⁴⁾. Надольный стремится убедить читателя, будто никаких политических целей деятельность немцев в Турции в то время не имела, а своими экономическими мероприятиями они хотели якобы только помочь кемалистам в их реформаторской деятельности. Отрицая наличие политических интересов германского империализма в Турции¹⁵⁾, Надольный, однако, опровергает себя, рассказывая о проникновении немцев в различные области администрации

¹³⁾ R. Nadolny. Mein Beitrag. S. 96 ff.

¹⁴⁾ Ibid., S. 105—108.

¹⁵⁾ Ошибочное представление о политической индифферентности германского капитала и недооценка агрессивных планов и возможностей германского империализма в Турции была в 20-х годах распространенным явлением. В этой связи любопытно высказывание Г. Астахова, в 1922—1923 гг. находившегося в Турции, который в своих записях мемуарного толка писал: «...Германии нечего терять от антикапитуляционных мер Анкары, приобрести же германские капиталисты рассчитывают очень многое, поскольку германский капитал представляется туркам наиболее приемлемым, как политически безопасный» (Г. Астахов. От султаната к демократической Турции. Очерки из истории кемализма. М.—Л., 1926, стр. 115).

и культуры Турции. В Стамбульском университете и в других высших учебных заведениях Турции вновь появилась немецкая профессура, в Санитарном управлении работали немецкие врачи, и немецкие офицеры стали преподавать в турецких военных школах и т. д.¹⁶⁾.

Некоторые сведения о студентах чанкайшистского Китая в вузах Веймарской республики и об эмигрантах из стран Востока в Германии, о Немецко-японском обществе и его деятельности приводит в своих мемуарах Фр. Хильшер, теолог и юрист по образованию, «свободолюбивый» правый по мировоззрению¹⁷⁾.

Из вышесказанного вытекает, что немецкие мемуаристы излагают в своих воспоминаниях о Веймарской республике интересные факты, освещающие политику германского империализма после первой мировой войны в Турции и Иране. Приведенные авторами воспоминаний материалы свидетельствуют о том, что разгромленный в первой мировой войне германский империализм отнюдь не отказался от агрессивных планов, а стремился к восстановлению своих позиций в странах Востока и в изменившихся условиях готовил почву для очередного «дранга нах Остен».

¹⁶⁾ R. N a d o l n y. Mein Beitrag. S. 104---105.

¹⁷⁾ Fr. H i e l s c h e r. Fünfzig Jahre unter Deutschen. Hamburg, 1954, S. 124 ff., 198.

**ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА
В СИБИРИ в 1920—1925 гг. (РАЗВИТИЕ КИНО И ТЕАТРА)**

Л. И. БОЖЕНКО

К числу значительных завоеваний культурной революции в нашей стране относится развитие массовых видов искусства — кино, театра, изобразительного искусства, художественной самодеятельности, которые на всех этапах истории нашей страны использовались в культурно-просветительной и политико-воспитательной работе среди широких масс трудящихся. Громадное значение искусства подчеркивает Программа Коммунистической партии Советского Союза. «Советская литература и искусство, проникнутые оптимизмом и жизнеутверждающими коммунистическими идеями, играют большую идейно-воспитательную роль, развивают в советском человеке качества строителя нового мира. Они призваны служить источником радости и вдохновения для миллионов людей, выражать их волю, чувства и мысли, служить средством их идейного обогащения и нравственного воспитания»¹⁾. Высоко ценил искусство как могучее средство идейного воспитания народа В. И. Ленин.

Коммунистическая партия не раз указывала в своих решениях на большую роль в борьбе за повышение культурного уровня широких масс трудящихся советского кино. В. И. Ленин называл кино «самым важнейшим из искусств»²⁾.

Владимир Ильич, вспоминая Нарком просвещения А. В. Луначарский, определенно заявил мне, что я сделал достоянием широчайшей гласности: «Из всех отраслей Вашего художественного дела самое важное — кинематография, ею нужно заняться в самую первую очередь»³⁾. Говоря о больших возможностях кино в культурно-просветительной работе, В. И. Ленин рекомендовал, в частности, установить комбинированный характер киносеансов, так, чтобы наряду с художественными фильмами обязательно ставились научные, видовые, этнографическое и пр.⁴⁾. Большое значение В. И. Ленин придавал антирелигиозной пропаганде через кино.

В условиях хозяйственной и культурной отсталости Сибири культурно-просветительная роль кино, по сравнению с другими областями страны, приобрела после восстановления в Сибири Советской власти

¹⁾ Программа и устав КПСС, М., 1962, стр. 220.

²⁾ Ленин о культуре и искусстве, М., 1956, стр. 529.

³⁾ Центральный партийный архив института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), ф. 142, оп. 1, д. 127, лл. 27, 28.

⁴⁾ Советское кино на подъеме, М., 1926, стр. 37.

еще большее значение. Понимая это, партийные и советские органы сразу же после утверждения Советской власти в Сибири принимают меры для развития кино. С этой целью при подотделах внешкольного образования были организованы «губернские секции фотокино», которые национализировали все кинотеатральные предприятия и склады частных кинофирм. Несмотря на то, что организация работы кино в этот период была еще далеко несовершенной, широко развитая политико-просветительная работа вокруг кино сыграла большую политико-воспитательную роль в деле мобилизации трудящихся Сибири вокруг текущих задач советского строительства⁵).

Начало работы по развертыванию сети киноустановок по городам Сибири привело к необходимости создания единого организующего центра. В соответствии с декретом Наркомпроса и постановлением ВЦИК от 1 июня 1920 г. Сибревком постановил выделить фотокиносекцию Сибнаробраза и подотдел искусств в самостоятельный «Сибирский фотокиноотдел Сибполитпросвета», предоставив ему в пределах Сибири права и полномочия фотокиноотдела Наркомпроса⁶). С организацией централизованного органа — Сибфотокиноотдела значительно увеличился прокат кинофильмов в сибирских губерниях.

Одной из интересных форм использования кино в культурно-просветительной работе были киномитинги. Особенно широко они применялись в практике работы агитационно-инструкторских поездов и пароходов. Например, в конце 1920 г. работниками агитпарохода «Красная Сибирь», посланного Сиббюро ЦК РКП(б) и Сибревкомом для проведения культурно-просветительной работы среди населения в бассейне рек Обь и Енисей, было проведено за 55 дней 138 киномитингов.

Для киномитингов отбирались агитационные по характеру фильмы, такие, как «На мужицкой земле», «Народ — сам кузнец своего счастья», «Все в наших руках» и др.

«Результаты работы,— сообщал в Сиббюро ЦК РКП(б) политком «Красной Сибири»,— бывали колоссальны. Во многих местах крестьяне искренне благодарили высшие партийные и административные органы за «Красную Сибирь». Объяснение устройства кино... объяснение кинолент буквально перерождали деревню⁷»).

Говоря о работе киногрупп, агитпоездов и агитпароходов, необходимо подчеркнуть, что особенно важным в их работе была организация массовых бесплатных киносеансов для населения городов и сел.

Задачи восстановления всего народного хозяйства в годы перехода к новой экономической политике потребовали перестройки работы киноучреждений, улучшения постановки кинематографического дела, расширения сети киноустановок и улучшения снабжения.

«Речь идет,— говорилось в письме заведующего киноотделом Наркомпроса П. Воеводина В. И. Ленину,— о создании у нас кинопромышленности, как самого могущественного из средств реализации в самых глухих уголках Республики всех наших идеологических и практических мероприятий в строительстве пролетарского государства⁸»).

⁵) Сибирская советская энциклопедия, т. II, ОГИЗ, 1931, стр. 659.

⁶) Центральный государственный архив литературы и искусства (ЦГАЛИ), ф. 989, оп. 3, д. 57, л. 9.

⁷) См. В. Л. Соскин. Деятельность агитпоездов и агитпароходов в Сибири в первые годы мирного строительства (1919—1921 гг.). Труды Новосибирского пединститута, вып. 1, 1961, стр. 32—41.

⁸) Цит. по журн. «Искусство кино», 1959, № 8, стр. 9.

В этом письме перечисляются темы картин, которые говорят о неразрывной связи советского кино с решением самых разнообразных хозяйственных и культурных задач, поставленных перед народом: электрификация России, различные ударные кампании, общая производственная пропаганда, ликвидация неграмотности, популяризация научных достижений и т. д.

Мероприятия по перестройке кинодела в Сибири нашли свое выражение в преобразовании в 1922 г. Сибфотокиноотдела в «Сибирский областной фотокинокомбинат», а затем, после организации в связи с декретом СНК от 19 декабря 1922 года киноорганизации Республики — Госкино, Сибирский фотокинокомбинат по специальному соглашению Сибревкома с Наркомпросом вливается в Госкино на правах его Сибирского отделения.

Несмотря на то, что эта реорганизация несколько улучшила организацию кинопроката, она не привела к коренному улучшению дела кинематографии в Сибири. Культурно-просветительная роль кино в первые годы нэпа была еще невелика. Кино не охватило еще широкие массы трудящихся. Главной причиной этого было отсутствие достаточных средств на приобретение необходимых художественных и научно-популярных фильмов, на постановку собственного кинопроизводства.

Ссылаясь на «фильмовый голод» в Сибири, Сибгоскино установило тесные связи с частными владельцами фильмов и даже сумело провести под их влиянием незаконное постановление о предоставлении Сибирскому отделению монопольного права на прокат кинофильмов в Сибири⁹⁾, что в корне противоречило декрету Совнаркома от 19 декабря 1922 г. о монопольном праве на прокат по всей республике Госкино¹⁰⁾.

3 октября 1923 года президиум ВЦИК отменил это постановление Сибревкома, но за то время, пока оно было в силе, кинематография Сибири оказалась под сильным воздействием дельцов и спекулянтов — частных собственников «ультрасовременных» заграничных фильмов, совместный прокат с которыми обходился слишком дорого. На экранах кинотеатров Сибири, как впрочем и по всей стране, преобладали или оставшиеся в наследство от дореволюционной кинематографии бульварно-детективные фильмы или боевики американского происхождения: «Клуб привидений», «Паразиты», «Сонька, золотая ручка», «Женщина-сатана», «Страсть дикаря», «Кабачок смерти» и т. п.

Пользуясь отсутствием оперативности Сибгоскино, частные владельцы кинофильмов привозили в Сибирь запрещенные для показа фильмы и продавали их здесь по повышенным ценам, или на выгодных для себя условиях организовывали их прокат. Так, в конце 1922 г. частный владелец, некто Поляков, привез в Сибирь запрещенный в Свердловске кинофильм «Гибель наций» и здесь организовал его прокат¹¹⁾. И таких фактов, которые говорили об обострении классовой борьбы и упорном сопротивлении нэпманов мероприятиям партии и правительства было много.

Улучшение кинематографического дела в Сибири наступило после XII съезда партии, который в своих решениях подчеркнул огромное воспитательное значение кино как средства коммунистической пропаганды. Съезд в резолюции об агитационно-пропагандистской работе отме-

⁹⁾ Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (ЦГАОР), ф. 2313, оп. 6, д. 304, лл. 39, 65.

¹⁰⁾ ЦГАЛИ, ф. 989, оп. 8, д. 53, л. 24.

¹¹⁾ А. Г а к. К истории создания Совкино. В кн. «Из истории создания кино. Материалы и документы», вып. 5, 1952, стр. 134.

тил, что партии в настоящий момент еще не удалось подойти вплотную к надлежащему использованию кино и овладеть им¹²). Коренными причинами этого были: слабая организация работы, недостаточная материальная база и серьезные недостатки в идеологическом руководстве кино.

Указав на необходимость строгого идейного руководства и контроля со стороны государства и партии, съезд определил пути перестройки кино, его дальнейшего развития. Съезд наметил также ряд организационных и хозяйственно-финансовых мероприятий, проведение которых сыграло большую роль в улучшении положения в области кинематографии на местах, положив начало реорганизации кинодела во всех районах Республики.

Одной из главных задач по организации кинодела в Сибири было создание постоянных кинотеатров для местного населения. При отсутствии достаточных материальных средств, подходящих помещений, оборудования, киноаппаратуры и кадров киномехаников, выполнение этой задачи представляло в те годы значительную трудность, однако работа эта началась.

В губернских центрах и некоторых городах Сибири начинают открываться новые постоянные кинотеатры, кроме того, постоянные киноустановки приобретаются многими рабочими клубами. В Кузбассе, например, все районы имели свои киноустановки, снабжение которых шло через Сибгоскино. Рабочие сразу же по достоинству оценили культурную роль кино. «Много приносит кино пользы,— писали они 12 июня 1924 г. в газету «Красное знамя» по поводу открытия нового кинотеатра,— в воспитательном отношении для нашего рабочего района». Рабочий зритель буквально с восторгом принимал такие фильмы, которые в определенной мере отвечали идейным запросам советского зрителя: картины, рассказывающие о новом быте, о жизни рабочего класса за рубежом, о событиях в Поволжье, о судебном процессе над патриархом Тихоном, о достижениях науки и техники и др.

Однако в целом положение дела в кинематографии продолжало оставаться неудовлетворительным. Кино прочно не вошло в сеть политико-просветительных учреждений, призванных вести коммунистическое просвещение масс. Сибирское отделение Госкино не было еще руководящим и направляющим органом в развитии кинематографии Сибири. Как показали итоги обследования Сибирского отделения работниками аппарата Госкино, Сибгоскино зачастую не могло даже контролировать работу своих аппаратов на местах, плохо представляло, где и как идет работа, слабо заботилось об улучшении репертуара кинотеатров Сибири¹³).

Программным документом советского киноискусства явились решения XIII съезда РКП(б), который в резолюции «Об агитпропработе» заявил о том, что кино должно явиться в руках партии «могущественным средством коммунистического просвещения и агитации»¹⁴).

Решения XIII съезда партии положили начало оживлению и качественному улучшению кинематографии в Сибири.

Местные партийные и советские органы стали обращать на кинематографию более серьезное внимание. Сиббюро ЦК РКП(б) и Сибполитпросвет разработали целый ряд мероприятий, направленных на более

¹²) КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. I, изд. 7-е, Госполитиздат, 1954, стр. 741.

¹³) ЦГАЛИ, ф. 989, оп. 8, л. 24, л. 26.

¹⁴) КПСС в резолюциях и решениях, ч. II, 1954, стр. 74.

широкое использование в Сибири кино, как одного из могучих средств коммунистического просвещения и агитации. Кинематографии стало оказываться материальное содействие, большое внимание было уделено подготовке кадров кинорботников и обеспечению идеологического контроля и руководства в области кино.

В целях улучшения кинематографии были найдены новые, более совершенные организационные формы. Все частные фирмы были ликвидированы. Все кинодело в Сибири стало возглавлять Сибирское агентство Урало-Сибирского отделения новой, единой для всей Республики, киноорганизации — Совкино. Большое значение в развертывании культурно-просветительной работы вокруг кино имела организация при Сибкино культобъединений, которые проделали значительную работу не только по организации проката в первую очередь в деревнях и селах, но и по улучшению просветительной работы в кинотеатрах.

Сибирское киноагентство стало направлять все свои усилия на организацию более широкого использования кино в научной и учебной, культурно-просветительной и агитационно-пропагандистской работе среди населения Сибири.

Претворение в жизнь решений партии вскоре дало свои положительные результаты. На экраны кинотеатров Сибири все больше начинали поступать советские кинофильмы, необходимые прежде всего для социалистического воспитания масс, такие, как «Красные дьяволята», «Его призыв», «Стачка», «Дворец и крепость», «Крест и мавзер» и др. Как и в центральных областях страны, любимым фильмом сибирского зрителя был «Чудотворец», основным достоинством которого была заключенная в нем антирелигиозная идея, которую фильм преподносит тонко и умно, не оскорбляя чувства верующих. С помощью подобных кинокартин зрителю преподносилось легко воспринимаемый политико-агитационный воспитательный материал.

Рабочие районы и красноармейские клубы Сибири начинают шире снабжаться агитационными и научными фильмами. Такие научно-популярные кинофильмы или, как их тогда называли, «культкино», как «О теории относительности Эйнштейна», «Борьба за жизнь», и «Правда жизни» (медицинский), «Аборт», «Скорбь бесконечная» (о голоде в Поволжье), «Из искры — пламя», «Красный тыл» (о жизни и борьбе пролетариата за рубежом) и многие другие пользовались огромным вниманием рабочих и красноармейских аудиторий. Демонстрация этих фильмов шла всегда при переполненных залах.

Во многих клубах Иркутской и Томской губерний показ кинохроник сопровождался соответствующими лекциями. Этому немало способствовало то, что научно-популярные фильмы посылались в Сибирь вместе с разработанными текстами лекций к ним для сопровождения кинофильма¹⁵⁾.

В декабре 1924 г. Сибкино закончило работу по созданию первого в Сибири кинофильма «Красный газ» («Товарищи из центра») по сценарию В. Зазубрина (режиссер И. Калабухов, оператор М. Налетный). Фильм «Красный газ» был поставлен по мотивам романа В. Зазубрина «Два мира». В фильме снимались не только известные в то время актеры театра (М. Горбатова, Е. Черепанов, С. Бартнев), но и сами непосредственные участники партизанского движения в Сибири. Съемки производились на местах боев партизанских отрядов с бандами Колчака.

Несмотря на ряд недостатков как по форме, так и по содержанию, первый сибирский фильм «Красный газ» нашел положительную оценку

¹⁵⁾ ЦГАЛН, ф. 989, оп. 8, д. 24, л. 113.

не только в сибирских, но и в центральных органах печати — «Правде», «Известиях», «Советское кино», «Советская Сибирь» и др.¹⁶⁾. «В этой киноленте,— писали «Известия»,— много наивного, примитивного искусства. Но ее искренность, правдивость и подлинный пафос... делают эту ленту нашей родной, без цены, в своем роде пока единственной».

Фильм «Красный газ», одобренный художественным советом в Москве, с успехом прошел через многие экраны сибирских сел и городов, вновь воскрешая перед зрителями страницы героической борьбы красных партизан против белогвардейцев и колчаковцев и эпизоды восстания в Кузбассе.

Особенный интерес у трудящихся Сибири вызывали и другие кинофильмы на сибирские темы, выпущенные центральными киноорганизациями: «Долина слез» (сценарий В. Туркина), «Избушка на Байкале» (сценарий В. Зазубрина), «Красные партизаны» (сценарий Б. Леонидова) и др.

Для того, чтобы охватить киносеансами самые широкие массы трудящихся, в губерниях организовывались кинопередвижки. Первые кинопередвижки в Сибири появились еще до восстановительного периода, но их было чрезвычайно мало. Необходимо заметить, что в условиях восстановительного периода расширение сети передвижных киноустановок особенно в Сибири с ее просторами и разбросанным населением, было единственным путем кинообслуживания трудящихся. Например, организованный агитпропом Омского губкома партии киновагон-передвижка сумел обслужить за свои поездки десятки тысяч рабочих и крестьян¹⁷⁾.

Партийные и советские органы Сибири обратили самое серьезное внимание на обслуживание кинофильмами деревни.

Большое внимание работе кинопередвижек в деревне уделял В. И. Ленин. Старейший киноработник В. Петров вспоминает о том, как Ленину возили показывать первый комплект кинопроектора, и он сказал, что «нужно как можно скорее начать массовое изготовление передвижек и показывать фильмы крестьянам»¹⁸⁾.

Учитывая, что местные бюджеты еще недостаточно окрепли, чтобы иметь собственную киноаппаратуру и специальное помещение, что деревня не электрифицирована, что сельские населенные пункты в Сибири разбросаны далеко друг от друга, губполитпросветы взяли курс именно на кинопередвижку, не отказываясь в то же время от организации постоянных киноустановок в крупных селах. Кинопередвижки имели очень большое значение как средство проведения культурно-просветительной работы среди населения самых отдаленных районов.

В 1925 г. в деревнях Сибири при активном содействии трудящихся масс крестьянства и низового партийного и советского аппарата работало 14 постоянных киноустановок и 32 кинопередвижки¹⁹⁾. Для подготовки кадров работников в губерниях были открыты краткосрочные курсы, состав которых был главным образом из рабочих.

Приезд кинопередвижки в село был, по впечатлениям очевидцев, настоящим праздником для населения. Влияние работы кинопередвижки на культурную жизнь было большим еще и потому, что некоторые пе-

¹⁶⁾ См. «Правда», № 283 от 13 декабря 1924 г.; «Известия», № 280 от 7 декабря 1924 г.; «Кинонеделя», 1924, № 40—41, 46, 47; «Советское кино», 1925, № 1; «Советская Сибирь», № 286 от 14 декабря 1924 г.

¹⁷⁾ Партийный архив Новосибирского обкома КПСС (ПАНУ), ф. 1, оп. 6, д. 211, л. 23.

¹⁸⁾ «Кинемеханик», 1957, № 6, стр. 15—16.

¹⁹⁾ Культурное строительство в сибирском крае. Новосибирск, 1928, стр. 82.

редвижки выезжали в сопровождении агитаторов, пропагандистов, агрономов (в зависимости от содержания фильмов), которые проводили лекции, беседы, объяснения содержания картин, организовывали обсуждение фильмов после их просмотра.

Трудной была работа киномеханика передвижки. Но ни недостаток транспортных средств, ни перебои со снабжением новыми кинофильмами, ни несовершенство кинопередвижек не могли остановить энтузиастов кино. Лозунг «кино — деревне» захватил многих киноработников города. В трудных сибирских условиях они продвигали «самое важное из искусств» в широкие массы крестьянства. Например, кинопередвижка Новониколаевского губполитпросвета только за один выезд побывала в 77 селениях Каинского уезда, дав свыше 80 киносеансов²⁰), кинопередвижка Омского губполитпросвета за 2 месяца 1925 г. работала в 48 населенных пунктах, обслужив около 20 тысяч человек²¹), а одна из кинопередвижек Алтайского губполитпросвета за август — октябрь 1925 г. побывала в 9 районах, обслужив около 8 тысяч жителей²²).

Кинопередвижки проникали даже в самые отдаленные районы края. С первым пароходом в самый дальний пункт Томской губернии — Нарымо-Сургутский край была отправлена первая кинопередвижка для северных районов. С кинопередвижкой был направлен переводчик для объяснения содержания фильмов жителям национальных районов.

Заинтересованность кинофильмами жителей, впервые увидевших «живые картинки», была настолько большая, что трудно было освободить помещение для очередных сеансов. Не обходилось и без курьезов. Остяки Васюгана, увидев движущиеся изображения, в суеверном страхе разбежались и стоило большого труда собрать их и разъяснить значение «чуда». По окончании сеанса они уже сами расспрашивали об устройстве киноаппарата. На следующие сеансы пришли женщины и дети.

Особенно горячо воспринимали зрители показ диафильма «Жизнь и деятельность Ильича», показ которого повторялся по несколько раз и каждый раз появление Ленина на экране встречалось шумными аплодисментами²³).

Решения XIII съезда положили начало сильному росту кинематографии в Сибири. Так, если за 1922—1924 гг. число киноустановок в Сибири почти не изменилось и составляло (вместе с театрами) в среднем 22—23, то сеть киноустановок после 1924 г. росла высокими темпами и главным образом за счет клубных киноустановок, о чем говорит таблица²⁴). (см. стр. 31).

Для привлечения общественности к делу кинематографии в Сибири в ряде городов возникали различные добровольные организации: «Общество помощи селькино» (Иркутская губерния), «Кружок революционной кинематографии» (Томская губерния) и др., которые явились также первыми кузницами кадров киномехаников для кинопередвижек²⁵). В 1925 г. все эти общественные организации влились

²⁰) ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. без №, д. 371/1, л. 129; ПАНО, ф. 10, оп. 1, д. 1059, л. 63.

²¹) Государственный архив Омской области (ГАОО), ф. 318, оп. 1, д. 1254, л. 24.

²²) «Красный Алтай», № 267 от 22 ноября 1925 г.

²³) Государственный архив Новосибирской области (ГАОО), ф. 275, оп. 1, д. 10, лл. 485—487.

²⁴) Цифры и факты к вопросу о культурном строительстве сибирского края. Новосибирск, 1928, стр. 48.

²⁵) ГАОО, ф. 61, оп. 2, д. 203, л. 10. Партийный архив Томского обкома КПСС (ПАТО), ф. 76, оп. 1, д. 1089, л. 96.

в губернские отделения «Общества друзей советской кинематографии» (ОДСК), созданного под председательством Ф. Э. Дзержинского и сыгравшего большую роль в привлечении к делу кинематографии пролетарской общественности.

Органами просвещения и воспитания трудящихся были и театры Сибири.

Киноустановки	На I X—1925 г.	На I X—1926 г.
Коммерческие	32	49
Клубные	18	106
Сельские	14	86

Придавая большое значение театру и заботясь о его развитии, партийные и советские органы сразу же после восстановления Советской власти поставили перед театром серьезнейшие политические задачи.

Одной из таких задач стала театральная агитация в период разверстки. Среди большой и разнообразной культурно-просветительной работы, развернутой в помощь борьбе за хлеб, большое место занимали спектакли театральных бригад. По губерниям Сибири за кампанию 1920—1921 гг. (на 1 февраля 1921 г.) было дано среди населения 555 спектаклей и концертов²⁶). Кроме того, театральные представления широко использовались в практике работы продагитотрядов. Так, например, с 15 сентября 1920 года по май 1921 г. продагитотряды провели только в Алтайской, Омской и Семипалатинской губерниях 1520 спектаклей²⁷).

В период перехода к восстановлению народного хозяйства Коммунистическая партия в этих новых условиях отводит театру значительную роль. В решениях XI, XII и XIII съездов партии и в ряде других документов был поставлен в практической форме вопрос об использовании театра, как мощного средства воздействия на общественное сознание, для систематической массовой пропаганды идей борьбы за коммунизм.

Для Сибири, отдаленной от культурных центров страны, серьезным вопросом была подготовка творческих работников советского театра. Их готовили «Первая сибирская государственная драматическая школа» в г. Иркутске, преобразованная в 1921 г. в высшее театральное учебное заведение, театры студийных постановок (студия Рошковского в Омске и студия А. Д. Попова в Томске); курсы теарботников.

Уже в эти годы принимались различные организационные меры для того, чтобы введение платности не могло лишить трудящихся возможности посещать театр. Театры предоставляли билеты рабочим организациям в кредит, продавали им билеты по сниженным ценам или вводили так называемую «рабочую полосу», на место которой снижалась цена²⁸). Некоторые театры, стремясь приблизить искусство к трудящемуся населению, организовывали передвижные труппы. Такая

²⁶) Очерки истории русского советского драматического театра, т. 1, 1917—1934, М., 1954, стр. 151.

²⁷) «Красный архив», 1938, № 4—5, стр. 107.

²⁸) «Советское искусство», 1925, № 3, стр. 88.

передвижная губернская труппа работала в Иркутской губернии. Она совершила ряд поездок по губернии, обслуживая бесплатными спектаклями (миниатюры революционного содержания, пьесы А. Н. Островского) рабочие районы и красноармейские части²⁹).

Одной из важных задач, поставленных перед местными театрами, были создание и постановка агитационно-политических спектаклей. В Сибири в ряде городов проводилась такая специфическая форма театрального представления как массовая инсценировка, в которой участвовали вместе с профессиональными актерами самодеятельные артисты.

Характерным образцом таких агитационных спектаклей было массовое аллегорическое представление «Борьба труда и капитала», происходившее в день празднования 1 мая 1921 г. в г. Иркутске на Большой Тихоновской площади на берегу Ангары.

Во время пантомимы, изображающей борьбу между рабочим и тираном-капиталом (его роль играл постановщик массового действия Н. П. Охлопков, ныне известный советский режиссер и актер, народный артист СССР), командиры и политработники V армии выступали перед собравшимися с речами, в которых содержание представления связывалось с текущими событиями гражданской войны.

После представления актеры объезжали центр города и рабочие районы на ярко оформленных грузовиках и на остановках читали стихи³⁰).

Это и подобные ему массовые театральные представления, несмотря на недостатки, объяснявшиеся новизной и трудностью их задач, сыграли видную роль в революционизировании первых советских театров Сибири.

Огромный интерес широкого зрителя вызвали постановки в Сибири первой советской революционной пьесы «Мистерия-Буфф» В. Маяковского, которые приурочивались, как правило, к годовщинам революционных праздников.

Одним из самых ранних в нашей стране воплощений «Мистерии-Буфф» был спектакль «Первого государственного театра» в г. Омске в день четвертой годовщины Октябрьской революции 7 ноября 1921 г.

Сознавая сложность и ответственность этого мероприятия, а также огромную политико-воспитательную роль первого революционного спектакля, Омский губполитпросвет проделал большую работу по пропаганде спектакля среди трудящихся через печать, провел специальный конкурс эскизов декораций к «Мистерии-Буфф», в котором приняли участие многие художники³¹).

Первое представление пьесы в помещении Иркутского городского театра 1 мая 1922 г. (режиссер Н. П. Охлопков) имело громадный успех. Зрительный зал раскололся на два лагеря: мещанско-буржуазная публика ожесточенно нападала на «Мистерию-Буфф», но основная часть зрителя приняла ее восторженно. «Они горячо аплодировали страстным стихам Маяковского. В антрактах в зале возникали горячие споры, слышались острые реплики»³²). Классовая борьба трудящихся,

²⁹) «Коммунист» (Орган Иркутского губкома РКП(б)), 1922, № 1, стр. 21.

³⁰) «Власть труда», № 121 от 5 мая 1921 г. В ст. А. Февральского «Театр на фронте гражданской войны» (Театральный альманах, кн. VIII, М., 1948, стр. 129) это событие ошибочно датировано автором 1 мая 1920 г.

³¹) ГАОО, ф. 318, оп. 1, д. 97, л. 150.

³²) П. Г. М а л я р е в с к и й. Очерк из истории театральной культуры Сибири. Иркутск, 1957, стр. 134.

показанная в пьесе, ненависть к старому, страстная, глубокая вера в будущее, в победу коммунизма,— все это заставило зрителей с живым волнением и интересом следить за действием.

С таким же успехом «Мистерия-Буфф» прошла в Томском городском театре, «Первом Красноярском советском театре» и в других театрах Сибири. Успех «Мистерии-Буфф» убедительно говорил работникам театра, чего ждут здесь от театра трудящиеся массы.

Воспитательное значение имели и постановки в театрах народных драм, таких, как «Рабочая слободка» Карпова, героико-романтической трагедии Шиллера «Разбойники», пьесы «Доктор Штокман» Ибсена, «Гибель Надежды» Гейерманса, драмы Р. Роллана «Взятие Бастилии», антирелигиозных пьес «Королевский брадобрей» А. Луначарского, «Дурные пастыри» Мирбо, «Черные вороны» Протопопова, «Жрец Тарквиний» Поливанова и других пьес из репертуара сибирских театров.

В 1922 г. Красноярский театр показал на своей сцене спектакль «По приказу кампании», поставленный по пьесе красноярца П. И. Голикова. Спектакль рассказывал о трагических событиях на Ленских золотых приисках в 1912 г., о расстреле царскими властями ленских рабочих, который всколыхнул всех трудящихся России. Спектакль пользовался у зрителя большим успехом и продержался в репертуаре театра два сезона.

В Омском театре к пятилетию Октября была поставлена пьеса местного автора «Великий канун», в которой показывались конкретные картины революционных событий 1917 г.

В некоторых драмтеатрах, чтобы подготовить зрителя к восприятию содержания пьесы, практиковались реферативные выступления перед спектаклем по содержанию пьесы, причем они иллюстрировались представлением всех действующих лиц, что играло определенную культурно-просветительную роль.

Вокруг театральных постановок разворачивалась широкая массовая работа. В г. Омске, например, устраивались лекции на творческие темы и зрительские дискуссии, которые вовлекали рабочую аудиторию в круг вопросов искусства. Оживленные прения вызывали доклады «О новом советском театре», «О реализме в театре»³³⁾.

Огромный интерес трудящихся Сибири к искусству, их стремление овладеть высотами культуры выливались в эти годы в росте художественной самодеятельности, которая составляла часть общеклубной культурно-просветительной работы. В городах и селах Сибири один за другим возникали самодеятельные драматические коллективы: народные театры, кружки, студии, труппы. Самой распространенной формой были драматические кружки. Уже в 1921 г. в пяти губерниях Сибири работало 135 драматических кружков³⁴⁾. Их силами в клубах, избах-читальнях, народных домах, Домах крестьянина ставились сотни спектаклей, главным образом из русского классического репертуара.

В эти годы еще большее распространение получили местные театральные коллективы — передвижные самодеятельные рабочие театры «Синяя блуза», пользовавшиеся громадным успехом у рабочего и сельского зрителя. Показательна в этом отношении творческая деятельность рабочего театра «Синяя блуза» на Алтае. Театр возглавлялся опытным актером Ардским и объединял способную молодежь (Доброклонский,

³³⁾ «Советская Сибирь», № 268 от 27 ноября 1923 г.

³⁴⁾ ЦГАОР, ф. 2313, оп. 6, д. 132, л. 2.

Токарева, Шарапова и др.). Идеино выдержанный репертуар, главное место в котором занимали едкие, остро бичующие произведения, хорошее исполнение, доступность посещения — все это привлекало в театр «Синяя блуза» широкие массы тружеников городов и сел губерний, где гастролировал театр. «Он сам шел к зрителям, советским труженикам, нес им большую и светлую правду, учил и воспитывал их. И они отвечали ему благодарностью и вниманием»³⁵).

Большой популярностью пользовались возникшие в 1922—1923 гг. и получившие широкое распространение в клубной работе инсценированные «живые газеты». В содержании «живых газет» входило: обозрение внутренней и международной жизни, чтение телеграмм и свежей почты, маленький фельетон, сценки на местные темы, пение, «почтовый ящик» и т. п.

Большим успехом пользовалась «живая газета» «Спичка», ставившаяся силами самодеятельного молодежного коллектива спичечной фабрики «Сибирь» в г. Томске. Это объяснялось злободневностью тематики инсценировок, доступностью формы. Лучшим разделом «Спички» были представления на темы местной жизни: о работе предприятия, о труде и быте рабочих, об успехах и недостатках в работе.

В отличие от других культурно-просветительных учреждений, на числе театров первые годы нэпа отразились в Сибири слабо³⁶), но это было лишь благополучие в количественном отношении. Относительная устойчивость сети драматических учреждений была достигнута дорогой ценой — переводом театров на самоокупаемость. Платность театра была и раньше, но она в определенной степени смягчалась незначительными ценами, предоставлением большого числа бесплатных мест организациям и т. п. Перевод театров с госснабжения на самоокупаемость вызвал не только повышение цен на билеты и уменьшение числа бесплатных или льготных билетов для организаций, но изменил идейный и художественный репертуар театров, которые стали приспосабливаться к вкусам состоятельной публики.

Театры отрывались от широких народных масс, часто ограничивали свою деятельность только постановкой пьес, среди которых большее, а в ряде случаев и преобладающее место занимали пошлые, безыдейные пьесы, являвшиеся последствием «временного оживления капитализма», о котором говорил XI съезд партии.

Дальнейшие задачи и пути развития советского театра были с предельной четкостью определены XII съездом партии: «Необходимо поставить в практической форме вопрос об использовании театра для систематической массовой пропаганды идей борьбы за коммунизм. В этих целях необходимо, привлекая соответствующие силы как в центре, так и на местах, усилить работу по созданию и подбору соответствующего революционного репертуара, используя при этом в первую очередь героические моменты борьбы рабочего класса.

Театр должен быть также использован и как средство антирелигиозной пропаганды»³⁷).

С этого времени Сиббюро ЦК РКП(б) принимает меры по улучшению работы театров, обращая главное внимание на подбор репертуара

³⁵) Алтай в период восстановления народного хозяйства (1921—1925 гг.). Исторический очерк. Барнаул, 1961, стр. 315.

³⁶) В июле 1921 г. театров в Сибири было 23; за 1922 и начало 1923 гг. число их сократилось до 17. См. Сибревком. Август 1919 — декабрь 1925. Сборник документов и материалов. Новосибирск, 1959, стр. 475—476.

³⁷) КПСС в резолюциях, ч. 1, стр. 740—741.

и усиление контроля губполитпросветов за качеством постановок³⁸). С этой целью при губполитпросветах были созданы специальные комитеты по контролю над репертуарами (гублиты) из представителей партийных, советских и общественных организаций, а в уездах эти функции выполняли уполномоченные гублиты.

Пристальное внимание партии, общественности помогало театрам улучшить свою работу, повышать культурно-просветительное значение театрального искусства. В репертуарах театров все чаще появлялись классические произведения русской и западно-европейской драматургии. На сценах сибирских театров появляются новые произведения молодой советской драматургии. Растущим требованиям зрителя и общественности отвечали тогда такие пьесы, как «Канцлер и слесарь» и «Поджигатели» А. В. Луначарского, поднимавшие историко-социальные проблемы и стремившиеся дать верное партийное освещение классовой борьбы в эпоху империализма.

1925 год был решающим в истории советского театра в Сибири. В начале года в ряде театров прошла постановка сатирической комедии Б. Ромашова «Воздушный пирог». В простых и глубоких реалистических образах оживало на сценах театров недавнее героическое время гражданской войны, новые отношения в деревне и рост сознания крестьянской массы в пьесе Л. Сейфуллиной «Виринея». Постановка этой пьесы была оценена местной прессой как значительное событие культурной жизни Сибири, означавшее поворот сибирских театров в сторону реалистического отражения современной действительности.

Этот поворот был закреплён, когда на сцены сибирских театров пришли современные произведения большой идейно-художественной силы — «Шторм» Билль-Белоцерковского, «Любовь Яровая» К. Тренева. Новая советская драматургия, решавшая важнейшие вопросы современности, ставила театры на путь подлинно народного искусства.

Развитие народного советского искусства происходило в Сибири, как и по всей стране, в условиях борьбы с влиянием буржуазной идеологии, которая оживилась в связи с некоторым относительным оживлением капиталистических элементов в первый период нэпа. Буржуазная идеология пропагандировалась возникшими в годы нэпа частными театрами и кинопредприятиями, особенно прокатными.

Отрицание сменовеховцами и пролеткультовцами культурного наследия прошлого, противопоставление одних видов искусства другим, попытки отменить некоторые виды искусства (например, театр), как якобы устаревшие и целиком буржуазные, — все это вредно отражалось на развитии искусства.

Огромную роль в борьбе с проявлениями враждебной идеологии в области искусства сыграло постановление ЦК партии от 18 июня 1925 г. о художественной литературе, в котором Центральный Комитет партии указал на необходимость усиления руководящей роли рабочего класса. Указания ЦК сыграли важную роль не только в укреплении руководства партии в области литературы, но и в области советского искусства, театра и кино.

На созванном в мае 1927 г. при Агитпропе ЦК ВКП(б) партийном совещании по вопросам театра было отмечено, что выполнение указаний партии, на основе которых шла работа в течение всего предшест-

³⁸) «Известия Сиббюро ЦК РКП(б)», 1923, № 60, стр. 34.

вующего времени, привело к значительным успехам, к оживлению театральной жизни как в центре, так и на местах³⁹⁾.

Большое внимание театру и кино уделяла в Сибири партийная и советская периодическая печать. Начиная с первых лет восстановительного периода в газетах Сибири появились постоянные отделы «Искусство», «Наука, искусство, просвещение», «Театр», «Литература и искусство» и т. п. Газеты и журналы откликались на все большие события в культурной жизни Сибири. Обзоры деятельности театров по сезонам, рецензии и отклики на отдельные спектакли и кинофильмы, выступления по многим вопросам, связанным с организацией кинематографического и театрального дела, дискуссии по вопросам творчества—все эти и другие подобные материалы периодической партийно-советской печати способствовали утверждению социалистического по содержанию искусства.

Партийно-советская печать Сибири обращала особое внимание на кино, как на серьезное орудие просвещения самых широких масс. Газеты неоднократно ставили вопросы перестройки работы киноучреждений, улучшения постановки кинематографического дела, расширения сети киноустановок и кинопередвижек, особенно в селах и деревнях Сибири. Например, 8 октября 1925 г. газета «Рабочий путь» поместила большую статью «Великий немой в гостях у крестьянства», написанную по материалам селькоров, о первой поездке кинопередвижки по селам и деревням отдаленных уездов Омской губернии.

Самое активное участие принимала партийная и советская пресса в борьбе за улучшение работы театра. Газеты приветствовали появление на сценах театров пьес драматургов-классиков, пропагандировали новые пьесы советских драматургов. «В спектакле,—писал критик в газете «Рабочий путь» по поводу постановки пьесы Б. Ромашова «Воздушный пирог»,—театр хорошо раскрыл борьбу честных советских людей с «дельцами» всех мастей, присосавшимися к соваппарату». «У публики,—писал автор рецензии,—спектакль пользуется большим успехом»⁴⁰⁾.

В то же время печать подвергла резкой критике попытки театров в погоне за сборами ставить наряду с пьесами большого идейного содержания старые «слезливые» мелодрамы, «ужасные» трагедии, весьма сомнительные «социальные» драмы и откровенно пошлые комедии и фарсы. Резкой отповеди подвергла Красноярский театр газета «Красноярский рабочий» за постановку такого пьес, как «Ревность» Арцыбашева, «Маруся Кириллова» (из жизни красноярских бандитов).

Внимание периодической печати помогало кино и театрам улучшать свою работу, углублять свою культурно-просветительную деятельность среди трудящихся масс.

Борясь за укрепление связей с широкими народными массами, показывая зрителю лучшие произведения рождавшейся советской драматургии, кино и театры Сибири тем самым вносили свой вклад в социалистическое строительство, принимали участие в борьбе за культурный рост трудящихся.

³⁹⁾ См. Б. И. Росточкий. К истории борьбы за идейность и реализм советского театра. М.—Л., 1950, стр. 44—45.

⁴⁰⁾ «Рабочий путь», № 212 от 6 октября 1925 г.

**АГРАРНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ СОВЕТСКИХ ОРГАНОВ
КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ ПО ЛИКВИДАЦИИ ПОМЕЩИЧЬЕГО
ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ В КОНЦЕ 1917 — НАЧАЛЕ 1918 гг.**

А. А. ГОВОРКОВ

Одним из важнейших мероприятий Великой Октябрьской социалистической революции явилась ликвидация помещичьего землевладения. Разрешение аграрного вопроса в интересах десятков миллионов крестьян сыграло решающую роль в создании нерушимого союза рабочего класса и крестьянства, определившего гибель буржуазно-помещичьих порядков в России.

Советские историки уделяют постоянное внимание изучению проблем ликвидации помещичьего землевладения в нашей стране. Вместе с тем эта проблема требует дальнейшего исследования. Мы еще недостаточно знаем о проведении в жизнь на местах первых аграрных мероприятий Советского правительства.

В данной статье автор ставит своей целью проанализировать решения губернских и уездных советских органов Курской губернии по уничтожению помещичьего землевладения в конце 1917 — начале 1918 гг.

Проведение в жизнь аграрных законов Советского правительства в Курской губернии встретило ожесточенное сопротивление со стороны эсеров.

Узнав о победе Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде и обнародовании декрета о земле II Всероссийского съезда Советов, курские эсеры выступили против советской революции и ликвидации помещичьего землевладения. Сначала эсеровско-кадетская пресса ничего не сообщала о земельном законе Советской власти. Когда молчать стало невозможно, она начала против него злостную кампанию. Нам известно, что в Курской губернии в эти первые дни после Октябрьской революции только «Известия Белгородского Совета», газета большевистского направления, поместила текст ленинского декрета о земле. Через эсеровскую газету «Курская жизнь» 18 ноября 1917 г. Курская губернская земельная управа призвала уездные земельные комитеты не проводить в жизнь декрета о земле¹⁾. Одновременно правозеровская земельная управа готовила проект передачи всех земель, лесов живого и мертвого инвентаря в ведение земельных комитетов. Этот проект, утвержденный II съездом Советов крестьянских депутатов Курской губернии 24 ноября 1917 г., был опубликован в эсеровской газете «Курская жизнь» за 1-е и 2-е декабря 1917 года под названием

¹⁾ «Курская жизнь», № 112, 18 ноября 1917 г.

«Обязательное постановление о переходе земель в ведение земельных комитетов».

Постановление, составленное в духе масловского законопроекта, состояло из пяти разделов: 1) Общие положения, 2) Об учете земель, 3) О контроле над хозяйственным использованием земель от обесценения и уничтожения, 4) Об охране сельскохозяйственных земель от обесценения и уничтожения, 5) Об образовании земельного фонда. Оно также включало резолюцию по аграрному вопросу II губернского съезда Советов крестьянских депутатов, принятую 24 ноября 1917 г., и резолюцию Курского губернского земельного комитета от 27 ноября 1917 г. В резолюции особо подчеркивалось, что ленинский декрет о земле не может быть проведен в жизнь. В первом разделе постановления сообщалось о передаче всех земель сельскохозяйственного пользования в ведение земельных комитетов впредь до Учредительного собрания и определялись их функции. Обязанности земельных комитетов были следующие: учет земель, контроль за имениями с целью недопущения их обесценения владельцами и арендаторами и образование временного земельного фонда. Во втором разделе определялись обязанности земельных комитетов по учету земель. Они должны были собирать данные о помещичьих и надельных землях, о распределении их по угодьям, данные о культурных имениях и свеклосахарных заводах, сведения о живом и мертвом инвентаре и т. д.

Особенно интересны три последние раздела, ибо именно в них нагляднее всего проявилось все крючкотворство эсеровских «законодателей».

Представляя право немедленного контроля и назначение контролеров волостным земельным комитетам, постановление возлагало утверждение контролеров на уездные и губернские земельные комитеты. Фактически от этих последних и зависело назначение того или иного контролера.

В постановлении особенно осторожно говорилось о создании «временного арендного фонда». Оно рекомендовало волостным земельным комитетам выделять в волостной фонд, «сообразуясь с крайней земельной нуждой в волости и с возможностью без ущерба для общенародных интересов сокращений тех или иных угодий подконтрольных земель»²⁾, и оставляло за прежними владельцами «усадебные земли в необходимых для хозяйства размерах»³⁾ до разрешения земельного вопроса Учредительным собранием.

Наибольшую заботу постановление проявило в отношении крупных имений с образцовыми хозяйствами и свеклосахарных экономий. В примечании к статье 18-й разъяснялось, что «отрезки от таких имений в арендный фонд производятся только уездными земельными комитетами, с особой осторожностью, обеспечивающей сохранение сахарного производства»⁴⁾. Согласно постановлению план создания арендного фонда составлялся волостными земельными комитетами, но утверждали его уездные земельные комитеты. Плата за арендуемые земли вносилась в депозит казенной палаты «до решения земельного вопроса Учредительным собранием». Требуя сохранения за помещиками усадебных земель и запрещая фактически отрезки земель в арендный фонд из образцовых хозяйств и свеклосахарных экономий, постановление тем самым стремилось оставить помещикам их лучшие земли.

²⁾ «Курская жизнь», № 121, 1 декабря 1917 г.

³⁾ Там же.

⁴⁾ Там же.

Постановление устанавливало лишь фиктивный контроль над имениями. Помещик мог убивать для нужд своего хозяйства скот и птицу. От помещика зависела охрана имения, которая находилась полностью на его содержании.

Постановление обязывало крестьян вернуть помещикам разобранный из имений за последнее время скот, инвентарь и прочее имущество.

Итак, если ленинский декрет о земле отменял помещичью собственность на землю без всякого выкупа и возлагал проведение декрета на революционные органы — на волостные земельные комитеты и уездные Советы крестьянских депутатов, то правозсеровское «обязательное постановление о переходе земель в ведение земельных комитетов» сохраняло помещичью собственность и возлагало руководство по проведению его в жизнь на враждебные крестьянству и революции уездный и губернский земельные комитеты. Давая оценку проекту С. Маслова, В. И. Ленин писал: «...это проект для спасения помещиков, для «успокоения» начавшегося крестьянского восстания путем ничтожных уступок, сохраняющих главное за помещиками»⁵). Вот таков и был смысл вышеизложенного постановления.

Стремясь к проведению в жизнь этого постановления, Курский губернский земельный комитет 14 декабря 1917 г. напечатал в «Курской жизни» инструкцию по установлению контроля и предполагал опубликовать еще три инструкции в следующем порядке: об учете, об охране имений и в последнюю очередь об образовании арендного фонда. Если со времени утверждения постановления до опубликования инструкции о контроле прошло около двух недель, то сколько же времени могло пройти до напечатания последней инструкции? Все это указывает на то, что даже с образованием арендного фонда курские эсеры не спешили.

Инструкция о контроле еще сильнее подчеркивала, что эсеры проводили аграрную политику в интересах помещиков против крестьян. В инструкции рекомендовалось быстро устанавливать охрану земель по просьбам владельцев, «когда имениям грозят поджоги, разгром и хищения»⁶), запрещалось описывать квартирную обстановку. Боясь крестьян, инструкция не допускала осмотров «жилищ толпой праздношатающихся зевак»⁷). Она советовала начинать контроль и охрану с тех имений, которым угрожала опасность со стороны крестьян, а контролерами назначать «людей поопытнее, знакомых хорошо с сельским хозяйством и сознательных, а не таких, которые и агрономов даже не признают и читать не умеют»⁸). Естественно, что таких людей было больше среди зажиточного крестьянства. Желая обеспечить кулацкий состав контролеров, инструкция запрещала выдавать им жалованье без особого на то разрешения в каждом отдельном случае уездного земельного комитета. Но если жалованье устанавливалось, то платил его сам помещик.

Не имея военных сил для подавления крестьянского движения, курские эсеры стремились при помощи кулаков, поставленных контролерами и охранниками, сохранить помещичье землевладение.

В целях удержания как можно большего количества земель в руках помещиков инструкция предусматривала сохранение площади сахарных заводов в размере не меньшем, чем в 1917 г. с достаточными

⁵) В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 201.

⁶) «Курская жизнь», № 101, 14 декабря 1917 г.

⁷) Там же.

⁸) «Курская жизнь», № 101, 14 декабря 1917 г.

кормовыми площадями и связывала установление размера усадебных земель, не подлежащих включению во временной арендный фонд, с величиной всей земельной площади. Чтобы оставить в имениях преданных помещикам служащих, она категорически запрещала волостным земельным комитетам устранять их без разрешения уездного земельного комитета.

Нам удалось в Курске изучить все сохранившиеся фонды земельных комитетов за этот период, но мы не нашли следов практического проведения в жизнь этих решений; молчала об этом и эсеровская пресса.

В двух уездных комитетах были также вынесены решения о передаче имений земельным комитетам, независимо от вышеизложенных постановлений. Еще 3 ноября 1917 г., задолго до II губернского съезда Советов крестьянских депутатов, объединенное заседание Льговского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, представителей волостных земств и земельных комитетов постановило: «Все без исключения земли и леса, а также живой и мертвый инвентарь с 3 ноября сего 1917 г. считать в ведении и распоряжении земельных комитетов, а сахарные заводы и другие торговые и промышленные предприятия в ведении и распоряжении комитетов местных Советов и рабочих депутатов»⁹⁾.

Из протокола Новоскольского военно-революционного комитета 11 декабря 1917 г. видно, что он предлагал владельцам имений и управляющим немедленно передать все имущество по описи земельным комитетам, которые должны принять все меры к их охране¹⁰⁾. Днем позже он обязал крестьян внести плату за арендные земли в уездное казначейство.

Аграрная политика курских эсеров, направленная на фиктивное взятие на учет помещичьих имений, потерпела полный крах. Она только усилила стихийное крестьянское движение.

Победа Советской власти в Курской губернии привела к ликвидации правоэсеровских земельных комитетов и передаче руководства проведением аграрной реформы в руки советских органов.

10 января 1918 г. представители аграрной комиссии губернского революционного совета явились в правоэсеровский губернский земельный комитет и приняли его дела.

13 января 1918 г. губернская аграрная комиссия рекомендовала местным советским органам переизбрать земельные комитеты на основе инструкции о земельных комитетах, опубликованной Советским правительством 13 декабря 1917 г.

В январе — феврале 1918 г. при аграрной комиссии губернского революционного совета были организованы аграрный, землемерно-технический и лесной отделы. Комиссия собирала статистические данные о земле, вела подготовку к посевам сахарной свеклы, руководила конфискацией помещичьих имений и готовила созыв 1-го земельного съезда представителей земельных комитетов. Газета «Курская жизнь» дважды поместила объявление аграрного отдела губернского революционного совета о назначении на 8 марта 1918 г. созыва губернского земельного съезда, причем местным органам рекомендовалось выбирать представителей, руководствуясь V отделом «Положения о земельных комитетах»¹¹⁾.

⁹⁾ Курский областной госархив Архив Октябрьской революции (КОГА АОР), ф. 1746, д. 3, л. 3.

¹⁰⁾ КОГА АОР, ф. 2664, д. 6, л. 9.

¹¹⁾ КОГА АОР, ф. 1746, д. 33, л. 8.

Губернский революционный совет постоянно следил за работой аграрной комиссии. 20 февраля 1918 г. он заслушал ее отчет и предложил ей разработать проект аграрной резолюции для земельного съезда, подготовить к началу весеннего передела земли достаточное количество землемеров, выяснить к началу съезда величину яровых посевов, потребность в сельскохозяйственных орудиях и наличность живого инвентаря. Он обязал ее делать еженедельные отчеты перед президиумом губернского революционного совета о проделанной работе¹²⁾.

В уездах при Советах также возникали земельные органы для проведения в жизнь аграрных законов Советской власти. В январе 1918 г. были созданы аграрные комиссии при Советах в Льгове, Фатеже, Дмитриеве, Курске, Тиме, Шиграх. После объединения Советов в Белгороде был организован комиссариат земледелия. В Путивле земельная секция Советов контролировала деятельность земельного комитета¹³⁾. В Рыльске собрание уездного революционного совета постановило создать земельный отдел.

15 января аграрная комиссия Курского уездного революционного совета приступила к приему дел бывшего уездного земельного комитета, а сопротивлявшегося этому председателя земельного комитета члены комиссии отстранили от должности¹⁴⁾. Новооскольский Совет в начале января послал своих представителей в уездный земельный комитет¹⁵⁾. Известные нам постановления и распоряжения этого комитета утверждались и выходили за подписью только этих представителей. В Фатеже при организации аграрной комиссии прекратила свою деятельность земельная управа. В Тиме советские органы переизбрали уездный комитет¹⁶⁾. Однако в анкете мобюса по Судженскому уезду отмечается, что уездный и волостные земельные комитеты не переизбирались.

Согласно решениям февральского губернского съезда Советов вместо аграрных комиссий создавались комиссариаты земледелия, которые в продолжение марта 1918 г. возникли во всех уездах. Начиная с февраля, в документах все реже и реже встречалось название земельного комитета: с образованием комиссариатов они потеряли свои функции и были распущены или вошли в состав уездных советов народных комиссаров в качестве комиссариата земледелия.

Весьма остро протекала борьба за изменение состава волостных земельных комитетов. Осенью 1917 г. земельные комитеты имелись почти во всех волостях Курской губернии, но они часто зависели в своей деятельности от волостных земств, обычно состоявших из кулацких элементов. Это обстоятельство привело крестьян к борьбе за изменение состава земельных комитетов и за изъятие их из подчинения земствам.

Любопытные сведения об этом сообщает журнал X сессии Грайворонского земельного комитета от 11 и 12 января 1918 г. На этом совещании присутствовали 11 представителей от волостных земельных комитетов, представители Совета крестьянских депутатов, ревкома и уездного земства. Выступавшие крестьяне резко критиковали за бездеятельность правозсеровскую земельную управу и потребовали переизбрания уездного и волостных земельных комитетов. Они потребовали

¹²⁾ «Курская жизнь», № 30, 22 февраля 1918 г.

¹³⁾ Московский облархив Октябрьской революции (МОАОР), ф. Московского бюро Советов (МОБЮС), оп. 12, д. 67, л. 115.

¹⁴⁾ «Курская жизнь», № 10, 16 января 1918 г.

¹⁵⁾ КОГА АОР, ф. 2661, д. 6, л. 5.

¹⁶⁾ КОГА АОР, ф. 313, д. 83, л. 8.

немедленного освобождения земельных комитетов от зависимости правозсеровских волостных земств. Все эти предложения были приняты. Одновременно эта сессия определила состав вновь избираемых волостных земельных комитетов. В их состав должны были войти по одному представителю от 500 избирателей и по одному представителю от волостных Советов крестьянских депутатов, земств и рабоче-крестьянских организаций¹⁷⁾.

Переизбранные волостные земельные комитеты провели большую работу по конфискации помещичьих имений. Сохранившиеся опросные листы, составленные волостными Советами для исполкома Московского Совета, а также многочисленные протоколы заседаний различных волостных организаций позволяют утверждать, что наиболее активно волостные земельные комитеты действовали в декабре 1917 г. и январе — феврале 1918 г., когда происходило формирование советского аппарата. Свою работу по конфискации помещичьих имений волостные земельные комитеты проводили под контролем волостных Советов. На это указывает инструкция Курского уездного революционного совета об установлении Советской власти в волостях. Она предлагала волостным Советам взять под свой контроль земельные и продовольственные комитеты.

В марте — мае 1918 г. в Курской губернии происходил процесс полного слияния волостных земельных комитетов с волостными Советами. Решения уездных Советов предусматривали передачу функций волостных земельных комитетов Советам. Так «Примерный устав для организаций волостных советов народных комиссаров» Дмитриевского уездного совнаркома от 21 марта 1918 г. передавал функции земельных комитетов по охране имений, учету, распределению земель и т. д. волостным совнаркомам¹⁸⁾.

При ликвидации помещичьего землевладения советские органы Курской губернии руководствовались аграрными законами Советского правительства. Чрезвычайный губернский съезд Совстлов крестьянских депутатов, передававший всю власть Советам 29 декабря 1917 г., присоединился к аграрной резолюции II Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов. Съезд приветствовал отмену частной собственности на землю, произведенную ленинским декретом о земле, и призвал крестьянство к организованной ликвидации помещичьего землевладения на основе законов Совнаркома¹⁹⁾. В начале января 1918 г. Львовский Совет также присоединился к аграрной резолюции II Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов²⁰⁾.

Одним из основных вопросов, которому советские органы уделяли постоянное внимание в своих решениях на протяжении всего изучаемого периода, был вопрос о распределении помещичьего инвентаря и прежде всего скота. 8 января 1918 г. Новооскольский уездный земельный комитет послал телеграмму волостным земельным комитетам о взятии на учет имений. В этой телеграмме он предложил им «немедленно приступить к оценке помещичьих имений и скота, находящегося в таковых. После оценки рабочих лошадей продать, но не с торгов, а распределить нуждающимся и по сокращенной цене так: собрать из всех имений лошадей к волости и от всех сел волости самых нуждающихся.

¹⁷⁾ Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР), ф. 478, оп. 115, д. 197, л. 2.

¹⁸⁾ КОГА АОР, ф. 1812, д. 3, л. 80.

¹⁹⁾ КОГА АОР, ф. 865, д. 5, л. 23.

²⁰⁾ «Курская жизнь», № 7, 12 января 1918 г.

которые не могут купить лошадей на ярмарке и не имеют средств, и только таким продать лошадей»²¹⁾.

16 февраля 1918 г. Новооскольский уездный земельный отдел обсудил вопрос о культурных хозяйствах. В постановлении о культурных хозяйствах он рекомендовал волостным земельным отделам «принять меры к охране племенного скотоводства, хозяйственных культурных площадей и молочных ферм, где таковые имеются»²²⁾. Уездный земельный отдел предложил волостным земельным отделам назначить в культурные имения контролеров и совместно с ними управлять этими имениями. Он также определил обязанности контролеров в культурных имениях. В функции контролеров входило: «а) следить за ходом хозяйства, б) охранять таковые от обесценения, в) не допускать никаких злоупотреблений в хозяйствах, г) стараться о поднятии культуры хозяйства, д) держать служащих по хозяйствам за средства из доходов хозяйства, е) ежемесячно представлять отчеты о своей деятельности волостным земельным комитетам»²³⁾.

20 января 1918 г. состоялось объединенное заседание Львовского земельного комитета и представителей Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов о распределении живого и мертвого инвентаря из помещичьих имений. Резолюция о распределении живого и мертвого инвентаря, принятая этим заседанием, возлагала распределение скота и инвентаря на уездный и волостные земельные комитеты. Она советовала выдавать помещичьих лошадей бедным безлошадным крестьянам, выделяя из среды безлошадных в первую очередь солдат и солдаток. Частновладельческие лошади должны были выдаваться беднякам за небольшую плату. В резолюции указывались две цены. Безлошадные солдатки должны были платить 20 рублей за полученную лошадь. Безлошадные мужчины уплачивали вдвое дороже. Резолюция категорически запрещала распределять племенной скот, обращая особое внимание на сохранение племенного скота конного завода и молочной фермы в Быках, Угонской фермы и Макаровской экономии²⁴⁾.

Курский уездный съезд Советов выработал специальное постановление о распределении конфискованного скота. За исключением племенного скота постановление разрешало продавать беднякам весь остальной крупный рогатый скот из помещичьих имений²⁵⁾. В первых числах марта 1918 г. аграрная комиссия при курском уездном революционном совете предложила сельским революционным советам давать преимущество при продаже помещичьего скота солдатам и солдаткам, запрещая при этом его обмен или перепродажу²⁶⁾.

Рыльская земельная управа разрешила продажу скота неимущим по низким ценам, а аграрный отдел губернского революционного совета в телеграмме, посланной Рыльскому уездному земельному комитету, предлагал «в экономиях необеспеченных фуражем живой инвентарь, кроме племенного, распределить между беднейшим населением, рассчитывая в будущем сохранить его за последним»²⁷⁾.

Наиболее любопытным документом по распределению живого инвентаря являлось «постановление соединенного собрания уездного и волостных ревкомов Совета крестьянских депутатов о распределении

21) КОГА АОР, ф. 2661, д. 9, л. 1.

22) КОГА АОР, ф. 2664, д. 1, л. 28.

23) КОГА АОР, ф. 2664, д. 4, л. 28.

24) КОГА АОР, ф. 1813, д. 10, л. 2.

25) «Курская жизнь», № 25, 15 февраля 1918 г.

26) КОГА АОР, ф. 583, д. 6, л. 152.

27) КОГА АОР, ф. 1893, д. 1, л. 23.

живого и мертвого инвентаря из народных экономий между нуждающимися гражданами на основании закона о социализации» по Шигровскому уезду²⁸⁾, датированное 24 января 1918 г. Это постановление в решении крестьянского земельного съезда, заседавшего во второй половине февраля 1918 г., называлось инструкцией. Постановление распределяло всех граждан на две категории: 1) безлошадных, 2) имеющих лошадей. В категории безлошадных устанавливалась при получении лошадей следующая очередность: в первую очередь предполагалось удовлетворить вдов и солдаток, мужья которых погибли на войне, во вторую должны были наделяться те семьи, глава которых находился в плену, в третью получали те, у кого кто-нибудь в семье пострадал на войне, в четвертую — все не имевшие и, наконец, в пятую включались семьи, у которых комиссия признавала лошадь негодной или моложе 4-х лет. Постановление категорически запрещало «давать лошадей вора́м, уличенным при новом строе»²⁹⁾, членам бывшего Союза русского народа, жандармам, полицейским, сыщикам и лицам, которые подстрекали к погромам народных имений.

Постановление устанавливало сложную процедуру и самого получения лошадей. Для распределения лошадей волостные ревкомы, под руководством которых должно было проходить распределение, собирали общее собрание для избрания распределительной комиссии. В нее предполагалось избрать 5—6 членов волостного ревкома и всех председателей сельских комитетов. В комиссию включались по одному представителю от смежных волостей. Сначала комиссия обязана была пересчитать всех лошадей, отобранных у помещиков, описать их приметы и пронумеровать. Затем комиссия должна была проверить сельские приговоры, выданные беднякам для получения лошадей, причем постановление предусматривало строгое соблюдение очередности. Члены комиссии, нарушавшие это решение, предавались суду ревтрибунала. Проверив приговор и признав его правильным, комиссия допускала крестьянина, «если он был трезвым», до жеребьевки. Пьяных до жеребьевки не допускали и арестовывали. После жеребьевки на доставшийся крестьянину номер ставилась печать волостного ревкома, и с этим драгоценным номером он направлялся в помещичье имение за лошадью.

Полученную лошадь крестьянин не мог продавать в течение двух лет.

За эту лошадь, в зависимости от ее категории, получивший должен был уплатить 50, 35 или 15 рублей, но по ходатайству сельского комитета вдовам и семьям, члены которых находились в плену, разрешалось выдавать лошадей бесплатно. Эта плата была в несколько раз ниже рыночных цен.

Полученные таким образом деньги поступали в уездное казначейство на счет уездного исполкома Совета крестьянских депутатов и выдавались на содержание племенного скота. Постановление оберегало государственные интересы и объявляло кровных лошадей собственностью всей Российской республики. Волостные земельные комитеты отвечали за их сохранность. Распределению также не подлежал скот из случайных пунктов уездного земства.

Весь остальной крупный и мелкий скот предполагалось разделить таким же способом, за исключением волов, оставшихся до весны в экономиях, чтобы тогда выдать их гражданам, образовавшим артели

²⁸⁾ МОАОР, ф. Мобюс, оп. 4, д. 4, л. 14.

²⁹⁾ Там же.

для обработки земли, и свиней, передававшихся почти полностью продовольтвенным органам на убой.

В целях планомерного и справедливого распределения «скот, приобретенный из экономии после 26 октября, т. е. после того как экономии декретом народных комиссаров были объявлены народной собственностью, должен быть возвращен в экономию, каким бы путем он не был приобретен, путем ли покупки или путем хищения, или приобретен по постановлению схода. Вопрос о возвращении за скот и за его прокорм денег предстоит разрешить волостному ревкому. Если лошадь куплена человеком, у которого нет лошади, то у такого лошади остается»³⁰). За незаконную покупку постановление отдавало под суд революционного трибунала. В заключение необходимо отметить, что бывшему владельцу разрешалось получить часть скота, но не более двух лошадей и двух коров.

1-й губернский земельный съезд, заседавший 8—16 марта 1918 г., постановил распределить живой инвентарь на уравнильных началах между всем населением уезда³¹). Он требовал возвращения всего расхищенного скота.

В своих решениях основное внимание съезд уделял сохранению племенного скотоводства. Он постановил сохранить в губернии не менее четырех конских заводов с числом маток не менее 800. Примечание 2-е резолюции «О коннозаводстве» возлагало эксплуатацию конских заводов или на советское правительство или на губернский комиссариат земледелия, «которому предоставляется передать его в ведение уездного комиссариата»³²).

Съезд решил также в каждом уезде устроить животноводческую ферму.

Из сохранившегося протокола Новооскольского уездного земельного съезда от 20 марта 1918 г. видно, что съезд присоединился к решениям 1-го губернского земельного съезда по вопросу о распределении живого инвентаря и сохранении племенного скота.

Ссылаясь на решения 1-го губернского земельного съезда, Дмитриевский уездный комиссариат внутренних дел потребовал возвращения расхищенного гражданами живого и мертвого инвентаря для распределения его между населением уезда на уравнильных началах³³).

25 марта экстренный Фатежский съезд Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов постановил часть племенных жеребцов и быков распределить равномерно по три жеребца и по три быка на каждую волость³⁴).

При распределении скота иногда крестьянская беднота делала попытки отобрать его у кулаков («у своих односельчан»). В таких случаях там, где земельными органами руководили «левые» эсеры, они защищали кулацкие интересы. Например, Курский уездный комиссариат земледелия издал специальный циркуляр 30 марта 1918 г., запрещавший отбирать у кулаков скот «без законного на то распоряжения от высшей власти»³⁵). Но, очевидно, нажим бедноты был очень сильным, так как уездный совнарком 18 апреля 1918 г. вынужден был издать

³⁰) МОАОР, ф. Мобюс, оп. 4, д. 4, л. 14.

³¹) КОГА АОР, ф. 1746, д. 2, л. 39.

³²) Там же.

³³) МОАОР, ф. Мобюс, оп. 12, д. 67, л. 29.

³⁴) КОГА АОР, ф. 2664, д. 1, л. 219.

³⁵) КОГА АОР, ф. 583, д. 10, л. 21.

циркуляр, устанавливавший количество лошадей, которое могла иметь отдельная семья, и разрешил отобрать лишних против нормы лошадей. «Каждому домохозяину, имеющему от 1 до 5 душ,— говорилось в этом циркуляре,— оставить одну рабочую лошадь и 1 жеребенка до 2-х лет, от 5 до 10 душ — две рабочих лошади и одного жеребенка, годного под борону»³⁶⁾ и т. д.

Предполагая распределить лошадей между беднейшим населением, постановление устанавливало цены на них вчетверо дешевле существующих рыночных цен и допускало для бедных рассрочку. Состоятельные граждане допускались к распределению в последнюю очередь.

После демобилизации армии часть лошадей поступила советским органам для распределения среди крестьян. Так II Льговский земельный съезд 10 апреля 1918 г. поручил уездному земельному комиссариату распределить между бедняками забракованных лошадей, полученных Советом от гвардейского Уланского полка³⁷⁾.

Распоряжения советских органов, начиная с мая 1918 г., касались исключительно содержания и возвращения расхищенного племенного скота. Это обстоятельство указывает на окончание распределения скота из конфискованных имений. II губернский земельный съезд постановил отобрать у крестьян расхищенный или распределенный племенной скот, но в целях справедливости постановил при отобрании племенного скота возратить деньги тем крестьянам, которые его получили при организованной раздаче через комиссариаты, и «отобрать без всякой компенсации в тех случаях, когда животные были разобраны самочинно»³⁸⁾.

Но, вероятно, при попустительстве «левых» эсеров возвращение расхищенного скота проходило в некоторых местах очень медленно. Еще в августе 1918 г. Суджанский уездный съезд Советов признал желательным «побрать разобранный племенной скот»³⁹⁾.

Многочисленные, приведенные нами факты показывают, что уездные и губернские советские земельные органы и съезды Курской губернии руководили распределением помещичьего скота, определяли категории лиц, могущих получить скот, и очередность при его получении. Они рассылали свои решения волостным земельным органам для исполнения.

В интересах Советского государства постановления советских земельных органов и земельных съездов Курской губернии за первую половину 1918 г. запрещали распределение племенного скота. Они предусматривали распределение лошадей и коров конфискованных имений среди крестьянской бедноты за небольшую плату и возвращение незаконно расхищенного племенного скота.

Кроме распределения скота, перед советскими земельными органами при конфискации помещичьих имений вставал еще ряд вопросов, а именно, как относиться к мертвому инвентарю, постройкам и прочему имуществу бывших помещичьих имений. Каковы же постановления земельных органов по этим вопросам?

В вышеупомянутом постановлении Льговского уездного земельного комитета от 20 января 1918 г. мертвый инвентарь помещичьих имений предполагалось отдать бедноте, а постройки использовать под квартиры неимущим. Гораздо шире этот вопрос ставился на заседании

³⁶⁾ КОГА АОР, ф. 583, д. 10, л. 105.

³⁷⁾ КОГА АОР, ф. 865, д. 1, лл. 16—17.

³⁸⁾ «Известия Курского объединенного Совета», № 101, 29 мая 1918 г.

³⁹⁾ ЦГАОР, оп. 26, д. 91, л. 203.

аграрной комиссии губернского революционного совета 29 января 1918 г., решившей распределять не только экономический, но и «весь свободный инвентарь» всех сельских хозяйств, если он «не будет использован по прямому назначению»⁴⁰). Можно предполагать, что в данном случае для раздачи гражданам, «которые будут наделены землей», включались и излишки кулацкого инвентаря.

Не касаясь распределения инвентаря, Новооскольский земельный отдел 16 февраля 1918 г. постановил: «немедленно отобрать во всех экономиях мертвый инвентарь, как то: плуги, сеялки, косилки, вязалки, сохи, бороны и другой инвентарь, имеющий сельскохозяйственное значение, а также отобрать таковой у тех граждан, которые по каким-либо причинам захватили таковой, и организовать при волостных земельных комитетах склады сельскохозяйственных орудий и назначить заведующего над таким складом»⁴¹).

5 марта 1918 г. Новооскольский уездный земельный отдел напомнил о том, чтобы «мертвый инвентарь был свезен на склады при волостных земельных отделах, образованных согласно постановлению уездного земельного отдела за 16 февраля»⁴²), при этом живой инвентарь и постройки рекомендовалось продать «действительно нуждающимся гражданам» или предоставить для общественных надобностей. Постановление разрешало помещикам, которые согласятся получить надел по трудовой норме, получить «дом для жилья и необходимый для ведения хозяйства инвентарь»⁴³).

Требуя распределения живого инвентаря и построек, Новооскольский земотдел сохранял на складах мертвый инвентарь. Видимо, он не подлежал распределению, а предназначался для передачи во временное пользование крестьянам со складов. Новооскольский земельный съезд 20 марта 1918 г. подтвердил постановление от 5 марта 1918 г. по этому вопросу.

Впредь до распределения инвентаря собрание Шигровского уездного и волостных ревкомов требовало установления охраны над описанным инвентарем и возвращения стихийно расхищенного инвентаря и домашней утвари. Открывшийся во II половине февраля 1918 г. Шигровский уездный крестьянский съезд решил раздать на уравнильных началах сельскохозяйственные орудия «всех частных лиц», а сельскохозяйственные машины позволял передавать только товариществам⁴⁴).

Допуская раздачу мелкого инвентаря (плуги, бороны, сохи, серпы и др.) за деньги нуждающимся крестьянам, Курский уездный съезд Советов предложил передать дома и помещичьи усадьбы под школы, больницы и другие культурные учреждения. Но если первое постановление категорически запрещало сносить и продавать постройки, то второе допускало продажу мелких построек нуждающимся. 13 мая 1918 г., ссылаясь на указание I-го съезда Советов, Курский уездный совнарком разрешил продавать мелкие постройки, имевшиеся в «помещичьих имениях и запольных хуторах»⁴⁵).

Следовательно, распоряжения губернского и уездных земельных органов в январе — феврале 1918 г., сохраняя сельскохозяйственные машины для товариществ или позволяя передавать их в пользование

⁴⁰) КОГА АОР, ф. 1746, д. 2, л. 30.

⁴¹) КОГА АОР, ф. 2664, д. 4, л. 28.

⁴²) КОГА АОР, ф. 2664, д. 4, л. 2.

⁴³) КОГА АОР, ф. 2664, д. 4, л. 2.

⁴⁴) «Известия Курского объединенного Совета», № 34, 27 февраля 1918 г.

⁴⁵) «Курская жизнь», № 25, 15/2 февраля 1918 г.

отдельных сел и волостей, требуя возвращения стихийно расхищенного инвентаря, наметил двоякое отношение к мелкому сельскохозяйственному инвентарю. В одном случае, что было гораздо чаще, они допускали его распределение за небольшую плату и бесплатно крестьянской бедноте, а в другом — предлагали хранить его на складах, не допуская распыления среди отдельных крестьянских хозяйств. I-й съезд Курской губернии в своих резолюциях подтвердил по этим вопросам практику уездных земельных органов. В статье I резолюции об инвентаре указывалось, что «согласно принятому общему основанию распределения, весь живой и мертвый инвентарь подлежит распределению на уравнительных трудовых началах между всем населением уезда. Весь расхищенный и разобранный из ликвидируемых имений живой и мертвый инвентарь должен быть немедленно предъявлен к учету»⁴⁶).

В примечании I этой статьи строго наказывалось, чтобы расхищенный гражданами инвентарь был возвращен к намеченному уездными земельными комиссариатами сроку для учета, в противном случае их предавали суду военного трибунала.

Съезд особо выделил орудия и машины для прокатных станций и зерноочистительных обзоров, желая предоставить их «преимущественно группам землевладельцев, образующих рабочие артели, или обществам для совместного обслуживания своих земель и другим малосильным семьям под руководством местного агрономического персонала»⁴⁷). Он признавал необходимым «предписать уездным земельным комиссариатам немедленно организовать во всех заводских мастерских исключительно ремонт сельскохозяйственных орудий к предстоящему посеву»⁴⁸).

Важно отметить, что «левоэсеровское» руководство съездом, выразив пожелание о социализации сахарных заводов, провело решение о том, чтобы при сахарных заводах оставался «лишь специальный технический инвентарь для снабжения товариществ и обществ, обрабатывающих свеклу на подготовленных землях»⁴⁹). Это решение приводило фактически к тому, что сахарные заводы оставались без мелкого инвентаря, необходимого для обработки свеклосахарных плантаций.

Съезд запретил распределять усадьбы конфискованных имений и постановил их использовать «под школы, больницы, ветеринарные пункты, бани, кооперативы, пчеловодство, артельные трудовые товарищества, мастерские огнестойкого строительства, молочные пункты, прокатные станции, дома призрения, сельскохозяйственные склады и тому подобное»⁵⁰). К сожалению, эти решения не предусматривали оставления построек для государственных хозяйств.

I Новооскольский земельный съезд 20 марта 1918 г. принял к руководству резолюцию об инвентаре, утвержденную I губернским земельным съездом⁵¹).

Весною 1918 г. в деревне обострилась борьба бедноты с кулачеством, что отразилось на постановлениях советских органов. X экстренный съезд Советов Фатежского уезда 25 марта потребовал отобрания излишков мертвого крестьянского инвентаря, чтобы затем передать его крестьянской бедноте. В том случае, если инвентарь не будет пе-

⁴⁶) КОГА АОР, ф. 1746 д. 2, л. 39.

⁴⁷) КОГА АОР, ф. 1746, д. 2, л. 39.

⁴⁸) Там же.

⁴⁹) Там же.

⁵⁰) Там же.

⁵¹) КОГА АОР, ф. 2664, д. 4, лл. 5—6.

редан добровольно, его предполагалось отобрать силой⁵²). В упомянутом выше циркуляре Курского уездного совнаркома 18 апреля 1918 г. признавалось необходимым отобрать излишки сельскохозяйственных орудий и распределить их среди беднейшего населения. В интересах крестьянской бедноты в середине августа 1918 г. Суджанский уездный съезд Советов постановил разобранный сельскохозяйственный инвентарь передать в агрономический отдел и организовать прокатные пункты⁵³).

Враждебная позиция «левых» эсеров в вопросе о национализации свеклосахарных заводов сказалась не только в решениях I губернского земельного съезда. В августе 1918 г. на V Львовском уездном съезде Советов «левые» эсеры протащили решение, в котором национализация свеклосахарных заводов признавалась неосуществимой. По вопросу о возвращении сельскохозяйственного инвентаря свеклосахарных заводов они провели ни к чему не обязывающую резолюцию. Вот ее текст: «Весь мертвый инвентарь, разобранный и сохранившийся в бывших заводских экономиях, неприменимый для мелкого хозяйства, собрать и представить для обработки земли заводоуправлениям⁵⁴).

Но какой же инвентарь, за исключением сложного, неприменим в мелком крестьянском хозяйстве?

Одновременно «левые» эсеры развернули агитацию против национализации сахарных заводов. На имя Львовского Совета поступило специальное распоряжение, запрещающее Совету вмешиваться во внутреннюю жизнь заводов, так как они подчиняются ВСНХ.

В отношении домашнего имущества помещиков «левые» эсеры были весьма предупредительны. В посланном Львовскому земельному комитету 25 января 1918 г. отношении аграрный отдел губернского революционного Совета писал: «все имущество, как то: мебель, посуда, белье, одежда, иконы и прочее, как не имеющее сельскохозяйственного значения и являющееся предметами личной необходимости владельца, должно быть немедленно возвращено последнему с предоставлением беспрепятственного права вывоза из экономии»⁵⁵). Это указание аграрного отдела губернского революционного совета противоречило постановлениям по этому вопросу Советского правительства, которое предусматривало только частичное оставление домашней обстановки и необходимых вещей в руках помещиков.

13 марта 1918 г. Дмитриевский уездный революционный совет разъяснил Городищенскому волостному революционному совету, что переписке не подлежали обстановка квартиры, что «самый осмотр жилых помещений или невыдача каких бы то ни было вещей, принадлежащих владельцу, допустимы только в исключительных случаях при наличии данных об укрытии каких-либо запасов по особым правилам с соблюдением демократического строя»⁵⁶). Эти слова целиком взяты из правозэсеровской инструкции от 14 декабря, которая рассмотрена выше.

В январе 1918 г. щигровские земельные органы, ничего не говоря о сохранении мебели и прочего имущества у помещиков, правильно запрещали распределять между крестьянами домашнюю утварь и мебель⁵⁷).

⁵²) КОГА АОР, ф. 2664, д. 1, л. 219.

⁵³) ЦГАОР, ф. 398, оп. 26, д. 91, л. 203.

⁵⁴) КОГА АОР, ф. 1813, д. 3, л. 40.

⁵⁵) КОГА АОР, ф. 1813, д. 10, л. 407.

⁵⁶) КОГА АОР, ф. 1812, д. 3, л. 59.

⁵⁷) МОАОР, оп. 4, д. 4, л. 14.

«Левые» эсеры не стремились и к выселению помещиков из конфискованных имений. В примечании статьи первой резолюции «Об инвентаре I губернского земельного съезда запрещалось насильно выселять из имений бывших владельцев «до назначенного уездными земельными съездами срока окончательной ликвидации»⁵⁸). Однако, как поступали уездные земельные органы, нам почти неизвестно, но, видимо, помещиков оставалось значительное количество, потому что 6 августа 1918 г., когда «левые» эсеры были изгнаны из советских губернских органов, губернский земельный отдел предложил Новооскольскому земельному отделу выселить в срочном порядке помещиков из занимаемых ими имений⁵⁹).

Одновременно с конфискацией помещичьего имущества советские земельные органы приступили к учету помещичьих земель (эсеровские земельные комитеты ничего не сделали даже в этом направлении) и подготовке к проведению уравнительного передела земли в соответствии с законами Советского правительства. В первом же постановлении Новооскольского уездного земельного комитета от 8 января 1918 г. предполагалось организовано начать учет помещичьих, церковных, купленных участков и тех крестьянских земель, которые не обрабатывались личным трудом⁶⁰).

Через десять дней председатель этого комитета разослал всем волостным земельным комитетам телеграмму о разделе земли. В ней говорилось: «Ввиду неоднократных заявлений, поступающих в уездный земельный комитет о том, что в некоторых слободах, селах и деревнях производятся самочинные разделы земли и даже приступают к разделу засеянной под озимь крестьянской земли, не считаясь с объемом засеянных крестьянских земель, категорически запрещает таковые разделы, так как согласно декрету о земле от 26 октября 1917 г. ...земля рядовых малоземельных крестьян и рядовых казаков конфискации не подлежит»⁶¹). Далее в телеграмме сообщалось, что сроки передела будут указаны уездным земельным комитетом.

В январе 1918 г. VII Фатежский уездный съезд Советов предложил аграрной комиссии собрать сведения об яровых посевах, а затем приступить совместно с волостными Советами крестьянских депутатов к разверстке земель между волостями и селами и отдельными крестьянами, предложив закончить ее к 10 марта 1918 г. Съезд постановил не допускать «самочинных действий отдельных лиц и групп населения по захвату земли и уничтожению инвентаря крупных владельцев, которые не являются собственностью отдельных лиц, а достоянием всего трудового народа и должно быть распределено планомерно между всеми нуждающимися»⁶²).

В целях более быстрого собирания сведений о помещичьем землевладении губернский революционный совет опубликовал в «Курской жизни» приказ, который обязывал помещиков «прислать в уездные земельные комитеты планы своих хозяйств в двухнедельный срок со времени его опубликования»⁶³).

Аграрная комиссия губернского революционного совета в заседании 29 января 1918 г. выработала план прирезки к яровому клину. Она

⁵⁸) КОГА АОР, ф. 1746, д. 2, л. 39.

⁵⁹) КОГА АОР, ф. 2661, д. 9, л. 96.

⁶⁰) КОГА АОР, ф. 2661, д. 9, л. 10.

⁶¹) КОГА АОР, ф. 2661, д. 9, л. 10.

⁶²) «Известия Курского объединенного Совета», № 26, 17 февраля 1918 г.

⁶³) «Курская жизнь», № 14, 18 января 1918 г.

указывала уездным и волостным земельным комитетам, что прежде чем выработать уездную норму, нужно произвести учет всех свободных земель (под свободными землями комиссия подразумевала те, которые сами владельцы не могут обработать без наемного труда, исключение из этой категории составляли земли вдов, сирот и семей военнослужащих) и затем подсчитать количество душ, получающих землю. Она советовала при перерезке к яровому клину придерживаться очередности, указанной в инструкции о земельных комитетах, которую опубликовал Совнарком 13 декабря 1917 г.⁶⁴⁾ После получения сведений о свободных землях аграрная комиссия предлагала уездным комитетам собрать заседание совместно с представителями от волостей и установить норму прирезок ярового клина на душу. 14(1) февраля это решение аграрной комиссии губернского революционного совета было помещено в «левоэсеровской» газете «Курская жизнь», но в газетном тексте особо подчеркивалось, что нельзя отбирать землю у тех граждан, которые обрабатывают ее своим трудом, хотя они и имели ее большие нормы. Это указание давало возможность кулацким элементам сохранить часть земель сверх нормы.

Если в течение января и первой половины февраля 1918 г. основное внимание земельных органов направлялось на прекращение стихийного раздела земель и на подготовку данных к весеннему переделу ярового клина (мы отвлекаемся в данном случае от работы земельных органов по распределению инвентаря и т. д.), то со времени опубликования закона о социализации земли они начали выработать местные положения о переделе земли.

В двадцатых числах февраля 1918 г. в Шиграх состоялся крестьянский уездный съезд. Он постановил: «Весенние посевы и вообще всю землю распределить на основании закона о социализации земли по потребительской норме, т. е. на каждую живую душу поровну в уезде»⁶⁵⁾. Съезд предлагал также по норме распределить усадебные земли, причем наделение усадьбами вдов и сирот женского пола он поставил в зависимость от решений местных обществ. В случае нехватки в некоторых местах земли съезд высказался за расселение. Переселению в первую очередь подлежала, по желанию, крестьянская беднота за счет государства, во вторую — богатые крестьяне за свой счет, «если на то последует распоряжение волостных организаций»⁶⁶⁾. По решению съезда лица, сделавшие задатки на покупку земли, получали их обратно, если принадлежали бедноте, и лишались их в пользу земельных комитетов, если были богатыми. «Отруба, принадлежавшие частным лицам, — говорилось в постановлении съезда, — должны быть уничтожены, а владельцы должны быть причислены к обществам. То же самое распространяется и на бывших помещиков»⁶⁷⁾.

Для распределения ярового клина в Курской губернии имел огромное значение I губернский земельный съезд. Он заседал с 8 по 16 марта 1918 г. В статье I резолюции, принятой съездом по докладу распределительной комиссии, говорилось, что «исходя из основного закона о социализации земли, то есть уравнительности землепользования, съезд постановил: существующие в пределах уезда границы между волостями и деревнями не должны быть принимаемы во внимание при разверстке земель к яровому посеву. Уездные границы сохраняются

⁶⁴⁾ КОГА АОР, ф. 1746, д. 2, л. 30.

⁶⁵⁾ «Известия Курского объединенного Совета», № 34, 27 февраля 1918 г.

⁶⁶⁾ Там же.

⁶⁷⁾ Там же.

временно и для облегчения работы»⁶⁸). Резолюция возлагала на губернский земельный комиссариат разрешение спорных вопросов между отдельными уездами при распределении ярового клина. Согласно примечанию первому статьи первой дальние поля и спорные земли оставались за тем уездом, в пределах которого они находились. Граждане другого уезда теряли право пользования ими. Таким образом, это решение, уменьшая количество дальних полей, сохраняло неравномерность в пользовании землей между уездами. Статья пятая резолюции предлагала: «Распределение земли к яровому посеву произвести на каждую живую душу обоюбого пола по равной доле». Примечание первое к статье пятой определяло количество населения, которое должно быть наделено землей. «Количество живых душ,—говорилось в этом примечании,—принимается для наделения то, какое состояло в семье ко дню Уездного земельного съезда, разверстывающего землю»⁶⁹). Отрубники и лица, имевшие купчие земли, должны были получить землю на общих основаниях (примечание второе статьи пятой). Статья 4 резолюции, включив 35 статью закона о социализации земли, давала преимущество социалистическим формам ведения сельского хозяйства. Для обработки земли в личных интересах резолюция по докладу распределительной комиссии рекомендовала руководствоваться 22 статьей закона о социализации земли. Примечание статьи шестой этой резолюции передает подлинный текст 22 статьи закона о социализации земли, которая в первую очередь предполагала наделять землей крестьянскую бедноту и сельскохозяйственных рабочих. Резолюция обязывала губернский земельный комиссариат послать в уезды землемеров «для оказания возможной помощи и содействия распределению земли к яровому посеву»⁷⁰). Съезд признавал необходимым уравнивать усадебные участки с таким расчетом, чтобы в каждой усадьбе было достаточно места для огорода и сада. Однако величину усадебного участка он предложил определить уездным земельным съездам.

20 марта 1918 г. открылся Новооскольский уездный земельный съезд. В работах съезда приняли участие 35 представителей от волостных земельных отделов, 4 члена Новооскольского уездного земельного отдела, представитель Новооскольского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, член Курского губернского комиссариата земледелия и представитель Новооскольского лесничества. На съезде обстоятельный доклад об итогах I губернского съезда сделал большевик Пепенко, один из представителей от Новооскольского уезда на губернском земельном съезде. Он же сообщил о прибытии в скором времени из Курска в Новый Оскол шести землемеров для распределения ярового клина и привел статистические данные о землевладении в Новооскольском уезде. По этим данным в Новооскольском уезде на каждую живую душу приходилось по 0,354 десятины ярового клина. Съезд принял к сведению и руководству решения I губернского земельного съезда об уравнительном распределении земли. Но в отличие от решений губернского земельного съезда, предлагавшего распределить яровой клин в уездных границах, большинство представителей от волостей высказалось за разверстку ярового клина по волостям. Из 38 голосовавших 30 поддержали предложение волостных делегатов, шесть были против их предложения и двое воздержались. Резолюция уездного земельного съезда о распределении ярового клина на живые души возлагала

⁶⁸) КОГА АОР, ф. 1746, д. 2, л. 39.

⁶⁹) КОГА АОР, ф. 1746, д. 2, л. 39.

⁷⁰) Там же.

проведение уравнительного передела на волостные земельные отделы. Этот передел должен был происходить в пределах каждой волости с нарушением границ между отдельными обществами. Резолюция сохраняла неравномерное распределение между волостями. Она была невыгодна малоземельным волостям. Большевик Пепенко, считая такое решение съезда отклонением от закона о социализации земли, вышел из состава уездного земельного отдела⁷¹). Очередность при наделении земель съезд постановил определять на основании 22 статьи закона о социализации земли. Он запрещал отводить под усадьбы свыше $\frac{1}{2}$ десятины на двор.

26 марта 1918 г. Суджанский уездный земельный комиссариат вынес решение о распределении ярового клина уравнительно в пределах волостей⁷²). 9 апреля 1918 г. аналогичное решение утвердил II земельный съезд Львовского уезда⁷³). Но между этими решениями была существенная разница, ибо Суджанский земельный комиссариат наметил распределение ярового клина по волостным нормам, а Львовский земельный съезд по единой уездной норме. Соответственно этому иное назначение получал земельный фонд, образовавшийся из бывших частновладельческих земель. В Львовском уезде съезд постановил наделять из него те селения и волости, в которых земли не хватало до уездной нормы, разрешая при этом передать излишки сверх нормы из одной волости в другую. В Суджанском уезде волостные земельные фонды предназначались только для наделения земель крестьян своей волости. Суджанский уездный земельный комиссариат запрещал отводить земли от ярового клина беженцам.

Как и II Львовский уездный земельный съезд, так и IV Львовский уездный съезд Советов установили одинаковую норму усадебной земли, равной $\frac{1}{2}$ десятины на двор. В эту площадь включался сад, огород, конопляники, постройки и проч.⁷⁴). У кого до нормы не хватало, тому, по решению IV съезда Советов Львовского уезда, земля добавлялась до нормы частично за счет кулацких приусадебных земель, частично за счет полевых. У кого имелось больше $\frac{1}{2}$ десятины на двор, то излишки нормы рекомендовалось отрезать. Для участия в разделе ярового клина II Львовский уездный земельный съезд решил не позднее 11 апреля 1918 г. послать на места землемеров!

В Старооскольском уезде распределение яровых также предусматривалось по уездной норме. На это указывает резолюция II Старооскольского уездного чрезвычайного съезда Советов от 5 июня 1918 г. Решение этого съезда предусматривало выплату одной четвертой части урожая с излишков ярового клина от волостей, которые получили земель ярового клина больше уездной нормы. Эта выплата шла крестьянам тех волостей, которые получили земель ярового поля меньше уездной нормы⁷⁵).

Постановления советских органов Курской губернии весной 1918 г. наметили два пути распределения яровых полей. В одном случае яровые должны были делиться по уездной норме, в другом — по волостной. Все решения предусматривали раздел яровых на живые души (по едокам), т. е. все лица, занимавшиеся сельским хозяйством, независимо от пола и возраста должны были получить одинаковую норму. Одно-

71) КОГА АОР, ф. 2664, д. 30, л. 264.

72) КОГА АОР, ф. 1746, д. 2, л. 123.

73) КОГА АОР, ф. 865, д. 1, л. 16.

74) КОГА АОР, ф. 1746, д. 2, л. 61.

75) КОГА АОР, ф. 865, д. 9, л. 257.

временно они предусматривали наделение усадебными местами. В Новооскольском и Льговском уездах величина усадьбы при наделении была установлена в $\frac{1}{2}$ десятины. В Фатежском уезде II земельный съезд предлагал оставить усадьбы величиною в две десятины на двор. Эту кулацкую норму губземотдел отменил 29 мая 1918 г.⁷⁶⁾ Постановления для руководства распределением ярового клина предусматривали посылку на места землемеров.

Как правило, распределение озимых посевов 1917 г., пара под озимые 1918 г. и лугов земельные органы обсуждали в мае и летом 1918 г. Исключение в этом отношении составляли Щигровский и Новооскольский уезды, где вопрос о разделе озимых посевов 1917 г. рассматривался в феврале и марте 1918 г. Еще в феврале 1918 г. IV Щигровский крестьянский съезд высказался за раздел озимых посевов частных лиц как крестьянских, так и помещичьих по потребительской норме среди крестьян, которые получат участки из ярового клина. На мартовском земельном съезде Новооскольского уезда по вопросу об озимых посевах 1917 г. разгорелась ожесточенная борьба. Большевик Пепенко, ссылаясь на решения I губернского земельного съезда, предложил не обсуждать этого вопроса. Но его предложение не было принято. Съезд большинством в 30 голосов, против 6 и 4 воздержавшихся, постановил: «Произведенные на урожай 1918 г. озимые посевы, ввиду отмены наемного труда и дабы посевы эти не пропали и были бы убраны своевременно, распределить между населением на уравнительных началах, с уплатою лицам, от коих отобраны будут излишки посевов, по твердым ценам стоимости семян и обработки земли. Распределение посевов передать местным волостным земельным отделам»⁷⁷⁾.

Компенсируя стоимость обработки земли и семян, постановление делало уступки кулацким элементам деревни. Протоколы II Новооскольского уездного земельного съезда отмечают, что за исключением одной волости это решение в жизнь не проводилось. Поэтому II Новооскольский уездный земельный съезд снова обсуждал вопрос об озимых посевах 1917 г.

II губернский земельный съезд, собравшийся 16 мая 1918 г., уделил основное внимание распределению пара, лугов и озимых посевов 1917 г. Так же, как при распределении яровых, съезд сохранил уездные границы. Однако в целях уравнивания земельных площадей отдельных уездов он сохранял за малоземельными уездами участки, которые им раньше принадлежали на территории большеземельных уездов. Съезд допускал также передачу пограничных земель бывших частных владельцев из уездов, занимавших большую площадь, в малоземельные уезды.

Таким образом, съезд хотел достигнуть более уравнительного распределения земли среди крестьян Курской губернии. Парину съезд предложил делить на живые души в порядке, установленном 22 статьей закона о социализации земли.

Весьма противоречивое и своеобразное постановление утвердил II губернский земельный съезд относительно распределения озимых посевов урожая 1918 г. В статье 11 аграрной резолюции II губернского земельного съезда запрещалось распределять озимые посевы 1917 г., принадлежавшие нетрудовым владельцам. Они передавались в ведение местных волостных советов. Но уже статья 12 этой резолюции допускала нарушение этого правила, ибо она разрешала наделение из площади

⁷⁶⁾ ЦГАОР, ф. 478, оп. 116, д. 116, л. 2.

⁷⁷⁾ КОГА АОР, ф. 313, д. 5, л. 24.

озимых нетрудовых владельцев бедняков, не имевших озимых посевов, по нормам, установленным уездными земельными съездами. Только оставшиеся после такого распределения озимые посевы 1917 г. должны были убираться волостными советами. Урожай с них Советы обязаны были передать в уездные продовольственные органы. Статья 10 аграрной резолюции губернского съезда сохраняла за бывшими «трудовыми» владельцами их озимые 1917 г. независимо от величины их земельной площади. Только в крайнем случае, когда в волости отсутствовали посевы бывших нетрудовых владельцев, примечание к статье 12 допускало отрезку озимых посевов от так называемых трудовых владельцев. Из отрезанных у «трудовых» земледельцев земель могли наделяться только те бедняки, которые совершенно не имели озимых посевов 1917 г. В интересах кулаков «левые» эсеры сумели протащить решение об озимых посевах, которое противоречило интересам пролетарской диктатуры. Распределением частновладельческих посевов среди крестьян они хотели сорвать снабжение хлебом урожая 1918 г. промышленных центров.

Распределение лугов съезд возложил на уездные земельные съезды, вменив им в обязанность руководствоваться при этом основным законом о социализации земли⁷⁸). 23—30 мая 1918 г. происходил II Новооскольский уездный земельный съезд. Он рассматривал вопрос об отношении к озимым посевам 1917 г. При обсуждении этого вопроса кулаки требовали сохранения озимых посевов «трудового» крестьянства и распределения частновладельческих посевов, превышающих нормы. Представители бедноты высказывались за отобрание у кулаков всех озимых посевов 1917 г., превышающих $\frac{1}{2}$ десятины на душу. Съезд постановил при решении вопроса о распределении озимых посевов придерживаться резолюции II губернского земельного съезда. Он соглашался на частичное распределение бывших частновладельческих озимых посевов среди бедняков, не имевших их. Однако съезд отверг домогательства кулаков, требовавших сохранения за так называемыми «трудовыми» крестьянами их озимых посевов. Он постановил отобрать озимые посевы трудовых хозяйств, превышающие 1 десятину на душу⁷⁹). При распределении пара под озимые посевы 1918 г. и лугов съезд решил руководствоваться «Временной инструкцией переходных мер по проведению в жизнь закона о социализации земли».

Упорная борьба за землю возникла на II Курском уездном земельном съезде (начало июня 1918 г.).

Один из защитников кулацких земель внес проект «О сохранении мелких хозяйств по норме: 2 души — 7 десятин, $\frac{1}{2}$ десятины усадьбы, $\frac{1}{2}$ десятины сенокоса, при 15 душах — 27 десятин, т. е. по потребительской норме»⁸⁰). Сторонники этого кулацкого проекта утверждали, что он подтверждается хозяйственными соображениями. Однако бедняки выступали против этого проекта. Съезд отверг кулацкие предложения. Он решил собрать материалы к «черновому» переделу земли и немедленно приступить к распределению пара, не нарушая волостных границ⁸¹).

Собравшийся 29 июля 1918 г. III уездный земельный съезд высказался за равнительный передел всех земель в уезде. Он определил категории лиц, подлежащих наделению землей. В число наделяемых лиц входили:

⁷⁸) КОГА АОР, ф. 313, д. 5, л. 24.

⁷⁹) КОГА АОР, ф. 2664, д. 4, лл. 11—12.

⁸⁰) КОГА АОР, ф. 583, д. 14, л. 1.

⁸¹) КОГА АОР, ф. 583, д. 10, л. 9.

все земледельческое население с семьями, находившиеся в плену, пропавшие без вести, работники общественных учреждений, избранные от сельских обществ, красноармейцы, лица, жившие на стороне и не имевшие работы, ремесленники, обрабатывавшие раньше землю, семьи советских служащих и наконец те члены рабочих семей, которым пришлось после раскладки заработка главы семьи между ее членами меньше 75 рублей. Съезд точно определил, из какой волости сколько нужно отобрать лишних сверх уездной нормы земель и в какую добавить земли до нормы⁸²).

В середине июня 1918 г. состоялся IV Льговский уездный съезд Советов, обсудивший вопрос о распределении земли. Пар под озимые посевы 1918 г. съезд постановил распределить на живые души по уездной норме, не нарушая волостных границ в порядке, указанном 22 статьей основного закона о социализации земли. В число наделяемых он включил 270 семей городских жителей. Как и при наделе яровыми, из запасного фонда прежде всего наделялись жители ближайших сел и деревень, а затем остатки сверх уездной нормы передавались в другую волость по возможности крупными массивами. Рассматривая вопрос об озимых посевах 1917 г. съезд наметил отрезать от трудовых хозяйств излишки сверх $\frac{1}{2}$ десятины на душу и передавать их лицам, не засевавшим озимого клина. Озимые посевы нетрудовых хозяйств он передавал полностью в ведение волостных комиссариатов, чтобы они, убрав с них урожай, передали обмолоченное зерно продовольственным органам, а солому нуждающимся крестьянам. Луга распределялись на общих основаниях, но часть их предназначалась для компенсации тем крестьянам, которые недополучили ярового до нормы, из расчета $\frac{1}{2}$ десятины луга за десятину ярового⁸³).

Таким образом, паровые земли под озимь 1918 г. и луга советские земельные органы предполагали распределить на живые души (по едокам) летом 1918 г. По отношению к бывшим частновладельческим озимым посевам в решениях советских органов не было одинакового подхода. II губернский и II Новооскольский уездные земельные съезды постановили часть озимых посевов 1917 г. нетрудовых хозяйств раздать крестьянам, не имевшим их, но зато сохранить часть посевов сверх нормы за кулаками. Иную позицию по этому вопросу занял IV Льговский уездный земельный съезд Советов, который полностью запрещал раздел озимых посевов 1917 г. бывших частновладельцев. Но он позволял отбирать озимые у зажиточных крестьян, имевших больше $\frac{1}{2}$ десятины на душу, для уравнительного распределения среди бедняков, у которых такие посевы совершенно отсутствовали.

Изгнание «левых» эсеров из советских органов способствовало правильному проведению в жизнь указаний Советского правительства. 24 августа 1918 г. Курский уездный продовольственный комитет отменил постановление II уездного земельного съезда о разделе озимых посевов 1917 г. бывших частных владельцев между крестьянами. Он обязывал граждан, уже собравших урожай с таких посевов, доставить его на ссыпные пункты⁸⁴).

Наряду с распределением земли и инвентаря советские земельные органы проявляли постоянное внимание и заботу о сохранении действительно культурных имений с многопольным (шести- и более) севооборотом и стремились к расширению показательных и опытных полей,

⁸²) КОГА АОР, ф. 313, д. 5, л. 30.

⁸³) КОГА АОР, ф. 1746, д. 2, л. 61.

⁸⁴) КОГА АОР, ф. 583, д. 12, л. 48/4.

к распространению сельскохозяйственных знаний среди крестьян Курской губернии.

Об этом ярко свидетельствуют многочисленные решения земельных съездов, уездных земельных комитетов и земельных отделов. 19 января 1918 г. Гимский уездный земельный комитет постановил сохранить «культурные имения, как показательные для населения, с тем, чтобы в них были сохранены заведенные там способы ведения хозяйства»⁸⁵).

Аналогичное указание волостным земельным отделам сделал Новооскольский уездный земельный отдел 16 февраля 1918 г.

Аграрная комиссия Курского губернского революционного совета в заседании 29 января 1918 г. определила земельные площади, не подлежащие разверстке, включив в них земли, подготовленные под посев сахарной свеклы, земли специальных культурных хозяйств (6 и больше польных культур), участки под травосеянной культурой, питомники и усадебные участки. Она предусматривала оставление в каждой волости показательного поля с площадью не менее 10 десятин.

Подробно обсуждался этот вопрос на I губернском съезде. Он утвердил две специальных резолюции. Первая называлась «Об опытных полях, показательных участках и т. п.», вторая «О садоводстве и огородничестве». В целях поднятия производительности сельского хозяйства он признавал необходимым устроить в каждой волости опытное поле площадью не менее 12 десятин. Стремясь к поднятию сельскохозяйственных знаний среди крестьянства, он решил: «Теперь же приступить к устройству в каждом уезде сельскохозяйственного училища (разряда)»⁸⁶). Для каждого училища предусматривалось отведение специального участка в 50 десятин. В губернии съезд предполагал устроить институт по садоводству и отвести под него 100 десятин земли. Кроме того, съезд хотел организовать шесть опытных полей согласно шести рассоналям почвенных условий для каждого по 100 десятин. В резолюции «О садоводстве и огородничестве» он намечал устройство садовых питомников, опытной садовой станции на участке земли в 40 десятин и создание сети учебно-показательных садов и садовых семенных рассадников.

В целях улучшения посевного материала крестьянских хозяйств съезд предусматривал устройство в каждой волости семенного рассадника.

Нет необходимости подробно рассматривать все постановления аналогичного порядка. Отметим только, что II Льговский земельный съезд сохранял для различных опытных предприятий 271 дес., что II губернский земельный съезд требовал сохранения многопольной системы в бывших помещичьих хозяйствах и утвердил резолюцию об организации опытного дела в Курской губернии и улучшении луговодства и садоводства, что II Курский уездный земельный съезд выслушал специальный доклад о постановке опытного дела в уезде, что III Курский земельный съезд отводил под семенной участок и учебно-показательные поля 50 дес. земли, что Суджанский съезд Советов выделял под показательные поля по 20 дес. в каждой волости и т. д.

Курская губерния обладала крупными свеклосахарными плантациями и заводами, игравшими первостепенное значение в деле снабжения Советской республики сахаром. Они приобрели особое значение в связи с оккупацией Украины немецкими империалистами.

Каковы решения советских земельных органов Курской губернии о свеклосахарных заводах и плантациях? В неоднократно упоминав-

⁸⁵) КОГА АОР, ф. 865, д. 10, л. 15.

⁸⁶) КОГА АОР, ф. 1746, д. 2, л. 39.

шейся резолюции Льговского земельного комитета от 20 января 1918 г. предполагалось «свеклосахарные хозяйства сохранить и передать в ведение земельных комитетов, организованных на новых началах, которым озаботиться, чтобы посев свеклы был произведен»⁸⁷). В приказе № 29 аграрной комиссии Курского губернского Совета, опубликованном в газете «Курская жизнь» от 14(1) февраля 1918 г. признавалась необходимость немедленной национализации сахарных заводов. Весьма путанную резолюцию вынес по этому вопросу I губернский земельный съезд. Из текста резолюции прежде всего видно, что съезд отбирал свеклосахарные плантации из ведения заводов, ибо «для заводов, — говорилось в § 5 этой резолюции, — должно быть оставлено лишь необходимое под постройки и оборудование завода (огороды, поля, орошения, маточные высадки и посадки для рабочих) количество земли»⁸⁸). Свеклосахарные плантации поступали в распоряжение земельных съездов, которые определяли площадь под посевы сахарной свеклы. Установленные уездным земельным съездом земли под посевы свеклы предполагалось сдавать по контрактам как товариществам и обществам, так и отдельным гражданам. Резолюция признавала, что посевы должны быть сохранены в размерах посевной площади сахарных плантаций в период 1910—1917 гг. Гражданам и товариществам, берущим землю для посевов сахарной свеклы, предлагалось выдать бесплатно семена и удобрения, за обработку десятины 250 рублей аванса. Кроме того, ссылаясь на основной закон о социализации земли, резолюция разрешила товариществам и обществам использование «оплачиваемого труда». В действительности это была простая ссылка на закон, потому что закон о социализации земли представлял такое право только советским органам «для поднятия сельскохозяйственной культуры»⁸⁹). Эти условия отвечали интересам кулацкой верхушки и значительно ущемляли интересы государства. Особенно четко выявилась левозеро́вская сущность резолюции в § 7. В нем писалось: «Необходимо стремиться к социализации сахарных заводов, до того же все сахарные заводы должны быть национализированы (взяты в руки государства)»⁹⁰). Очевидно, в данном случае вторая половина параграфа (о национализации свеклосахарных заводов) добавлена для формы, а упор делался на стремление к так называемой социализации, т. е. к передаче этих заводов в ведение местных «левозеро́вских» земельных органов, а не государству.

Передавая для распределения весь простой инвентарь, отбирая у заводов почти всю землю, хотя и с условием обязательного засева ее сахарной свеклой, «левые» эсеры срывали фактически национализацию и ставили работу заводов в зависимость от тех лиц и обществ, которые производили посевы. Поэтому не случайно то, что и уездные распоряжения шли по линии ограничения свеклосахарных посевов. 26 марта 1918 г. Суджанский уездный земельный комиссариат постановил «часть плантаций сахарной свеклы уезда, находившихся на территории Замостинской и Мирпольской волостей, передать крестьянам»⁹¹). Предоставляя Пенскому и Льговскому свеклосахарным заводам под посевы свеклы 5121 дес., II Льговский земельный съезд отказал в отведении 4000 дес. Любимовскому сахарному заводу. Крестьянские общества Льговского уезда должны были заключить контракты об условиях обработки свек-

⁸⁷) КОГА АОР, ф. 2661, д. 9, л. 16.

⁸⁸) КОГА АОР, ф. 1746, д. 2, л. 39.

⁸⁹) Съезды Советов РСФСР в постановлениях и резолюциях, М., 1939 г., стр. 47.

⁹⁰) КОГА АОР, ф. 1746, д. 2, л. 39.

⁹¹) КОГА АОР, ф. 865, д. 1, л. 387.

лосахарных плантаций с представителями губернского земельного комиссариата и союзом трудящихся. Съезд передавал прибыль от свеклы в пользу населения, «которому должна была принадлежать земля»⁹²).

После изгнания «левых» эсеров из советских исполкомов земельные съезды предусматривали выделение земли под посевы сахарной свеклы. В августе 1918 г. III Курский уездный земельный съезд, руководствуясь декретом Совнаркома, приказал выделить 2300 десятин при бывшем имении Волкова в распоряжение сахарных заводов.

В заключение главы рассмотрим распоряжения советских земельных органов о лесах и садах частных владельцев.

В первую очередь Советские органы предусматривали прекращение хищнического истребления лесов, которых так мало находилось на территории Курского уезда. Одновременно нужно было удовлетворить нуждавшихся бедных крестьян в топливе. Характерна в этом отношении телеграмма Новооскольского земельного уездного комитета Троицкому волостному земельному комитету от 10 января 1918 г. Она запрещала порубку 57 десятин леса для распределения по 1 сажени на двор, исходя из декрета о земле, объявившего все леса достоянием всего народа, но разрешала выдавать лес только нуждающимся⁹³). 30 января 1918 г. газета «Курская жизнь» поместила приказ № 2, ссылаясь на декрет о земле, в этом приказе аграрная комиссия Курского губернского ревсовета предписывала всем уездным и волостным земельным комитетам прекратить расхищение лесов. IV Шигровский крестьянский съезд предлагал вернуть незаконно расхищенный лес. Отсюда видно, что постановления местных советских органов о лесах проводили в жизнь основные указания ленинского декрета о земле и были опубликованы в большинстве своем в январе — феврале 1918 г.

Советские земельные органы предусматривали и сохранение садов государственного значения. Из резолюции Новооскольского уездного земотдела от 16 февраля 1918 г. видно, что в большие помещичьи, церковные и другие сады частных владельцев, имевших государственное значение, намечалось назначить заведующих и садовников, которые должны были ухаживать за садами. Они должны были содержаться за счет уездного земотдела. Это решение подтвердил Новооскольский земельный съезд от 20 марта 1918 г., но он разъяснял, что «сады на усадьбах и хуторах учета и ведению земотделов не подлежат и остаются в пользовании настоящих владельцев»⁹⁴). 25 марта X Фатежский экстренный съезд Советов выразил пожелания о сохранении садов, как народного достояния и передачи их в ведение специалистов. Аграрная комиссия Курского ревсовета предложила всем волостным Советам принять меры к сохранению садов, огородов и пашек бывших помещичьих имений, которые стали народным достоянием⁹⁵).

Итак, многочисленные постановления и распоряжения Советских земельных органов Курской губернии охватывали все вопросы, связанные с ликвидацией помещичьего землевладения. Эти органы в своей деятельности руководствовались законами Советского правительства. Однако на ряде постановлений о свеклосахарных плантациях и озимых посевах 1917 г. на землях бывших частных владельцев отразилось «левоэсеровское» влияние, шедшее в разрез с интересами Советского государства.

⁹²) КОГА АОР, ф. 865, д. 1, л. 16.

⁹³) КОГА АОР, ф. 2661, д. 4, л. 5.

⁹⁴) КОГА АОР, ф. 2664, д. 4, л. 5.

⁹⁵) КОГА АОР, ф. 583, д. 10, л. 64.

НАЧАЛО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ. ПЕРЕГОВОРЫ ОБ ОБРАЗОВАНИИ ЧЕТВЕРТОГО АНГЛО-ФРАНКО-РУССКО-ЯПОНСКОГО СОЮЗА

С. С. ГРИГОРЦЕВИЧ

Первая мировая война была порождена всей системой внутренних и внешних противоречий, охвативших империалистические государства. Многие буржуазные историки придерживаются того взгляда, что причины, вызвавшие мировую войну, находились в Европе. Написано значительное количество книг, в которых ответственность за возникновение империалистической войны возлагается либо на Германию, либо на Англию и Францию, либо на царскую Россию. В соответствии с политическими симпатиями авторов, подчеркивается агрессивная политика одних государств, а захватническая политика других оправдывается¹⁾. Несомненно, что антагонизм между европейскими государствами, прежде всего между Англией и Германией, носил наиболее острый характер, и поводом для возникновения войны явился европейский конфликт, тем не менее противоречия, приведшие к войне, охватывали весь мир.

В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что империалистическая война явилась результатом борьбы за передел колоний, за рынки сбыта и сферы приложения капитала. Именно с этой целью создавались различные «мирные союзы», которые «подготавливают войны и в свою очередь вырастают из войн, обуславливая друг друга, рождая перемену форм мирной и немирной борьбы из *одной и той же* формы империалистских связей и взаимоотношений всемирного хозяйства и всемирной политики»²⁾.

Основными империалистическими противоречиями были англо-германские. Англо-германское экономическое, колониальное и военноморское соперничество усиливалось с каждым годом. Одновременно с этим росли противоречия между другими империалистическими государствами, в частности, между Россией и Австро-Венгрией. Англия и Франция были серьезно обеспокоены немецким проникновением на Ближний Восток и в Африку, особенно в связи с попытками германского правительства организовать строительство крупных железных дорог. Вслед за строительством Багдадской железной дороги немецкие монополии настойчиво пытались организовать международный консорциум для строительства железных дорог в центральной Африке.

¹⁾ А. Тэйлор. Борьба за господство в Европе, М., 1958. Сидней Фей. Происхождение мировой войны, т. I и т. II, М., 1934.

А. Вегегер. Der Ausbruch des Weltkrieges, Bd. I—II, Hamburg, 1939.

²⁾ В. И. Ленин. Соч., т. 22, изд. 4, стр. 282.

Относительно последнего предложения Германии французский посол в Берлине Жюль Камбон писал, что «активность, развернутая Германией, волнует весь мир»³). Правящие круги США проявляли беспокойство в связи с усиленным проникновением Германии в страны Латинской Америки, несмотря на то, что германское правительство одобряло агрессивную политику Соединенных Штатов в Мексике, о чем публично, с трибуны рейхстага, заявил статс-секретарь ведомства иностранных дел Ягов⁴).

Американский историк Грисуолд пишет: «Как основные, так и ближайшие причины войны были европейскими, влиявшими на Дальний Восток лишь случайно в соответствии с политическими, экономическими и территориальными интересами воюющих держав в этом районе»⁵). Подобная оценка роли Дальнего Востока в возникновении войны является слишком односторонней. Дальневосточный узел межимпериалистических противоречий складывался десятилетиями. В последние месяцы кануна первой мировой войны на Дальнем Востоке, как и во всем мире, отмечается резкое обострение империалистических противоречий между великими державами. Это находило свое выражение в японо-американских конфликтах, гонке вооружений, усилении борьбы за господство в Китае.

В американских газетах и журналах регулярно появлялись статьи, посвященные вопросам экономического и политического проникновения США в Китай. Так, в мартовском номере американского социологического журнала была опубликована статья Ч. Гендерсона «Америка и Китай», в которой автор подводил итоги развитию политических, экономических и культурных связей Соединенных Штатов Америки с Китаем и делал вывод, что американские деловые люди и правительство должны принять решительные меры для упрочения американского влияния в Китае и использовать с этой целью дипломатию, торговлю, филантропию и т. д.⁶). Рост американской экспансии в Китае ухудшал японо-американские отношения.

В марте 1914 г. японский посол в Берлине Сугимура в беседе с послом Франции в Германии Жюлем Камбоном высказал свое мнение о неизбежности военного столкновения между Японией и США в ближайшем времени⁷).

28 июля 1914 г. Австро-Венгрия начала военные действия против Сербии. 1 августа Германия объявила войну России, а через день Франции. 4 августа в войну против Германии вступила Великобритания. Первая мировая война началась. Вопрос о том, распространится ли война на Дальний Восток и Тихий океан и какой характер она там примет, определялся в значительной степени позицией Японии и Соединенных Штатов Америки. Англия не могла бы рассчитывать на сохранение своих позиций в Восточной Азии, не обеспечив хотя бы нейтралитета двух названных стран. С конца июня 1914 г., когда правительство Великобритании твердо решило довести конфликт до войны с Германией, Форейн-оффис вступил в переписку с Японией относительно пози-

³) „D. D. F.“, Serie 3, t. X, p. 166—167. Жюль Камбон министру иностранных дел Франции Думергу, 13 апреля 1914 г.

⁴) Ibid., p. 364. Жюль Камбон Думергу, 15 мая 1914 г.

⁵) A. Griswold. The Far Eastern Policy of the United States New York, 1938, p. 176.

⁶) См. „The American Journal of Sociology“, March 1914, Chicago, p. 640—648.

⁷) АВПР, Японский стол, д. 922, лл. 108—109. Малевский-Малевиц Сазонову, 30/17 марта 1914 г.

ции последней в случае возникновения войны в Европе. Среди влиятельных военно-бюрократических кругов Японии имелись прогерманские настроения. Но союз с Германией не мог принести должных выгод японскому империализму, так как Германия не обладала значительными силами на Тихом океане — это и определило позицию японского правительства.

Правящие круги Японии рассчитывали использовать мировую войну для осуществления своих колонизаторских планов в Китае, поэтому японское правительство дало Англии самые категорические заверения в том, что Япония поддержит Великобританию. В японских газетах различных направлений появились статьи, в которых высказывалась мысль, что в случае вступления Англии в войну, Япония должна выступить на ее стороне. В газете «Иомиури» было опубликовано высказывание министра иностранных дел Като, который заявил, что «если бы участие Англии в войне отразилось на политических интересах Японии на Дальнем Востоке», то Япония выполнила бы «свои союзнические обязательства»⁸). В Англии опасались, что Япония использует вступление в войну для новых захватов в Китае, подорвет там британские позиции. Кроме того, сдерживающее влияние на позицию Великобритании в этом вопросе оказывало правительство США, боявшееся, что совместное участие Англии и Японии в войне против Германии нанесет значительный ущерб американским интересам на Тихом океане. Но в то же время Великобритания нуждалась в поддержке Японии в случае нападения германского флота на тихоокеанские владения Англии.

3 августа 1914 г. министр иностранных дел Великобритании телеграфировал британскому послу в Токио Грину, прося последнего довести до сведения японского правительства пожелание Форейн-оффис о том, чтобы Япония оказала военную поддержку Англии, если германский флот нападет на Гонконг или Вэйхайвэй⁹). В ответ на это Като заявил, что Япония не объявляет своего нейтралитета, выжидая какую позицию в начавшейся войне займет Великобритания. Като сказал Грину, что Япония окажет немедленную поддержку вооруженным силам Англии в случае нападения Германии на Гонконг или Вэйхайвэй и предложит правительству Великобритании вступить в переговоры относительно условий, на которых Япония могла бы объявить войну Германии¹⁰). Японское правительство стремилось подчеркнуть, что если Япония и вступит в войну, то прежде всего в силу своих союзнических отношений с Англией. Эта формулировка была выгодна, так как она давала возможность Японии потребовать от стран Антанты соответствующей компенсации за свое участие в войне против Германии.

Утром 4 августа состоялось чрезвычайное заседание японского кабинета министров. Во время заседания была получена телеграмма из Лондона, в которой содержалось сообщение о вступлении в войну Великобритании¹¹). В этот же день было опубликовано заявление японского правительства, в котором, с одной стороны, выражалась надежда, что война не распространится на страны Восточной Азии, но вместе с тем определенно указывалось, что если в войну будет втянута Великобритания, то Япония не остановится перед выполнением союзни-

⁸) «Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств». (М. О.), серия III, т. 1, стр. 545. Посол в Токио министру иностранных дел, 3 августа/21 июля 1914 г.

⁹) „B. D.“, v. XI, p. 298.

¹⁰) „B. D.“, v. XI, p. 327—328. Грину Грею. 4 августа 1914 г.

¹¹) T. Takeuchi. War and Diplomacy in the Japanese Empire, London 1935, p. 168.

ческих обязательств по отношению к Англии, если этого потребуют обстоятельства. Таким образом, Япония упорно подчеркивала, что она выступает как союзник Англии. В ответ на это министр иностранных дел Великобритании Грей заявил японскому послу в Лондоне, что в свое время Япония не обращалась за помощью к Англии во время русско-японской войны, поэтому и английское правительство в свою очередь должно избегать вовлечения Японии «в какую-либо беду»¹²⁾.

Нет оснований утверждать, что Англия была заинтересована в нейтралитете Японии и своим демаршем надеялась удержать Японию от вступления в войну. В данном случае цель заключалась в том, чтобы продемонстрировать перед Соединенными Штатами Америки «непричастность» Великобритании к факту вступления Японии в мировую войну. Однако, три дня спустя, когда выяснилось, что немецкая Азиатская эскадра может нанести значительный ущерб английскому судоходству, а Австралия отказывается начать операции против германских островов на Тихом океане до тех пор, пока не будут уничтожены военные корабли Германии на Тихом океане, правительство Великобритании вынуждено было обратиться за помощью к Японии.

6 августа 1914 г. Грей телеграфировал английскому послу в Токио, поручая ему довести до сведения японского правительства просьбу Великобритании о том, чтобы «японцы преследовали и уничтожали немецкие военные корабли в китайских водах», а также вооруженные германские торговые крейсера, которые нападали на английские коммерческие суда. «Это конечно будет означать акт войны против Германии,— писал Грей,— но мы не видим, как этого можно было бы избежать»¹³⁾. Японское правительство, отвечая на просьбу Великобритании, обещало направить соединения своего флота в Корейский пролив для уничтожения германских кораблей и одновременно с этим предложило более широкое участие Японии в войне¹⁴⁾. Япония указала Великобритании, что она готова, основываясь на англо-японском союзном договоре, объявить войну Германии¹⁵⁾ и считает целесообразным занять порт и крепость Циндао — главный опорный пункт Германии на Дальнем Востоке.

Попытки британского министра иностранных дел Грея настоять на том, чтобы Япония ограничила свою помощь Великобритании лишь операциями против германского флота успеха не имели¹⁶⁾. 8 августа японское правительство приняло решение о вступлении в войну против Германии и, в соответствии с этим, начало подготовительные операции для захвата Циндао, а также направило свои миноносцы для отслеживания германских кораблей. К. Исии отмечает, что премьер Окума, министр иностранных дел Като и подавляющее большинство представителей правящих кругов Японии были решительными сторонниками войны против Германии. К. Исии утверждает, что вступление Японии в войну против Германии объяснялось следующими причинами: 1) война со стороны стран Антанты якобы носила справедливый характер, 2) «принципы англо-японского союза обязывали» Японию прийти на

¹²⁾ „B. D.“, v. XI, p. 329.

¹³⁾ Ibid., v. X, part II, p. 823. Грею Грину, 6 августа 1914 г.

¹⁴⁾ Ibid., p. 823. Грину Грею, 7 и 8 августа 1914 г.

¹⁵⁾ В данном случае японское правительство преднамеренно давало слишком широкое толкование условиям англо-японского союзного договора 1911 г., в котором предусматривалось оказание взаимной помощи лишь на случай, если одна из договаривающихся сторон «будет вовлечена в войну для защиты своих территориальных прав или специальных интересов» в Восточной Азии.

¹⁶⁾ A. Griswold. Op. cit., p. 182.

помощь Великобритании, 3) «Японский народ имел возможность свести старые счеты с Германией и отомстить ей за унижение во время тройственного вмешательства¹⁷⁾, а также прогнать Германию из ее базы в Шаньдуне¹⁸⁾.

Высказывания Исии о причинах вступления Японии в первую мировую войну являются неуклюжей попыткой замаскировать захватнические цели японского империализма. В августе 1914 г. японское шовинистическое общество «черный дракон» в специальном обращении к японской нации призвало правительство использовать мировую войну для «решения китайского вопроса», т. е. дальнейшего закабаления Китая и указывало, что «такого благоприятного случая может быть не представится в течение тысячи лет»¹⁹⁾. Начальник генерального штаба японской армии писал в октябре 1917 г.: «Наша лучшая политика действия состоит в том, чтобы искусно пользоваться войной с целью создания прочной национальной политики для империи»²⁰⁾.

В связи с началом мировой войны роль Японии на международной арене значительно возросла. Великобритания просила помощи японского флота. Франция и Россия стремились заключить с ней союзный договор. Японский автор Акаги писал, что в первые дни после начала войны Япония заняла такое положение, «как будто бы все союзные державы в Европе искали спасения в Токио»²¹⁾. 4 августа 1914 г. французский посол в Токио, действуя якобы от собственного имени, предложил министру иностранных дел Японии заключить франко-японский союз, однако Като, как пишет Акаги, не отнесся к этому предложению серьезно²²⁾.

Царское правительство считало, что имевшиеся договоры с Японией не обеспечивали должным образом безопасности русских владений на Дальнем Востоке. Поэтому Сазонов еще в июле 1914 г. предложил Великобритании договориться с Японией относительно взаимной гарантии неприкосновенности азиатских владений трех держав²³⁾. После начала мировой войны царское правительство вновь поднимает этот вопрос²⁴⁾. 8 августа Сазонов заявил представителю Великобритании в России Бучанану, что наступил момент, который надо использовать, чтобы вынудить Японию принять участие в тройственном соглашении. «В настоящее время,—говорил Сазонов,—Англия и Япония являются союзниками по договору, а Англия и Россия союзниками де факто. Положение России по отношению к Японии остается до некоторой степени ненормальным и должно быть поставлено на основе сходной с положе-

¹⁷⁾ Имеется в виду совместный демарш России, Франции и Германии в апреле 1895 г., в результате которого Японии пришлось отказаться от захваченного по условиям Симоносекского мира Ляодунского полуострова.

¹⁸⁾ К. Исии. Дипломатические комментарии, М., 1942, стр. 69.

¹⁹⁾ P. Renouvin. La Question D'extreme—Orient 1840—1940, Paris, 1946, p. 285.

²⁰⁾ H. Borton. Japan's Modern Century, New York, 1955, p. 279.

²¹⁾ H. Akagi. Japan's Foreign Relations 1542—1936, Tokio, 1936, p. 318.

²²⁾ H. Akagi. Op. cit., p. 318.

²³⁾ „В. Д.“, v. X, part II, p. 821. Отрывки из частного письма Никольсона Бучанану от 14 июля 1914 г.

²⁴⁾ 7 августа 1914 г. Сазонов писал русскому послу в Лондоне Бенкендорфу, что Э. Грей «сочувственно» отнесся к предложению «заключить англо-русское соглашение, взаимно гарантирующее неприкосновенность наших азиатских владений», поэтому Сазонов решил попытаться договориться с Великобританией и Японией и заключить конвенцию трех государств с целью «сохранения мира в Азии» и обеспечения «территориальных прав и особых интересов договаривающихся сторон в этой части мира». См. «М. О.», серия III, т. VI, ч. 1, стр. 23. Министерство иностранных дел в Лондоне, 7 августа/25 июля 1914 г.

нием Англии»²⁵). На этой беседе присутствовал посол Франции в России, который поддержал предложение Сазонова.

Ведя переговоры с Великобританией, Сазонов в то же время выяснял точку зрения Японии и в начале августа передал в Токио (через японского посла в Петербурге Мотоно) предложение заключить соглашение с Россией относительно «охраны постоянных интересов России и Японии» на Дальнем Востоке. Сазонов особенно настаивал на том, чтобы вступление Японии в войну сопровождалось обязательствами последней относительно ее целей в войне²⁶). Японское правительство с первых дней возникновения конфликта в Европе занимало по отношению к царской России внешне вполне лояльную позицию. Через 3—4 дня после вступления России в первую мировую войну представитель японского военного министерства заявил военному агенту России в Японии генерал-майору Самойлову о том, что военное министерство Японии будет всеми мерами содействовать России в войне против Германии «включительно до продажи резервных артиллерийских орудий и снарядов»²⁷). 16 августа военный министр Японии генерал Ахаси в беседе с Самойловым вновь подтвердил готовность Японии помогать России в войне и добавил, что русское правительство может быть спокойным «за сибирскую границу и за порядок в Китае»²⁸).

Таким образом, Япония первая, по своей инициативе, предложила России помощь вооружениями и боеприпасами и дала устные заверения о безопасности русских дальневосточных границ. Подобная политика японского правительства объяснялась, во-первых, тем, что Япония сама собиралась вступить в войну против Германии и, во-вторых, правящие круги Японии надеялись извлечь из подобной политики конкретные выгоды для себя. Прежде всего расчет был на то, что Россия за помощь оружием вынуждена будет пойти на определенные уступки и не препятствовать японской экспансии в Китае. Кроме того, японская дипломатия считала чрезвычайно выгодным для себя отвлечение основных сил России в Европу. Чем больше Россия слабела, увязнув в мировой войне, тем большую свободу рук получала Япония на Дальнем Востоке. Однако попытки Франции и царского правительства добиться японских гарантий неприкосновенности владений Франции и России на Дальнем Востоке не увенчались успехом, хотя японское правительство и не отвергло переговоров по этому вопросу.

5 августа 1914 г. царский посол в Токио передал в Петроград проект русско-японского соглашения о союзе, состоявший из 4 статей, который, если судить по его содержанию, был составлен в японском министерстве иностранных дел и включал следующие основные положения²⁹): «Ст. 1. Оба правительства подтверждают договоры, конвенции и соглашения, заключенные между ними и сохраняющие в настоящее время свою силу. Ст. 2. Если интересы и права, предусмотренные упомянутыми дипломатическими актами..., оказались бы под угрозой, оба правительства договариваются между собой о тех мерах, которые необходимо принять для охраны этих интересов и прав. Ст. 3. Если та или другая из высоких договаривающихся сторон подверглись бы на

²⁵) В. D., v. X, part II, p. 821. Бучанан Грею, 8 августа 1914 г.

²⁶) Н. А каг i. Op. cit., p. 318.

P. Renouvin. Op. cit., p. 285.

²⁷) «М. О.» серия III, т. VI, ч. 1, стр. 113. Телеграмма Малевского-Малевича из Токио, 5 августа/23 июля 1914 г.

²⁸) Там же.

²⁹) См. «М. О.», серия III, т. VI, ч. 1, стр. 11. Посол в Токио министру иностранных дел, 5 августа/23 июля 1914 г.

Дальнем Востоке нападению..., другая сторона должна оказать ей поддержку или при помощи своих армий или соблюдая самый строгий нейтралитет». В статье 4-й предусматривался порядок введения договора в силу и отмечалось, что он не затрагивает положений англо-японского союзного договора и франко-японского соглашения 1907 г.

Заключение подобного договора было бы выгодным Японии, так как он гарантировал нейтралитет или даже помощь России на случай войны Японии против Китая или Соединенных Штатов Америки. Для России же подобный договор не мог дать существенных выгод, так как взаимная помощь или строгий нейтралитет предусматривались лишь на случай войны на Дальнем Востоке, где на Россию могла в то время напасть лишь Япония. Проект договора не предусматривал никаких обязательств Японии в связи с начавшейся войной России против Германии и Австро-Венгрии, но он мог вовлечь царскую Россию в международные осложнения на Дальнем Востоке, вызванные действиями Японии, и поэтому не был принят царским министерством иностранных дел в качестве основы для соглашения. Характерно, что русский посол в Токио в телеграмме от 8 августа 1914 г. настаивал на подписании договора с Японией, доказывая, что Франция ведет переговоры с Японией и в случае подписания союзного соглашения между Францией и Японией положение России на Дальнем Востоке, по мнению Малевского-Малевича, могло оказаться «еще менее обеспеченным, чем после заключения первого англо-японского союза»³⁰).

Переговоры относительно создания Четверного англо-франко-японо-русского союза, происходившие в августе 1914 г., оказались безрезультатными. Такеути пишет, что идея заключения союзных договоров с Россией и Францией пользовалась в Японии поддержкой премьера Окума и членов гэнро³¹), но вскоре выяснилось, что Япония не хотела брать на себя конкретных обязательств, рассчитывая использовать ослабление европейских держав, вызванное войной для установления своей гегемонии на Дальнем Востоке. Союз с Англией обязывал Японию к участию в морских операциях на Тихом океане и давал возможность укрепиться в Шаньдунской провинции; союз с Россией и Францией мог втянуть ее в войну в Европе, а последнее противоречило интересам японского империализма.

Правительство Великобритании считало, что позиции Англии на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии достаточно обеспечены союзом с Японией. Поэтому Э. Грей в вопросе о подписании Четверного соглашения занял уклончивую позицию. 15 августа 1914 г. Э. Грей заявил русскому послу в Токио, что если «Япония объявит войну Германии, английские власти получат немедленно приказ, согласно договору, створиться с японскими властями, что российское и французское правительства будут безотлагательно об этом осведомлены и что эти правительства будут иметь возможность согласовать свой образ действий с Японией»³²). В правящих кругах Англии считали, что если Япония станет союзником не только Англии, но также Франции и России, то это ослабит ведущую роль Великобритании в блоке стран Антанты.

4 сентября 1914 г. Великобритания, Франция и Россия подписали лондонскую декларацию, в которой они обязались «не заключать се-

³⁰) «М. О.», серия III, т. VI, ч. 1, стр. 99—100 (примечание).

³¹) T. Takeuchi. War and Diplomacy in the Japanese Empire, London, 1935, p. 196.

³²) «М. О.», серия III, т. VI, ч. 1, стр. 100. Посол в Лондоне министру иностранных дел, 15/2 августа 1914 г.

паратного мира в течение настоящей войны» и «во время мирных переговоров не выдвигать никаких требований без предварительного обмена мнений между союзниками». Сразу же после подписания декларации Э. Грей довел до сведения царского и французского правительств, что Лондонская декларация не может отменить условия англо-японского союзного договора, поэтому правительство Великобритании «должно согласовывать с Японией свой образ действий как во время ведения войны, так и в будущем при заключении мира»³³).

Японский посол в Париже К. Исии советовал своему правительству присоединиться к Лондонской декларации. Но министр иностранных дел Като считал, что Япония, связанная соответствующими обязательствами с Великобританией, сможет отстоять свои интересы и без присоединения к декларации трех держав³⁴). В то же время Като заверил русского посла в Токио в том, что «Япония не заключит мира с Германией до полного окончания войны на европейском театре военных действий»³⁵). В данном случае правительство Японии считало нецелесообразным связывать себе руки конкретными обязательствами. Войска Германии одерживали временные успехи на европейских театрах сражений и исход войны был еще не ясен. В силу изложенных обстоятельств Грей и Като предложили Франции и России отложить переговоры о Четверном союзе до окончания мировой войны³⁶).

Правящие круги Соединенных Штатов Америки выражали вполне обоснованные опасения, что вступление Японии в войну на стороне стран Антанты приведет к установлению японской гегемонии на Дальнем Востоке. 4 августа 1914 г. была опубликована прокламация президента Вильсона о нейтралитете США³⁷). Одновременно с этим государственный департамент вступил в дипломатическую переписку с великими державами о сохранении статус кво на Дальнем Востоке и нейтрализации Тихого океана³⁸). Поводом для постановки этого вопроса явилось обращение китайского правительства к Соединенным Штатам от 3 августа 1914 г. с просьбой поддержать предложение Китая и добиться обязательства воюющих сторон не распространять военные операции на китайскую территорию, арендованные районы и территориальные воды Китая³⁹). В то же время правительство Нидерландов, опасавшееся потерять свою колонию Индонезию, подняло вопрос о нейтрализации западной части Тихого океана⁴⁰).

Вопрос о нейтрализации иностранных поселений (сеттльментов) в Китае обсуждался дипломатическим корпусом в Пекине, большинство которого высказалось за нейтрализацию всех иностранных поселений за исключением арендованных территорий. 3 августа государственный департамент уполномочил американскую миссию в Пекине участвовать в соглашении относительно нейтрализации иностранных сеттльментов в Китае. 7 августа советник государственного департамента Лансинг

³³) «М. О.», серия III, т. VI, ч. 1, стр. 224. Памятная записка английского посольства в Петрограде министру иностранных дел, 8 сентября/26 августа 1914 г.

³⁴) К. Исии. Указ. соч., стр. 79—80.

³⁵) «М. О.», серия III, т. VI, ч. 1, стр. 231. Посол в Токио министру иностранных дел, 9 сентября/27 августа 1914 г.

³⁶) H. A k a g i. Op. cit., p. 318.

³⁷) Заявление Вильсона о нейтралитете США было передано всюющим странам в период с 4 августа по 6 ноября 1914 г. См. „European War“, Nr. 2, Washington, 1915, p. 15—17.

³⁸) A. G r i s w o l d. Op. cit., p. 179.

³⁹) „F. R.“. (Lansing Papers), v. I, p. 1. Меморандум китайской миссии государственному департаменту от 3 августа 1914 г.

⁴⁰) „F. R.“, (Lansing Papers), v. I, p. 2.

разработал и направил президенту Вильсону меморандум «О курсе, который следует проводить, чтобы сохранить статус кво в Китае». Кратко изложив историю переговоров по вопросу о нейтрализации Китая и Тихого океана, Лансинг делал вывод о том, что «предложение нейтрализовать любую часть Тихого океана будет отвергнуто некоторыми из воюющих сторон и что, следовательно, было бы неразумно» пытаться достигнуть такой цели. Лансинг предлагал добиваться нейтрализации договорных портов Китая и обязательства воюющих государств уважать нейтралитет Китая, считая, что подобное решение вопроса в достаточной степени обеспечит интересы США. Кроме того, в меморандуме указывалось, что «сохранение статус кво является наиболее важным для американских интересов», и в связи с этим Лансинг предлагал заручиться обязательством всех воюющих и нейтральных государств, имевших интересы в Китае, сохранять неизменным «статус всех иностранных прав и интересов в Китае» до окончания мировой войны⁴¹⁾.

Таким образом, Лансинг выступил против попыток Китая не допустить распространения военных операций на свою территорию и считал, что путем подписания соглашения о статус кво в Китае можно защитить там американские интересы, а заодно сохранить полуколониальное положение Китайской республики. Правительство США не решилось оказать серьезное давление на Японию с целью удержать ее от военных действий на Тихом океане. Это не явилось случайным. Япония была союзником Великобритании, а американский нейтралитет с самого начала войны был проанглийским. Еще накануне войны в американской прессе появлялись высказывания о том, что Соединенные Штаты Америки «для того, чтобы сохранить свою собственную безопасность, должны быть готовыми поддержать Англию» в борьбе против Германии⁴²⁾.

Вскоре выяснилось, что Лансинг, предсказывавший провал планов нейтрализации Тихого океана и Дальнего Востока, был прав. Великобритания, претендовавшая на тихоокеанские колонии Германии, отказалась поддержать предложение о нейтрализации Тихого океана, но соглашалась признать принцип сохранения статус кво в Китае, а Япония, в свою очередь, не соглашалась на стабилизацию положения в Китае. Только правительство Германии, не имевшее достаточных средств для обороны Циндао и своих тихоокеанских владений, 14 августа приняло предложение США⁴³⁾. Переговоры о нейтрализации Дальнего Востока ускорили военное выступление Японии, опасавшейся заключения какого-либо соглашения, которое могло бы явиться препятствием к осуществлению захватнических планов японского империализма в Китае. Вступление Японии в мировую войну было несколько задержано тем, что английские и японские империалисты не смогли быстро договориться о разделе германских дальневосточных колоний. 15 августа 1914 г. японское правительство передало Германии резкую по содержанию ноту, носившую характер ультиматума. Япония требовала⁴⁴⁾: 1. «Немедленно отозвать из китайских и японских вод германских военных моряков и военные суда всех родов и разоружить те,

⁴¹⁾ „F.R.“ (Lansing Papers), v. 1, p. 1—3.

⁴²⁾ F. Dulles. *America's Rise to World Power 1898—1954*, New York, 1955, p. 62.

⁴³⁾ A. Griswold. *Op. cit.*, p. 179.

⁴⁴⁾ В памятной записке, переданной японским послом в Петербурге царскому правительству, указывалось, что в данном вопросе Япония действует «по предложению английского правительства». См. «М. О.», серия III, т. VI, ч. 1, стр. 107.

которые не могут быть отозваны. 2. Передать не позже 15 сентября 1914 г. императорским японским властям безо всяких условий или компенсаций всю арендованную территорию Киаочжоу полностью ввиду возвращения ее в будущем Китаю». Японское правительство предупредило Германию, что если его «предложения» не будут приняты Германией до 12 часов 23 августа, то Япония «сохраняет за собой право принять все те меры, которые она признает необходимыми»⁴⁵). Посланник Германии в Токио Рекс советовал своему правительству принять японский ультиматум, канцлер Германии Бетман-Гольвег склонен был последовать совету посла, но главное командование флота и армии настаивало на том, чтобы оставить ультиматум без ответа. Адмирал Тирпиц пишет, что сражаться с Японией надо было для того, чтобы обеспечить с ней союз в будущем⁴⁶). Дело конечно не в этом. Военная верхушка Германии, исходя из идей «блицкрига», рассчитывала в течение 3—4 месяцев добиться полной победы в Европе и надеялась, что германский гарнизон в Циндао сумеет продержаться до этого времени.

Вскоре после получения ультиматума германская дипломатия сделала попытку передать Циндао с арендованной территорией Китаю, оставив за собой право получить этот порт или равноценную арендованную территорию после окончания войны. Китайское правительство согласилось с предложением Германии. Однако Япония и Великобритания потребовали от Китая отказаться от предложения Германии. Тогда правительство Юань Ши-кая, не без участия германских дипломатов, обратилось к правительству Соединенных Штатов с просьбой выступить в качестве посредника и, «взяв себе права Германии», возвратить арендованную территорию Китаю⁴⁷). Правительство Германии рассчитывало, что правящие круги США могут соблазниться возможностью сыграть столь большую роль при решении важного вопроса и впутаются в конфликт с Японией и Англией, что, несомненно, соответствовало бы интересам Германии. Расчеты германских дипломатов, в данном случае, не оправдались. Государственный департамент отказался удовлетворить просьбу Китая, указав, что подобный шаг скорее «вызовет, чем предотвратит войну»⁴⁸).

22 августа 1914 г. Япония начала подготовку к операции против немецких войск в Шаньдунской провинции. 23 августа был обнародован рескрипт японского императора, в котором указывалось, что Япония объявляет войну Германии в соответствии с обязательствами по англо-японскому союзу и необходимостью защиты японской торговли, которая якобы терпела ущерб из-за крейсерских операций германских кораблей⁴⁹). На следующий день премьер Японии Окума обратился с посланием к американскому народу, в котором заявлялось, что Япония не имеет «никаких территориальных претензий» к Китаю⁵⁰).

Вступление Японии в мировую войну произошло в обстановке, когда японо-американские отношения были крайне напряженными. Ф. Даллес писал: США были «настроены недружественно по отношению к Японии и рассматривали с глубоким подозрением каждый шаг,

⁴⁵) Там же.

⁴⁶) А. Тирпиц. Воспоминания, М., 1957, стр. 125—126.

⁴⁷) В это же время появились слухи о том, что Германия предлагала Соединенным Штатам Америки купить германскую железную дорогу в Шаньдунской провинции. См. «Вестник Азии», 1914, № 28—29, стр. 120.

⁴⁸) J. F. R., 1914 (Supplement), 173—174. Брайан Макмеррею, 20 августа 1914 г.

⁴⁹) J. Mac Murray. Treaties and Agreements with and concerning China 1894 — 1919, v. II, New York, 1921, p. 1153.

⁵⁰) G. Wood. The Shantung Question, New York, Chicago, 1922, p. 46—48.

который она делала»⁵¹). В Соединенных Штатах Америки с опасением взирали на перемещения кораблей японского флота к тихоокеанскому побережью американского континента. В это же время в японской прессе появились сообщения о том, что Соединенные Штаты Америки якобы перебрасывают часть американской атлантической эскадры на Дальний Восток. Государственный департамент счел целесообразным официально опровергнуть это сообщение⁵²). Правительство Великобритании, опасаясь возможности возникновения японо-американского конфликта, направило великим державам меморандум следующего содержания: «Великобританское и Японское правительства, снесясь друг с другом, пришли к заключению, что для обоих необходимо принять меры защиты общих интересов на Дальнем Востоке, которые предусматриваются англо-японским союзом, имея специально в виду, что в этом соглашении оговаривается независимость и неприкосновенность Китая. Под этим подразумевается, что действия Японии в Тихом океане не будут распространяться за пределы китайских морей за исключением лишь тех случаев, когда это может оказаться необходимым для защиты японских пароходных линий в этом океане, и за пределы азиатских вод на запад от китайских морей, а также ни на какие бы то ни было иностранные территории, за исключением оккупированной Германией территории на континенте Восточной Азии»⁵³).

Обязательство Японии не распространять военные операции своего флота на запад от китайских морей было вскоре нарушено. В сентябре 1914 г. японская эскадра, отправившаяся по просьбе английского морского командования на поиски германских крейсеров, заняла остров Ялуит — наиболее крупный из группы Маршалльских островов. Английский посол в Токио, объясняя причины распространения военных операций японского флота за пределы китайских морей, заявил, что Англия оказалась не в состоянии собственными силами охранять необъятные морские пространства, расположенные между Азией, Америкой и Австралией⁵⁴).

Значительная часть американской прессы требовала от правительства США принятия конкретных мер по защите американских интересов на Тихом океане против возможных поползновений Японии. В конгресс был внесен проект резолюции с требованием заявить протест против намерений Японии занять Циндао. Однако президент Вильсон выступил против попыток оказать давление на Японию и заявил, что нет оснований сомневаться в «добросовестности Японии», которая, как утверждал Вильсон, обещала не нарушать неприкосновенность Китая⁵⁵). Государственный секретарь сообщил японскому послу в Вашингтоне, что внесенная в конгресс резолюция «последствий иметь не будет»⁵⁶).

В США великолепно понимали замыслы японского империализма и имели достаточно доказательств относительно агрессивных намерений Японии в Китае. Вскоре после начала войны президент Юань Ши-кай в беседе с американским посланником в Пекине говорил, что Япония

⁵¹) F. Dull es. Forty Years of American - Japanese Relations, New York - London, 1937, p. 108.

⁵²) „F. R.“, 1914 (Supplement), p. 168.

⁵³) «М. О.», серия III, т. VI, ч. 1, стр. 124. Памятная записка английского посольства в Петербурге министру иностранных дел, 19/6 августа 1914 г.

⁵⁴) «М. О.», серия III, т. VI, ч. 1, стр. 407—408. Посол в Токио министру иностранных дел, 17/4 октября 1914 г.

⁵⁵) «М. О.», серия III, т. VI, ч. 1, стр. 118. Телеграмма Бахметьева из Вашингтона, 17/4 августа 1914 г.

⁵⁶) Там же (примечание).

имеет «определенный и далеко идущий план использования европейского кризиса для установления контроля над Китаем»⁵⁷), но правительство США не собиралось предпринимать серьезных шагов для противодействия японской агрессии, так как правящие круги США надеялись во время войны укрепить позиции американского империализма на Дальнем Востоке, рассчитывая, что военные действия ослабят Японию, Великобританию и Россию.

15 сентября 1914 г. был подписан американо-китайский арбитражный договор, получивший название договора «О содействии всеобщему миру». Договор предусматривал, что всякие конфликты, возникающие между двумя государствами, в случае, если их не удастся урегулировать обычным дипломатическим путем, либо посредством обращения к третейскому суду, должны разрешаться специальной комиссией из 5 человек. В данную комиссию должно было войти 2 американца, 2 китайца и один человек по взаимному согласованию двух сторон⁵⁸). Устанавливалась довольно сложная процедура работы комиссии. Государственный департамент, подписывая этот договор, преследовал цель рекламировать США, как государство, якобы относившееся к Китаю как к равной стороне, кроме того, правительство Соединенных Штатов ставило задачу сблизиться с Китаем для борьбы против Японии. После ратификации американским сенатом и правительством Китая договор вступил в силу с 23 октября 1915 г.⁵⁹), но фактически не применялся до окончания первой мировой войны.

27 августа 1914 г. командующий японским флотом объявляет блокаду бухты Киао-Чао, которую к этому времени успели покинуть почти все германские военные корабли — там остались лишь два легких крейсера. Пять дней спустя в Шаньдунской провинции начинают высадку японские воинские части и небольшое подразделение английских войск, которые были посланы как для контроля за деятельностью японского командования, так и для того, чтобы продемонстрировать видимость совместных действий союзников в Китае⁶⁰). В операциях в Шаньдунской провинции приняло участие 30 тысяч японских солдат и 1350 английских. 3 сентября правительство Китая направило представителям иностранных государств, аккредитованных в Пекине, ноту, в которой указывалось на военные приготовления Японии, Англии и Германии в районе Циндао и объявлялось, что правительство Китая не в состоянии помешать ведению военных действий в области, примыкающей к бухте Киао-Чао, но за пределами этой области Китай брал обязательство принимать все зависящие от него меры для сохранения нейтралитета.

Попытки Китая ограничить военные операции районом, примыкавшим к германской арендованной территории, не имели никакого успеха. Япония и Великобритания не собирались считаться с интересами китайского народа, а правительство Германии даже обвинило правительство Китая в нарушении нейтралитета и заявило, что Китай должен нести ответственность за последствия, вызванные действиями японских войск⁶¹). Японское командование спланировало проведение

⁵⁷) F. Dulles. Forty Years of American—Japanese Relations, New York—London, 1937, p. 103.

⁵⁸) „F. R.“, 1915, p. 41—43.

⁵⁹) Ibid., p. 41.

⁶⁰) Вскоре после занятия Циндао английские солдаты были отозваны из Шаньдунской провинции.

⁶¹) «М. О.», серия III, т. VI, ч. 1, стр. 300—301. Посланник в Пекине министру иностранных дел, 23/10 сентября 1914 г.

военных действий против крепости Циндао так, что основная тяжесть операций легла на плечи сухопутной армии. Это было не случайно. Правительство Японии хотело сохранить силы флота нетронутыми на случай каких-либо осложнений с Соединенными Штатами. Кроме того, операции с суши давали возможность Японии занять, под предлогом военной необходимости, железную дорогу Циндао — Цзинань и утвердить свою гегемонию в Шаньдунской провинции.

30 сентября 1914 г. правительство Китая заявило официальный протест против оккупации японскими войсками станций, расположенных на Шаньдунской железной дороге⁶²). В ответной ноте правительство Японии утверждало, что оно намерено и имеет право занять всю железнодорожную линию Циндао — Цзинань потому, что она является германским предприятием⁶³). Правительство Великобритании поддержало Японию⁶⁴). 9 октября китайское правительство передало еще одну ноту протеста против оккупации японскими войсками железной дороги и населенных пунктов Шаньдунской провинции⁶⁵), также оставшуюся без положительного ответа. Китаю пришлось вывести свои войска из района железной дороги, которая перешла под управление японской военной администрации.

В сентябре-октябре 1914 г. германские острова на Тихом океане были заняты военно-морскими силами Японии, Великобритании, Австралии и Новой Зеландии⁶⁶). Крепость Циндао, которую защищало около 5 тысяч немецких солдат, оборонялась до 7 ноября 1914 г.⁶⁷). Военными операциями против Циндао и захватом Маршалльских, Марианских и Каролинских островов фактически и ограничилось участие Японии в первой мировой войне. Потеряв около 2 тысяч человек в военных операциях, Япония намного укрепила свои военно-политические позиции на Дальнем Востоке. Японские империалисты начали осуществлять планы установления своей гегемонии в Восточной Азии.

19 ноября 1914 г. были опубликованы правила японской администрации относительно управления бывшей германской арендованной областью Киао-Чао (Цзяочжоу). Вся экономическая и политическая жизнь области переходила под контроль японских оккупационных властей, которым передавалась административная власть и право облагать гражданское население налогами⁶⁸). Затем под контроль японской военной администрации были переданы таможенные учреждения порта Циндао. Все права и привилегии, захваченные в свое время Германией в Шаньдуне, теперь перешли в руки Японии.

Японский империализм стремился прочно утвердиться в Шаньдунской провинции, и японское правительство вероломно отказалось от своего обещания возратить Цзяочжоу Китаю. В декабре 1914 г. министр иностранных дел Като, выступая в японском парламенте, заявил, что Япония не связана какими-либо обязательствами перед Англи-

⁶²) J. Mac Millan. Op. cit., v. II, p. 1155.

⁶³) Ibid., p. 1156.

⁶⁴) Правительство Китая обращалось с просьбой к Великобритании и США не допускать распространения военных действий за пределы Циндао.

⁶⁵) J. Mac Millan. Op. cit., v. II, p. 1157.

⁶⁶) Австралийский флот занял архипелаг Бисмарка, Соломоновы острова и германские владения на Новой Гвинее. Острова Самоа заняла Новая Зеландия. Японский флот при поддержке британского захватил Маршалльские, Марианские и Каролинские острова.

⁶⁷) Тирпиц утверждает, что крепость Циндао обороняло 3 500 немецких солдат. Указ. соч., стр. 126.

⁶⁸) J. Mac Millan. Op. cit., v. II, p. 1159—1160.

ей или другой страной «относительно возвращения Циндао» Китаю⁶⁹). Газета «Хоци-симбун», выражавшая взгляды премьера Окумы, писала: «Когда ультиматум упоминал о возвращении Киао-Чао Китаю, то он имел в виду мирное разрешение конфликта, теперь же после того, как Киао-Чао завоеван силой оружия и орошен японской кровью — создано совершенно другое положение. Япония в настоящее время имеет не только юридическое, но и моральное право задержать Циндао за собой»⁷⁰).

Правительство Японии ставило задачу удержать в своих руках тихоокеанские острова Германии, оккупированные Японией. Вслед за японскими войсками на Маршалльские и Каролинские острова были направлены японские переселенцы и торговцы. Министр иностранных дел Като в беседе с русским послом в Токио Малевским-Малевичем заявил, что «судьба этих островов будет решаться после войны, но во всяком случае мы не намерены возвратить их Германии»⁷¹). Представители военно-морских кругов добивались дальнейшего увеличения морского флота, ссылаясь на то, что Голландия может вступить в войну на стороне Германии, и тогда Япония получит возможность занять Индонезию⁷²). Мировая война привела почти к полной ликвидации позиций Германии на Дальнем Востоке и к значительному увеличению роли Японии и Соединенных Штатов Америки в дальневосточных делах.

**

Наступление германских войск на Францию летом и осенью 1914 г., разгром двух русских армий в Восточной Пруссии в конце августа 1914 г. — поставили страны Антанты в довольно тяжелое военное положение, особенно на Западном фронте. В таких условиях правительства Франции и России вновь выдвинули предложение о создании Четвертого англо-франко-русско-японского союза с целью добиться отправки японских войск в Европу. С инициативой по этому вопросу выступило правительство Франции, которое было активно поддержано царской Россией. Сазонов в ответ на новые требования французского и английского кабинетов активизировать военные действия против Германии на русско-германском фронте с целью отвлечения немецких войск, наступавших на Париж, предложил быстрее привлечь во Францию японские войска. Однако английское правительство не поддержало этот план. В начале сентября 1914 г. министр иностранных дел Англии Э. Грей говорил русскому послу в Лондоне Бенкендорфу, что он видит в проекте «неудобства» и думает, что понадобилось бы слишком много времени для привлечения во Францию японских войск; одновременно с этим Грей заявил о том, что он просил Японию прислать эскадру в Средиземное море⁷³). Английский посол в Петрограде также сообщил Сазонову об отрицательном отношении английского правительства к проекту участия японских войск в операциях на французском фронте и что Грей предпочитал, чтобы японские армии сражались на русском фронте»⁷⁴).

После сообщения английского посла Сазонов телеграфировал в Лондон Бенкендорфу: «Нам совершенно не нужна японская помощь,

⁶⁹) Т. Такеучи. *Op. cit.*, p. 181.

⁷⁰) «Китай и Япония», 1915, № 224, стр. 95.

⁷¹) «М. О.», серия III, т. VI, ч. 1, стр. 408. Посол в Токио министру иностранных дел, 17/4 октября 1914 г.

⁷²) «Китай и Япония», 1915, № 224, стр. 97.

⁷³) «М. О.», серия III, т. VI, ч. 1, стр. 202. Телеграмма Бенкендорфа Сазонову от 2 сентября/20августа 1914 г.

⁷⁴) Там же, стр. 206.

с другой стороны, мы не считаем себя вправе противиться тому, чтобы наши союзники французы воспользовались помощью японских войск в видах выполнения трудной задачи «обороны страны от вражеского нашествия». Сазонов предлагал Бенкендорфу сообщить Грею вышеизложенное и настоятельно просить последнего «безотлагательно снабдить английского посла в Токио инструкциями для тождественного выступления представителей Тройственного согласия с целью получить согласие японского правительства на отправку его войск во Францию»⁷⁵). На следующий день 4 сентября Бенкендорф телеграфировал, что Англия готова «поддержать Францию в этом вопросе, но боится, что японское правительство отнесется к нему не особенно сочувственно»⁷⁶).

Позиция Англии в вопросе об обращении к Японии с просьбой послать войска во Францию имела решающее значение, поскольку Англия была наиболее тесно связана с Японией, и Япония входила в антигерманский блок на основе англо-японского союзного договора. Однако английское правительство опасалось, что за более широкое участие в войне Япония потребует новых уступок на Дальнем Востоке, в том числе за счет английских колоний и доминионов. Поэтому британские дипломаты отрицательно отнеслись к предложению Франции и России.

Японское правительство вскоре после начала войны стало зондировать почву по вопросу о том, как будет реагировать царское правительство на предложение послать японские войска на русско-германский фронт. До сведения начальника генерального штаба Янушкевича было доведено, что японцы на известных условиях согласились бы помочь России присылкой войск⁷⁷). Но Янушкевич считал, что продвижение значительного японского экспедиционного корпуса через Сибирь небезопасно «ввиду невозможности вполне доверять японцам и отсутствием русских войск в Сибири»⁷⁸).

21 сентября 1914 г. премьер-министр Японии Окума сообщил русскому послу в Токио о якобы имевшихся многочисленных ходатайствах японских резервистов, желавших принять участие в войне в составе вспомогательного японского корпуса на русском театре военных действий⁷⁹). Подобное заявление японского премьера являлось по сути дела косвенным предложением послать японские войсковые части на русско-германский фронт. Это предложение обсуждалось царским правительством и было решено воспользоваться японским предложением; узнать численность корпуса и японские эшелоны при перевозке войск пускать вперемежку с русскими⁸⁰).

Однако японское правительство не предприняло практических шагов для оказания прямой военной помощи России. Отвечая на запрос Сазонова, Малевский-Малевич сообщил из Токио 30 октября 1914 г.,

⁷⁵) «М. О.», серия III, т. VI, ч. 1, стр. 206. Телеграмма Сазонова Бенкендорфу от 3 сентября/21 августа 1914 г.

⁷⁶) Там же, стр. 206 (примечание).

⁷⁷) Япония имела своего представителя в ставке верховного главнокомандующего русской армии. В сентябре 1914 г. четырем японским офицерам было разрешено выехать в качестве наблюдателей в действующую русскую армию.

⁷⁸) «М. О.», серия III, т. VI, ч. 1, стр. 207. Телеграмма управляющего дипломатической канцелярией при ставке министру иностранных дел от 3 сентября/21 августа 1914 г. В начале сентября 1914 г. до сведения японского правительства было доведено, что войска Приамурского военного округа мобилизуются для отправки на фронт. См. там же, стр. 222.

⁷⁹) «М. О.», серия III, т. VI, ч. 1, стр. 285—286.

⁸⁰) Там же, стр. 319.

что проект посылки японских войск в Европу не встречает «сочувствия в оппозиционном парламентском большинстве партии сэйюкай», которая «отрицательно относится к увеличению военных расходов» и ко всяким военным мероприятиям Японии. Здесь же Малевский-Малевиц писал, что японское правительство относится неблагоприятно к посылке добровольческих отрядов в Европу, а что касается посылки японского вспомогательного корпуса в Россию, то он, по мнению русского посла, не обсуждался японским правительством⁸¹). Сделав свое предложение, Окума, по-видимому, стремился лишь выяснить позицию России и подчеркнуть дружеское отношение Японии к России⁸²).

В конце 1914 г. после кровопролитных боев во Франции стал сказываться недостаток обученных солдат и боеприпасов. Не менее тяжелым было положение на русском фронте. Члены французского правительства выражали опасения, что русская армия окажется не в состоянии сковывать на своем фронте значительные силы немецких войск, что даст возможность Германии обрушить основной удар против Франции. 5 декабря 1914 г. на заседании Совета министров Франции премьер-министр Вивиани заявил, что не видит другого средства спасти Францию от разгрома, кроме как «призвать японцев в Европу, чего бы это ни стоило, и уплатить за их помощь любую цену, которую они потребуют, в случае надобности — Индо-Китай»⁸³). Совет министров Франции по предложению министра иностранных дел Делькассе принял решение попытаться еще раз привлечь японские войска во Францию, а также убедить Англию и Россию пойти на уступки Японии с целью «заклучения, если возможно, союза между четырьмя державами». В качестве таких уступок правительство Франции считало возможным предложить Японии следующее: 1) предоставить японским торговцам в Индо-Китае те же таможенные права, какие имели там французы; 2) оказать Японии финансовую помощь, необходимую ей для эксплуатации Маньчжурии и Кореи; 3) оказать воздействие на Россию, чтобы последняя «согласилась подписать договор о союзе с Японией и признала бы за ней определенные сферы влияния в Китае»⁸⁴).

В соответствии с решением своего правительства Делькассе вступил в переговоры с Англией и Россией о привлечении японских сухопутных сил к участию в войне в Европе и создании Четверного союза⁸⁵). Переговоры в Токио по этому вопросу вел представитель Англии. Министр иностранных дел Като в ответ на предложение послать японские войска в Европу сказал, что Япония не может этого сделать, так как вынуждена сохранять крупные силы на Востоке для защиты там собственных интересов. Характерно, что в качестве одной из причин отказа послать армию в Европу Като назвал напряженные взаимоотношения Японии с Соединенными Штатами Америки⁸⁶). Като просил английского посла в Токио сохранить переговоры об отправке японских

⁸¹) «М. О.», серия III, т. VI, ч. 1, стр. 286 (примечание). Телеграмма Малевского-Малевица от 30/17 октября 1914 г.

⁸²) В Японии было выявлено 12 тыс. человек, изъявивших желание выехать добровольно на русско-германский фронт. См. «Харбинский вестник», 14 июня 1916 г.

⁸³) Р. Пуанкаре. На службе Франции. Воспоминания за девять лет, тт. V и VI, М., 1936, стр. 260.

⁸⁴) Р. Пуанкаре. На службе Франции. Воспоминания за девять лет, тт. V и VI, М., 1936, стр. 260.

⁸⁵) «М. О.», серия III, т. VI, ч. 11, стр. 204. Посол в Париже министру иностранных дел, 10 декабря/27 ноября 1914 г.

⁸⁶) Там же, стр. 214. Посол в Лондоне министру иностранных дел, 14/1 декабря 1914 г.

войск в тайне. Однако этот вопрос оживленно обсуждался в японских общественных кругах. Обычно идею посылки войск в Европу поддерживали крайние милитаристские и шовинистические круги Японии, надеявшиеся использовать этот факт в качестве предлога для увеличения армии, и считавшие, что за военную помощь можно будет добиться компенсаций⁸⁷). По сообщению редактора журнала «Вестник Японии» из Токио Е. Евгениева⁸⁸), в Японии было создано «Общество для отправки войск в Европу», развернувшее соответствующую агитацию. Газета «Кокумин» писала о том, что посылке войск должен предшествовать целый ряд союзов, явных и тайных, заключение договоров со всеми заинтересованными государствами, которые «должны будут определить все дальнейшее мировое положение Японии»⁸⁹). В японском парламенте был сделан запрос относительно военной помощи Японии союзникам, отвечая на который министр иностранных дел Като заявил, что никаких формальных заявлений со стороны союзников с просьбой послать японские войска в Европу не было и не ожидается⁹⁰).

В середине декабря 1914 г. Грей и Делькассе договорились, что при сложившихся обстоятельствах было бы нецелесообразно настаивать перед японским правительством на отправке войск в Европу. Однако этот вопрос не был снят с повестки дня. Одной из причин, в силу которых японское правительство отказывалось направить во Францию даже небольшие контингенты своих солдат, было ухудшение англо-японских отношений и то, что правительство Великобритании с самого начала попыталось ограничить участие Японии в мировой войне. Малевский-Малевич сообщил из Токио: «Здесь все сильнее и сильнее чувствуется неудовольствие тем, что Англия ограничила круг японских военных действий и несочувственно относится ко всяким проектам посылки японских войск на европейский театр военных действий. Неудовольствие это выражается и в печати и в военных кружках; уже слышатся голоса, что союз с Англией устарел; что Япония связана и по рукам и по ногам; что ее военное значение умалено ничтожной ролью, ей предоставленной в Киао-Чао»⁹¹).

Не лишен интереса тот факт, что представители Японии при обсуждении вопроса о заключении Четверного союза с представителями Великобритании заявляли, что японское правительство «не считает настоящий момент подходящим для обсуждения вопроса о новых союзах»⁹²), но в то же время японские дипломаты в переговорах с представителями Франции и России высказывали свое положительное отношение к идее «военной кооперации с союзниками на европейском театре войны»⁹³). В данном случае японские политики добивались того, чтобы Франция и Россия оказали давление на Великобританию с целью принудить последнюю пойти на компенсации Японии и с этой целью поступиться интересами британского империализма на Дальнем Востоке.

⁸⁷) «М. О.», серия III, т. VII, ч. I, стр. 12 и т. VIII, ч. II, стр. 54.

⁸⁸) Журнал «Вестник Японии» издавался в Токио на русском и японском языках. В его издании принимали участие видные японские журналисты, государственные деятели Японии и представители капиталистических кругов.

⁸⁹) «Далекая окраина», 3 января 1915 г.

⁹⁰) «М. О.», серия III, т. VI, ч. II, стр. 214 (примечание).

⁹¹) «М. О.», серия III, т. VI, ч. II, стр. 25—26. Посол в Токио министру иностранных дел, 4 ноября/22 октября 1914 г.

⁹²) Там же, стр. 280 (примечание). Телеграмма Бенкендорфа из Лондона, 4 января 1915 г./22 декабря 1914 г.

⁹³) Там же, стр. 281 (примечание). Телеграмма Изольского из Парижа, 31/18 декабря 1914 г.

В конце декабря 1914 г. Сазонов, ссылаясь на сообщения русского посла из Токио о желании японского правительства достигнуть с Россией «тесного политического соглашения», еще раз ставит вопрос о заключении Четверного союза. «...желая укрепления наших отношений с Японией,— писал Сазонов,— что позволило бы сосредоточить наши силы в Европе, мы не считаем возможным заключить соглашение, к которому, по-видимому, стремятся в Токио, без привлечения к нему наших европейских союзников из опасения быть поставленными перед необходимостью поддерживать японскую политику, которая не согласовывалась бы с французскими и английскими интересами»⁹⁴).

2 января 1915 г. состоялось совещание Сазонова с послами Англии и Франции в Петрограде. Здесь Бьюкенен ознакомил присутствовавших с телеграммой Э. Грея, из которой явствовало, что Великобритания не будет более настаивать на том, чтобы переговоры о Четверном соглашении были отложены до конца войны. На совещании договорились, что Сазонов будет зондировать почву через японского посла в Петрограде Мотоно относительно позиции японского правительства по вопросу о Четверном союзе, а посол Франции в Токио попытался выяснить, есть ли реальные шансы на посылку японских войск в Европу⁹⁵).

В этот же день Сазонов беседовал с Мотоно. Последний отнесся сочувственно к планам укрепления политических связей с державами Тройственного соглашения и выразил недовольство политикой Англии по этому вопросу. Четыре дня спустя посол Франции в Токио Реньо сообщил о результатах своих переговоров с представителями японского правительства. Реньо отметил, что в Японии разочарованы союзом с Великобританией и что просьба англичан о посылке войск в Европу была отклонена потому, что Англия не обеспечила за это реальных выгод Японии. Французский дипломат также сообщил, что японское правительство желает более тесного соглашения с Россией и надеется, что Франция могла бы попытаться «уладить отношения Японии к Англии»⁹⁶). Франция оказывала серьезное давление на Великобританию, добиваясь того, чтобы последняя оказала помощь в деле привлечения японских войск в Европу. 6 января 1915 г. посол Англии в Париже записал в своем дневнике: «Французы теряют веру в русский «паровоз»: не хватает пара, чтобы пустить его как следует в ход. Газеты и публика страстно желают иметь во Франции 400 тысяч японцев, чтобы очистить страну от немцев. Согласятся ли японцы на это, и если согласятся, то какой ценой? Индо-Китай считается подходящей приманкой, если ни Россия, ни Англия не согласятся уступить что-либо приемлимое для Японии»⁹⁷).

10 января в Лондоне состоялось совещание, созванное Греем. На совещании посол Франции в Великобритании П. Камбон сообщил следующие условия, на которых японское правительство могло бы послать свои войска в Европу: «1) неприкосновенность Китая и участие Японии на равных основаниях в экономических предприятиях держав в Китае, 2) заем в 80 млн. фунтов в течение двух лет по 40 млн. ежегодно для финансовых нужд Японии, 3) разрешение японской иммиграции в ан-

⁹⁴) «М. О.», серия III, т. VI, ч. II, стр. 280—281. Министр иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу, 28/15 декабря 1914 г.

⁹⁵) Там же, стр. 339. Поденная запись министерства иностранных дел.

⁹⁶) «М. О.», серия III, т. VI, ч. II, стр. 340.

⁹⁷) Лорд Берти. За кулисами Антанты. Дневник британского посла в Париже 1914—1919, М.—Л., 1927, стр. 44.

глийские колонии»⁹⁸). При обсуждении этих условий наибольшую заинтересованность в деле привлечения Японии к участию в войне в Европе проявил французский посол, который сказал, что Франция готова признать два первых условия вступления Японии в войну, так как третье условие касалось только Англии. П. Камбон заявил, что создание Четверного союза «позволило бы России сосредоточить все свои силы, даже азиатские, для борьбы с Германией». Бенкендорф заметил, что он не имеет инструкций своего правительства по данному вопросу, однако указал, что «помощь со стороны японской армии в России признается нежелательной и что, следовательно, дело идет о западном фронте войны».

Министр иностранных дел Англии Грей считал, что правительство Великобритании не сможет решать вопрос о допуске японских иммигрантов в английские колонии, так как против этого будут выступать британские доминионы. Э. Грей на этом совещании, как и ранее, пытался доказать, что англо-японский союзный договор является достаточным связующим звеном между Японией и странами Антанты. В результате бесед с Греем Бенкендорф сделал вывод о том, что в Англии вероятно считают невозможным возобновить англо-японский союз после окончания войны из-за японо-американских трений⁹⁹). Фактически так оно и было. Четверной союз, в случае его создания, укрепил бы позиции Японии против Соединенных Штатов Америки, что могло вызвать недовольство правительства США и отрицательно сказаться на американской финансовой и экономической помощи странам Антанты.

Обращение союзников за военной помощью к Японии создавало в японских правящих кругах впечатление, что положение войск стран Антанты в Европе тяжелое и что в таких условиях Англия вынуждена будет поступиться своей гегемонией в Китае в пользу Японии. Японское правительство не собиралось посылать войска в Европу, так как победа или поражение стран Антанты не смогли бы существенно изменить позиции Японии на Дальнем Востоке. Однако шумиха, поднятая в японской прессе при обсуждении вопроса о посылке войск в Европу, была использована японскими империалистами для подготовки общественного мнения к новому наступлению на Китай в связи с предъявлением «двадцати одного требования».

⁹⁸) «М. О.», серия III, т. VI, ч. II, стр. 342. Посол в Лондоне министру иностранных дел, 10 января/28 декабря 1914 г.

⁹⁹) «М. О.», серия III, т. VI, ч. II, стр. 340—345. Посол в Лондоне министру иностранных дел, 10 января 1915 г./28 декабря 1914 г.

ПОЛИТИКА ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ ДЕРЖАВ В КИТАЕ ВО ВРЕМЯ СИНЬХАЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (ДО ФЕВРАЛЯ 1912 г.)

С. С. ГРИГОРЦЕВИЧ

В советской исторической литературе имеются работы, в которых в общей форме рассматривается политика империалистических держав во время Синьхайской революции¹). Однако особенности и ход дипломатической борьбы, порожденной попытками империалистических держав совместно противостоять революционному движению в Китае, изучены недостаточно. В работах западных буржуазных авторов борьба империалистов против китайского народа в период революции часто замалчивается. В данной статье на основе американских, германских и английских официальных публикаций дипломатических документов, а также советских документальных публикаций и других источников рассматривается политика империалистических держав от начала революции до отречения цинской династии.

Революция 1911—1913 гг. в Китае оказала большое влияние на международные отношения на Дальнем Востоке и способствовала подъему национального и антиимпериалистического движения в других странах Азии. Причины, приведшие к созданию революционной ситуации в Китае, определялись его внутренним социально-экономическим развитием, но, в данном случае, для правильного освещения поставленных вопросов следует учитывать антиимпериалистическую борьбу передовых слоев китайского общества, которая сыграла значительную роль в возникновении и развитии революции. Отсталый полуфеодалный Китай попадал во все возрастающую зависимость от империалистических держав. В. И. Ленин писал: «Чем больше отставал Китай от Европы и от Японии, тем более грозило ему раздробление и национальное разложение»²).

Иностранный капитал захватил в свои руки железные дороги Китая, значительную часть торговли, важные отрасли промышленности, страховое дело и т. д. В 1911 г. протяженность железных дорог Китая достигала 9618 км, из которых только 6,9% находились под управлением китайцев; 39,1% железных дорог принадлежали иностранному капиталу и 54% железных дорог эксплуатировались под контролем иностранных империалистов³). В 1914 г. иностранные капиталовложения в Китае со-

¹) Е. А. Белов, Революция 1911—1913 гг. в Китае, М., 1958. П. П. Севостьянов, Экспансионистская политика США на Дальнем Востоке, М., 1958.

²) В. И. Ленин, соч., т. 18, изд. 4, стр. 148.

³) «История экономического развития Китая 1840—1948 гг.» Сборник статистических материалов. М., 1958, стр. 183.

ставляли 1610 млн. амер. долларов, из которых 496 млн. долларов составляли правительственные займы⁴).

Экономические позиции главных империалистических держав в Китае в 1913—1914 гг. можно проиллюстрировать следующей таблицей⁵).

Государства	Сумма годового оборота прямой торговли в млн. хугуанск. таэлей	Капиталовложения в млн. амер. долларов	Количество фирм в Китае	Число иностранных граждан, проживавших в Китае
Великобритания	113,3	607,5	590	8966
Россия	67,0	269,3	—	65000
Германия	45,3	263,6	296	2949
Япония	184,9	219,6	1269	80219
США	73	49,3	131	5340

Таким образом, на первом месте по капиталовложениям в Китае стояла Англия, затем шла царская Россия. Надо учитывать, что из 269,3 млн. долларов русских капиталовложений в Китае 189,3 млн. долларов составляла стоимость КВЖД, затем 32,8 млн. приходилось на правительственные займы Китая. Всего на долю русских капиталовложений в различные отрасли промышленности и торговли Китая приходилось около 44 млн. долларов. Из прямых деловых капиталовложений царской России в Китае в 1914 г. 98% приходилось на Маньчжурию⁶). Поэтому в ходе китайской революции царское правительство стремилось прежде всего оградить свои империалистические интересы в Северной Маньчжурии. Что касается Японии, то 68,9% ее деловых капиталовложений приходилось на Маньчжурию, где были созданы крупные японские железнодорожные и горнорудные предприятия⁷). Японские монополии имели значительные вложения в обрабатывающую промышленность и внешнюю торговлю Южного Китая.

Наибольшие капиталовложения в южных и центральных районах Китая, ставших основными центрами революционного движения, имели Англия, Германия, Франция и Соединенные Штаты Америки. Следует отметить, что США, имевшие в Китае меньшие вложения капиталов по сравнению с другими великими державами, оказывали большое влияние на цинское правительство, а затем правительство Юань Ши-кая. С этой целью американская дипломатия использовала либеральную фразеологию и через многочисленную агентуру стремилась внушить китайцам, что Соединенные Штаты якобы защищают суверенитет и территориальную неприкосновенность Китая.

Большие доходы приносили предприятия иностранного капитала и отделения иностранных компаний, открытых в Китае. Американский

⁴) Вэй Цзы-чу, Капиталовложения империалистов в Китае (1902—1945), М., 1956, стр. 27.

⁵) Таблица составлена на основе данных Ремера. См. С. Re mer, Foreign Investments in China, New York, 1933, p. 338, 407, 553, 618, 636, 652.

⁶) Ibid., p. 585—587.

⁷) Ibid., p. 426.

экономист Ремер подсчитал, что в благоприятные годы доходы иностранных капиталистов от вложений в частные предприятия Китая достигали 10—15%⁸⁾. В 1912 г. «Японский финансовый и экономический ежемесячник» опубликовал сводную таблицу, посвященную итогам хозяйственной деятельности 52 иностранных компаний в Китае. Все компании выплачивали ежегодные дивиденды держателям акций не ниже 5%, а у большинства компаний дивиденды колебались от 10 до 40% от вложенного капитала⁹⁾. Прибыли страховых компаний были наиболее высокими. Их дивиденды колебались от 20 до 50%. Японский журнал отмечал, что большинство из перечисленных 52 компаний либо принадлежали англичанам, либо контролировались их Гонконг-Шанхайским банком. «Действительно, завидно видеть, — писал японский автор, — как британцы всегда полны энтузиазма в осуществлении своего финансового империализма»¹⁰⁾.

В 1913 г. фабрика английской компании «Джардайн-Мэтисон», основной капитал которой превышал 2 млн. юаней, дала прибыль свыше 772 тыс. юаней, что составляло 36,8% от вложенного капитала¹¹⁾. Иностранные капиталовложения и займы превратились в орудие эксплуатации китайского народа. С 1902 г. сумма прибылей и процентов по займам¹²⁾, ежегодно вывозившихся из Китая, превышала ввоз капитала из-за границы¹³⁾.

Беззащитное хозяйничание иностранного капитала задевало национальные чувства китайского народа и вызывало недовольство национальной буржуазии. Положение цинского правительства в стране все больше подрывалось его непрерывными уступками в пользу империалистов. Большое возмущение китайцев вызывали захват железных дорог Китая империалистами, деятельность консорциума, уступки маньчжурской династии в пользу Японии, агрессивные действия Англии в Тибете и на бирманско-китайской границе. В июне 1911 г. американский посланник в Китае Кальхун сообщил в Вашингтон: «В настоящее время нет недостатка в признаках возобновившегося и до некоторой степени широко распространившегося недовольства среди китайцев к их правителям — маньчжурской династии. Это чувство, кажется, возникло вначале вследствие слабости центрального правительства в делах с Россией и Японией о территориальной юрисдикции в Монголии и управлением Маньчжурии и в конфликте с Великобританией о Юньнань-бирманском разграничении и в договорах по торговле опиумом». Затем, коротко осветив события в Китае, Кальхун сделал вывод о том, что положение в стране «легко может стать критическим» и предлагал установить тщательное наблюдение¹⁴⁾.

Английский империализм, опираясь на тибетских феодалов, продолжал активно вмешиваться в дела Тибета, добиваясь его отторжения

8) С. Re mer, Op. cit., p. 336

9) The Japan Financial and Economic Monthly, 1910, N 10, p. 69—76.

10) Ibid. p. 234—235.

11) См. «История экономического развития Китая 1840—1948 гг.» Сборник статистических материалов. М., 1958, стр. 162.

12) Общая сумма задолженности Китая по займам все время изменялась в связи с погашением одних и заключением других. По данным газеты «Чжэнфугунбао» от 14/XI—1916 г. Китай при цинской династии заключал займов на сумму в 1 млрд. долларов. Газета «China Advertiser» № 39 за 1916 г., ссылаясь на китайские источники, утверждала, что ко времени установления республики в Китае сумма всех правительственных иностранных займов составляла 1358 млн. долларов. См. «Китай и Япония» № 245 и 243 за 1916 г.

13) Вэй Цзы-чу, Указ. соч., стр. 14.

14) «F. R.», 1912, p. 46—47. Кальхун государственному секретарю, 5 июня 1911 г.

от Китая. В сентябре 1910 г. правительство Великобритании поставило в известность Россию, что оно считает утратившим силу соглашение от 31 августа 1907 г. относительно обязательства двух стран не допускать в течение 3-х лет научных экспедиций в Тибет. Правда, при обмене мнениями по этому вопросу представители двух правительств отметили, что ни та, ни другая сторона не собираются посылать туда экспедиций¹⁵). Но тем не менее Англия использовала все возможности для осуществления различных интриг в Тибете. В начале 1911 г. правительство Великобритании стало добиваться от Китая разрешения на продолжение английской железной дороги из Бирмы в провинцию Юньнань. Английский империализм стремился укрепиться в пограничном районе между Бирмой и провинцией Юньнань, откуда лежал наиболее удобный путь в Тибет. Встретив сопротивление Китая, английское правительство сосредоточило на бирманско-китайской границе двухтысячный отряд своих войск, разместив их в районе Бамо (Бьяма)¹⁶). Возник длительный англо-китайский конфликт. В это же время Франция концентрировала свои войска на границе между Индокитаем и провинцией Юньнань и нарушала неприкосновенность китайских границ.

В связи с агрессивной политикой Англии в Тибете и на бирманско-китайской границе в Китае произошел ряд антибританских выступлений. В январе 1911 г. в Ханькоу толпа китайцев, возмущенная действиями английского инспектора полиции, убившего рикшу, напала на английскую концессию. Для защиты концессии были использованы английский и германский десанты, высаженные с военных судов¹⁷). По сведениям газеты «Пекин дейли ньюс», патриотические организации в Юньнани обратились к шанхайским коммерческим организациям с призывом организовать бойкот английских товаров¹⁸). Китайские студенты, обучавшиеся в Японии, призывали создать народное ополчение для борьбы против английского империализма¹⁹). Все чаще вспыхивали революционные выступления в различных провинциях Китая.

Общезвестно, что поводом для начала революции в Китае явилась «национализация» частных китайских железных дорог, осуществленная с целью облегчить железнодорожное строительство участникам хугуанского железнодорожного займа²⁰). Эта «национализация» задевала интересы китайской национальной буржуазии, наносила ущерб держателям акций и вызвала взрыв возмущения буржуазных и мелкобуржуазных кругов. В таких условиях Союзная лига подготовила революционное восстание воинских частей в Учане, начавшееся 10 октября 1911 г. Восстание в Учане победило. Вскоре власть цинского правительства была свергнута в Ухани, а затем революция быстро распространилась на другие районы Китая.

Империалистические державы не смогли предотвратить революцию, но они зорко следили за развивавшимися событиями и принимали все меры к тому, чтобы не только отстоять свои позиции в Китае, но и расширить их. Руководители китайской революции, в том числе и Сунь

¹⁵) ЦГАДВ, ф. 702, оп. 6, д. 162, л. 189.

¹⁶) «Китай и Япония», 1911, № 24, стр. 6.

¹⁷) М. Тутаев, У истоков русско-китайских революционных связей, Казань, 1961, стр. 154-155.

¹⁸) «Китай и Япония», 1911, № 28, стр. 13.

¹⁹) «Вестник Азии», 1911, № 9, стр. 194.

²⁰) 9 мая 1911 г. был издан декрет о «национализации» железных дорог, а 20 мая этого же года было подписано окончательное соглашение о хугуанском ж. д. займе, в котором принимали участие Англия, Франция, США и Германия.

Ят-сен, опасались возможной интервенции империалистических держав в случае, если революция примет антиимпериалистическую направленность. Поэтому они принимали все меры к тому, чтобы направить революционную энергию масс в русло борьбы против маньчжурской династии и дали заверения великим державам в том, что интересы последних в ходе революции не пострадают. 2 января 1912 г. временное правительство, образованное в Нанкине, обратилось с манифестом ко всем государствам, в котором указывалось, что оно признает все договоры, заключенные цинским правительством с другими государствами и будет «погашать долги по всем займам и контрибуциям, полученным и признанным Маньчжурским правительством до революции, оставляя без изменений условия этих займов и контрибуций»²¹).

Империалистические державы грубо вмешивались во внутренние дела Китая. Накануне революции представители Англии, США и Германии поддерживали маньчжурскую династию, настаивали на большей централизации Китая, выступали против предоставления значительных прав провинциальным властям, считая, что для осуществления планов консорциума и участников хугуанского займа удобнее иметь дело со слабым цинским правительством²²). Однако, вследствие острого соперничества, империалистические державы не только не смогли сохранить маньчжурскую династию на престоле, но своим беспрестанным наступлением на Китай способствовали ее падению.

Политика Великобритании по отношению к китайской революции определялась интересами торгово-промышленных кругов и банкиров, имевших значительные капиталовложения в Китае, а также международным положением Англии, которая к этому времени стала наиболее влиятельной силой в блоке стран Антанты.

Английское правительство стремилось поддержать статус кво в Китае, что давало возможность британскому империализму сохранить свои зоны влияния и преобладающие экономические позиции. Принцип сохранения статус кво соответствовал также интересам британской международной политики, так как создавал предпосылки для укрепления союзнических отношений с Францией и Россией на почве дальневосточных дел. Революция в Китае, начавшаяся в сфере влияния Англии, вызвала серьезные опасения правящих кругов Великобритании за судьбу английских капиталовложений. Английская дипломатия с самого начала революции прилагала все усилия, чтобы не допустить ее развертывания. В ходе революции Великобритания отказалась от поддержки маньчжурской династии, так как считала ее дело безнадежным. Английское правительство добивалось того, чтобы революция не пошла дальше свержения цинской династии и оставила в неприкосновенности социально-экономические отношения в отсталом полуфеодалном Китае. Победа народной революции могла бы создать сильное, централизованное китайское государство, способное изгнать иностранных империалистов из страны.

Победа китайской революции также противоречила интересам других империалистических держав, что дало возможность Англии, несмотря на наличие межимпериалистических противоречий, отстаивать свою политику по отношению к китайской революции. 18 октября 1911 г. консулы иностранных держав в Ханькоу опубликовали заявление о том, что их правительства будут соблюдать нейтралитет по отноше-

²¹) Ху Шэн. Агрессия империалистических держав в Китае, М., 1951, стр. 189.

²²) J. Reid, *The Manchu Abdication and Powers*, Berkeley, 1935, p. 29.

нию к китайским внутренним событиям²³). Сделав формальное заявление о нейтралитете, английское правительство стало поддерживать консервативные и контрреволюционные силы во главе с Юань Ши-каем. 15 ноября 1911 г. министр иностранных дел Англии Грей сообщил британскому посланнику в Пекине Джордану о том, что Великобритания готова оказывать помощь Юань Ши-каю с целью создания правительства, которое «могло бы поддерживать порядок внутри страны, а также создать благоприятные условия для развития торговли»²⁴). В соответствии с этим указанием Джордан посредничал во время переговоров революционного правительства с Юань Ши-каем, добиваясь быстрой передачи власти последнему²⁵).

Что касается Франции, то она по основным вопросам политики в Китае сотрудничала с Великобританией и совместно с последней пыталась установить англо-французский финансовый контроль в Китае²⁶). Французские правящие круги добивались быстрее прекращения китайской революции для того, чтобы сохранить свои капиталовложения и не дать распространиться революционному движению на Индокитай. Французская дипломатия опасалась, что в случае углубления революции силы ее союзников будут надолго отвлечены на Дальний Восток, что могло бы повести к установлению господства германо-австрийского блока в Европе. Следует учитывать, что революция в Китае началась раньше, чем был урегулирован второй марокканский кризис, заставивший Францию и Англию сконцентрировать силы для борьбы против Германии.

Правящие классы Японии весьма враждебно отнеслись к китайской революции. Они хотели видеть Китай слабым и отсталым, что давало возможность японскому империализму осуществлять свои захватнические замыслы. Еще летом 1909 г. премьер-министр Японии Кацура в беседе с английским послом в Токио Макдональдом высказывался против конституционных преобразований, заявив, что «Китай не был достаточно готов для этих учреждений»²⁷). Наиболее непримиримую позицию по отношению к революции заняла военно-бюрократическая клика, возглавлявшаяся Кацура и Ямагата. Правда, буржуазно-помещичья партия «кокуминто» и представители японских торгово-промышленных кругов, оперировавших в южных провинциях Китая, поддерживали антимагнэчжурское движение на юге Китая, надеясь использовать свои связи с революционным движением в целях укрепления позиций японского капитала²⁸).

Когда начались революционные события в Китае, японское правительство предприняло энергичные дипломатические меры с целью взять в свои руки инициативу в удушении революционного движения. Русский посол в Токио сообщал: «С самого начала китайской революции здесь создалось такое настроение, что наступил момент, когда Япония должна пожать в Китае плоды своего союза с Англией и своих соглашений

²³) Ху Шэн. Указ. соч., стр. 182.

²⁴) J. Bland, *Recent Events and Present Policies in China*. Philadelphia—London 1912, p. 283.

²⁵) O. Hauser, *Deutschland und der Englisch — Russische gegensatz 1900—1914*, Göttingen, 1958, S. 72.

²⁶) „D. D. F.“ Serie 3, t. 1, p. 457—458.

²⁷) „B.D.“, v. VIII, p. 469.

²⁸) См. «Международные отношения на Дальнем Востоке (1840—1949)»; М., 1956, стр. 240—241.

с Россией и Францией»²⁹). В связи с начавшейся революцией, японское правительство довело до сведения американского поверенного в делах в Токио о том, что Япония ожидает просьбы со стороны цинского правительства о помощи в подавлении антиманьчжурских выступлений. Японское правительство стремилось заручиться поддержкой великих держав, поэтому подчеркивалось, что Япония выступит со своими войсками в Китае лишь по поручению заинтересованных государств³⁰). Представителю США было указано, что «20 тысяч японских солдат смогут достичь Пекина прежде, чем какие-либо другие страны смогут иметь там хоть одного человека». Исполняющий обязанности министра иностранных дел Японии заявил американскому поверенному в делах, что Япония и Соединенные Штаты — «единственные государства, которые были в состоянии действовать быстро»³¹). Несмотря на заверения японского правительства о том, что Япония введет в Китай свои войска лишь с одобрения других государств, американский поверенный в делах сделал вывод, что «Япония будет действовать независимо от других стран»³²).

Японское правительство сделало попытку сблизиться с Соединенными Штатами Америки на почве общности интересов в подавлении китайской революции и нашло в этом отношении определенное взаимопонимание со стороны правящих кругов США. Япония усилила свои военно-морские силы в прибрежных водах Китая, подготовила отправку трех канонерских лодок на реку Янцзы и предложила американскому правительству также послать несколько легких канонерских лодок для «сотрудничества с японскими судами, чтобы поддерживать коммуникации» по реке Янцзы открытыми. Министерство иностранных дел Японии заверило американского поверенного в делах в том, что дальнейшие действия в Китае будут предприняты лишь после «предварительного совета» с представителем США³³).

Во второй половине октября 1911 г. официозный «Джапан таймс» поместил статью, в которой отмечалось, что если китайское правительство не сможет восстановить порядок в стране, то Япония предпримет самостоятельные меры для охраны своих интересов в Китае³⁴). Затем в газетах различных стран появились заметки о предстоящем вводе значительных сил японских войск в Китай с целью поддержания маньчжурской династии. Японское правительство, стремившееся во что бы то ни стало обеспечить благоприятное отношение правительства США к своим действиям в Китае, обратилось через американского представителя в Токио в государственный департамент с необычным в дипломатической практике заявлением о том, что оно «очень обеспокоено, чтобы правительство Соединенных Штатов признавало Японию абсолютно искренней и прямой в ее китайской политике и в желании защищать только японских подданных»³⁵). Через несколько дней Нокс поручил сообщить в министерство иностранных дел Японии о том, что государственный департамент положительно оценивает японскую политику в Китае³⁶).

²⁹) АВПР, Японский стол, д. 920, л. 254. Малевский-Малевич Сазонову, 28 декабря 1912 г.

³⁰) „F.R.“, 1912, р. 50. Шайлер Ноксу.

³¹) Ibidem.

³²) Ibidem.

³³) „F.R.“, 1912, р. 163. Шайлер Ноксу, 16 октября 1911 г.

³⁴) „M.O.“, серия II, т. XVIII, ч. II, стр. 248.

³⁵) „F.R.“, 1912, р. 51. Шайлер Ноксу, 22 октября 1911 г.

³⁶) Ibid., р. 52.

Если в переговорах с государственным департаментом США японское правительство подчеркивало свою готовность действовать в Китае совместно с Соединенными Штатами, то в переговорах с царской Россией отмечалась прежде всего общность интересов России и Японии и проявлялось стремление японской военно-бюрократической клики подтолкнуть царское правительство на сепаратные действия в Китае для того, чтобы создать необходимый прецедент для японской интервенции. 19 октября 1911 г. японский посол в Петербурге Мотоно передал Нератову памятную записку, в которой говорилось о «необходимости для обоих правительств доверчиво помогать друг другу для защиты их тождественных интересов в Маньчжурии»³⁷). Среди правящих кругов Японии имелись противоречия относительно характера действий в Китае. Военные круги во главе с Кацура настаивали на интервенции. 1 ноября 1911 г. представитель японского военного министерства поставил в известность русское посольство в Токио о том, что японское правительство предполагает с согласия России и Англии переправить с Квантунского полуострова морем на Таку или Шанхайгуань одну бригаду японской пехоты для занятия Тяньцзина или Пекина и железной дороги от Шанхайгуаня. Было указано, что японское министерство иностранных дел должно согласовать этот вопрос с союзной державой (имелась в виду Англия)³⁸). Японские войска должны были использоваться для поддержки маньчжурской династии. Однако ни Россия, ни Англия не одобрили этот план, да и японское правительство считало, что еще не настало время для интервенции. Поэтому два дня спустя министр иностранных дел Японии Утида заявил русскому поверенному в делах, что Япония не намерена посылать войска в Китай и будет выжидать дальнейшего разворачивания событий³⁹).

Следует отметить, что Япония в связи с революцией в Китае вела двойную игру, стремясь завоевать симпатии обоих борющихся лагерей для того, чтобы обеспечить свои позиции при любом исходе борьбы. 16 января 1912 г. лидер партии «кокуминто» Инукаи, выступая в японском парламенте, заявил, что несколько недель тому назад, накануне его поездки в Шанхай и Нанкин, министр иностранных дел Утида дал ему поручение — привлечь симпатии революционного Нанкинского правительства на сторону Японии. Но вскоре после этого стало известно, что японское правительство поддерживает маньчжурскую династию. Сделанный по этому поводу запрос в нижней палате японского парламента вызвал скандал и обсуждался на закрытом заседании⁴⁰).

Заявляя о нейтралитете, японское правительство передало цинским генералам транспорт оружия стоимостью почти в 2 млн. иен⁴¹). Правящие круги Японии опасались, что свержение маньчжурской династии в Китае усилит антимонархическое и революционное движение в Японии. 7 декабря 1911 г. министерство иностранных дел Японии просило американского посла в Токио довести до сведения государственного департамента, что в связи с ухудшением обстановки в Китае «японское правительство может считать интервенцию необходимой»⁴²). Правительство Соединенных Штатов Америки, не возражавшее в прин-

³⁷) «М. О.», серия II, т. XVIII, ч. II, стр. 187. Нератов Броневскому, 19/6 октября 1911 г.

³⁸) Там же, стр. 293. Броневский Нератову, 2 ноября/20 октября 1911 г.

³⁹) Там же, стр. 305. Броневский Нератову, 4 ноября/22 октября 1911 г.

⁴⁰) «Китай и Япония», 1912, № 75, стр. 3—4.

⁴¹) «М. О.», серия II, т. XIX, ч. I, стр. 183. Щекин — Нератову, 12 декабря/29 ноября 1911 г.

⁴²) „F. R.“, 1912, p. 55. Брайан Ноксу. 7 декабря 1911 г.

ципе против интервенции, считало, что в случае необходимости ее следует осуществить коллективно, путем привлечения войск заинтересованных империалистических держав, а это в свою очередь противоречило интересам Японии, так как могло подорвать ее позиции в Китае.

16 декабря 1911 г. японское посольство в Петербурге передало в МИД памятную записку, в которой излагался план спасения монархии в Китае. Японское правительство утверждало, что ни маньчжуры, ни революционеры не в состоянии своими собственными силами «восстановить порядок во всех частях империи... Если такое положение продлится в течение некоторого времени, иностранная торговля, без сомнения, пострадает, и враждебные по отношению к иноземцам чувства, еще не проявившиеся открыто, могут снова вспыхнуть, как во времена боксерского восстания». Японское правительство предлагало, чтобы державы, «имеющие наиболее крупные интересы в Китае», совместно оказали давление на враждующие стороны, заставив маньчжурскую династию соблюдать конституцию и права китайцев, а революционеров принудить к прекращению борьбы. В памятной записке утверждалось, что установление республиканского правительства в Китае «будет фактически невозможно»⁴³). Японские власти направили свою агентуру не только к цинскому двору, но и в лагерь революционеров для того, чтобы примирить враждующие стороны на выгодных для себя условиях. Однако инициативу «миротворца» перехватила Великобритания, которая таким путем надеялась утвердить у власти Юань Ши-кай. Японское правительство приняло предложение Англии о том, чтобы «совместно предложить свои добрые услуги двум воюющим партиям в Китае»⁴⁴).

Другие империалистические державы также стремились к быстрейшему удушению революции в Китае, и в этом направлении действовали консулы шести держав в Ханькоу, оказывавшие давление на республиканское правительство. Однако организовать коллективные действия великих держав с целью сохранения монархии японскому правительству не удалось. Против этого выступила Великобритания, желавшая сохранить инициативу в своих руках. Японское правительство официально уведомило Россию о том, что оно берет назад свое предложение о посредничестве⁴⁵). Правящие круги Японии выражали большое недовольство тем, что главная роль «в устройстве» китайских дел перешла к Англии, которая действовала в контакте с Францией и США. В Японии опасались, что подобная ситуация приведет к подрыву японского влияния не только в Китае, но и на всем Дальнем Востоке. В связи с тем, что Юань Ши-кай был ставленником Англии и Соединенных Штатов, Япония отказалась его поддерживать. В японской прессе Юань Ши-кай характеризовали как изворотливого политика, склонного к диктатуре⁴⁶). В милитаристских кругах Японии продолжали сохранять надежду на то, что развитие событий приведет к интервенции в Китае и тогда Япония будет играть первую скрипку. Князь Кацура заявил, что китайский вопрос «должен быть разрешен с одобрения иностранных держав, в особенности же Японии, которая имеет в Китае особые экономические, политические и военные интересы»⁴⁷). Лидеры японской военно-бюрократической клики добивались раздела Китая

⁴³) «М. О.», серия II, т. XIX, ч. 1, стр. 199—200.

⁴⁴) Там же, стр. 214. Памятная записка японского посольства в Петербурге, 20/7 декабря 1911 г.

⁴⁵) «М. О.», серия II, т. XIX, ч. 1, стр. 265. Сазонов Щекину, 30/17 декабря 1911 г.

⁴⁶) См. „Japan Times“, February 9, 1911; АВПР, Японский стол, л. 919, л. 22 приложение к донесению поверенного в делах в Токио.

⁴⁷) «Китай и Япония», 1912, № 69, стр. 58—59.

между великими державами, надеясь аннексировать Южную Маньчжурию⁴⁸). Японская дипломатия пыталась достигнуть соглашения с Германией относительно интервенции в Китае⁴⁹).

Подобно другим державам, царская Россия проводила империалистическую политику. Приняв предложение Японии относительно координации действий в Китае, царское правительство в дальнейшем заняло выжидательную позицию. В ответ на запрос государственного департамента о позиции России Нератов ответил, что интересы России в районах, охваченных революцией, весьма незначительны и что по его мнению в «настоящий момент» нет необходимости во вмешательстве держав в китайские дела⁵⁰).

15 ноября 1911 г. русский посланник в Пекине Коростовец в телеграмме на имя Нератова предлагал установить дружественные отношения с революционным правительством Китая, указывая, что из этого факта царская Россия могла бы извлечь значительные выгоды. Коростовец также считал, что России не следует руководствоваться точкой зрения Японии относительно политики в Южном Китае, где у Японии имелись «особые интересы», а у России таковых не было⁵¹). Предложение Коростовца было одобрено Нератовым, однако последний указал, что и в дальнейшем при определении политики необходимо считаться с ходом событий в Китае и с отношением к этим событиям великих держав⁵²). 26/13 апреля 1912 г. министр иностранных дел Сазонов, выступая в Государственной думе, заявил, что Россия с самого начала кризиса в Китае решила «держаться нейтрально по отношению к происходящей там борьбе, стремясь лишь к ограждению» собственных интересов⁵³). В связи с изложенным нельзя согласиться с утверждением западногерманского историка О. Хаузера о том, что во время Синьхайской революции Англия якобы сдерживала наступательную политику России в Китае⁵⁴).

Правительство Соединенных Штатов Америки с самого начала выступило инициатором политики коллективных действий в борьбе против китайской революции. 14 октября 1911 г. Нокс направил телеграмму американским представителям за границей, в которой сообщал о том, что правительство США «ввиду серьезности настоящих волнений в Китае» считает желательным, чтобы американские поданные «сконцентрировались в открытых портах, легко доступных для иностранных военных кораблей». Нокс предложил американским дипломатам выяснить, считают ли другие правительства целесообразным такой шаг и «требует ли обстановка дальнейших мер государств для защиты иностранных интересов»⁵⁵). Правительства Франции и России высказались против предложения США относительно принятия каких-либо коллективных действий в Китае⁵⁶). В дальнейшем США принимали активное участие в совместных акциях империалистических держав в Китае, предпринимавшихся по инициативе Англии, в частности, американское

⁴⁸) „D. D. F.“, Serie 3, t. 1, p. 259. Поверенный в делах Франции в Токио Клосс министру иностранных дел Сельву, 2 декабря 1911 г.

⁴⁹) Ibid., p. 562, 588.

⁵⁰) „F. R.“, 1912, p. 163. Вилер-Ноксу, 16 октября 1911 г.

⁵¹) «М. О.», серия II, т. XIX, ч. 1, стр. 13.

⁵²) Там же, стр. 56. Коростовец Нератову, 22/9 ноября 1911 г.

⁵³) «Стенографические отчеты Думы», 3-й созыв, сессия 5, ч. III, стб. 2 165.

⁵⁴) O. H a u s e r, Op. cit., S. 81.

⁵⁵) „F. R.“, 1912, p. 162. Нокс-американским послом во Франции, Германии, Великобритании, Италии, Японии, России и посланнику в Китае.

⁵⁶) Ibid., p. 163.

«Ят-сен, опасались возможной интервенции империалистических держав в случае, если революция примет антиимпериалистическую направленность. Поэтому они принимали все меры к тому, чтобы направить революционную энергию масс в русло борьбы против маньчжурской династии и дали заверения великим державам в том, что интересы последних в ходе революции не пострадают. 2 января 1912 г. временное правительство, образованное в Нанкине, обратилось с манифестом ко всем государствам, в котором указывалось, что оно признает все договоры, заключенные цинским правительством с другими государствами и будет «погашать долги по всем займам и контрибуциям, полученным и признанным Маньчжурским правительством до революции, оставляя без изменений условия этих займов и контрибуций»²¹).

Империалистические державы грубо вмешивались во внутренние дела Китая. Накануне революции представители Англии, США и Германии поддерживали маньчжурскую династию, настаивали на большей централизации Китая, выступали против предоставления значительных прав провинциальным властям, считая, что для осуществления планов консорциума и участников хугуанского займа удобнее иметь дело со слабым цинским правительством²²). Однако, вследствие острого соперничества, империалистические державы не только не смогли сохранить маньчжурскую династию на престоле, но своим беспрестанным наступлением на Китай способствовали ее падению.

Политика Великобритании по отношению к китайской революции определялась интересами торгово-промышленных кругов и банкиров, имевших значительные капиталовложения в Китае, а также международным положением Англии, которая к этому времени стала наиболее влиятельной силой в блоке стран Антанты.

Английское правительство стремилось поддержать статус кво в Китае, что давало возможность британскому империализму сохранить свои зоны влияния и преобладающие экономические позиции. Принцип сохранения статус кво соответствовал также интересам британской международной политики, так как создавал предпосылки для укрепления союзнических отношений с Францией и Россией на почве дальневосточных дел. Революция в Китае, начавшаяся в сфере влияния Англии, вызвала серьезные опасения правящих кругов Великобритании за судьбу английских капиталовложений. Английская дипломатия с самого начала революции прилагала все усилия, чтобы не допустить ее развертывания. В ходе революции Великобритания отказалась от поддержки маньчжурской династии, так как считала ее дело безнадежным. Английское правительство добивалось того, чтобы революция не пошла дальше свержения цинской династии и оставила в неприкосновенности социально-экономические отношения в отсталом полуфеодальном Китае. Победа народной революции могла бы создать сильное, централизованное китайское государство, способное изгнать иностранных империалистов из страны.

Победа китайской революции также противоречила интересам других империалистических держав, что дало возможность Англии, несмотря на наличие межимпериалистических противоречий, отстаивать свою политику по отношению к китайской революции. 18 октября 1911 г. консулы иностранных держав в Ханькоу опубликовали заявление о том, что их правительства будут соблюдать нейтралитет по отноше-

²¹) Ху Шэн. Агрессия империалистических держав в Китае, М., 1951, стр. 189.

²²) J. Reid, *The Manchu Abdication and Powers*, Berkeley, 1935, p. 29.

в Китае»⁶²). При этом правительство США подчеркивало, что оно считает необходимым коллективными мерами добиваться быстрой ликвидации революционного движения в Китае и положительно оценивает выступление представителей 6 держав в Шанхае, настаивавших на прекращении гражданской войны. В памятной записке указывалось, что с подобной точкой зрения США ознакомлено японское правительство в связи с его соответствующим запросом. Циммерман заявил американскому послу, что его правительство будет придерживаться той же точки зрения, что и Соединенные Штаты⁶³).

Государственный департамент, заручившись обязательством Германии выступить совместно с Соединенными Штатами, в то же время получил заверения со стороны России и Англии о том, что названные государства будут придерживаться принципа совместных действий великих держав в Китае⁶⁴). Тем временем революционные события в Китае продолжали нарастать. Определилась неизбежность падения цинской династии. В ходе революции все больше проявлялась ее антиимпериалистическая направленность. В январе 1912 г. министр иностранных дел Франции Сельв писал о возможности интервенции держав в Китае в связи с выявившейся, по его мнению, «полной дезорганизацией Китайской империи»⁶⁵). В таких условиях правительство Соединенных Штатов решило публично объявить о достигнутой им договоренности с другими державами относительно проведения политики «согласованных действий». С этой целью было использовано обращение германского посла в Вашингтоне Бернсторфа, который по поручению своего правительства просил дать «конфиденциальную информацию» об отношении США к последним событиям в Китае⁶⁶).

3 февраля 1912 г. государственный департамент передал германскому послу ноту по вопросам политики в Китае. Нота затем была опубликована в американских газетах и передана представителям других держав. Содержание ее сводилось к предложению действовать совместно в борьбе против китайской революции. Кроме того, в этой ноте правительство США выступало против предоставления борющимся сторонам в Китае займов как частных, так и правительственных без согласования «с другими заинтересованными державами»⁶⁷).

Правительство США, опубликовав ноту от 3 февраля 1912 г., преследовало прежде всего цель — оказать давление на революционно-демократическое крыло китайских революционеров, угрожая возможностью интервенции империалистических держав в случае, если революция примет неугодное империалистам направление. Это была прямая поддержка Юань Ши-кая и китайской контрреволюции. Нокс убеждал посла Франции в Вашингтоне поддерживать правительство Юань Ши-кая и в то же время отказался от встречи с Сунь Ят-сеном, который был проездом в США⁶⁸). Государственный департамент, взяв на себя инициативу в определении политики империалистических держав в Китае, надеялся поднять роль США на Дальнем Востоке. В связи с опубликованием ноты от 3 февраля русский посол сообщал из Вашингто-

⁶²) Ibid., S. 241—242.

⁶³) „G. P.“, Bd. XXXII, S. 242.

⁶⁴) Ibid., S. 247. Телеграмма Бернсторфа из Вашингтона, 13 января 1912 г.

⁶⁵) „D. D. F.“, Serie 3, t. 1, p. 457. Сельв послу Франции в Петербурге, Ж. Луи 9 января 1912 г.

⁶⁶) „F. R.“, 1912, p. 63. Бернсторф Ноксу, 31 января 1912 г.

⁶⁷) „F. R.“, 1912, p. 63—64. См. также „M. O.“, серия II, т. XIX, ч. II, стр. 114.

⁶⁸) „D. D. F.“, Serie 3, t. 1, p. 576—577. Посол Франции в Вашингтоне Жусераи министру иностранных дел Пуанкаре, 30 января 1912 г.

на: «Вся печать гордится «первенствующей» ролью, сыгранной Соединенными Штатами, радуясь, что принцип открытых дверей вновь получил применение «на практике» под лозунгом «руки долой» и под покровительством двух держав, твердо идущих заодно в дальневосточных делах»⁶⁹).

Вопрос о займах был поднят в американской ноте в связи с тем, что банки империалистических держав из политических и экономических соображений предоставляли займы обоим лагерям, борющимся в Китае, что подрывало монополию консорциума на предоставление китайских займов. По сведениям русского министерства иностранных дел, германская фирма «Арнольд Карберг» предоставила ссуду Юань Ши-каю. Гонконг-Шанхайский банк вел переговоры с представителями пекинского правительства о новом значительном займе. Японский концерн Окура организовал японский заем для республиканцев юга⁷⁰).

Все державы с теми или иными оговорками согласились признать за основу дальнейшей политики в Китае принципы, провозглашенные в американской ноте от 3 февраля. Правительство Германии выразило «особое удовлетворение» тем, что американская позиция в отношении Китая полностью соответствует «немецким целям»⁷¹). В данном случае для германского правительства особое значение имело то, что устанавливались более близкие отношения с Соединенными Штатами по вопросам дальневосточной политики. Министр иностранных дел Франции Пуанкаре весьма четко сформулировал суть достигнутого соглашения, указав, что поводом для «коллективной и согласованной интервенции» может явиться «угроза жизни и имуществу иностранцев» или длительная гражданская война⁷²). Министр иностранных дел Великобритании Э. Грей согласился с формулировкой, предложенной Пуанкаре относительно интервенции в Китае⁷³). Царское правительство в ответе на американскую ноту заявило, что оно сохраняло и будет сохранять нейтралитет по отношению к «двум партиям», борющимся в Китае, и выразило согласие вступить в переговоры с другими державами в случае, если интересы иностранцев окажутся под угрозой. Затем указывалось, что правительство России выступает против предоставления займов как сторонникам монархии, так и сторонникам республики в Китае⁷⁴). По инициативе США, империалисты достигли соглашения о коллективной интервенции на тот случай, если бы другими путями не удалось сохранить полуколониальное положение Китая. Японское правительство решило использовать ноту Нокса для того, чтобы добиться признания своих захватов в Китае от китайского правительства при помощи совместного выступления империалистических держав. 23 февраля 1912 г. японское посольство в Вашингтоне передало меморандум государственному департаменту, в котором предлагалось распространить «принцип совместного действия» держав на признание будущего правительства Китая. Япония предлагала, чтобы державы в вопросе о признании нового правительства выступили коллективно и добились обязательства Китая сохранить право экстерриториальности, соблюдать все договоры и обязательства, заключенные в период правления

⁶⁹) «М. О.», серия II, т. XIX, ч. II, стр. 112. Денеша Ю. Бахметьева из Вашингтона, 12 февраля/30 января 1912 г.

⁷⁰) «М. О.», серия II, т. XIX, ч. II, стр. 143. Сазонов Бенкендорфу.

⁷¹) «F. R.», 1912, p. 66. Бернсторф Ноксу, 14 февраля 1912 г.

⁷²) „D. D. F.“, Seite 3, t. 1, p. 607. Пуанкаре послал Франции в Берлине, Лондоне, Петербурге, Вашингтоне и Токио, 4 февраля 1912 г.

⁷³) Ibid., p. 612.

⁷⁴) «М. О.», серия II, т. XIX, ч. II, стр. 144.

маньчжурской династии. Великобритания поддержала точку зрения Японии, затем формально с ней согласилось и правительство Соединенных Штатов Америки⁷⁵).

Прикрываясь разговорами о нейтралитете, империалисты осуществляли интервенцию в Китае. Дипломатический корпус в Пекине в начале ноября 1911 г. принял решение довести охранные отряды каждой иностранной миссии в Пекине до предельной нормы — 300 человек на миссию⁷⁶). К середине ноября 1911 г. в водах Китая было сосредоточено 51 иностранное военное судно. В Шанхае было 3350 человек иностранных солдат и офицеров⁷⁷). В 1912 г. вооруженные силы империалистических держав в Китае были увеличены. В Пекине, Тяньцзине и Шанхайгуне было сосредоточено 2440 японских солдат и офицеров. США перебросили батальон солдат с Филиппин в Китай для охраны железной дороги⁷⁸). Германское правительство увеличило свои войска в Циндао, Англия в Гонконге, а Франция на границе Китая с Индокитаем, Япония и царская Россия зорко следили за событиями в Северо-Восточном Китае.

В ходе революции возрастало национальное самосознание китайского народа. Когда стало известно о помощи оружием, которую оказала Германия маньчжурам, то в Китае с конца 1911 г. началась пропаганда организации антигерманского бойкота⁷⁹). После того как в Шанхае и других южных портах Китая бойкот начал осуществляться, германская пресса стала объяснять организацию бойкота происками японцев. Японские газеты в свою очередь разъяряли, что причиной антигерманского бойкота являются поставки оружия пекинскому правительству, которое решило оплачивать их, передав под контроль Германии доходы с Пекин-Калганской железной дороги⁸⁰).

Происки японского империализма в Южной Маньчжурии, в том числе пропаганда, которая велась в японской прессе за включение Ляодунской арендованной территории в состав японской империи, привели к антияпонскому бойкоту. Начавшийся в Южной Маньчжурии летом 1912 г. антияпонский бойкот товаров осенью распространился на Гонконг, Кантон, а также на Сингапур⁸¹). Газета «Пекин дейли ньюс» писала: «Недалеко то время, когда Китай властью потребует пересмотра всех существующих договоров и соглашений; тогда резко изменится соотношение сил на Дальнем Востоке и отойдут в область предания так называемые «принципы наибольшего благоприятствования держав» и консульские юрисдикции⁸²).

Патриоты Китая с большим опасением отнеслись к ноте Нокса от 3 февраля, усматривая в ней подготовку империалистических держав к расширению интервенции в Китае. Противоречия между империалистическими государствами ослабляли их натиск на Китай, однако, благодаря деятельности американской дипломатии, было создано очень сильное средство давления на китайскую революцию в виде Четверного консорциума и принципа «совместных действий». В ходе революции все более давал себя знать национальный фактор — стремление китайского народа освободиться от неравноправного положения. Капитан

⁷⁵) „F. R.“, 1912, p. 68.

⁷⁶) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 3, 726, л. 568.

⁷⁷) Е. А. Белов, Революция 1911—1913 гг. в Китае, М., 1958, стр. 63—64.

⁷⁸) «М. О.», серия II, т. XIX, ч. II, стр. 21. Рапорт военного агента.

⁷⁹) «Китай и Япония», 1912, № 69, стр. 45.

⁸⁰) Там же, № 74, стр. 28—29.

⁸¹) Там же, № 112, стр. 40.

⁸²) «Китай и Япония», 1912, № 113, стр. 28.

Черкасов, находившийся в это время в Китае, писал в мае 1912 г.: «Во всех газетах и на митингах усиленно пропагандируется необходимость прекратить все внутренние раздоры, сплотиться против иностранцев, имеющих намерение разделить Китай»⁸³).

Основная цель, которой добивались великие державы во время Синьхайской революции, заключалась в том, чтобы не допустить ее дальнейшего развертывания и превращения в мощную антиимпериалистическую революцию. С этой целью правительства капиталистических держав оказывали активную поддержку контрреволюционным силам в Китае. Несмотря на большую активность, которую проявляла Япония в Китае, ведущая роль в борьбе против революции оказалась в руках Великобритании и Соединенных Штатов Америки.

⁸³) ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 3, д. 727, л. 200.

**БОРЬБА АМЕРИКАНСКОЙ ДИПЛОМАТИИ ЗА УСТАНОВЛЕНИЕ
МЕЖСОЮЗНИЧЕСКОГО КОНТРОЛЯ НА КВЖД
(1918 — март 1919 гг.).**

Н. С. ИНДУКАЕВА

Окончание первой мировой войны повлекло за собой активизацию деятельности иностранных империалистов в Китае. Особенно усилилась в эти годы их борьба за Северо-Восточный Китай, оказавшийся после Великой Октябрьской социалистической революции и отказа Советской России от всех прав и привилегий царизма в этом районе Китая, объектом империалистических притязаний США и Японии. Американские буржуазные историки пытаются оправдать участие Соединенных Штатов Америки в борьбе за этот район Китая желанием американского правительства не допустить установления японского контроля над одной из важнейших железнодорожных магистралей Дальнего Востока — Китайско-Восточной железной дорогой. В трудах американских авторов¹⁾ делается попытка представить дело так, что якобы борьба США за контроль на КВЖД началась после империалистической интервенции держав на Советском Дальнем Востоке, когда Япония ввела в Северную Маньчжурию значительные контингенты своих войск.

Советские историки Е. И. Попова, М. С. Капица, В. Я. Аварин и другие²⁾ разоблачают подлинные цели американского империализма на Дальнем Востоке, рассматривают деятельность американской дипломатии в Северной Маньчжурии как составную часть интервенции США в Россию и их захватнической политики в Китае.

Усиление интереса американских монополий к району Дальнего Востока и главным образом к Северо-Восточному Китаю, сопровождавшееся острой борьбой за вытеснение Японии из оккупированного ею района Северной Маньчжурии, повлекло за собой выработку специфических методов империалистической экспансии. В выработке этих методов нашло свое отражение изменившееся в результате войны экономическое и финансовое положение Соединенных Штатов Америки. Используя свое торговое, промышленное и финансовое преимущество, американские империалисты попытались в первую очередь захватить в свои руки контроль над китайскими финансами и его железными дорогами. Характеризуя методы империалистической экспансии в Ки-

¹⁾ В. Unterberger, *America's Siberian Expedition, 1918—1920*, Durham, 1956.
Р. Tompkins, *American-Russian Relations in the Far East*, New York, 1949.

²⁾ В. Аварин, *Империализм в Маньчжурии*, М.—Л., 1934. М. Капица, *Советско-китайские отношения*, М., 1958. Е. Попова, *Миссия Стивенса и провал железнодорожной политики США в России и Китае, в 1917—1920 гг.*, «Истор. записки», т. 60.

тае, американский историк Оверлач писал, что здесь «железнодорожные концессии и в некоторой степени займы были инструментами, с помощью которых иностранные державы осуществляли свою политику», и считал, что с конца XIX века иностранные империалисты осуществляли захват Китая «с помощью железных дорог и банков»³⁾.

После войны США предприняли серьезные попытки потеснить Японию в оккупированном ею Северо-Восточном Китае с помощью создания международного банковского консорциума и установления под видом межсоюзнического контроля на КВЖД собственного контроля над Северной Маньчжурией.

План межсоюзнического контроля на КВЖД и сибирских железных дорогах возник в связи с империалистической интервенцией на Советском Дальнем Востоке, хотя планы установления американского контроля над русскими железными дорогами разрабатывались в Соединенных Штатах Америки начиная с 1917 г., и с этой целью в Россию была послана железнодорожная миссия США, возглавляемая инженером Джоном Стивенсом⁴⁾.

Начало империалистической интервенции против Советской республики усилило стремления союзников захватить КВЖД для того, чтобы использовать ее для систематических перевозок своих войск и оружия на Советский Дальний Восток, а миссия Стивенса «по существу стала предвестником интервенции»⁵⁾. Американский историк Бетти Унтербергер пытается доказать, что стремление США установить контроль над КВЖД было продиктовано их желанием «обуздать японские действия вдоль КВЖД», помешать Японии захватить контроль на КВЖД», но вместе с тем она не может отрицать, что задолго до того как Япония оккупировала полосу отчуждения КВЖД, США начали переговоры с управляющим этой дорогой царским генералом Хорватом об использовании на службе дороги американских железнодорожных служащих, членов руководимого Стивенсом так называемого «Корпуса русской железнодорожной службы», посланного в Россию весной 1917 г. в помощь Стивенсу⁶⁾.

В феврале 1918 г. Стивенс приехал из Японии, где в это время располагался «Корпус русской железнодорожной службы», в Харбин для переговоров с Хорватом по вопросу об «использовании Корпуса русской железнодорожной службы» на дороге⁷⁾. Одновременно с этим активное давление на Хорвата пытался оказать американский консул в Харбине Мозер, советовавший американскому правительству поторопиться с установлением контроля на КВЖД. 3 февраля 1918 г. в письме государственному секретарю США Лансингу Мозер писал: «если Америка не возьмет контроль над железными дорогами, это сделает Япония»⁸⁾.

Переговоры Стивенса с Хорватом не дали каких-либо значительных результатов, так как на Хорвата оказывала большое давление Япония. Деятельность Стивенса на Дальнем Востоке и его упорное стремление поставить под американский контроль КВЖД вызвало опасение Хорвата, что Стивенс может посягнуть на его пост. Поэтому Хорват разрешил использовать американских служащих только для оказания

³⁾ T. Overlach, *Foreign Financial Control in China*, New York, 1919.

⁴⁾ См. об этом Е. Попова, указ. соч., стр. 32—40.

⁵⁾ B. Unterberger, *op. cit.*, p. 8.

⁶⁾ *Papers relating to the Foreign Relations of the United States (FR)*, 1918, vol. 111, p. 218—219.

⁷⁾ *FR*, 1918; vol. 111, p. 219.

⁸⁾ *FR*, 1918, vol. 111, 220—221.

технической помощи дороге. Он писал: «Мистеру Стивенсу может быть оказано доверие при строгом ограничении его деятельности в деле помощи дороге при невмешательстве в политику»⁹⁾).

С первых же дней деятельности «Корпуса русской железнодорожной службы» его интересы столкнулись с интересами японцев в этой части Китая. В письме к Лансингу Стивенс жаловался, что японцы постоянно чинят препятствия его работе «несомненно с целью установления контроля над всей транспортной системой Маньчжурии»¹⁰⁾).

После подписания японо-китайского соглашения от 16 мая 1918 г., дававшего Японии право использовать КВЖД для своих военных перевозок¹¹⁾, беспокойство Стивенса и представителей государственного департамента на Дальнем Востоке возросло. В работе Б. Унтербергер опубликован ряд документов из переписки Стивенса с представителями американского правительства, хранящихся в архиве государственного департамента США, в которых Стивенс настаивал на том, чтобы его правительство заняло «более твердую позицию по вопросу о КВЖД», он предложил передать эту дорогу под контроль союзных держав, поручив осуществление управления этой дорогой «Корпусу русской железнодорожной службы»¹²⁾).

Государственный департамент США, рассмотрев это предложение, передал его правительствам Японии и Китая в качестве основы соглашения о контроле на КВЖД и сибирских железных дорогах. Но этот план был отвергнут как Японией, так и Китаем. При этом японское правительство заявило, что «союзники во Владивостоке и японский генеральный штаб отказались одобрить какие-либо предложения, означающие устранение генерала Хорвата»¹³⁾, а также, что по соглашению с Временным правительством, функции Стивенса должны быть «чисто техническими» и его миссия ни в коем случае не должна была осуществлять контроль над русскими железными дорогами.

Японский автор К. Каваками, говоря об острой борьбе между США и Японией по вопросу о контроле на КВЖД и железными дорогами Приморья, подчеркивал: «Японцы были особенно чувствительны к любому плану, который давал американцам преобладающее влияние в этой части Дальнего Востока, где они могли бы, в случае удачи, установить азиатскую разновидность известной доктрины Монро. Конечно, они не возражали против установления американского контроля над той частью сибирских дорог, которая лежит к западу от Маньчжурии, но перспектива установления иностранного контроля над русскими железными дорогами в Маньчжурии, по Амуру и в Приморье была нежелательной для них»¹⁴⁾).

Особенно обострилась борьба между США и Японией за КВЖД осенью 1918 г., когда Япония, в соответствии с соглашением от 16 мая 1918 г., начала ввод в полосу отчуждения КВЖД своих войск. Попытка американского правительства добиться равного участия в оккупации Северной Маньчжурии не увенчалась успехом. Хотя американскому государственному департаменту удалось вырвать согласие пекинского

⁹⁾ Цит. по G. Kennan, *Soviet-American Relations, 1917—1920*, vol. 11, Princeton, 1958, p. 65.

¹⁰⁾ FR, 1918, vol. 111, p. 229—231.

¹¹⁾ Y. Mac Murray, *Treaties and Agreements with and concerning China*, New York, 1921, p. 1411—1412.

¹²⁾ B. Unterberger, *op. cit.* p. 108.

¹³⁾ P. Tompkins, *op. cit.*, p. 122.

¹⁴⁾ K. Kawakami, *Japan and World Peace*, New York, 1919, p. 88.

правительства на размещение на зиму в Харбине американского гарнизона, осуществление этого мероприятия оказалось невозможным. К моменту прибытия в Харбин американских солдат, японцы заняли все бараки и казармы, и американский гарнизон не нашел жилых помещений для расквартирования.

В этих условиях американское правительство было готово согласиться на предложенный Японией план передачи сибирских железных дорог и КВЖД под военный контроль держав, надеясь со временем добиться преобладающего влияния на этих дорогах. Об этом свидетельствует запись беседы американского посла в Японии Морриса и колчаковского министра путей сообщения осенью 1918 г. «Моррис: Я полагаю, что председателем комитета будет генерал Отани (командующий японскими войсками в Сибири — *Н. И.*), являющийся старшим по чину среди союзных офицеров здесь, или кто-нибудь из его штаба, но это председательство будет чисто номинальным. Во всяком случае вопрос этот скорее может быть объектом суждений в межсоюзном комитете»¹⁵).

Во Владивостоке осенью 1918 г. Моррис провел ряд бесед с представителями союзного командования и русскими белогвардейцами. Государственный департамент США пытался оказать давление на Японию через английское, французское и итальянское правительства. Италия и Франция заявили о своем согласии с планами США относительно установления межсоюзнического контроля на КВЖД, а Англия проявила к этому плану «несочувственное безразличие» и отказалась оказать какое-либо влияние на своего партнера по англо-японскому союзу¹⁶).

В противовес американскому плану создания межсоюзнической комиссии по управлению железными дорогами Дальнего Востока, в которой основную роль должен был играть «Корпус русской железнодорожной службы», Япония выдвинула свой план. О нем сообщал из Токио посол в Японии Крупенский командующему американскими войсками в Сибири генералу Грэвсу: «При обсуждении этого вопроса с американским послом здесь японцы высказывали со своей стороны предположение либо о назначении на равных правах со Стивенсом также и японского инженера, либо о передаче КВЖД в японское, а сибирских железных дорог в американское управление»¹⁷).

Этот план был отвергнут государственным департаментом. Унтербергер пишет: «Стивенс сразу же воспротивился разделению властей в управлении железными дорогами с японским экспертом, государственный департамент разделял его взгляд. Более того, государственный департамент был категорически против единоличного контроля Японии на КВЖД»¹⁸).

К концу 1918 г. Япония ввела в полосу отчуждения около 12 тысяч своих солдат¹⁹). По мнению Унтербергер, к концу 1918 г. «японский генеральный штаб фактически захватил КВЖД, предоставив японскому министерству иностранных дел возможность объяснить свершившийся факт»²⁰).

¹⁵) Цит. по П. Ивангородский, К вопросу о Китайско-Восточной железной дороге, «Сибирские огни», 1925 г., № 3, стр. 170.

¹⁶) В. Unterberger, op. cit., p. 110.

¹⁷) Архив внешней политики России (АВПР), ф. Канцелярия советника МИД Омского правительства на Дальнем Востоке, д. 17, л. 536.

¹⁸) В. Unterberger, op. cit., p. 110.

¹⁹) В. Unterberger, op. cit., p. 100.

²⁰) В. Unterberger, op. cit., p. 111.

Между представителями американского государственного департамента в этот период шла оживленная переписка по вопросу о том, как принять равное с Японией участие в оккупации Северной Маньчжурии. Истинные захватнические цели американского империализма при этом прикрывались заявлениями государственных деятелей США о необходимости оказания «помощи» русскому населению. В начале декабря 1918 г. Лансинг писал советнику президента Вильсона полковнику Хаузу, находившемуся в Париже: «Наше правительство заинтересовано в Сибири главным образом потому, что сообщения показывают, что нарушение железнодорожного движения, создаваемое японским контролем на КВЖД и захватом ими дороги для военных целей, делает невозможным оказание русскому населению экономической помощи, которая является жизненно необходимой для того, чтобы оно имело возможность перенести зиму без значительных страданий и затруднений»²¹). Ссылка на необходимость оказания «помощи» населению Сибири была лишь предлогом для оправдания американской интервенции.

Несколькими днями позднее заместитель государственного секретаря США Полк, сообщая Лансингу об оккупации Японией полосы отчуждения КВЖД, писал: «Я не вижу оснований, почему мы должны согласиться с японским контролем на КВЖД, как с непосредственным результатом нашего соглашения с Японией о посылке войск в Сибирь. Я уверен, что Вы сможете оказать давление по этому вопросу в Париже лучше, чем здесь... Дело это, очевидно, является одним из безотлагательных»²²).

Особенно рьяно выступал за решительные действия против японской оккупации полосы отчуждения КВЖД глава Военно-торгового совета США Маккормик, принимавший активное участие в разработке американских планов установления контроля над Северной Маньчжурией. Как только, пишет Унтербергер, стало известно об японской оккупации КВЖД «Маккормик, глава Военно-торгового совета США, заставил государственный департамент немедленно предпринять действия по срыву империалистических планов Японии в Сибири»²³). Обвинение Японии в разработке «империалистических» планов в отношении Сибири и Северо-Восточного Китая делается американскими авторами для того, чтобы противопоставить этой политике Японии, якобы «справедливую», «доброжелательную» политику американского правительства в этом районе.

После многочисленных бесед Морриса с премьер-министром Японии и министром иностранных дел ему удалось добиться согласия Японии на создание межсоюзнического органа по контролю на КВЖД и сибирских железных дорог во главе со Стивенсом, причем «этот технический совет со Стивенсом в качестве председателя был должен обладать компетенцией советника при управлении русскими железными дорогами»²⁴). Моррис и государственный департамент были готовы принять эти условия, но Стивенс категорически отказался от участия в работе дорог в качестве советника²⁵). Начались новые переговоры в Вашингтоне и Токио.

В результате острой борьбы американской дипломатии удалось сломить сопротивление японского правительства и добиться расширения

²¹) FR, 1919, vol. 11, p. 467.

²²) FR, 1919, vol. 11, p. 480.

²³) B. Unterberger, op. cit., p. 110.

²⁴) Моррис Лансингу 3 декабря 1918, FR, vol. 111, pp. 288—289.

²⁵) Полк Моррису 7 декабря 1918, Моррис Лансингу 7 декабря 1918, FR, 1918, vol. 11, p. 289—291.

функций главы технического совета до предоставления ему права «давать инструкции русским управляющим железными дорогами»²⁶).

9 января 1919 г. план межсоюзнического контроля был одобрен Моррисом и Стивенсом, а 15 января посол Японии в США Исии передал в государственный департамент США вариант соглашения, известного как «План по надзору за КВЖД и сибирскими железными дорогами в зоне действия союзных войск».

Таким образом, в январе 1919 г. Соединенным Штатам удалось добиться согласия Японии на создание межсоюзнического органа контроля над сибирскими железными дорогами и КВЖД. Однако подписание этого соглашения не означало завершение той острой борьбы, которую вела американская дипломатия за Северную Маньчжурию. В самих США в этот период обострилась борьба различных группировок по вопросу о финансировании межсоюзнических организаций. Царский посол в США Бахметьев выразил желание финансировать «Корпус русской железнодорожной службы» из фондов царского посольства в США²⁷), но к январю 1919 г. он уже не имел необходимых средств. Поэтому американский государственный департамент решил поставить этот вопрос перед конгрессом. По совету Вильсона и Маккормика, Лансинг предложил своему заместителю Полку составить подробный отчет о деятельности японцев в Сибири, о их мерах по захвату КВЖД, о борьбе американской дипломатии за подписание межсоюзнического соглашения о контроле на КВЖД и сибирских железных дорогах. Основной целью данного доклада являлось «обеспечение одобрения конгрессом необходимых ассигнований на выполнение железнодорожного плана»²⁸).

Полк обсудил это предложение с некоторыми членами конгресса и убедился, что лучше не выносить этот вопрос на обсуждение конгресса, так как обсуждение его не обещало никаких надежд на успех. В письме Лансингу Полк докладывал, что единодушным мнением всех, с кем он советовался по данному вопросу, было мнение, что совершенно безнадежно было пытаться убедить конгресс «при его теперешнем настроении принять какое-либо предложение относительно финансирования железных дорог, когда он так сильно опасается за те суммы денег, которые мы уже тратим, и когда он совершенно не знает, что делать с Россией»²⁹).

Попытки государственного департамента добиться финансирования железных дорог через международный банковский консорциум также не имели успеха. Во время подписания межсоюзнического соглашения о контроле над сибирскими железными дорогами и КВЖД вопрос о создании консорциума находился в стадии разрешения, поэтому рассчитывать на него государственному департаменту США не приходилось. Выход из положения был предложен Вильсоном, который решил пока не ставить этот вопрос перед конгрессом, а предоставить миссии Стивенса необходимые средства из фонда Русского бюро Военно-торгового совета³⁰).

После этого в начале марта 1919 г. было окончательно подписано соглашение о создании органов межсоюзнического контроля на КВЖД

²⁶) АВПР, ф. Консульство в Гонконге, л. 478, л. 3.

²⁷) См. Моррис Лансингу 21 февраля 1918, Стивенс Лансингу 22 марта 1918, FR, 1918, vol. 111, pp. 226, 222.

²⁸) FR, 1918, vol. 111, p. 246.

²⁹) FR, 1919, vol. 11, p. 248–249.

³⁰) FR, 1919, vol. 11, Russia, p. 251.

и сибирских железных дорогах. Наблюдение за этими дорогами вверялось межсоюзному Железнодорожному комитету, в состав которого вошли представители от Англии, США, Франции, Италии, Японии, Китая, колчаковского «правительства» и позднее Чехословакии. Председателем его был назначен колчаковский министр путей сообщения Устругов. Этому комитету поручалось руководство деятельностью двух органов, осуществлявших непосредственное управление дорогами: Технического совета, возглавляемого Стивенсом, и совета по воинским перевозкам. Технический совет сразу же приобрел решающее значение в осуществлении контроля над КВЖД. Попытка китайского правительства как-то оговорить свое особое положение в этих органах, поскольку КВЖД проходила по его территории, были отвергнуты державами. Томпкинс пишет: «пожелание китайского правительства о назначении его представителя в технический совет на правах, равных со Стивенсом, было объявлено совершенно неприемлемым»³¹).

В руках Стивенса формально была сосредоточена значительная власть над КВЖД и сибирскими железными дорогами. Он получил право давать указания управляющим железными дорогами, определять обязанности членов Технического совета, командировать группы экспертов на железнодорожные станции³²). В его распоряжении находился межсоюзнический денежный фонд. По предложению Стивенса, он должен был составить 20 млн. золотых рублей, предоставленных державами КВЖД и зачисленных в счет «русского долга». При внесении средств в этот фонд ярко выявилась заинтересованность США в этом вопросе, только США внесли свою долю в 5 млн. рублей, 1,25 млн. рублей внесла Япония и незначительную сумму Китай³³).

Американскими историками делаются попытки оправдать межсоюзническое соглашение, преувеличить его значение и представить дело так, что оно якобы отвечало интересам русского и китайского народов. Унтербергер, уделяя большое значение показу деятельности государственного департамента в деле установления контроля на КВЖД, пишет, что «межсоюзническое соглашение окончательно изменило характер интервенции в Сибири», и что «президент Вильсон оправдывал этот курс на том основании, что он поддерживал открытые двери в Сибири и Северной Маньчжурии и сохранял территориальную целостность России... В этом отношении соглашение представляло победу США и либеральных элементов в японском правительстве. Оно явилось одной из многих побед, одержанных Соединенными Штатами во всех сибирских делах»³⁴).

При этом Унтербергер и другие историки США не скрывают, что получение контроля над КВЖД не являлось единственной целью американских правящих кругов. В условиях растущего в США недовольства американской общественности и некоторых представителей конгресса политикой своего правительства в отношении Советского Дальнего Востока, государственному департаменту нужен был предлог, оправдывающий посылку американских войск в Сибирь. Миссия Стивенса должна была служить прикрытием экспансионистских целей американского империализма на Дальнем Востоке. Поэтому совершенно не случайно, отвечая на запрос сената о причинах участия США в союзнической интервенции на Советском Дальнем Востоке, президент США

³¹) P. Tompkins, op. cit., p. 128.

³²) АВПР, ф. Консульство в Гонконге, д. 478, л. 3.

³³) FR, 1920, vol. 1, pp. 702—703.

³⁴) B. Unterberger, op. cit., p. 117.

Вильсон в письме на имя председателя сената от 23 июля 1919 г. подробно осветил деятельность Стивенса в России начиная с 1917 г. и объяснил причину посылки американских войск в Сибирь следующим образом: «При принятии этого плана («Плана по надзору за КВЖД...» — *Н. И.*) было предусмотрено, что защита должна быть поручена союзным войскам. Мистер Стивенс часто подчеркивал, что он не сможет выполнить свою трудную задачу, если не будет иметь возможность опереться на поддержку американских войск в случае необходимости»³⁵).

Таким образом, Вильсон пытался объяснить причину задержки эвакуации американских войск с Советского Дальнего Востока необходимостью оказания помощи Техническому совету.

Разумеется, не охрана миссии Стивенса была главной причиной американской интервенции на Советском Дальнем Востоке. Борьба американского империализма за важнейшие железные дороги Сибири и Северной Маньчжурии должна была обеспечить ему возможность экономического и финансового внедрения в экономику этих районов. В этом отношении Китайско-Восточная железная дорога рассматривалась американскими государственными деятелями как «ключ к контролю над Сибирью»³⁶).

Деятельность миссии Стивенса явилась составной частью программы американского империализма, направленной на укрепление позиций американского капитала на Дальнем Востоке. Упорная борьба государственного департамента за контроль на КВЖД свидетельствовала о том, что США придавали большое значение закреплению за собой этой важной железнодорожной магистрали Северной Маньчжурии.

³⁵) „Congressional Record“, vol. 53, part 5, p. 4816.

³⁶) Y. V i n s o n, The Parchment Peace. The United States Senate and Washington Conference, 1921—1922, Athens, 1955, p. 99.

ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА В СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Б. Г. КОРЯГИН

Отмена крепостного права в России открыла путь развитию капиталистических производственных отношений не только в ее Европейской части, но и на окраинах. В. И. Ленин писал: «Если бросить общий взгляд на изменение всего уклада российского государства в 1861-м году, то необходимо признать, что это изменение было шагом по пути превращения феодальной монархии в буржуазную монархию. Это верно не только с экономической, но и с политической точки зрения. Достаточно вспомнить характер реформы в области суда, управления, местного самоуправления и т. п. реформ, последовавших за крестьянской реформой 1861-го года, чтобы убедиться в правильности этого положения»¹⁾.

Во второй половине XIX века политика царизма носила непоследовательный характер, что было вызвано стремлением приспособить политический строй России, сохраняя его классовую дворянско-помещичью сущность, к потребностям капиталистического развития. Политика царизма в Сибири, которую он стремился удержать на положении колонии, в экономическом смысле этого слова, имела свои характерные особенности. Наглядно они проявились в условиях проведения буржуазных реформ, что было вызвано втягиванием Сибири в общерусский процесс капиталистического развития.

Мы ставим своей целью показать политику царизма в Сибири во второй половине XIX века.

Разложение крепостничества и развитие капиталистических производственных отношений, сопровождавшихся обострением классовой борьбы в Сибири, шло значительно медленнее, чем в Европейской России, что наложило свой отпечаток и на проведение крестьянской реформы.

Собственниками земли в Сибири были государство, «кабинет» и помещики. Подавляющее большинство феодально зависимого населения составляли государственные крестьяне и мастеровые, приписанные к кабинетским и казенным заводам Алтайского и Нерчинского горных округов, и сравнительно небольшой процент составляли помещичьи крестьяне, насчитывавшие накануне реформы 1861 г. 3701 ревизскую душу. Реформа 1861 г. коснулась всех этих категорий феодально зависимого населения, но освобождение их произошло не одновременно.

Положение помещичьих крестьян в Сибири было значительно хуже государственных и приписных. Сверх подушной подати и других казен-

¹⁾ В. И. Ленин. Соч., т. 17, изд. 4, стр. 88.

ных повинностей крестьяне платили помещикам ежегодно от 3 до 23 рублей оброка с каждой ревизской души, в то время как казенные и земские повинности государственных крестьян не превышали 7 рублей с ревизской души²).

Отказ крестьян от выполнения повинностей в пользу помещиков, подача жалоб и открытое сопротивление действиям своих владельцев характеризуют положение, создавшееся в помещичьих имениях накануне реформы 1861 г.

Помещичье хозяйство в Сибири зашло в тупик, выход из которого мог быть только в уничтожении крепостного состояния крестьян и дворовых людей. Из хода подготовительных работ видно, что помещики стремились извлечь наибольшую выгоду из проведения реформы, высказываясь за высокий выкуп надела³).

Манифест об освобождении был обнародован в Сибири позже, чем в Европейской России, что было вызвано принятием мер предосторожности на случай крестьянских волнений. Томский губернатор доносил, например, министру внутренних дел: «...В Томске же по соглашению с местным Преосвященством Манифест объявлен на другой день 16-го текущего Апреля, после Божественной литургии, причем общественное спокойствие ничем не нарушалось»⁴). Но это было лишь внешнее спокойствие. При объявлении Манифеста крестьяне почти не присутствовали и свое отношение проявляли наглядным образом при составлении и введении в жизнь уставных грамот. Для Сибири уставный надел в 15 десятин (минимальный — 8 десятин) на ревизскую душу мужского пола с оброком в 8 рублей. Обязанности мировых посредников возлагались на земских заседателей, а губернского по крестьянским делам присутствия — губернские советы⁵).

Сибирским помещикам предоставлялось право продавать свои имения в казну, причем при невыполнении крестьянами обязательств, земля признавалась казенной, а крестьяне — государственными. Из докладов министра внутренних дел царю видно, что введение уставных грамот в Сибири шло медленно. Крестьяне считали 8 рублей оброк тяжелым и отказывались от круговой поруки⁶).

В ходе проведения реформы 22 помещичьих имения были выкуплены казной, а крестьяне переведены в разряд государственных, что привело к некоторому увеличению их наделов и уменьшению повинностей. В результате такого «освобождения» выиграли помещики, получившие возмещение от государства; крестьяне же попали из одной формы зависимости в другую.

Не получив желаемого освобождения, крестьяне продолжали борьбу за свое освобождение и в дальнейшем.

Приписные крестьяне составляли основную рабочую силу на рудниках и заводах Алтайского и Нерчинского горных округов. Они обязаны были работать 8 месяцев в году на заводе и 4 месяца на себя, получая в среднем по 6—12 руб. в год, не считая обмундирования и питания.

²) См. К. Михайлов. Крепостничество в Сибири, «Сибирский сборник», 1886 г. кн. 1, стр. 120.

³) См. там же, стр. 119—121.

⁴) ГАТО, ф. 3, оп. 2, д. 861, л. 9.

⁵) «Крестьянская реформа в России 1861 г.» (Сб. законодательных актов), М., 1954, стр. 434.

⁶) См. ГАТО в г. Тобольске, ф. 152, оп. 39, д. 87, л. 23.

Все приписные крестьяне получили волю только в 1864 г. (отработка велась в течение трех лет до этого срока). Заводские работы были заменены 6-рублевым оброком в год с ревизской души (1,5 руб. в казну и 4,5 руб. — Кабинету). Кроме этого, крестьяне обязаны были уплачивать государственные подати⁷). Земли приписных крестьян не были отмежеваны, и поэтому душевой оброк признавался временной мерой. Межевание предполагалось начать сразу же после освобождения крестьян, но оно затянулось вплоть до конца XIX века.

В результате проведения реформы на Алтае было освобождено 145 тыс. приписных крестьян, считавшихся временнообязанными до 1899 г. Оброк в пользу Кабинета был ничем иным, как выкупом из крепостной неволи. Выкупные платежи давали Кабинету ежегодный доход в размере 637 тыс. руб. Освобождение мастеровых было особенно затруднено: Кабинет пытался мелкими льготами и другими средствами удержать их на заводах, но все это не привело к достижению цели. Алтайские заводы в 60-х годах испытывали острую потребность в рабочих руках, которая частично стала удовлетворяться за счет переселенцев из Европейской России.

Проведение реформы на Алтае было возложено на мировых посредников, функции которых были разнообразнее и шире, чем в Европейской России. Мировые посредники здесь осуществляли всесторонний надзор за органами крестьянского самоуправления, ведали поземельным устройством крестьян, воплощали судебную власть над ними и т. д. и т. п. Это вело к постоянным столкновениям их с горным начальством и администрацией. В 1880 г. мировые посредники в Сибири были превращены в чиновников по крестьянским делам.

В Нерчинском горном округе, помимо каторжных, были и приписные крестьяне для выполнения работ, «без которых обойтись не можно». В 1797 г. их числилось на заводах 14566 чел. В 1851 г. они были перечислены в Забайкальское казачье войско в количестве 28992 чел., а мастеровые были «освобождены» в 1863 г. на тех же условиях, что и на Алтае.

Преследуя фискальные интересы в политике по отношению к Сибири, Кабинет в результате «освобождения» мастеровых и приписных крестьян значительно увеличил свои доходы от сибирских заводов и рудников.

В условиях перестройки фасада государственного здания и преобразований в армии казна ощущала острый недостаток в средствах. Старая система налогов и винных откупов уже не могла удовлетворить ее потребностей.

Положение о введении акцизного обложения продуктов народного потребления (вино, табак, сахар, спички и т. д.) было утверждено 4 июля 1861 г. Введение акциза носило классовый характер.

«...как известно, косвенное обложение на предметы потребления масс...», — писал В. И. Ленин, — отличается величайшей несправедливостью. Всей своей тяжестью ложится оно на бедноту, создавая привилегию для богатых. Чем беднее человек, тем большую долю своего дохода отдает он государству в виде косвенных налогов. Малоимущая и неимущая масса составляет $\frac{9}{10}$ всего народонаселения, потребляет $\frac{9}{10}$ всех обложенных продуктов и платит $\frac{9}{10}$ всей суммы косвенных налогов,

⁷) См. Н. З о б н и н. Приписные крестьяне на Алтае, «Алтайский сборник», вып. 1, 1894, стр. 7.

а между тем из всего народного дохода она получает каких-нибудь две-три десятых»⁸⁾).

Введение акциза предполагалось с 1 января 1863 г. по всей империи. Это вело к созданию разветвленной сети акцизного контроля за производством и сбытом продуктов.

Создание Управлений, округов и их штатов в Сибири ничем не отличалось от других районов страны.

В Восточной Сибири при откупах казна получала ежегодно 2380000 руб.; при новой же системе предполагалось получать доход в 2400000 руб., а при наличии 1000 кабаков с патентным сбором по 200 руб. с каждого — 2600000 руб.⁹⁾.

29 ноября 1863 г. генерал-губернатор Западной Сибири в отчете за 1862 г. о ходе проведения акцизной реформы писал: «Переход этот совершился в Западной Сибири без малейшего замешательства и ущерба для казны...»¹⁰⁾.

В интересах казны правительство поощряло строительство новых винокуренных заводов частными лицами, предоставляя для этой цели казенные пустопорожные земли на правах аренды¹¹⁾.

О развитии винокурения с введением новой системы обложения писал генерал-губернатор Восточной Сибири в 1875—1876 гг. следующее: «Первенствующее значение в промышленности Восточной Сибири имеет винокуренная промышленность. Легкость и верность сбыта вина, способность его хранения и скорость оборота капитала при торговле вином, без сомнения, развили бы эту отрасль производства еще до больших размеров, если бы не преграды, препятствующие возникновению больших заводов, не имеющих возможности конкурировать с такими же крупными, и не административные меры, временно поставившие предел постройке новых заводов, во избежание недостатка хлеба для продовольствия населения в неурожайные годы»¹²⁾.

Винокурение оказывало значительное влияние на сбыт сибирского хлеба, потребляя в год до 3,5 млн. пудов.

В оборотах сибирской промышленности винокурение занимало видное место. В 1871 г. годовой оборот винокурения составил 42% от всего промышленного производства, в 1880 г. он составлял 35%¹³⁾. Годовой оборот винокуренной промышленности Иркутской губернии составлял в 1876 г. 85% всего промышленного оборота губернии и т. д.¹⁴⁾.

После введения акцизной системы доходы казны по этой статье составляли в целом по империи:

- в 1867 г.— 133929647 руб.,
- в 1874 г.— 201583464 руб.,
- в 1884 г.— 244003657 руб.¹⁵⁾.

Доходы от питейного обложения в Сибири росли из года в год и составляли по Западной Сибири:

⁸⁾ В. И. Ленин. ПСС. т. 6, стр. 262—263.

⁹⁾ ГАИО, ф. 24, оп. 7, д. 595, лл. 46—57.

¹⁰⁾ ГАОО, ф. 3, оп. 4, д. 5576, л. 104.

¹¹⁾ См. ГАТО в г. Тобольске, ф. 23, оп. 1, д. 34, л. 127.

¹²⁾ ГАИО, ф. 24, оп. 9, д. 237, л. 18.

¹³⁾ ГАОО, ф. 3, оп. 7, д. 11285, лл. 21—22; Н. М. Ядринцев. Сибирь как колония, СПб., 1892, стр. 348.

¹⁴⁾ ГАИО, ф. 24, оп. 9, д. 292, л. 39.

¹⁵⁾ Статистика государственных финансов в России в 1862—84 гг. «Статистический ежемесячник Российской империи», Серия 3, вып. 15, СПб., 1886, стр. 170—171.

в 1863 г.— 5388547 руб.,
в 1866 г.— 7320193 руб.¹⁶⁾.
и по Восточной Сибири:
в 1871 г.— 3100000 руб.,
в 1878 г.— 4284462 руб.¹⁷⁾.

Дальнейшее развитие акцизной системы шло по пути расширения сферы косвенного обложения и увеличения его тяжести.

Несмотря на довольно жесткий контроль со стороны акцизных чиновников, в Сибири не была уничтожена почва для злоупотреблений в виноторговле. Казна и виноторговцы беззастенчиво грабили население Сибири: первая, применяя уточненную, тщательно налаженную чиновничью машину, вторые — путем спекуляции спиртными напитками, обмеров и других приемов. Попытки монополизировать виноторговлю со стороны ряда предпринимателей вызывали со стороны правительства и местной администрации резкий отпор.

С 1863 г. был введен акциз на соль по 30 коп. с пуда. За право добычи соли устанавливалась пошлина от 1 до 2 коп. с пуда. С этой целью было создано соляное акцизное управление. В Сибири при этом сохранялась казенная добыча соли с целью пресечения возможного взвинчивания цен на все виды соли, о чем оговаривалось в постановлении главного управления Западной Сибири¹⁸⁾.

Казна удерживала за собой ключевые позиции в сибирском солеварении, стремясь получить от введения акцизной системы наибольшие доходы.

Доход казны с соли в Восточной Сибири составлял в 1875 г. 125552 руб., а в 1878 г.— 284623 руб.¹⁹⁾. В Западной Сибири казна получала значительно больший доход по этой статье обложения. Так в 1872 г. он составлял 312385 руб., что было больше предыдущего года на 50914 руб.²⁰⁾.

В целом соляной доход по Российской Империи в общей массе доходов составлял в 1869 г. 2,83%, а в 1879 г.— 2,02%²¹⁾. С введением акциза на соль частная солепромышленность в Сибири получила некоторое развитие, сохраняя полукустарный характер.

Наряду с этим был введен акциз на табак. Доходы от табачного акциза выросли в целом по России с 5 млн. руб. в 1866 г. до 20 млн. в 1886 г. По Сибири также наблюдался рост доходов с табачных изделий. Например, в Томской губернии этот сбор составлял в 1872 г. 12702 руб. 15 коп., в 1880 г.— 34344 руб. 491/2 коп.

Табакводство в Сибири было развито слабо. Табак производился низкого качества и шел на удовлетворение потребностей края. Вышние сорта табака завозились из Европейской России.

В целом по России табачный сбор, так же как и соляной, занимал небольшое место. В 1866 г. он составлял в общей массе доходов 1,51%, а в 1879 г.— 1,96%²²⁾.

В соответствии с буржуазными преобразованиями 60—70-х гг. на повестку дня встал вопрос создания новой кредитной системы взамен

¹⁶⁾ ГАОО, ф. 3, оп. 4, д. 6027, л. 12; ГАОО, ф. 3, оп. 9, д. 7199, лл. 4, 8, 12, 15, 19, 23, 26, 29, 32, 35, 38, 41.

¹⁷⁾ ГАИО, ф. 24, оп. 9, д. 78, л. 5; ф. 24, оп. 9, д. 319, л. 56.

¹⁸⁾ См. ГАОО, ф. 3, оп. 4, д. 5447, л. 234.

¹⁹⁾ ГАИО, ф. 3, оп. 9, д. 292, л. 37; ф. 24, оп. 9, д. 319, л. 55.

²⁰⁾ ГАОО, ф. 3, оп. 7, д. 11285 л. 383.

²¹⁾ И. С. Блюх, Финансы России XIX столетия, (история-статистика), т. 3, СПб., 1882., стр. 80.

²²⁾ И. С. Блюх, указ. соч., стр. 64.

отжившей системы казенных банков. Приступив к осуществлению намеченной программы, вызванной к жизни законами экономического развития, царское правительство «ставило бездну препятствий» на пути буржуазных преобразований. Такая противоречивость проистекала из стремления правящих кругов России всячески оградить интересы землевладельческого дворянства. В этих условиях создание новой кредитной системы в России превратилось в затяжной и трудно протекавший процесс. Секретность и бесконтрольность дореформенных финансов порождали произвол и невероятную расточительность в расходовании государственных средств. Эта неприглядная картина будет достаточно полной, если прибавить сюда казнокрадство и всевозможные преступления должностных лиц.

Доходы в период с 1832 г. по 1861 г. составляли 6805 млн. рублей, а расходы — 8182 млн. рублей. Дефициты покрывались за счет займов и выпуска бумажных денег. За этот же период долг России увеличился с 24 млн. руб. до 1264 млн. руб.²³). Приведенные данные показывают застойно-консервативный характер государственных финансов в предреформенный период.

Особое место в пореформенной финансово-кредитной системе должен был сыграть Государственный банк, основанный в 1860 году. В отличие от английского и французского банков, он был организован не как акционерный, а как государственный, полностью зависящий от правительства. В уставе банка прямо говорилось, что «Министр финансов есть непосредственный и главный начальник банка». «Государственный банк,— говорилось в § 1 Устава,— учреждается для оживления торговых оборотов и упрочения денежной кредитной системы»²⁴).

Если не считать маломощных городских общественных банков, то появление первых коммерческих банков в России следует отнести к 1863—64 гг. Широкая же волна учредительства прокатилась в 1870—1873 гг. Именно с этого времени прослеживается то своеобразное положение Государственного банка, которое он сохранил вплоть до 1917 года.

До 1875 г. значительная часть его ресурсов отвлекалась от кредитования хозяйства на ликвидацию старых кредитных учреждений. Расходы по этой статье составляли в 1864 г. 165 млн. руб., а в 1876 г. — 110 млн. руб. В некоторые годы банк предоставлял средства для нужд казначейства; эти позаймствования, например, в 1863—1867 гг. составляли от 20 до 63 млн. руб. Все это сказывалось на медленном росте кредитования хозяйств (в 60-х гг. — 25%, в 70-х гг. — 30%) коммерческих ресурсов банка. Характерной особенностью банка являлась поддержка создававшихся новых кредитных учреждений. С 1886 г. началась поддержка Дворянского, отчасти Крестьянского, и других ипотечных банков. Это было вызвано стремлением правительства поддержать дворянство и зажиточные элементы деревни.

Характерной чертой финансовой политики царизма в рассматриваемый период была централизация финансового дела в руках государства. Россия отличалась от других государств законодательным вторжением правительства в деятельность коммерческих банков.

С развитием капиталистической банковской системы в стране наблюдается рост банковых оборотов и накопление капиталов. В. И. Ле-

²³) А. П. Погребинский. Очерки истории финансов дореволюционной России» (XIX-XX вв.), М., 1954, стр. 27.

²⁴) Полное собрание законов Российской Империи, собрание второе, т. XXXV, отд. первое, СПб, 1862, стр. 346.

нин писал по этому поводу: «О размерах банковых оборотов и накопления капитала общее представление дают следующие данные. Общая сумма выдач Госуд. банка возросла с 113 млн. руб. в 1864—1868 гг... до 620 млн. руб. в 1884—1888 гг...»²⁵).

В 70—80-х гг. Государственный банк увеличил кредитование хозяйств с 30% коммерческих ресурсов в 1873 г. до 79% в 1889 г. Это увеличение происходило в значительной мере через кредитование коммерческих банков.

В 1863 г. правительством было разрешено открывать отделения Государственного банка в разных городах Империи. Вслед за этим, в 1865 г. его отделения были открыты в крупнейших городах Сибири: Иркутске, Томске, Тюмени и Енисейске. Это количество отделений банка осталось до конца века.

Отделения Государственного банка в Сибири наряду с поддержкой акционерных банков развивали и контролировали учреждения мелкого кредита. Постепенно забирая ведущие позиции в экономике Сибири, отделения Государственного банка уже в 1865 г. получили от правительства разрешение на переучет векселей, учтенных в сибирских городских общественных банках. Правительство обращало особое внимание на усилении штата (и увеличение его содержания) сибирских отделений Государственного банка.

Ежегодно управляющие сибирскими отделениями Государственного банка ставили в известность министерство финансов о состоянии промышленности и торговли в крае. Особое место в этих докладах отводилось оборотам сибирских ярмарок.

Ссуды из отделений Государственного банка выдавались только под надежное обеспечение.

Таким образом, если в Европейской России основные средства банка шли через ипотечный кредит помещикам и вкладывались в железнодорожное строительство, то в Сибири они шли в торговлю как в быстро развивающуюся и имевшую значительный оборот. Это было выгодно царизму, но в то же время мешало промышленному развитию Сибири. Несмотря на руководящую роль отделений Государственного банка в экономике Сибири, основная масса оборотов падала на акционерные коммерческие банки и предприятия мелкого кредита, число которых, как и объем операций, возрастал к концу XIX века.

Все ссудно-сберегательные товарищества на 1 января 1897 года имели в активе 91485 руб. и пассиве — примерно такую же сумму. «Сибирский Вестник» писал по поводу оборотов предприятий мелкого кредита, приводя данные о деятельности ссудо-сберегательных товариществ: «...товарищества в основном работают на собственные средства и положение их не особенно прочно»²⁶).

Это, на наш взгляд, объясняется притоком основных средств в акционерные сибирские банки. Сеть же мелкого кредита не была развита в той мере, в которой она была развита в Европейской России из-за недостатка капиталов в Сибири.

В Сибири, как и в Европейской России, были организованы и проводили свои операции городские и коммерческие банки, создававшиеся на основе пожертвований и других средств. Так же как и в других частях России, сибирские коммерческие банки занимались кредитованием торговли. С 1863 по 1893 гг. в Сибири открылось свыше 20 коммерческих, городских и пр. банков и их отделений.

²⁵ В. И. Ленин. ПСС. т. 3, стр. 556.

²⁶ «Сибирский Вестник», 1898 г., № 62.

Одно из видных мест среди кредитных учреждений Сибири принадлежало Томскому общественному Сибирскому банку, основанному в 1843 году. Баланс банка за все время его действия оставался активным, что видно из следующих данных²⁷⁾:

В сотнях рублей

Годы. Операции	1870	1875	1879
Число учтенных векселей	241,8	757,2	1030,3
Выдано ссуд под залог недвиж. имущества	14,7	41,5	18,8
Выдано ссуд под процентные бумаги	40,7	36,0	73,1
Выдано ссуд под залог ценных вещей	0,5	—	7,1
Принято срочных	16,6	45,9	144,3
Чистая прибыль	17,9	44,4	28,0
Расходы на содержание женских училищ и гимназий	17,9	21,0	24,0

В 1904 г. в «Сибирском Вестнике» сообщалось по поводу деятельности банка за 14 лет с 1890 по 1903 годы: «Размеры операций банка связаны с его капиталом, а характер связан с тем, что банк занимается главным образом учетом векселей за высокий процент. Векселя же, как мы и говорили, принадлежали преимущественно торговому классу. Серая будничная жизнь..., когда в далекое время шестидесятых годов и там открывались городские банки, то мечты деятелей были пошире, чем современная действительность банка, поглощенного спекуляцией с купеческими векселями.

Впрочем по этой дорожке идет не только Томский общественный банк, но и другие его коллеги, обладающие более солидными капиталами...»²⁸⁾.

Эта характеристика деятельности Томского общественного сибирского банка правомерна и для характеристики других сибирских банков.

В 1864 г. в Тюмени был открыт городской общественный банк с оборотом на 1875 г. в 3.023.555 руб. и прибылью в 68.540 руб. За трехлетие с 1873 г. по 1875 г. общий оборот банка вырос на 16%²⁹⁾.

В Нерчинске Забайкальской области в 1871 г. был открыт городской общественный банк с основным капиталом 10 тыс. руб. На 1874 г. причислено прибылей 18841 руб., вкладов — 103500 руб., учтено векселей на 121786 руб., получено прибыли на 12891 руб. 77 коп.³⁰⁾.

Особенностью сибирских банков являлось наличие мелких основных капиталов, высокие проценты по вкладам и значительные по своим размерам обороты, превышавшие иногда основной капитал в несколько раз.

В соответствии с потребностями капиталистического развития, правительство разработало и ввело новое Городовое положение. Торгово-промышленная буржуазия приветствовала этот шаг правительства.

²⁷⁾ «Общественный Сибирский банк в Томске» (Отчет общественного сибирского банка в Томске за 1879 г.), Томск, 1880, стр. 16—17.

²⁸⁾ «Сибирский Вестник», 1904, № 71.

²⁹⁾ «Экономическое состояние городских поселений Сибири», СПб, 1882, стр. 21—22.

³⁰⁾ Газ. «Сибирь», 1875 г., № 5.

Сибирская администрация считала, что в ряде городов Сибири возможно введение упрощенного самоуправления и отмечала необходимость постепенного распространения положения на города Сибири³¹). Упрощенное городское самоуправление вводилось в малочисленных городах Сибири и олицетворялось одним старостой. Упрощенное городское самоуправление не устраняло доминирующей роли администрации в городской жизни. С 1870 г. Городовое положение вводилось только в наиболее крупных городах Сибири. В Указе говорилось: «1) Настоящее положение ввести ныне же в действие в следующих губернских и областных городах... Иркутске, Красноярске, Семипалатинске, Тобольске и Томске. 2) В остальных городах и посадах губерний, управляемых по общему учреждению... в непоименованных в статье 1-й городах и посадах Восточной Сибири... ввести настоящее положение в ближайший по возможности срок, соображаясь с местными обстоятельствами, по усмотрению Министерства Внутренних дел»³²).

По новому Городовому положению городские думы избирались на 4 года на основе имущественного ценза из состоятельных слоев городского населения. Городское самоуправление ведало только хозяйственными вопросами: благоустройством, проведением противопожарных мероприятий, попечением над мелкой торговлей и промышленностью, народным образованием и т. п.

Городское самоуправление имело право издавать свои постановления, но не располагало ни юридической, ни фактической возможностью настоять на их исполнении. Оно не обладало принудительной властью, даже было лишено права привлекать к суду лиц, нарушавших его постановления. Городское самоуправление зависело от администрации и полиции. Введение городского положения в сибирских городах растянулось на ряд лет. Местная администрация объясняла это неподготовленностью, якобы, городов к подобному преобразованию. В действительности же дело заключалось в том, что власти затягивали введение положения, опасаясь, что новое городское самоуправление ослабит их влияние на городскую жизнь. В 1871 г. Городовое положение было введено лишь в Томске и Красноярске, в 1872 г.— Иркутске, Тюмени, Тобольске, Семипалатинске и Таре, в 1873 г.— Ишиме, Омске, Петропавловске, в 1874 г.— Якутске и Акмолинске, в 1875 г.— Кургане, Верхнеудинске, Нижнеудинске, Киренске, Балаганске, Чите, Нерчинске, Тюкалинске, Троицесавске, Павлодаре, Усть-Каменогорске, Марининске, Ачинске, Минусинске, Канске, в 1876 г.— Кузнецке, Колывани, Ялуторовске, Туринске, Березове, Каинске, Благовещенске, Николаевске, в 1877 г.— Барнауле, Бийске, Нарыме, в 1879 г.— Илимске Иркутской губернии и Баргузине Забайкальской области.

В 80-х годах еще имелся ряд городов, где не было введено Городовое положение. Так не было оно введено в Верхоленске, Туруханске и т. д.³³).

Выборы в городские думы на первое четырехлетие показали, что в них принимало участие далеко не все население. Были нередки случаи пассивного отношения избирателей к своим обязанностям в период выборной кампании. В Томске, например, горожан, имевших право голоса, насчитывалось 944 человека, что составляло 2% от общего чис-

³¹) ГАОО, ф. 3, оп. 5, д. 7843, лл. 220—240.

³²) Полное собрание законов Российской Империи, собрание второе, т. XIV, отд. 1, СПб., 1874., стр. 821.

³³) И. В. Щеглов. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири (1032—1882), Иркутск, 1883., стр. 641.

ла жителей, а принимало участие в выборах немногим более $\frac{1}{4}$ избирателей, в Тобольске участвовало на выборах менее $\frac{1}{9}$ всех избирателей, в Чите в выборах участвовало менее $\frac{1}{4}$ избирателей, в Иркутске — $\frac{1}{9}$, в Красноярске — около $\frac{1}{4}$, в Барнауле — $\frac{1}{15}$ и т. д. В состав городских дум были выбраны представители торгового класса и чиновников. Классовый характер городских дум можно видеть из первого их состава в таких городах, как Иркутск и Томск. В результате выборов в городские думы по этим городам произошло распределение по сословиям следующим образом³⁴⁾:

Курии	Дворян и чиновников	Духовных лиц	Купцов и поместств. почет. граждан	Мещан и разночинцев	Всего
Томск					
Первая	1	—	18	—	19
Вторая	3	—	14	1	18
Третья	7	—	7	5	19
Всего	11	—	39	6	56
Иркутск					
Первая	4	2	15	3	24
Вторая	10	2	10	2	24
Третья	4	—	11	9	24
Всего	18	4	36	14	72

Таким образом, большинство избранных в вышеуказанные городские думы составляли купцы. Такая же картина с небольшими отклонениями представляется при рассмотрении результатов выборов в городские думы по другим сибирским городам.

Городские учреждения находились под надзором местных властей, прежде всего, — губернаторов, контролировавших и утверждавших их постановления. Городские головы губернских городов утверждались в должности Министерством внутренних дел; головы других городов — губернаторами. Следовательно, городское самоуправление не было самостоятельным органом, а было лишь подсобным правительственным учреждением в делах городской хозяйственной жизни. Первые итоги городской реформы были малоутешительны. Местная администрация докладывала о слабой деятельности органов городского самоуправления, неудачности первого состава городских дум. В отчете за 1874 г. Томский губернатор писал: «...первый выбор гласных деятелей был неудачен: большая часть членов Управы и в особенности голова отличались совершенным незнанием как с законами вообще, так и с Городовым положением в частности»³⁵⁾. Далее губернатор жаловался на стремление городского самоуправления обособиться от администрации. В том же духе докладывал Иркутский генерал-губернатор

³¹⁾ Ф. А. Кудрявцев, Г. А. Вендрих. «Иркутск», очерки истории города. Иркутск, 1958., стр. 145: «Томские губернские ведомости», 1871 г., № 3, стр. 3—4.

³⁵⁾ ГАОО, ф. 3, оп. 8, д. 13200, лл. 22—23.

в отчете за 1874-75 гг. «...Деятельность городских общественных Управлений,— писал он,— в преобразованном составе еще не получила определенного характера и часто по новизне дела возбуждает недоразумения, к разъяснению или влиянию на кои и вообще на городские дела, по смыслу указа Правительствующего Сената, генерал-губернатору не предоставлено никакого права. Городское хозяйство во всех городах еще не поставлено на должную ногу и оставляет желать многих улучшений для благоустройства городов»³⁶). Однако тревога местного начальства была напрасна. Правительство не было сторонником самостоятельных действий органов городского самоуправления, а местная администрация вскоре стала оказывать решающее влияние на городские дела.

Деятельность городского самоуправления началась с разработки обширных планов по благоустройству. Однако этим планам не суждено было свершиться. Томский губернатор писал в отчете за первое трехлетие деятельности городского общественного Управления следующее: «В трехлетний период существования на новых началах, благосостояние города почти не поднялось, внешняя его обстановка почти не улучшилась, городской запасной казны почти не существует, новых благотворительных учреждений не открыто»³⁷). Не было предпринято также никаких шагов по развитию народного образования. «За пять лет город нисколько не изменился»,— писала газета «Сибирь» в 1875 г. Еще в 1873 г. губернское присутствие ставило несколько раз на вид городскому общественному Управлению о его бездеятельности. За 1871—1874 гг. намечалось провести 149 собраний думы, а было проведено лишь 78³⁸). При этом на заседаниях ни разу не поднимались школьный и санитарный вопросы³⁹).

Комиссия, учрежденная томской думой по пересмотру инструкций Городской Управы в 1876 г., отмечала «апатичность» к общественным делам ее членов⁴⁰). Медлительность в делопроизводстве, беспорядочность в учете и контроле за финансовой стороной дела были характерны не только для городского управления Томска, но и для других сибирских городов. Доходы города составляли: в 1872 г.—101256 руб., в 1873 г.—145102 руб., в 1874 г.—123364 руб., в 1875 г.—93306 руб. В то же время расходы составляли: в 1872 г.—130995 руб., в 1873 г.—146277 руб., в 1874 г.—144137 руб. и в 1875 г.—98489 руб. Хозяйство города оставалось почти на одном уровне. В 1885 г. «Сибирская газета» писала: «...Наше хозяйство движется черепашьями шагами, не все статьи дохода возрастали, некоторые даже дают менее прежнего, дефицит при составлении смет — явление обычное, однако застою же объяснить этого нельзя: виновато главным образом, близорукое отношение нашей думы к ведению городского хозяйства»⁴¹). Благоустройство города оставалось на очень низком уровне, и вопросы его улучшения тянулись десятки лет. «Новое управление не жило по-настоящему интересами города», отмечала газета «Сибирский Вестник» в 1896 г.⁴²).

Такая же картина вскрывается при рассмотрении деятельности иркутской городской думы. Две трети гласных посещали заседания думы очень редко. За пять первых лет накопилось 5 объемистых книг

³⁶) ГАИО, ф. 24, оп. 9, д. 173, л. 29.

³⁷) ГАОО, ф. 3, оп. 8, д. 13200, лл. 21—22.

³⁸) Журнал «Сибирский наблюдатель», 1903, № 8, стр. 99.

³⁹) «Сибирь», 1875 г., № 16.

⁴⁰) ГАТО, ф. 127, оп. 1, д. 2849, л. 11.

⁴¹) «Сибирская газета», 1885 г., № 11.

⁴²) «Сибирский Вестник», 1896 г. № 162.

решений, «но если пришлось бы узнать — действуют ли эти решения на практике, то это было бы также легко сделать, как найти булавку в темной комнате»⁴³). Обращение с городскими средствами было беспримерно халатное. Дума нередко издавала постановления, противоречащие прежним, зачастую так и невыполненным. В 1878 г. газета «Сибирь» писала: «В перспективе ожидаются: невыполненные постройки, развалины зданий, грязь, затруднительные болезни и бесчисленное количество поломанных у пешеходов ног. Есть за что поблагодарить наше общественное Управление»⁴⁴). Такова картина городского самоуправления в Иркутске. Не в лучшем положении находилось оно и в других сибирских городах.

В результате проведения реформы городское управление оказалось в руках имущих классов, действовавших в своих интересах. «Если бы потребовалось, то мы могли бы представить тысячу примеров тому, что городские средства тратятся преимущественно на удовлетворение потребностей богатых и достаточных классов...» — указывал Головачев⁴⁵).

Общерусская и сибирская печать отмечала сословный характер городского самоуправления и вытекающие из этого результаты ведения городского хозяйства не только в Сибири, но и во всей России.

Если в Европейской России спор городской думы с губернатором разрешался Министерством Внутренних дел, то в Сибири действия городских дум находились под управлением и контролем губернских по городским делам присутствий во главе с губернаторами. Отсталость в развитии сибирской промышленности выдвинула на первое место развивающуюся торговлю. Отсюда в результате выборов преобладающую роль в городских думах и городском управлении стало играть купечество. В Сибири городская реформа была урезана, а городское самоуправление было поставлено в прямую зависимость от бюрократии.

Городовое положение 1892 г. еще более сузило круг избирателей и подчинило городское самоуправление местной администрации.

Крымская война вскрыла военную отсталость царской России. Поэтому вопрос о создании вооруженных сил на новых началах после отмены крепостного права встал очень остро. Неудовлетворительность комплектования и подготовки вооруженных сил России требовали коренной реформы военного дела, за осуществление которой принялся военный министр Д. А. Милютин. Прежде всего был сокращен срок службы в армии с 25 до 16 лет. Однако основной проблемой являлось изменение системы воинской повинности. Это изменение произошло с введением устава о воинской повинности с 1 января 1874 г. Этот закон вводился одновременно во всех частях России. По этому уставу рекрутчина заменялась всесословной воинской повинностью. Призыву подлежали все мужчины, достигшие 20-летнего возраста. Срок службы определялся в 6 лет, после чего шло зачисление на 9 лет в запас и затем до 40-летнего возраста — в ополчение. Устанавливались льготы по семейному положению, здоровью и т. д. Устанавливалась льгота по образованию, по которой срок службы значительно сокращался.

Военная реформа в Сибири была проведена без задержки и каких-либо изменений.

Генерал-губернатор Западной Сибири докладывал в 1874 г. царю, что подготовительные работы по проведению всесословной воинской

⁴³) «Сибирь», 1877 г., № 52.

⁴⁴) «Сибирь», 1878 г., № 14.

⁴⁵) А. Головачев. Десять лет реформ, СПб., 1872, стр. 29.

повинности и образованию комиссий в округах, сбор нужных сведений и т. д. были проведены в точно установленный срок. Первый набор прошел без всяких отклонений от общепринятых норм⁴⁶⁾. В дальнейшем, как это видно из губернаторских отчетов, наборы проводились в установленные сроки и без отклонений от Устава о воинской повинности. Иркутский генерал-губернатор доносил в отчете за 1874—1875 гг.: «Первый набор по всеобщей воинской повинности произведен в совершенном порядке и вполне успешно»⁴⁷⁾.

В таком же порядке проводились и все последующие наборы. Комиссии по призыву работали в среднем от 2 до 12 дней.

Военная реформа 1874 г. уничтожила рекрутчину, ввела всеобщую воинскую повинность — это было крупным шагом по пути буржуазного развития.

Наиболее буржуазная по своему содержанию судебная реформа 1864 г. вводилась в Сибири со значительными отклонениями и опозданием.

Сибирские дореформенные суды заменяли дворянскую опеку, нотариусов, оспенные комитеты, коммерческие суды, уголовные и гражданские суды и массу других учреждений⁴⁸⁾. Волокита, бюрократизм и невежество процветали в сибирских судах.

В 1860 г. тобольский губернатор доносил царю о состоянии делопроизводства в губернии: «В порядке судопроизводства по вступившим на ревизию Губернского Суда делам замечаемы были: медлительность, отступление от форм и обрядов судопроизводства как со стороны следователей, так и со стороны городских полиций и земских судов...»⁴⁹⁾. Негласность судопроизводства и зависимость от местной администрации были характерны для русских судов вообще, а для сибирских в особенности.

В условиях развивающегося капитализма преобразование судов стало настоятельной необходимостью.

В основе реформы лежало отделение судебной власти от административной. Судьям давалась несменяемость и независимость в исполнении своих обязанностей. Разбирательство важнейших уголовных дел предоставлялось присяжным заседателям. Уничтожались сословные суды, за исключением коммерческих, военных, духовных и волостных. Устанавливался единообразный порядок рассмотрения дел в 3-х инстанциях — двух по существу и в третьей — кассационной.

Сибирь осталась без реформированных судов. Отсталость экономического и политического развития края, неразвитость буржуазии, и главным образом торговой, давали царизму возможность оттянуть проведение судебной реформы в Сибири, что было невозможно в Европейской России.

Местной и центральной администрацией было разработано несколько проектов; все отчеты губернаторов, как правило, кончались ходатайством за введение судебных уставов в Сибири в их полном виде. Томский губернатор, например, в отчете за 1874 г. писал: «...Весьма желательно было бы введение здесь полной судебной реформы, которая вполне заменила бы ныне существующие, совершенно непригодные для настоящего времени, судебные учреждения Томской губернии»⁵⁰⁾.

⁴⁶⁾ См. ГАОО, ф. 3, оп. 8, д. 13200, лл. 360—362.

⁴⁷⁾ ГАИО, ф. 24, оп. 9, д. 193, стр. 29.

⁴⁸⁾ См. «Неделя», 1881 г., № 29, стр. 979.

⁴⁹⁾ ГАОО, ф. 3, оп. 3, д. 4639, л. 37.

⁵⁰⁾ ГАОО, ф. 3, оп. 3, д. 13200, л. 26.

Голоса за введение судебных уставов в Сибири раздавались и впоследствии. Особенно часто встречались замечания о необходимости судебной реформы для Сибири в сибирской печати. Правительство медлило с введением судебных Уставов в Сибири, руководствуясь решением «проводить применение этих Уставов путем медленного и последовательного проведения частичных процессуальных улучшений...»⁵¹⁾.

В условиях реакционной травли суда присяжных не могло быть и речи о проведении судебной реформы в Сибири на основании уставов 1864 г. Министерство юстиции разработало проект частных изменений в судоустройстве и судопроизводстве в Тобольской, Томской губерниях, Восточной Сибири и Приамурском крае. Этот проект был утвержден царем 25 февраля 1885 г. В соответствии с этим законом были проведены следующие изменения.

Губернские и окружные суды образовывались на основании временного штата судебных учреждений и прокурорского надзора. При окружных судах учреждались судебные следователи. Существовавшие в Красноярске, Иркутске, Енисейске, Ачинске, Нерчинске, Верхнеудинске, Троицесавске городские суды и городские ратуши упразднились с возложением судебных обязанностей по городам Красноярску, Иркутску, Енисейску, Ачинску на местные окружные суды, а по городам Нерчинску, Верхнеудинску и Троицесавску — на забайкальский окружной суд. Были упразднены должности губернских, областных, окружных и городских стряпчих, приставов гражданских и уголовных дел при полицейских управлениях городов: Тобольска, Тюмени, Томска, Канска, Иркутска, Троицесавска, следственных приставов в городах: Николаевске, Владивостоке, Хабаровске и содержащихся за счет городских средств, секретарей и столоначальников в некоторых окружных судах Тобольской и Томской губерниях. Вводились губернские и областные прокуроры и их товарищи. Отменялось избрание городскими обществами Сибири заседателей для присутствия в окружных судах по делам о купцах и мещанах и для участия в качестве депутатов при производстве следствий над лицами этих сословий, а также избрание кандидатов к этим заседателям⁵²⁾.

Все вышеизложенные положения было указано ввести с 1 сентября 1885 года. Оговаривалось также, что эти изменения в судоустройстве и судопроизводстве в Сибири должны вводиться постепенно. Таким образом, подправленный суд в Сибири не соответствовал законоположениям 20 ноября 1864 года. Эта реформа оставила суды, по сути дела, такими же негласными, как и до этого.

Эти частичные изменения едва ли могли преобразить физиономию дореформенного суда. Для подобного суда необходимо беспристрастное деловое следствие. Переходная реформа для Сибири должна была дать особую корпорацию следователей, но дала ее в очень ограниченном виде — 18 на Восточную Сибирь и Приамурский край, что приводит к тому, что только наиболее важные дела расследуются следователями, а основная масса — попрежнему полицией⁵³⁾.

«...В полном смысле слова, реформы не дано, а сделаны только некоторые изменения» — писала в этом же 1885 г. газета «Восточное обозрение». Следовательно, судопроизводство оставалось на том же уровне, что и ранее. Иркутский генерал-губернатор докладывал царю о состоянии судебных учреждений в 1892 г. следующее: «В деятельности

⁵¹⁾ «Журнал министерства юстиции», 1903, февраль, стр. 3.

⁵²⁾ См. «Восточное обозрение», 1885 г., № 12.

⁵³⁾ «Восточное обозрение», 1885 г., № 13.

административных и судебных учреждений, подобно тому как и в предшествующие года, проявлялась медлительность и частично имели место также другие упущения»⁵⁴).

Таковы результаты неудавшейся судебной реформы в Сибири.

О ходе судебной реформы в России, и в особенности в Сибири газета «Сибирский Вестник» писала в 1893 г.: «В начале введения судебных уставов шло довольно быстро, но чем ближе подвигалась судебная реформа к окраинам, тем большим урезкам, переделкам и ограничениям подвергались судебные уставы. Уральский хребет явился гранью, через которую не проникал «луч того яркого света правосудия, который ныне светит в большей или меньшей степени во всей Европейской России»⁵⁵). Особое место в системе судебных учреждений Сибири занимал волостной суд, введенный здесь в 1884 г. в качестве составной части крестьянского самоуправления, на основе положений 19 февраля 1861 г. Волостной суд занимался разбором дел, возникавших в крестьянских обществах. Действия общих гражданских законов на него не распространялись. До волостных судов разбором дел занимались волостные правления вместе с писарями, заседателями и исправниками. Юрисдикция волостных судов была основана на ценности иска до 100 руб. и на тяжести наказания (до 7 дней ареста, до 6 дней общественных работ, штрафа до 3-х рублей и до 20 ударов розгами).

В гражданских и уголовных делах волостному суду подчинялись только крестьяне. Огромную роль в волостных судах играли писари и волостные старшины. Волостные писари зачастую произвольно истолковывали смысл законов. Отсутствовала апелляция инстанция по решению волостных судов. Судопроизводство велось при закрытых дверях. Судьи находились под безраздельным влиянием писарей и выносили угодные им приговоры. Как известно, в волостных судах сохранились телесные наказания.

Волостной суд был мощным орудием в руках местной администрации в целях удержания крестьянской массы в повиновении. В волостных судах и в XX веке секли крестьян за недоимки.

В предреформенный период русская печать находилась в жестких цензурных тисках. Цензурная реформа 1865 г. дала некоторые послабления для либеральной печати. Освобождались от предварительной цензуры издания более 10 печатных листов. Правительство надеялось, что издания больших объемов не получат распространения в народе и, таким образом, «крамольные мысли» не проникнут в народную среду. Но радость была преждевременной и непродолжительной. Очень скоро пришлось убедиться, что при новых условиях печати еще очень далеко до освобождения от административного произвола.

По «временным правилам» 1865 г. ежемесячные журналы должны были за два дня до своего выхода находиться уже у цензора в полном виде. Цензурный комитет или цензор мог задержать его выход или вырезать неудобные правительству места. Провинциальная же печать очень долго оставалась под гнетом цензуры и только в Киеве реакционная газета «Киевлянин» была освобождена от предварительной цензуры. Печать за нарушение цензурных правил подвергалась судебному и административному преследованию. Целая система «предостережений» обычно сменялась затем приостановками изданий и штрафами. В даль-

⁵⁴) ГАИО, ф. 25, оп. 24, д. 296, л. 7.

⁵⁵) «Сибирский Вестник», 1893 г., № 147.

нейшем в результате введения целого ряда изменений в цензурных правилах русская печать оказалась в очень тяжелом положении.

Цензурная реформа не коснулась Сибири. В общественной жизни этого края периодическая печать играла значительную роль. Несмотря на цензурный гнет на страницах сибирских газет поднимались вопросы о перспективах развития Сибири, ее экономического состояния, шла борьба за буржуазные преобразования в крае. Сибирская печать находилась в полной зависимости от местной администрации. «Не должно забывать,— писали «Санкт-Петербургские ведомости» в 1867 г.,— что гласность в Сибири — дело весьма затруднительное и почти невозможное. Стоит только взглянуть не на «Губернские ведомости» — они везде одинаковы,— а на единственную в крае частную газету — «Сибирский вестник», чтобы убедиться в справедливости нашего мнения»⁵⁶).

Такое бесправное положение сибирской печати оставалось до конца XIX века. «Печать, к несчастью, не может отражать все то, что составляет первую и святую ее обязанность: быть с одной стороны отразителем запросов эпохи и дня и с другой — быть прожектором жизни: направлять на нее лучи знания и руководства»⁵⁷). В условиях жестокого чиновничьего произвола сибирской печати было особенно сложно выполнять эти функции. Это констатировал и «Сибирский Вестник» в 1898 г. Он писал: «Нынешние цензурные условия сибирских газет действительно тяжелы и непосильны»⁵⁸). Таким образом, печать во второй половине XIX века так и не дождалась освобождения от цензурного гнета и произвола местной администрации.

Одним из тяжелейших атрибутов крепостного права были телесные наказания. Телесные наказания были орудием подчинения народных масс. С отменой крепостного права вопрос об отмене телесных наказаний встал со всей остротой. 17 апреля 1863 г. телесные наказания были отменены. Однако они продолжали бытовать в волостном суде, в тюрьме и ссылке. В Сибири телесные наказания не были отменены, хотя вопрос об их отмене ставился местной администрацией уже в 60-х гг. В 1867 г. генерал-губернатор Западной Сибири Дюгамель поставил перед правительством вопрос о замене телесных наказаний для ссыльных женщин более легкими. Наряду с этим выдвигалось предположение об отмене телесных наказаний для ссыльных женщин вообще⁵⁹). В 1879—80 гг. этот вопрос был снова возбужден генерал-губернатором Восточной Сибири Анучиным⁶⁰). Но и на этот раз правительство ответило молчанием. Только указом от 29 марта 1893 г. были отменены телесные наказания для ссыльных женщин, увечных мужчин и детей до 14 лет. «Для Сибири как для штрафной колонии, насчитывавшей у себя десятки ссыльных женщин, этот факт имеет немаловажное значение», — писал «Сибирский Вестник»⁶¹).

По сути дела телесные наказания оставались неотъемлемой частью сибирской жизни. Так, в Омском государственном архиве хранятся дела о наказании земским заседателем Бийского округа Паутовым крестьян Бестужевых розгами за испорченную руду при перевозке ее на Барнаульский завод⁶²). Таких примеров можно привести большое

⁵⁶) «Санкт-Петербургские ведомости», 1867 г., № 38.

⁵⁷) «Сибирский Вестник», 1905 г., № 68.

⁵⁸) «Сибирский Вестник», 1898 г., № 117.

⁵⁹) См. ГАОО, ф. 3, оп. 5, д. 8495, лл. 19—23.

⁶⁰) См. ГАИО, ф. 24, оп. 9, 446, л. 17.

⁶¹) «Сибирский Вестник», 1893 г., № 93.

⁶²) См. ГАОО, ф. 3, оп. 10, д.д. 16857, 16886.

количество. Вопрос об отмене телесных наказаний в Сибири поднимался неоднократно даже администрацией. «Телесные наказания приносят вред не только тем, на кого они обрушиваются,— писал «Сибирский Вестник» в 1893 г.,— но и всему обществу. Они портят наши нравы, понижается уровень нашей гуманности. «Высечь, посечь, сечь» — слышится у нас в Сибири почти на каждом перекрестке»⁶³).

Собрание общества врачей Восточной Сибири 12 марта 1896 г. занесло в свою резолюцию следующее: «Мы считаем телесные наказания не согласными с нашей цивилизацией, анахронизмом для конца XIX ст. и глубоко верим, что в недалеком будущем оно будет отменено для всех и каждого, как 25 лет тому назад было отменено крепостное право. Освободительная реформа еще не окончена, еще не уничтожен один из пережитков рабства — розга; но что он будет уничтожен, повторяем, мы в этом не сомневаемся»⁶⁴).

Однако, несмотря на все призывы общественности Сибири, правительствo оставалось к ним глухим. В Сибири, как и прежде, свистели розги и плети. Местная администрация рассматривала телесные наказания как один из методов управления сибирской окраиной. Выколачивание податей из сибирских крестьян было «вооружено целым арсеналом всевозможных средств, среди которых на заре XX века было возмутительное телесное наказание»⁶⁵).

Волна общественного возбуждения и революционного натиска,— как писал В. И. Ленин,— вырвала у царизма «кусочек конституции». В 1864 г. в Европейской России была проведена земская реформа. Этим кусочком русское «общество» отманивали от конституции. Но вслед за его введением начинается эпоха правительственных гонений земства. «Начинается трагикомическая эпопея: земство ходатайствует о расширении прав, а у земства неуклонно отбирают одно право за другим и на ходатайства отвечают «отеческими» поучениями»⁶⁶). Как известно, роль земства в Европейской России, была урезана до минимума.

Сибирь же вообще не увидела земского самоуправления, хотя подготовка к введению здесь земства велась с 1883 года. Задержка с введением земских учреждений на «неопределенное и может быть на весьма продолжительное время» мотивировалась недостатком подходящих для этого дела лиц, финансовыми затруднениями и т. д. Объяснялось же это прежде всего тем, что если царизму это «пятое колесо в телеге русского государственного управления» было совершенно не нужным, то тем более в Сибири, где не было дворян-помещиков, это учреждение правительством считало совершенно излишним. «Вопрос о введении земства в Сибири насчитывает за собою не один десяток лет. Еще в шестидесятые годы в первый, сколько-нибудь заметный период подъема общественных сил в России, со стороны местных общественных деятелей было указываемо на необходимость введения земства в Сибири; эта мысль пропагандировалась такими публицистами, как Ядринцев, Шашков, Капустин, Загоскин; с того времени сибирская печать неустанно ратовала о том же, и вопрос этот имеет теперь за собою почтенную давность и обширную литературу»⁶⁷) — писал «Сибирский Вестник».

⁶³) «Сибирский Вестник», 1893 г., № 93.

⁶⁴) «Восточное обозрение», 1896 г., № 35.

⁶⁵) Боголепов М. И. Финансы, правительство и общественные интересы, СПб., 1907, стр. 145.

⁶⁶) Ленин В. И., п. с. с., т. 5, изд. 5, стр. 35.

⁶⁷) «Сибирский Вестник», 1905 г., № 80.

Буржуазные реформы 60—70-х гг. XIX в. были попыткой перестроить государственное управление в соответствии с требованиями развивающихся капиталистических производственных отношений. Реформы были вырваны у царизма волной революционного движения 60-х годов.

Политика царизма в Сибири во второй половине XIX века носила двойственный, противоречивый характер, проявившийся особенно ярко в проведении буржуазных реформ 60—70-х гг.

Если такие реформы как акцизная, военная и финансовая были проведены в Сибири на тех же основаниях и в те же сроки, что и в Европейской России, то это объясняется, прежде всего, фискальными интересами царизма, для которого Сибирь оставалась источником все увеличивавшихся доходов.

В отношении крестьян Сибири царизм проводил ярко выраженную классовую политику, возлагая на них увеличивавшееся бремя налогов и многочисленных повинностей, сохранявших прежний феодальный характер. С развитием капиталистических отношений в стране крестьяне Сибири вносят в государственную казну огромное количество денег по косвенным налогам и платежам.

Акцизная и финансовая реформы приносили трудящимся массам Сибири усиление эксплуатации и увеличение налогового гнета.

Городская реформа, вырванная у царизма развивающимся капитализмом, в Сибири была введена в значительно урезанном виде и поставила городское самоуправление в прямую зависимость от чиновной бюрократии, которая по-прежнему сохраняла в Сибири свое господствующее положение.

Еще более мизерной и «куцой» была судебная реформа, которая была введена только в конце XIX века.

Земская и цензурная реформы не были распространены на Сибирь. Это объясняется классовыми соображениями царизма, который по-прежнему видел свою задачу в защите интересов реакционного дворянства.

В Сибири не было дворянства и промышленной буржуазии, которая уже заявляла о себе в Европейской России. Это давало возможность проводить реформы в более урезанном виде и со значительной задержкой.

Развитие капитализма в Европейской России и в Сибири предопределяло общность задач трудящихся масс, задач свержения самодержавия и слома старой государственной машины. Но силы, способные поставить этот вопрос и разрешить его в Сибири, только начинали развиваться. Революционное движение еще только набирало силы для грядущих боев с царизмом.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ КРЕСТЬЯНЕ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ в 1-й ЧЕТВЕРТИ XIX в.

А. Ф. ЛЯПИНА

История крестьян периода разложения феодально-крепостнического способа производства имеет важное значение для раскрытия закономерностей общественного развития России, так как крестьянство было основным элементом производительных сил феодально-крепостнического общества.

Феодализм в России, как известно, существовал в 2-х формах — в форме помещичьего и государственного землевладения. В. И. Ленин никогда не противопоставлял эти понятия, имея в виду под «государственным феодализмом» господство феодальных отношений, распространявшееся на казенные земли¹⁾.

Государственные крестьяне, составлявшие в 1-й четверти XIX века более одной трети крестьянского населения²⁾ и считавшиеся свободными сельскими обывателями, в действительности были феодально зависимыми людьми.

Данная статья имеет целью показать специфику и место сибирских крестьян в системе государственного феодализма России на примере бывшей Томской губернии, которая в 20-х годах XIX века составляла значительную часть Западной Сибири.

Представление о росте численности крестьянства и размещении его по округам дает таблица³⁾ (см. стр. 121).

Из таблицы видно, что самыми густонаселенными округами Томской губернии в 1817 г. были Бийский и Томский, основную массу населения которых составляли приписные крестьяне (к 1825 году большинство заводских крестьян Томского округа было отчислено в ведомство колывано-воскресенского горного начальства), в Красноярском и Канском округах преобладали крестьяне государственные.

В состав государственных крестьян входили, прежде всего, старожилы, «сибирской губернии пашенные люди», присылаемые правительством для разведения хлебопашества на протяжении XVII—XVIII ве-

¹⁾ В. И. Ленин, соч., т. 13, изд. 4, стр. 301—302.

²⁾ Н. М. Дружинин, Государственные крестьяне и реформы П. Д. Киселева. т. I, изд. 1946 г., стр. 45.

³⁾ Таблица составлена на основании материалов: 1803 г. — Статистическое обозрение Сибири, составленное на основании сведений, почерпнутых из актов правительства и других достоверных источников. Спб, 1810 г.; 1817 г. — Государственный архив Омской области (ГАОО), ф. 2 «Сибирский генерал-губернатор», оп. I, д. 172, лл. 301—305; 1825 г. — ГАОО, ф. 3 «Главное управление Западной Сибири», оп. I, д. 197, лл. 53—54.

ков. Значительную прослойку крестьян-старожилов составляли бывшие казаки. По различным документам можно проследить, как целые слободы казаков со 2-й четверти XVIII века превращались в крестьянские, и «дети казацкие» вместо отправления военной службы занимались хлебопашеством, платили подушную подать и оброк в казну государства⁴).

Т а б л и ц а

Округа Томской губернии	Общая численность крестьян муж. пола					
	1803 г.		1817 г.		1825 г.	
	государ.	приписн.	государ.	приписн.	государ.	приписн.
Томский	6181	11842	13168	33342	15561	4881
Каинский	9403	—	11324	—	13255	—
Красноярский	23339	—	30398	—	Вошли в состав образованной в 1824 г. Енисейской губернии	
Енисейский	11199	—	12546	—		
Кузнецкий	—	26610	66	16011	321	17789
Бийский	—	33876	107	50094	—	62733
Туруханский	243	—	370	31	Данных нет	
Нарымский	1822	—	1951	—	2805	—

После секуляризации церковных земель в 1764 г. общее количество государственных крестьян пополнилось за счет крестьян экономических. Большая часть экономических крестьян в Томской губернии была приписана впоследствии к Алтайским горным заводам.

Особую группу крестьянства составляли ямщики. По 5 ревизии в целом по Сибири их насчитывалось 14000 душ⁵, из этого числа около 9 тысяч ямщиков проживало в Томской губернии. Ямщики поселялись в разное время вдоль Сибирского тракта и должны были вместо платежа в казну податей содержать на тракте лошадей для перевозки почт, курьеров и вообще для «исправления почтовой гоньбы».

В отличие от государственных крестьян центральных губерний России, число которых на протяжении XVIII века сначала быстро увеличивается, а затем неуклонно уменьшается вследствие массовой раздачи государственных крестьян в частные руки⁶), крестьянство Сибири представляло собой резервуар, пополнявшийся за счет переселенцев, отбывающих в Сибири наказания, и крестьян, ушедших в Сибирь «самовольно» из европейских губерний России. По официальным данным в 1824 г. в Томской губернии было «водворено» 192 души мужского пола из «ссылных поселенцев»⁷). В этом же году земские исправники отыскали 608 душ крестьян, «самовольно переселившихся» в Томскую губернию из губерний Оренбургской, Вологодской, Пермской, Вятской и других⁸).

⁴) Государственный архив Томской области (ГАТО), ф. 321 «Ревизские сказки по Томской губернии», оп. 1, д. 1-а.

⁵) Статистическое обозрение Сибири. Спб, 1810 г., стр. 85—86.

⁶) Н. М. Дружинин, Указ. соч., т. I, стр. 45—46.

⁷) ГАТО, ф. 3 «Томская губернская управа», оп. 17, д. 27, «Окладная книга по Томской губернии за 1824 год».

⁸) ГАТО, ф. 3, оп. 19, д. 6, л. 76, лл. 146—170.

Все земли Томской губернии считались собственностью казны, государства. Законом 1797 г. (11 ноября) крестьянам «казенного ведомства отводились наделы по 15 десятин на каждую мужского пола душу»⁹⁾. В начале XIX века земли в Томской губернии еще не были обмерены и отмежеваны, и отдельные крестьянские семьи пользовались таким количеством земли, какое они могли обработать. Правительство, «по случаю неразмежевания Томской губернии», даже не имело представления, были ли наделены казенные крестьяне «положенными землями»¹⁰⁾.

К 1820 г. в Томской губернии были описаны лишь земли Колывано-Воскресенского горного ведомства¹¹⁾.

В большинстве округов губернии земли обычно отводились целым волостям, обносились общей межей, размеры этих земель по селениям даже в официальных документах не обозначались, волостные управления, как правило, сообщали о «всех площадях волости»¹²⁾. Причину нечеткого и неполного размежевания земель следует видеть, прежде всего, в малозаселенности отдельных районов Томской губернии. Об этом свидетельствует широкое распространение в начале XIX века заимок, состоявших из 1—2 дворов, хозяева которых засевали по 5—16 десятин хлеба, а что касается земель, примыкающих к пашне, «сенокосных мест» и т. п., то они были «немеряны». Такие заимки встречаются почти во всех волостях губернии¹³⁾. С увеличением количества населения в Томской губернии, на смену заимочной форме, получает распространение так называемая «вольно-захватная» система землепользования. Крестьянин имел право на ту землю, в которую он вкладывал свой труд.

Как можно судить по материалам фондов волостных правлений, переделов земли деревня в первой четверти XIX века не знала. Там, где земель было достаточно, вопрос о переделе не возникал, в тех же волостях, где «удобной для хлебопашества» земли крестьянам не хватало, она была закреплена за отдельными крестьянскими хозяйствами и переделу не подлежала. Прошения крестьян в волостные правления с жалобами на «неудобность сельских угодий», на отказы «общества» прибавить «хотя бы еще 3 десятины» и т. п. иллюстрируют это положение. Крестьяне охотнее «отпускали» подобных крестьян из своих селений в другие волости, чем шли на переделы земельных угодий¹⁴⁾.

Что касается лесов, сенокосов, водоемов, то пользование ими не было ограничено. Например, в 6 селениях Кетской волости не было строевого леса и крестьянам возили лес из соседних округов.

Хозяйственная деятельность крестьянства Томской губернии была весьма разнообразна, но основным занятием населения было земледелие.

Наиболее плодородными землями в Томской губернии были земли «по привольным местам при реках Томе и Чулыме, а также при Абакане и Красноярске»¹⁵⁾. Большим плодородием отличались почвы

⁹⁾ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ), т. XXVI, № 19967.

¹⁰⁾ ГАОО, ф. 2, оп. 1, д. 65-а, «О мерах, принимаемых к приведению в известность земель в Сибири», лл. 7—9.

¹¹⁾ Там же, лл. 35—37. См. также: ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 36 (Дела 1-го Сибирского Комитета). Сибирский комитет в 1824 г. пришел к заключению, что «приведение в известность сибирских земель представляет важные затруднения и требует продолжительного времени», л. 123.

¹²⁾ ГАТО, ф. 58 «Кетское волостное правление», оп. 1, д. 34, л. 144.

¹³⁾ ГАТО, ф. 144 «Томская губернская чертежная», оп. 1, д. 6, л. 15; ф. 21 «Томский губернский суд», оп. 1, д. 2, лл. 1, 2, 8, 136—137; ф. 1, д. 315, л. 29.

¹⁴⁾ ГАТО, ф. 67 «Нелюбинское волостное правление», оп. 1, д. 12, л. 233; д. 12, лл. 201—203.

¹⁵⁾ Статистическое обозрение Сибири, Спб, 1810 г., стр. 42.

в Каинском, Красноярском, Бийском округах, в некоторых волостях Томского округа.

В целом по губернии можно выделить такие районы с преобладанием земледелия как основного вида занятия населения: Николаевская, Богородская, Уртамская, Кольонская волости Томского округа; Анциферовская, Моклоковская, Кежемская, Казачинская волости Енисейского округа; Зелеевская, Рыбинская, Канская, Минусинская, Ачинская волости Красноярского округа; Верхнеомская, Вознесенская, Усть-Тартаская, Нижнекаинская волости Каинского уезда¹⁶⁾; Чаусская, Пачинская, Чарышская, Тальменская волости округов, относящихся к ведомству колывано-воскресенского горного начальства¹⁷⁾.

Земледелие в этих районах велось экстенсивным методом, уровень развития земледелия был довольно низким. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы Томской губернии не дают возможности говорить о существовании какой бы то ни было обязательной системы полеводства в сибирской деревне. Здесь нет принудительной обработки и дробления угодий на мелкие полосы, обязательного чередования полей и т. п., что было характерно, например, для губерний Европейской России.

Способ обработки земли в Сибири можно назвать залежнопаровым. Этот способ основывается на эксплуатации земли без применения удобрений. Земля 2—3 года подряд засеивалась хлебом, затем на год—два оставлялась под пар, опять засеивалась и снова шла под пар. Пахотные участки засеивались обычно «с перепаркою», от 5 до 12 лет¹⁸⁾, затем они покидались, и земля лежала «в пусте». Там, где земли было достаточно (например, в Каинском округе), крестьяне к пустошам не возвращались — «за удовольствием новых земель, к пашне годных»¹⁹⁾. Но в большинстве округов залежи распахивались через 15—20 лет (в Богородской волости — через 50—100 лет²⁰⁾).

На залежных землях высевали только озимую рожь, а на паровых — ярицу, пшеницу, ячмень, овес, лен, пеньку, в некоторых волостях — горох.

Техника обработки земли была довольно низкой — из земледельческих орудий известны одноконная соха, борона с деревянными (реже — железными) зубцами, коса-горбуша. Поэтому урожаи хлебов и технических культур были невысоки. Из года в год на протяжении первой четверти XIX века (за исключением неурожаяев) они представляли собой такую картину (стр. 124)²¹⁾.

Существенный ущерб наносили земледелию вредители хлебов — «кобылка», «червь» и проч., которые уничтожали посевы. Посевы погибали и от ранних заморозков, от наводнений, от града, выбивавшего сотни десятин хлебов. Большие неурожай имели место в губернии в 1803 г.; в 1812—1813 гг., в 1817 г.²²⁾

В нашем распоряжении нет материалов, которые бы показывали размеры пахотных участков крестьян в районах, где земледелие пре-

16) ГАТО, ф. 144, оп. 1, д. 6, лл. 12, 22, 28, 29, 31, 35—37.

17) ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 983, л. 2.

18) ГАТО, ф. 144, оп. 1, д. 6, лл. 29—32 (в Нелюбинской волости — 10 лет, в Кольонской — 8—12 лет, в Спасской — 12 лет, в Уртамской — 3 года, в Каинском округе — 5—12 лет).

19) Там же, л. 12.

20) Там же, л. 28.

21) Там же, лл. 12—30.

22) ГАОО, ф. 2, оп. 1, д. 354 «О всходе и урожае хлебов и трав по Томской губернии», лл. 3—58.

Наименование культур	Засевали на десятину	Собирали
Рожь	10 пудов	55 пудов
Пшеница	12 „	60 „
Ячмень	16 „	55 „
Овес	25 „	55 „
Лен	8 „	20 „

обладало. Но по различным косвенным данным²³⁾ можно создать представление о числе десятин обрабатываемой земли, приходившихся на душу населения. Так в Каинском округе засевалось по 0,8 десятины озимой ржи и 1,7 десятины пшеницы на мужскую душу, в Красноярском уезде — по 0,5 дес. озимой ржи и 1,8 дес. пшеницы, в волостях Томского, Кузнецкого и Бийского округов, приписанных к заводам Колывано-Воскресенского горного ведомства, — по 0,6 дес. озимой ржи и 1,4 дес. пшеницы.

На своих земельных участках крестьяне рассматриваемых районов, кроме ржи и пшеницы, выращивали овес и технические культуры.

По данным отчетов губернаторов урожайность в Томской губернии выпадала следующим образом²⁴⁾:

Уезды	Численность по 7 ревизии	Засеяно тыс. десятин		В среднем на душу в 1819 г.	Урожай в тыс. четвер.		В среднем на душу 1819 г.	Урожайность: отношения посева к сбору	
		1811 г.	1819 г.		1811 г.	1819 г.		1811 г.	1819 г.
Томский	80162	50,6	53,2	—	448,6	513,9	—	2:9	2:10
Бийский	164067	59,7	57,7	—	440,7	426,8	—	2:7	2:8
Кузнецкий	51884	20,5	18,4	1,0	148,3	229,9	7,3	2:7	2:12
Завод. кр.-не в 3-х назв. уездах	—	—	181,1	—	—	996,4	—	—	—
Красноярский	90826	46,4	50,1	0,6	336,4	429,5	4,7	2:7	2:8
Каинский	30192	11,4	23,0	0,8	67,8	343,8	11,4	2:5	2:14
Енисейский	38694	10,4	15,7	0,4	76,5	89,3	2,3	2:7	2:6
Нарымский	9993	1,3	1,8	0,2	6,8	16,3	1;6	2:5	2:8
Туруханский	—	—	—	—	—	—	—	—	—

Вот одно из типичных крестьянских хозяйств Казанской волости Каинского уезда (см. стр. 125)²⁵⁾.

Интересно отметить, что в волостях, удаленных от Сибирского тракта, где население преимущественно занималось земледелием, при-

²³⁾ Из «Ведомости о посеве и урожае хлебов по Томской губернии» мы берем данные о числе мужских душ по отдельным уездам, (ГАОО, ф. 2, оп. 1, д. 354), затем сравниваем это число с количеством десятин, засеянных озимой рожью и яровой пшеницей по тем же уездам («Ведомость о посеянном к 1820 г. хлебе по Томской губернии»), там же, л. 58.

²⁴⁾ Рукописный отдел библиотеки имени В. И. Ленина (РОБЛ), ф. 20 (фонд Г. С. Батенькова), д. 17, к. 4 (фотокопия).

²⁵⁾ ГАТО, ф. 1, оп. 1, д. 194, л. 3; см. также лл. 5, 9 и др.

ходило сравнительно небольшое количество скота на крестьянский двор. Описывая хозяйства этих волостей, уездные землемеры отмечают: «...Крестьяне скотоводства большого не имеют, ... главнейшие (т. е. наиболее зажиточные — А. Л.) имеют рогатого 10—15 голов и лошадей такое же количество»... «Крестьяне занимаются скотоводством лишь для своего продовольствия, ... для себя»²⁶⁾ (т. е. для нужд своего хозяйства — А. Л.).

Примером может служить Пачинская волость. В Пачинской волости в 1825 г. во всех селениях насчитывалось 417 дворов, на которые приходилось 1637 лошадей и 1646 голов крупного рогатого скота, т. е. в среднем на каждый двор около 4 голов лошадей и такое же количество крупного рогатого скота²⁷⁾.

Иную картину представляли собой волости, расположенные по Сибирскому тракту: Нелюбинская, Семилужская, Покровская, Спасская, Тутальская волости Томского округа, Белоярская, Чаусская, Берская, Легостаевская волости Бийского округа; Заледеевская, Канская, Хийская, Большекемчугская и другие волости Красноярского округа и др.

Население этих волостей также занималось земледелием, но, в основном, хлеба, собираемого с небольших участков (2—3 десятины на крестьянский двор²⁸⁾), крестьянам не хватало, и он покупался в соседних волостях. В то же время количество скота, главным образом лошадей, резко возрастает по сравнению с удаленными от тракта районами. Большое количество скота у крестьян отмечают уездные землемеры: «жители скотоводством занимаются рачительно...» «...скотоводством занимаются тщательно» и т. п.²⁹⁾.

В притрактовой полосе заметно ощущался недостаток в сенных покосах и выгонах для скота («сенокосные места не так в изобилии», «...сенокосов во многих местах весьма недостаточно»³¹⁾).

Перевозка купеческих грузов по тракту и мелкая торговля давали крестьянству большую выгоду, чем трудоемкая обработка земли, тем более, что хлеб в Сибири за исключением неурожайных лет в волостях, примыкавших к тракту, был дешев. В то же время на перевозку грузов по тракту существовали довольно высокие цены. В Иткульской волости Каинского уезда один пуд ржаной муки стоил 55 коп., от села Иткульского до Каинска расстояние исчислялось в 131 версту, а провоз одного пуда клади за 10 верст стоил 32 коп. т. е. весь провоз от с. Иткульского до Каинского одного пуда муки обходился в 4 руб. 16 коп.³²⁾.

²⁶⁾ ГАТО, ф. 144, оп. 1, д. 6, лл. 12, 32.

²⁷⁾ Подсчитано по «Окладной книге по сбору податей» (Пачинская волость), ГАТО, ф. 66; «Пачинское волостное правление», оп. 1, д. 23, лл. 708—732.

²⁸⁾ ГАТО, ф. 1, оп. 1, д. 315, лл. 22, 23.

²⁹⁾ ГАТО, ф. 144, оп. 1, д. 6, лл. 31, 32.

³¹⁾ ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 78, лл. 1—15 (жалобы крестьян Спасской, Нелюбинской, Семилужской, Варюхинской и других волостей Сибирскому генерал-губернатору на недостаток сенных покосов).

³²⁾ См. «Ведомость о ценах на сухопутное передвижение с пуда по уездам и волостям Томской губернии», ГАОО, ф. 2, оп. 1, д. 424, л. 4. «Ведомость о почтовых по Томской губернии дорогах», ГАОО, ф. 2, оп. 1, д. 307, лл. 16—24.

Имели место в Томской губернии и обширные территории, население которых из-за суровых климатических условий почти не занималось земледелием (Нарымский округ, Туруханский край). Основным занятием русского и местного населения этих районов были охота и рыболовство. В Кетской волости Нарымского края довольно значительно было развито скотоводство, о чем дает представление следующая таблица³³⁾.

Название сел и деревень 1823 г.	Кол-во дворов	Сколько имеют скота				Сколько овец
		лошадей		рог. скота		
		взрос-лых	жере-бят	взрос-лых	телят	
Колпашево	42	452	85	530	134	628
Усть-Реченское	35	55	2	115	40	91
Волкова	24	216	33	236	79	216
Новая	27	361	44	412	121	495
Кетское	9	45	4	82	27	76
Северское	11	129	10	231	76	145
Колмаково	3	5	2	10	10	20

Сохранились сведения об урожаях хлебов в Нарымском крае в первой четверти XIX века³⁴⁾.

Годы	По Кетской волости				По Парабельской волости			
	посев в чет-вертях		урожай в чет-вертях		посев в чет-вертях		урожай в чет-вертях	
	озим.	яров.	озим.	яров.	озим.	яров.	озим.	яров.
1810	620	890	2620	3500	80	458	560	2754
1824	750	674	3689	2029	373	392	1331	2764

Несмотря на неплохие урожаи и рост числа десятин, засеваемых хлебом год от года, хлеба для продовольствия населения оказывалось мало, крестьяне вынуждены были покупать зерно и муку на ярмарках в Нарыме³⁵⁾.

В Туруханском крае попытки выращивать хлеб окончились неудачей «по причине сильных заморозков»³⁶⁾.

Ежегодно в Нарымский край и Туруханск доставлялось на продажу до 50 тыс. пудов хлеба³⁷⁾.

³³⁾ ГАТО, ф. 58, оп. 1, д. 34, лл. 31—32.

³⁴⁾ Нарымский край. Историко-статистический очерк. Составил А. Ф. Плотников. Спб., 1901 г., стр. 281.

³⁵⁾ См.: М. Геденштром. Отрывки о Сибири, Спб., 1830 г., стр. 152.

³⁶⁾ ГАТО, ф. 1, оп. 1, д. 129, л. 2.

³⁷⁾ В. Вагин, Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири, т. 1, стр. 183.

Отдельные районы Томской губернии экономически были плохо связаны между собой. В округах и волостях, удаленных от городов и трактовой полосы, крестьянское хозяйство было, в основном, натуральным.

Продукты земледелия, скотоводства, охоты, рыбной ловли потреблялись самими крестьянами. Описывая такие волости, уездные землемеры неизменно сообщали: «привозки и отвозки хлеба не бывает», «...прогону и пригону скота не бывает», «...никаких промыслов нет»³⁸⁾.

Если поселения находились недалеко от губернского города или уездных центров, крестьяне возили хлеб, рыбу, пушного зверя, изделия из древесины в город — «для платежа казенной подати на продажу»³⁹⁾.

Исключение составляли волости, расположенные по сибирскому тракту. Здесь бойко шла торговля продуктами сельского хозяйства, охоты и рыболовства и привозными товарами⁴⁰⁾. Крестьяне подражали возить купеческие клади, содержали на станциях лошадей⁴¹⁾. В притрактовой полосе быстрее шел процесс разложения натурального хозяйства. Зажиточная верхушка крестьянства выступала в роли поставщиков хлеба для сибирского войска, хлебных запасных магазинов, винокуренных заводов. Купцы и торгующие крестьяне продавали продукты сельского хозяйства в неземледельческих районах Томской губернии⁴²⁾. Так, например, крестьянин одной из деревень Бийской волости И. Новиков, занимавшийся торговлей хлебом, пожертвовал жителям города Нарыма 3 тысячи пудов ржаной муки⁴³⁾.

В этих районах постепенно получала развитие аренда крестьянами казенных земель. Известно, что крестьянин деревни Карганской, лежащей на тракте в Убинской волости, Петр Шинкарев взял «на оброчное содержание» Убинское рыболовное озеро и 7 впадающих в него речек» за 600 рублей в год⁴⁴⁾.

Обедневшие крестьяне притрактовых сел нанимались за низкую плату к крупным подрядчикам для перевозки грузов по тракту и других работ.

Следует отметить, что тенденции к развитию крестьянского хозяйства по буржуазному пути в 1-ой четверти XIX века развивались медленным темпом, охватывая лишь притрактовую полосу Томской губернии. Об этом свидетельствуют многочисленные архивные документы. Во все волости Томской губернии из казенной экспедиции рассылались «приказы» волостным правлениям, в которых говорилось: «...начальство желает, чтобы в поставках провианта и фуража участвовали крестьянские общества и порознь крестьяне, кто хочет для их пользы. Крестьянские общества в сем случае могут составить регистры, кто сколько примет на себя поставить хлеба, какого сорта... с общественным одобрением и поручительством... Все сие необходимо изъяснить крестьянам, обвестить и внушить по всем селениям для непрерывной известности каждого».

В ответ на такие предписания казенная экспедиция получала из во-

38) ГАТО, ф. 114, оп. 1, д. 6, лл. 28—30.

39) Там же, л. 29.

40) ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 1805, лл. 560—564; д. 1451, лл. 5—6.

41) ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 968, лл. 68—71.

42) ГАТО, ф. 60, оп. 1, д. 29 «О судах и баржах с хлебом, идущих из Кольвани».

43) ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 291, л. 154.

44) ГАОО, ф. 2, оп. 1, д. 197, лл. 1—6.

лостей сообщения, что «желающих из крестьян никого не оказалось»⁴⁵).

Причина того, что из среды сибирского крестьянства в 1-й четверти XIX века выходило мало предпринимателей-торговцев, кроется не только в природных особенностях края с его огромными расстояниями, трудностями передвижения и перевозки товаров, в малой емкости внутреннего рынка, но, главным образом, в отсталости экономических отношений.

Крестьянин, обремененный денежными и натуральными повинностями в пользу государства, вынужден был для уплаты оброка и подушной подати отдать большую часть дохода своего хозяйства.

Приемы и формы эксплуатации государственных крестьян Сибири были типично феодальными. Крестьянский оклад включал подушную и оброчную подати. Подушную подать крестьяне платили как податное сословие России, а оброк представлял собой денежную ренту в пользу феодала, в качестве которого выступало государство. Денежный оброк был основным видом феодальных повинностей крестьян в Сибири, в отличие, например, от губерний Прибалтики, Белоруссии, Правобережной Украины, где преобладала арендная система эксплуатации казенных имений⁴⁶).

Размеры подушной подати и оброка устанавливались государством, на протяжении с 1800 по 1825 гг. они неуклонно возрастали. Размер оброка в Томской губернии в 20-х годах XIX века равнялся 8 рублям (так же, как и в Вологодской, Новгородской, Полтавской, Псковской, Черниговской губерниях). В остальных губерниях России оброк достигал 9—10 рублей.

Оброком и подушной податью не исчерпывались денежные сборы с государственных крестьян. На местные земские нужды, на содержание дорог, устройство, отопление и освещение казарм и проч. с крестьян собирались особые «земские повинности». Обычно земские повинности взимались на основании губернских смет и изменялись в зависимости от местных условий. Из Томской казенной палаты по волостям рассылались предписания об общей сумме сборов, а представители общин в волостных правлениях составляли «приговор», который «раскладывал» общую сумму на количество крестьян в той или иной волости. Кроме этого, существовали специальные денежные сборы с крестьян «на волостные нужды». Эти сборы маскировали эксплуатацию крестьянства и сокращали расходы государства на содержание волостных правлений, так как во главе правления стояли крестьянские «выборные» и все расходы на содержание правлений несли крестьяне. На самом же деле волостное правление было низовым звеном административно-помещичьего аппарата казенного ведомства.

Сборы на содержание волостных правлений достигали огромных размеров. Если на содержание сухопутных и речных путей сообщений с крестьянской души повсеместно взимали 75 коп. в год, то на содержание волостных правлений от 1 руб. 12 коп. (Курганская волость Красноярского уезда) до 4 руб. 92 коп. (Казанская волость Каинского уезда) на одну душу «годного работника».

Общая сумма денежных сборов с крестьянина составляла от 12 руб. 75 коп. до 15 руб. 75 коп. в год⁴⁷).

Очень обременительны были для крестьян и натуральные повин-

⁴⁵) ГАТО, ф. 67, оп. 1, д. 11, лл. 308—309, 314. ГАОО, ф. 3, оп. 1, д. 36, лл. 56, 133.

⁴⁶) Н. М. Дружинин, указ. соч., т. 1, стр. 47.

⁴⁷) ГАТО, ф. 1, оп. 1, д. 1318, лл. 2—21.

ности в виде постройки казенных зданий и сооружений, рубка и доставка для них леса, постройка судов и сплав казенного хлеба, починка и содержание дорог и т. п.

Но самой тяжелой натуральной повинностью крестьянских волостей была ямская гоньба. Для того, чтобы не отрываться от полевых работ в летнее время, крестьяне вынуждены были нанимать ямщиков и, кроме того, содержать обывательских лошадей по станциям, содержать на станциях сани, кованые телеги и т. п.

В особом положении находились крестьяне, жившие в непосредственном соседстве с заводами. Там, например, крестьяне всех деревень Чаусской волости были обязаны возить на Кольванский завод лес. В связи с этим была составлена ведомость, включавшая списки крестьян по каждой из 25 деревень этой волости, которые не отработали свои повинности на заводах. В среднем в каждой деревне 1/5 часть крестьян по отношению к заводу являлась задолженниками⁴⁸).

К денежным и натуральным повинностям присоединилась не менее тяжелая рекрутская повинность. Рекрутские участки включали по 500 ревизских душ, во главе такого участка стоял рекрутский староста. Селения выставляли рекрутов «по очереди» по заранее составленным спискам. Очень часто в рекруты попадали подставные лица из числа поселенцев или обедневших крестьян.

Анализ повинностей крестьянства Сибири позволяет сделать вывод о том, что сибирские крестьяне более всего страдали от земских сборов и натуральных повинностей. Тяжесть этих повинностей объясняется, с одной стороны, спецификой Сибирского края — бездорожьем, малой заселенностью, суровостью климата; а с другой стороны — это является главным — феодальным характером эксплуатации крестьян со стороны государства.

Феодально-крепостническое государство, осуществляя угнетение крестьян путем такого экономического рычага, как земли, считавшиеся собственностью казны, широко использовало и методы внеэкономического принуждения, так как иначе оно не могло бы заставить работать на себя человека, наделенного землей и ведущего свое хозяйство⁴⁹).

Для присвоения прибавочного труда крестьян, для исправного поступления податей правительство создавало специальные органы, перед которыми стояли по существу те же задачи, какие разрешались вотчинной администрацией в помещичьих имениях.

Управление государственными крестьянами в Томской губернии, как и вообще в Сибири, было сложным и громоздким. Томская губерния имела некоторые особенности в устройстве «по малости населения от губерний». Гражданское начальство делилось на 2 части: Томское губернское правительство и гражданский и уголовный суд; в свою очередь, губернское правительство состояло из 2 экспедиций: исполнительной и казенной (последняя подчинялась Департаменту государственных имуществ).

В каждом из 8 уездов губернии были учреждены земские суды и земские исправники, на них возлагались полицейские функции и подчинялись они губернскому правительству.

Нижним звеном системы управления крестьянами были волостные правления. Волость охватывала селения, насчитывающие в общей сложности до 3 тысяч ревизских душ. Во главе волости стояло во-

⁴⁸) ГАТО, ф. 60, оп. 1, д. 29, лл. 23—25, 50; ф. 59, оп. 1, д. 6, лл. 62—63 и др.

⁴⁹) См.: В. И. Ленин, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 159.

лостное правление, в которое входили «выборные» — волостной голова, старосты селений, старшины и писарь. Кроме того, «для охраны порядка» каждое селение выбирало десятского, а несколько селений — сотника⁵⁰), выборы проходили каждые два года. Общие вопросы рассматривались на волостных сходах крестьян-домохозяев⁵¹).

В начале XIX века указом правительства уезды в Сибири были разбиты на комиссарства с «определением в оных особенных начальников под именем земских частных комиссаров». Обосновывая это нововведение, указ предписывал земскому частному комиссару «пробыть в одной из приписанных к части его волостей и каждую из них осматривая, ответить за благосостояние их»⁵²). В действительности же государство стремилось сильнее подчинить себе крестьянские массы, соорудив еще одну ступень в административном управлении Сибири, для выколачивания из крестьян податей и повинностей.

Подобная организация управления государственными крестьянами открывала возможность самого безудержного произвола и неслыханных даже в то время злоупотреблений.

Выборные из крестьянской среды оказывались первыми взяточниками по отношению к крестьянам. Вот, например, жалоба крестьян Чатской волости на своего старосту, который «взимал с них излишне в подать и повинность деньги, кои он по сие время не возвращает». Староста Черкашинов Спасской волости «брал взятки с разных крестьян за переселение их на другие земли»⁵³).

Старосты и выборные защищали интересы зажиточных крестьян (из среды которых они обычно избирались), попустительствовали им даже в случае уголовных преступлений⁵⁴).

Комиссары, призванные на месте, в волостях, «незамедлительно» решать все дела, чрезвычайно злоупотребляли своей властью. Комиссар Плотников, например, брал с крестьянских старост деньги (от 25 до 425 руб.) «за облегчение их волости в почтовой гоньбе..., вымог у старосты Боготольской волости за назначение лошадей для почтовой гоньбы из других волостей — 1500 рублей»⁵⁵) и т. п.

Дела о Плотникове и других были переданы в сенат (томский земский суд приговорил взяточников к каторге), сенат признал многие факты «бездоказательными», так как не было свидетелей, которые видели бы, что крестьянские выборные действительно передавали взятки чиновникам. Выборных, по решению сената, отрешили от должностей, некоторых «наказали палками», а заключение Томского уголовного суда было отменено⁵⁶).

Канцеляристы земского суда, пользуясь путаницей и неразберихой в документах, оформлявших крестьянские повинности, взыскивали незаконно деньги с крестьян вплоть до штрафа за подачу жалоб на простой бумаге, а не на гербовой⁵⁷); брали деньги из «мирских сумм» и использовали их по своему усмотрению. Дело доходило

⁵⁰) Все крестьянские выборные утверждались губернским правительством, ГАТО, ф. 1, оп. 1, д. 749.

⁵¹) ГАТО, ф. 1., оп. 1, д. 1001.

⁵²) ПСЗ, т. XXVII, стр. 826.

⁵³) ГАТО, ф. 1, оп. 1, д. 121, лл. 64—66.

⁵⁴) ГАТО, ф. 1, оп. 1, д. 1002; ГАОО, ф. 2, оп. 1, д. 15, лл. 190—191.

⁵⁵) ГАТО, ф. 1, оп. 1, д. 121, лл. 64—72.

⁵⁶) Там же, лл. 73—74.

⁵⁷) ГАТО, ф. 1, оп. 1, д. 749, л. 79. Правительство издало специальный указ, по которому всякую жалобу можно было расценить как «донос» и наказание обращалось «на самих доношников». См. ПСЗ, т. XXVII, стр. 327—629.

до того, что крестьяне Красноярского уезда, как выяснилось, внесли в уездное казначейство «сверх» 721 руб. государственных подушных податей, денежных сборов на земские повинности и устройство дорог⁵⁸).

Огромное количество жалоб на произвол местной администрации поступило от крестьян сибирскому генерал-губернатору М. М. Сперанскому во время его ревизии Томской губернии. До нас дошли «Регистры просьбам и жалобам по разным предметам», из которых мы узнаем о содержании жалоб отдельных крестьян и целых крестьянских обществ. Крестьяне жаловались на «неуравнительный и тягостный распорядок земских и волостных повинностей», на «обиды и притеснения» земских чиновников. На основании этих жалоб были составлены М. М. Сперанским «предложения» Томскому губернскому правлению. В «предложениях» Сперанский обращал внимание, главным образом, на земское управление и земские повинности.

Что касается земского управления, то, так и следовало ожидать, Сперанский нашел здесь «многие беспорядки и злоупотребления». Из 8 уездных исправников в Томской губернии им были отстранены от должности 6, кроме того, были «отрешены от должности» два земских комиссара и главный смотритель поселян⁵⁹).

Предложения о повинностях непосредственно вытекали, по замечанию самого Сперанского, из «входивших к нему жалоб». Сперанский делил все повинности на три вида: повинности денежные общие, повинности денежные волостные и повинности, «отправляемые лично».

Основную причину тяжести денежных повинностей Сперанский видел в плохой организации сбора их, вот почему он рекомендовал «составить подробное расписание всех волостных необходимых издержек, как-то: на содержание волостных правлений, на постройку казенных зданий, на мелкие случайные издержки, на вино и съестные припасы рассыльщикам и чинам земского суда, когда они по делам бывают в волостях; ибо лучше определить сии издержки явно и с учетом, нежели вносить их в «темные тетради»⁶⁰).

Это расписание должно, по мнению Сперанского, висеть в волостном правлении на стене, на видном месте. Естественно, что подобные «нововведения» ни в коей мере не могли облегчить тяжесть всех сборов с крестьян.

Точно так же стремился «навести порядок» Сперанский в отбывании повинности натуральной. Чтобы облегчить, например, дорожную повинность, он предлагал разделить всю дорогу, которая проходит по территории той или иной волости на участки, сколь можно между собой равные не пространством, но количеством материалов и трудов». Далее необходимо было составить «расписание душ», которые должны нести сию повинность по трем статьям: 1) ближайших, на самой дороге лежащих, 2) смежных и 3) дальних. Первые должны принимать большее участие в строительстве или ремонте дороги, вторые менее, «отдаленные — еще менее». В то же время «нельзя отрывать крестьян, — предписывал Сперанский, — ни под какими видами от работы»⁶¹).

Как видно из материалов ревизии сибирских губерний, М. М. Сперанским все мероприятия его по крестьянскому вопросу были направ-

⁵⁸) ГАТО, ф. 1, оп. 1, д. 976, лл. 61—62.

⁵⁹) ГАТО, ф. 1, оп. 1, д. 986, лл. 61—62.

⁶⁰) Там же, л. 66.

⁶¹) ГАТО, ф. 1, оп. 1, д. 976, лл. 68—69.

лены на изыскание средств для поднятия платежеспособности крестьянства.

Необходимость изыскания средств для уплаты государственных податей и повинностей приводила к росту развития в деревне отношений долговой кабалы. Большое количество «словесных» и письменных жалоб вскрывало перед ревизорами М. М. Сперанского картину разорения крестьянских хозяйств. Ревизоры признавали, что «...при денежных ссудах сверх непомерного роста часто взыскания производятся по одним словесным показаниям до срока волостным, земским и губернским начальством», «...часто имущества крестьян конфискуются». Полный произвол царил в деревне и при найме крестьянами работников в свои хозяйства: «условия найма в работу, быв составляемы под видом займа денег, не имея ни законной формы, ни установленной срочной явки и свидетельства, дают повод непомерному росту, который в виде нового займа приписывается к старому и таким образом вырастает без всякой соразмерности (некоторые поселенцы считают тех долгов до 600 рублей)»⁶²).

В качестве «наемных рабочих» в хозяйстве крестьян, как показывают документы, выступали чаще всего поселенцы, «приписанные» к различным селам и деревням.

Расселяя ссыльных по селам, томское губернское правительство требовало сведения о том, «налицо ли те посельщики жительствоуют, в какой деревне, своим домом или в работах, у кого именно и за какую плату, какого поведения»⁶³). Ведомости о крестьянах, приписанных из посельщиков, показывают, что за редким исключением поселенцы не обзаводились своим хозяйством и хлеб не производили⁶⁴). Поселенцы, «причисленные в оклад», находясь в окладе одной волости, часто фактически там не проживали, а работали в хозяйствах крестьян других волостей. Это были крестьяне в возрасте от 24 до 50 лет, против имен и фамилий которых в ведомостях мы встречаем пометку: «находятся в срочных работах у крестьян и получают по заработке рядные», выполняет «срочные работы в селе Богородском», «хлебопашества не производит», «у крестьян в работах пропитывается от своих трудов»⁶⁵).

Разорение крестьянских хозяйств в результате такого процветания кабалы не могло не вызвать тревогу Сперанского, который составил новое «предложение» губернскому правительству специально по вопросу о долговых обязательствах между крестьянами. Это «предложение» наиболее ярко показывает стремление Сперанского не изменить, а лишь упорядочить существующие отношения, придать им более «законную» форму.

Сперанский разделил все долговые иски на два вида: 1) по найму в работу и 2) по денежным займам. Содержание «Предложения» Сперанского сводилось к введению обязательных письменных долговых расписок и договоров, по которым производились судебные разбирательства. Как долговые обязательства, так и условия найма на работу должны были «быть явлены» в волостное управление, где был ведом работник, дабы в случае нужды всегда сыскать его было можно»⁶⁶).

⁶²) ГАТО, ф. 1, оп. 1, д. 1070, лл. 1—19.

⁶³) ГАТО, ф. 1, оп. 1, д. 286.

⁶⁴) Там же. Рапорта Уртамского, Богородского, Верхнеомского, Нелюбинского и других волостных правлений.

⁶⁵) Там же.

⁶⁶) ГАТО, ф. 1, оп. 1, д. 1070, лл. 17—18.

Предложение Сперанского допускало также устные договоры и обязательства, но в этих случаях все спорные вопросы должны были решаться «полюбовно» через посредников. При более внимательном изучении этого документа нетрудно прийти к выводу, что Сперанский не столько пытался предостеречь от разорения беднейшую часть крестьянства, сколько заботился о более зажиточных крестьянах, потому что бегства работников от непосильных долгов и тяжелой работы «причиняли важный убыток хозяйствам».

В архивах Томского губернского правления сохранился черновой набросок ответа правления сибирскому генерал-губернатору на его предложения. Не известно, дошел ли до Сперанского этот ответ и был ли он послан вообще, но нам он показывает всю нереальность предписаний реформатора в условиях жизни сибирской деревни того времени: «нет почти сомнения, что письменные обязательства не заменят словесных уговоров с работниками. Легче заключить уговор там же на месте, нежели ехать с ним в город или волость, покупать гербовую бумагу, сыскивать писцов, составлять письменные условия, издерживать деньги, что обыкновенно для них тягостно... и отнимает время, а часто и наводит им сомнение, чтобы в написанном договоре не было чего противного...»⁶⁷⁾.

Тем не менее, губернское правительство приняло образец «Условий», предложенных Сперанским.

В поисках дополнительных заработков поселенцы и обедневшие крестьяне оставляли свои деревни, уходили в города «для промыслов», нанимались от сел ямщиками, обязывались поставлять в город дрова купцам, чинovníкам и мещанам, нанимались «в рабочие к купцам для погрузки и сопровождения товаров и т. п.»⁶⁸⁾. Поселенцы, занимаясь отходничеством, «отлучались для промыслов» на протяжении нескольких лет, и за тех из них, которые были включены в оклад, подати должно было платить общество, вот почему крестьяне старожилы так противились приписке к их селениям ссыльных поселенцев⁶⁹⁾.

В тех случаях, когда на заработки уходил крестьянин из среды общинников, с согласия старшин и «лутчих крестьян» ему давался на год «прокормежный пашпорт», причем одним из непременных условий отпуска крестьян была обязательная уплата ими государственных податей и «всех по крестьянству повинностей за прошлые годы»⁷⁰⁾.

Применение наемной рабочей силы в хозяйстве Сибирского крестьянина, делающее его более зажиточным, а также отходничество способствовали росту имущественного неравенства среди крестьянства.

Наиболее обеспеченную в хозяйственном отношении часть крестьянства составляли бывшие казаки, ямщики и старожилы, живущие по тракту. Они занимались хлебопашеством и промыслами, вели торговлю с коренными жителями и приезжими купцами», из них немногие были бедны, большая часть зажиточные, есть даже богатые⁷¹⁾. Встречались семейства, обрабатывающие с помощью наемной рабочей силы до 70 десятин земли, косившие до 300 копен сена, имеющие по 5 занюк⁷²⁾. Имущественное расслоение можно проследить и на примере дан-

67) ГАТО, ф. 1, оп. 1, д. 1070, л. 39.

68) ГАТО, ф. 60, оп. 1, д. 1, лл. 2—23; д. 16, лл. 157, 160; д. 17; л. 153.

69) ГАТО, ф. 1, оп. 1, д. 620, л. 88.

70) ГАТО, ф. 60, оп. 1, д. 16 «О даче крестьянам годовых прокормежных пашпортов».

71) Статистическое обозрение Сибири. Изд. 1810 г., стр. 81.

72) ГАТО, ф. 58, оп. 1, д. 19, л. 1621.

ных о количестве скота у крестьян, так, крестьянин деревни Большой Ояш Чаусской волости Алексей Самочернов владел 40 головами круглого рогатого скота, Василий Соловьев 29 головами, а крестьяне этой же деревни Василий Овчинников, Матвей Леонтьевский, Василий Тархов, Степан Самочернов имели лишь по 2—4 головы скота⁷³).

В официальных документах, где речь идет о жителях того или иного селения, выделяются «богатые», «лучшие». Ревизоры Сперанского правильно подметили, что зажиточные крестьяне в деревнях, обычно на остальных великое влияние имеют...». «Богатым крестьянам словесные уговоры с бедными весьма представляются выгодными потому, что жалобы на них не принимаются»⁷⁴).

Ямщики в начале XIX века оказались по сравнению с другими крестьянами Томской губернии в более выгодном положении: они имели свои хозяйства, разводили лошадей, скот, вели торговлю по тракту. Ямщики платили подушную подать, а вместо остальных повинности должны были содержать на тракте лошадей и обслуживать тракт, получая за плату, тогда как крестьяне, живущие при трактовой полосе, платили все подати и, кроме того, в виде натуральной повинности выполняли «ямскую гоньбу». Документы говорят нам о целых селениях, которых жили только ямщики. Например, в Покровской волости «Томлякова — 8 дворов, Старо-Турулово — 48 дворов, Ново-Турулово — 8 дворов, Сибирцево — 9 дворов. В этих селениях жили ямщики «Туруловского яму».

Из среды зажиточных крестьян старожилы и ямщики выходили немногочисленные в первой четверти XIX века «торгующие крестьяне», которые позднее, с 30-х годов, пополняли ряды сибирского купечества.

Наиболее быстро шло имущественное расслоение в волостях, при мыкавших к тракту, и на Алтае⁷⁵).

Положение основной массы крестьянства Томской губернии характеризуется большими трудностями в их жизни, тяжестью земских повинностей и произвольных поборов административно-чиновничьего аппарата⁷⁶).

⁷³) ГАТО, ф. 1, оп. 1, д. 1070, л. 39.

⁷⁴) ГАОО, ф. 2, оп. 1, д. 319, л. 7; оп. 1, д. 291, лл. 4—107; ф. 3, оп. 1, д. 7 лл. 1—15.

⁷⁵) Об этом свидетельствует огромная недоимочность государственных крестьян Томской губернии. См. ГАТО, ф. 1, оп. 2, д. 27, лл. 10—11; ф. 1, оп. 2, д. 490 «О состоянии недоимок по Томской губернии».

НЕОЛИТИЧЕСКАЯ КЕРАМИКА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

В. И. МАТЮЩЕНКО

В настоящее время известно определенное количество памятников эпохи неолита на территории Западной Сибири. Материалы этих памятников уже послужили в некоторых случаях основой для появившихся исследований по истории племен Западной Сибири¹⁾. В этих исследованиях керамический материал использован очень широко. Я не намерен давать в настоящей работе подробное описание типов орнамента, техники нанесения его и пр. В мою задачу входит проследить, чем связаны между собой памятники эпохи неолита в различных областях Западной Сибири.

Все памятники эпохи неолита Западной Сибири можно разделить на несколько территориальных групп.

1-я группа — левобережье низовий Оби, где известны следующие памятники: стоянка на р. Щучьей, Чес-Тый-Яг, Няксимволь, Хулюм-Сунт, Пэткаш, Сортынья I.

2-я группа — бассейны левых нижних притоков Тобола: стоянки у Андреевского озера. К этой же группе следует причислить стоянку Екатерининскую и могильник Усть-Куренга.

3-я группа — низовья реки Томи: могильники Томский, на старом мусульманском кладбище, Самусьский, стоянки: Самусьская (Самусь III), Нагорный Иштан. К этой же группе следует отнести и стоянку Ново-Кусково на Чулыме.

4-я группа — Верховья р. Оби, где известны стоянки Киприно, Кроново, Ирба, Ирмень II и др.

Автор располагает только опубликованными материалами за исключением памятников низовий р. Томи и в некоторой степени памятников Верхней Оби.

Начнем рассмотрение каждой группы в отдельности.

Памятники первой группы. Как отмечает В. Н. Чернецов, характерными чертами неолитической керамики этого района является параболлоидная или яйцевидная форма сосудов, изготовленных техникой налета, прямой или слегка внутрь скошенный край, обжиг слабый и неравномерный, очень слабое орнаментальное выделение венчика; сплошная орнаментация с преобладанием гребенчатого оттиска. Иногда встречается внутреннее заглаживание гребенкой (Чес-Тый-Яг). Примесь иногда незаметна (Чес-Тый-Яг и Сортынья), иногда незначительное

¹⁾ В. Н. Чернецов. Древняя история нижнего Приобья. МИА СССР, № 35, М., 1953. М. Н. Комарова. Томский могильник — памятник истории племен лесной полосы Западной Сибири. МИА СССР, № 24, М., 1952. Ее же. Неолит верхней Оби. КС ИИМК, № 64, М., 1956.

количество зерен кварца и слюды (Хулюм-Сунт). На стоянке Чес-Тый-Яг горизонтальные прочерченные линии в виде зигзага (по 2—5 вместе) чередуются с оттисками вертикально поставленной короткой гребенки. Иногда несколько горизонтальных линий в виде зигзага, выполненные отпечатками гребенки, сменяются отпечатками той же гребенки, поставленной вертикально. В некоторых случаях отпечатки гребенки заполняют треугольные поля, окруженные также гребенчатыми оттисками.

Стоянка Сортынья I имеет более разнообразные композиции и штампы гребенки. Так, появляются оттиски гребенки с ромбическим сечением, сетка или решетка из оттисков гребенки. В. Н. Чернецов отмечает также наличие оттисков отступающей трехзубой гребенки. Однако имеющийся в его работе рисунок²⁾ вряд ли соответствует изображению оттисков отступающей гребенки.

На стоянке Хулюм-Сунт орнаментация сложнее, штампы разнообразнее, чем на предыдущих стоянках. Есть узоры, образованные косыми отпечатками тонкой мелкозубой гребенки в сочетании с прямыми, вертикальными отпечатками короткой гребенки. Отпечатки тонкой, длинной мелкозубой гребенки, стоящей под углом к подобным же отпечаткам, встречаются довольно часто на стоянке. Иногда такие отпечатки образуют сетку. Частыми являются оттиски короткой, круглозубой овальной гребенки, поставленные то вертикально, то косо. Встречаются случаи шагающей гребенки, оттисков гребенки, образующей горизонтальную зигзаговую линию. Есть также отпечатки гребенки в виде копытца. Наряду с указанными узорами встречаются волнистые линии, образованные отпечатками гребенки. Нередки также ямочки и лунки, расположенные горизонтальными линиями.

Материал, подобный описанным стоянкам, собран на стоянках Няксимволь, Пэткаш и на р. Щучьей. Стоянки на р. Щучьей³⁾ содержат круглодонную керамику, украшенную ямочно-гребенчатым орнаментом. Гребенка прямая или полукруглая. Ямочки располагаются у венчика в 3—4 ряда, разделенные линией из отпечатков отступающей палочки, которые встречаются и далее книзу, располагаясь горизонтально.

Памятники второй группы. Керамика стоянок Козлова переяма и VIII пункт на Андреевском озере характеризуется следующими чертами. Сосуды яйцевидной или параболической формы с округлым или приостренным дном. Простой и однообразный орнамент покрывает сосуды сплошь, в том числе и дно. Иногда она заходит на внутреннюю часть венчика. Преобладают гребенчатые штампы, изредка в виде шагающей гребенки. Ею же нанесены струйчатые или волнистые линии, и довольно часто она образует ленты отступающей гребенки. Волнистые (иногда прямые) линии образованы палочкой или гребенкой. Очень редко встречаются ямочки. Довольно часто орнамент расположен зонально. Нередки также треугольные или иной формы поля, заштрихованные тем или иным видом орнамента. Пояса или поля иногда разделены резными линиями в виде зигзага или линиями из коротких, рядом поставленных желобков, нанесенных отступающей палочкой.

Керамика Екатерининской стоянки характеризуется наличием крупных яйцевидных и параболических сосудов. Преобладает гребенчатый орнамент. Орнаментальные полосы располагаются зонально. Гребенка,

²⁾ В. Н. Чернецов. Указ. соч., табл. 14—9.

³⁾ Г. А. Чернов. Археологические находки на реке Щучьей. КС НИМК, XV, М., 1951, стр. 96, рис. 26—1—4.

образующая такие полосы, располагается то вертикально, то косо. У дна отпечатки гребенки располагаются косо по концентрическим кругам, в центре которых иногда есть радиально расходящиеся линии из мелких ямочек. Иногда отпечатки мелкозубчатой гребенки образуют крестики, располагающиеся горизонтальными поясами. Есть случаи треугольников у венчиков, заштрихованных отпечатками гребенки. Резные линии в виде поясов из остроугольных зигзагов и линии из лунок, образованных отпечатками угла дощечки, встречаются сравнительно редко. Надо заметить, что керамика Екатерининской стоянки, имея бесспорные черты сходства с ранее описанными памятниками, в некоторой степени своеобразна. Это своеобразие объясняется, видимо, принадлежностью стоянки более позднему времени в сравнении с указанными памятниками.

К сожалению, не все неолитические памятники описанных районов имеют керамику: стоянка Андреевское озеро I, могильник Усть-Куренга. Но Андреевское озеро I, не имея керамики, принадлежит к наиболее раннему периоду Западно-Сибирского неолита, как справедливо полагает В. Н. Чернецов.

Памятники третьего района. Керамика Томского района неолитических памятников имеет плоскодонные, круглодонные и остродонные сосуды. Преимущественная форма сосудов — расширяющийся до половины и затем сужающийся ко дну. Вместе с тем есть сосуды яйцевидной, параболической и шаровидной формы. Основной орнамент — линии из ямочек или лунок и желобки, нанесенные отступающей палочкой. Ямочные и луночные узоры представляют собой большей частью двойные или тройные линии, а иногда и равномерно располагающиеся линии, покрывающие весь сосуд от венчика до дна. В некоторых случаях ямочки и лунки располагались без особого порядка.

Узоры, выполненные желобками отступающей палочки, состоят или из шахматно расположенных квадратов, заштрихованных такими желобками, или поясов, косо зачерченных ими и разделенных линиями из лунок. Иногда такие желобки заполняют треугольные или иной формы поля.

Встречается гребенчатый орнамент, чаще всего в виде отпечатков трехзубой овальной гребенки по краю венчика другого такого же простого вида. Есть случаи отступающей гребенки, чаще всего покрывающей все стенки сосуда сплошь. Текстильный орнамент довольно распространен на фрагментах сосудов, изготовленных грубее обычных. Обычен резной зигзаговый орнамент, как правило, слабо нанесенный в виде горизонтальной полосы.

Очень част прием, состоящий в том, что вдоль венчика наносится линия из ямочек, как бы выделяющая венчик от остальной части стенки сосуда. Дно зачастую орнаментировано или спиралью из ямочек или 6—8-лучевой фигурой, состоящей из пересекающихся линий.

Есть случаи нанесения орнамента на внутренней стороне венчика, чаще всего это — отпечатки гребенки.

Памятники четвертого района. Неолитическая керамика Верхней Оби представлена, в основном, из трех пунктов, соответствующих определенным этапам развития неолитической культуры.

Керамика стоянки у д. Киприно⁴⁾ характеризуется наличием параболических сосудов с выпуклым дном. Встречаются также баночки с плоским дном.

⁴⁾ М. П. Комарова. Неолит Верхней Оби. КС ИИМК, № 64, стр. 96.

Сосуды изготовлены техникой налепа с применением шнура вдоль венчика при лепке сосуда. Кстати сказать, эта последняя деталь весьма характерна для Киприно.

Сосуды орнаментированы сплошь. Иногда орнаментирована и внутренняя часть венчика. Преобладает орнамент, выполненный отступающей палочкой. Гребенка встречается реже, чем гладкий штамп. Узор исполнен в виде волнистых ровных, пунктирных линий. Желобки из оттисков палочки образуют горизонтальные линии в виде зигзагов или ровные горизонтальные линии, к которым прилегают подобные же желобки под прямым или острым углом и спускающиеся ко дну. Иногда желобки эти заполняют широкие поля в виде треугольников, покрывающих всю поверхность сосуда. Встречается также сочетание волнистых линий из оттисков отступающей палочки с ямочками вдоль них, между которыми — косая штриховка короткими резными линиями. Есть также случаи образования уголков на венчиках в виде небольших приостренных выступов. Как правило, у края венчика при любом орнаменте имеется линия из редко нанесенных ямочек.

Немногочисленную группу составляют фрагменты керамики, украшенной текстильным орнаментом.

К памятникам типа Киприно М. П. Комарова причисляет стоянку у д. Верхни Чемы и Ирмень II, которые имеют только одно своеобразие: наличие на некоторых черепках бугорков, выдавленных изнутри. Другие же черты керамики Ирмень II (текстильный, мелкоямочный и мелкозубчатый орнамент, а также плоскодонность и остродонность сосудов⁵⁾ сближают этот памятник с описанными.

Керамика поселения Ирбы отличается от Кипринской. Сосуды удлиненной формы с резким перегибом в середине и острым дном. Есть остатки сосуда полусферической формы в нижней части. Наряду с острым и сферическим дном встречены плоские орнаментированные донца сосудов баночной формы.

В орнаменте преобладает мелкозубчатая гребенка; горизонтальная елочка, пояса из вертикальных или наклонных оттисков — характерная черта ирбинской керамики. Имеются также треугольники, заштрихованные оттисками гребенки, шахматные узоры из крупных заштрихованных узоров.

В Киприно имеются также ямочные узоры, состоящие из довольно беспорядочно расположенных ямочек. Известны волнистые резные линии, отпечатки гладкого линейного штампа, образующие вертикальные елочки, ямочки, располагающиеся горизонтальными линиями.

Стоянка Кротово VII характеризуется тем, что здесь были плоскодонные баночной формы сосуды с толстыми стенками. Орнамент очень нечеткий, в основном оттиски зубчатого штампа, покрывающие весь сосуд иногда без особого порядка. Такой орнамент по существу является оттисками отступающей гребенки. Иногда такой отступающей гребенкой нанесены наклонно поставленные квадраты среди полей, с обеих сторон, заполненных горизонтально располагающихся оттисков отступающей гребенки.

Некоторые фрагменты имеют четкие налепные волнистые валики, разделяющие верхнюю и нижнюю часть сосуда.

Исследователь верхнеобского неолита М. Н. Комарова затрудняется определить последовательность этих памятников из-за недостаточного количества материалов.

⁵⁾ М. П. Грязнов. К вопросу о культурах эпохи поздней бронзы в Сибири. КС ИИМК, 64, стр. 29.

К описанной группе памятников принадлежат погребения у пос. Ливадия, стоянки у Моройки, Кротово II и др.

Памятником, близким к этому комплексу, следует считать погребение на Чудацкой горе⁶) с его орнаментом в виде горизонтальных желобков с вдавливаниями отступающей палочки.

Нижнетомская и верхнеобская неолитическая керамика при первом же их сравнении проявляет удивительно близкие черты. Керамика этих двух районов имеет несомненное, самое близкое сходство. Это сходство и близость проявились в следующих общих чертах. Наличие круглодонных, остродонных и плоскодонных сосудов, изготовленных одинаковой техникой из глины одинаковой структуры. Сплошная орнаментация сосудов от венчика до дна (плоское дно также покрывается орнаментом наряду со стенками).

Текстильный или ложнотекстильный орнамент встречается в обоих районах. Сплошные частые линии из косых отпечатков палочки, нанесенные периодическими надавливаниями. Волнистые линии, резные и выполненные отпечатками отступающей палочки. Зигзаговые линии, нанесенные таким же путем. Косые линии из отпечатков тонкой палочки в сочетании с горизонтальными. Ровные горизонтальные линии из ямочек. Шахматное расположение штрихованных квадратов. Поля, заполненные беспорядочно расположенными ямочками. Отпечатки отступающей палочки, покрывающие все стенки сосуда. Слабо выраженная зональность в расположении орнамента.

Все эти черты настолько сближают верхнеобский и томский районы, что иногда затруднительно бывает различить керамику каждого из этих районов.

В силу этого обстоятельства будет вполне целесообразно не различать эти два района, а объединить их. И в дальнейшем, говоря о верхнеобской неолитической керамике, я буду включать в это понятие и керамику низовой Томи.

Таким образом, среди всех рассмотренных памятников можно выделить два больших района распространения неолитических памятников, включающие в себя описанные группы. Такими районами являются нижнеобский и верхнеобский, куда входит и Нижняя Томь.

Нетрудно заметить бесспорную близость керамики верхнеобской и нижнеобской. Сходство верхнеобской керамики с керамикой нижней Оби состоит прежде всего в наличии в памятниках обоих районов сосудов яйцевидной и параболоидной формы. Общей чертой верхнеобской керамики и стоянок Андреевского озера является наличие узоров, нанесенных отступающей палочкой, покрывающих поля различной формы. То же следует сказать и о зональном расположении орнаментальных поясов, хотя зональность орнаментации на нижней Оби выражена значительно более четко, чем на Верхней Оби.

Струйчатые ленты из отпечатков отступающей гребенки можно встретить как на верхней, так и на нижней Оби. Линия ямочек, чаще всего отделяющая верхний пояс у венчика от остального орнаментального поля, известна везде в Западной Сибири. Это является общей чертой Западно-Сибирской неолитической керамики.

Есть бесспорное сходство керамики нижней Оби с керамикой Новосибирско-Бийского района в области чеканно-гребенчатых орнаментов. Этот вид орнамента, чрезвычайно редкий в Томском районе, очень многочислен в других памятниках Западной Сибири. Он образует и гори-

⁶ М. П. Грязнов. Древние культуры Алтая. Материалы по изучению Сибири, вып. 2, Новосибирск, 1930.

зонтальные, и вертикальные елочки, ровные горизонтальные пояса из вертикально поставленных отпечатков гребенки. Можно встретить и косые отпечатки гребенки. Некоторые из этих мотивов можно встретить и на керамике Томского района. Штрихованные треугольники, треугольные отпечатки гребенки есть в обоих районах, хотя и очень малочисленные.

Волнистые резные линии, ровные линии из ямочек и лунок, резные зигзаговые линии — черта, также сближающая верховья и низовья р. Оби. Наличие орнамента на внутренней стороне венчика также является общей чертой верхнеобской и нижнеобской керамики.

Все эти отмеченные черты позволяют сделать несомненный вывод о том, что неолитическая культура племен, населяющих различные районы Западной Сибири, была очень близка. Скорее всего это был единый массив родственных и близких в культурном отношении племен. Эта близость проявилась прежде всего в орнаментации керамики, что уже было отмечено в этой работе. Однако эта близость ни в коей мере не исключает возможности локальных различий и своеобразия культур отдельных районов. Так, своеобразие неолитической культуры племен, населяющих Томь и Верхнюю Обь, уже отмечалось в литературе⁷⁾. Была высказана мысль о существовании особой неолитической культуры в этой области Сибири.

И действительно, при внимательном изучении материалов Верхней и Нижней Оби можно убедиться в том, что при всем сходстве керамики этих двух больших районов Западной Сибири наблюдаются хорошо уловимые различия их.

Так, на Верхней Оби довольно часты плоскодонные сосуды, которых совершенно нет в памятниках нижней Оби. На верхней Оби имеется текстильный или ложнотекстильный орнамент, не встречаемый в низовьях. Наоборот, на Верхней Оби нет узоров в виде сетки или решетки из отпечатков гребенки и широких поясов, заштрихованных отпечатками гребенки и разделенных между собой отпечатками короткой гребенки, поставленной под тупым углом.

На верхней Оби очень часто встречается отступающая гребенка, которая почти отсутствует на нижней. Значительно чаще можно встретить на Верхней Оби, чем на Нижней, желобки, нанесенные отступающей палочкой.

Все отмеченные различия в большей степени имеют отношение к памятникам Сев. Сосвы и севернее, чем к другим нижнеобским памятникам: Андреевское озеро и Екатерининская. Имея бесспорное родство с первыми, эти памятники несколько отличаются от более северных. Небольшое количество памятников в этом районе не позволяет еще говорить о ясных, четко определенных различиях первой и второй группы памятников.

Все изложенные факты дают достаточные основания для того, чтобы можно было видеть в неолитических памятниках Нижней и Верхней Оби две разные археологические культуры, хотя и очень близкие между собой. Правильнее всего будет назвать их Нижнеобской и Верхнеобской неолитическими культурами. О сходстве и близости этих культур я уже говорил. Это сходство, вероятнее всего, является следствием родства названных культур.

Границы распространения этих культур еще недостаточно ясны. Более четко могут быть определены восточные границы. Верхнеобская

⁷⁾ М. Н. Комарова. Томский могильник... стр. 14. М. П. Грязнов. К вопросу о культурах... стр. 29.

керамика, имея некоторые отдельные черты сходства с Прибайкальской и Енисейской керамикой, вместе с тем достаточно определенно отличается от нее. Здесь же отмечу и то обстоятельство, что каменный инвентарь также имеет ясные отличия от Восточно-Сибирских культур.

Северо-западные и западные границы Верхнеобской культуры еще не прослежены, что объясняется, по-видимому, отсутствием неолитических памятников в этом направлении в бассейне р. Оби. Также неопределенны пока границы Нижнеобской культуры в юго-восточном и восточном направлениях. Западные границы Нижнеобской культуры определяются неолитическими памятниками Урала. Вместе с тем Уральские и Прикамские неолитические памятники имеют огромное сходство с Западно-Сибирскими. Об этом я уже имел случай говорить.

Однако западную границу Нижнеобской неолитической культуры скорее всего следует видеть на Урале, так как далее на запад сложились свои неолитические культуры, бесспорно тесно связанные с Западно-Сибирскими и несомненно родственные им, как об этом уже не раз было высказано мнение в литературе.

Выделение двух таких больших неолитических культур как Нижнеобская и Верхнеобская, ни в коей мере не означает, с моей точки зрения, отсутствия каких-либо внутренних локальных отличий в этих больших культурах. Бесспорно, что Нижнеобская и Верхнеобская культуры являются большими широкими общностями культур, которые включают в себя несколько более мелких неолитических культур. Однако в настоящее время выделение таких мелких культур пока невозможно из-за отсутствия достаточного материала.

Сложение этих культур, развитие их и дальнейшая судьба пока не могут быть выяснены по той же причине. Но все эти вопросы необходимо решать, привлекая не только керамику, но и все другие фактические материалы.

**К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ КОНЦЕПЦИИ
Д. М. ПЕТРУШЕВСКОГО О ВОССТАНИИ УОТА ТАЙЛЕРА**

Б. Г. МОГИЛЬНИЦКИЙ

Научная деятельность известного русского буржуазного медиевиста Д. М. Петрушевского представляет собой яркий пример органической связи идейно-методологических взглядов ученого с его исследованием конкретной исторической действительности. Как известно, Петрушевский прошел сложный путь методологических исканий. Начав с выдвижения идей, близких к экономическому материализму, он закончил утверждением неокантианских взглядов в исторической науке. Главная работа Петрушевского — «Восстание Уота Тайлера» — и ее последующие переиздания дают возможность проследить, как методологические искания отражались на подходе ученого к исследованию конкретного материала источников, на тех выводах, которые делались в результате исследования. При этом всегда необходимо помнить, что эволюция методологических взглядов Петрушевского протекала в рамках буржуазной историографии, что никогда, даже в наиболее плодотворный, первый период своей научной деятельности, Петрушевский за эти рамки не выходил.

Научная деятельность Д. М. Петрушевского получила достаточно полное освещение в советской историографии. Отмечая сложную эволюцию методологических исканий Петрушевского, советские историки неоднократно вскрывали порочность усвоенных им в последний период его научной деятельности неокантианских идей, показывали их отрицательное влияние на исследование Петрушевским конкретных проблем истории западноевропейского феодализма. В этой связи следует отметить состоявшийся еще в 1928 г. диспут о книге Петрушевского «Очерки из экономической истории средневековой Европы»¹⁾. Идеалистической ограниченность методологических и исторических взглядов Петрушевского вновь была подчеркнута в советской исторической науке в связи с критикой объективистских ошибок, которые были допущены авторами

¹⁾ Материалы диспута, состоявшегося на заседаниях социологической секции общества историков-марксистов 30 марта и 6 апреля 1928 г., опубликованы в журнале «Историк-марксист», 1928, №№ 7, 8. М. Н. Покровский, А. Д. Удадьцов и другие участники диспута подчеркивали научную несостоятельность методологических установок Петрушевского. Они показали, что усвоение им реакционных неокантианских и допшианских идей определило неудачу его попыток пересмотреть свою прежнюю концепцию происхождения и развития западноевропейского феодализма.

статей, посвященных Петрушевскому, во втором выпуске сборника «Средние века» (М., 1946)²⁾.

Важной вехой в историографии вопроса явилась работа А. И. Данилова «Эволюция идейно-методологических взглядов Д. М. Петрушевского и некоторые вопросы историографии средних веков» (сборник «Средние века», вып. VI, М., 1955). А. И. Данилов отмечает, что Петрушевский своими трудами, написанными в 90-е годы XIX в. и в первые годы XX в., внес значительный вклад в изучение истории английского крестьянства и его классовой борьбы, а также в изучение конкретных путей возникновения и развития феодальных отношений в странах Западной Европы. Вместе с тем А. И. Данилов убедительно показал, что изменение идейно-методологических и общ исторических взглядов Петрушевского произошло в рамках буржуазной историографии. Несомненной заслугой Данилова можно считать его стремление установить органическую связь между историческими изысканиями Петрушевского и эволюцией его идейно-методологических взглядов. Но в статье, которая посвящена исследованию методологических и исторических взглядов Петрушевского в целом, А. И. Данилов, естественно, не мог детально проанализировать изменение взглядов Петрушевского по отдельным конкретно-историческим вопросам. В частности, им не показана эволюция концепции восстания Уота Тайлера.

Подобная задача была поставлена в статье В. Ф. Семенова «Восстание Уота Тайлера в исторической литературе и концепция Д. М. Петрушевского» (сборник «Средние века», вып. II). Значение статьи заключается в постановке вопроса о связи книги Петрушевского «Восстание Уота Тайлера» с общественно-политической борьбой в России конца XIX — начала XX вв., с научными и общественными интересами прогрессивной русской интеллигенции того времени. В. Ф. Семенов подчеркивает передовые для буржуазного историка идейно-методологические взгляды автора «Восстания Уота Тайлера» и их отражение в самой книге. В то же время, рассматривая последующий переход Петрушевского на неокантианские и допшианские позиции, В. Ф. Семенов приходит к выводу, что этот переход, по существу, не отразился на его концепции восстания 1381 г. Он утверждает, что «новая концепция научных взглядов Д. М. Петрушевского, в значительной степени навеянная впечатлениями от новейшей западноевропейской литературы, носила все же лишь внешний, а не внутренний, органический характер и не изменила существенно ни структуры, ни выводов автора по отдельным историческим проблемам»³⁾. Однако вывод этот не представляется достаточно аргументированным.

В настоящей статье делается попытка показать, как эволюция методологических взглядов Петрушевского, пагубно повлиявшая на всю его научную деятельность, отразилась и на его концепции восстания Уота Тайлера. Не останавливаясь на подробном освещении методологических взглядов Петрушевского, мы попытаемся определить, в каком направлении шла эволюция его концепции восстания Уота Тайлера, в какой степени вносимые в нее изменения вступали в противоречие с ее первоначальным содержанием. Правомочность такой постановки вопроса определяется тем значением, какое имеет изучение неразрывной

²⁾ См., в частности, передовую статью журнала «Вопросы истории» (1948, № 12), а также статью Ф. Я. Полянского «О русских буржуазных историках английской деревни» («Вопросы истории», 1949, № 3).

³⁾ В. Ф. Семенов, Восстание Уота Тайлера в исторической литературе и концепция Д. М. Петрушевского. Сб. «Средние века», вып. II, 1946, стр. 242.

связи идейно-методологических позиций ученого с его исследованием конкретной исторической действительности.

На протяжении своей длительной научной деятельности Петрушевский при переиздании своих книг неоднократно вносил в них изменения. Не избежала общей участи и его наиболее значительная работа — «Восстание Уота Тайлера». Это дает возможность проследить путем сопоставления разных изданий книги, как сложная эволюция методологических взглядов Петрушевского проявлялась в его отношении к конкретному историческому материалу, в его обработке и интерпретации тех или иных исторических фактов.

Книга «Восстание Уота Тайлера», бесспорно, лучшее произведение Петрушевского, создавалась им на рубеже XX столетия, т. е. в тот период его деятельности, когда он стоял на прогрессивных для буржуазного ученого позициях в области методологии истории⁴). В ней в полной мере отразились присущее раннему Петрушевскому стремление выявить закономерности исторического процесса, его усиленный интерес к проблемам социально-экономической истории, попытки в отдельных случаях проследить влияние экономического фактора на социальные отношения и идейно-политическую борьбу, отыскать в экономических условиях жизни общества объяснение тех или иных социально-политических явлений.

«Восстание Уота Тайлера» является крупнейшим достижением зарубежной историографии восстания 1381 г. Оно отличается от других работ буржуазных ученых по этому вопросу тщательностью исследования социально-экономических предпосылок восстания, полностью изображения его хода, несомненно сочувственным отношением к восставшим. Петрушевский нарисовал яркую картину восстания крестьян, выступивших против феодализма во всех его проявлениях, показал глубоко прогрессивный характер этого восстания.

Заслуга Петрушевского заключается не только в том, что он привлек к исследованию широкий круг самых разнообразных источников и тщательно изучил их. Заслуга его состоит прежде всего в том, что он был первым, кто занялся критическим анализом источников, посвятив ему специальную главу своего труда. Петрушевский стремился установить классовое лицо авторов летописей восстания 1381 г. и проследить, в какой мере их классовые симпатии и антипатии отразились на характере изображения событий, связанных с восстанием, установить степень достоверности их свидетельств.

Однако значение книги Петрушевского этим не ограничивается. В восстании Уота Тайлера Петрушевский сумел увидеть фокус, в котором сосредоточиваются важнейшие проблемы истории средневековой Англии, «крайне знаменательный момент в хозяйственной и социальной эволюции феодальной Англии, вскрывающий перед нами самые основные течения этой эволюции и тем облегчающий ее изучение»⁵). Поэтому его концепция восстания Уота Тайлера носит принципиально иной характер, чем построения предшествующих ему историков, которые рассмат-

⁴) О методологических взглядах Петрушевского в первый период его научной деятельности и их влиянии на его исследование восстания английских крестьян в 1381 г., помимо названных работ А. И. Данилова и В. Ф. Семенова, см. наши статьи: «К вопросу об идейно-методологических основах научных работ Д. М. Петрушевского» (Труды Томского государственного университета им. В. В. Куйбышева, т. 136, серия социально-экономическая, Томск, 1957), «Д. М. Петрушевский как историк западноевропейского феодализма» (Ученые записки Томского государственного университета им. В. В. Куйбышева, № 30, Томск, 1958).

⁵) Д. М. Петрушевский, Восстание Уота Тайлера, ч. 2, СПб, 1901, стр. VII.

ривали восстание 1381 г. как рядовое событие в истории средневековой Англии, к тому же порожденное случайными обстоятельствами (последствиями Черной смерти, опустошившей Англию в 1348—1349 гг.)⁶⁾.

Отличительной чертой концепции восстания Уота Тайлера Петрушевского является ее широта. Автор стремится выяснить причины восстания 1381 года, исходя из закономерностей процесса феодального развития средневековой Англии. Его книга о восстании Уота Тайлера, далеко выходя за рамки своего названия, превращается в исследование истории английского феодализма в XII—XIV вв., которое органически связано с мастерским описанием самого грандиозного в истории Англии антифеодального выступления крестьян.

В концепции Петрушевского центральное место занимает проблема развития английского феодализма. Именно в развитии феодальных отношений в Англии XIII—XIV вв. Петрушевский и пытается найти ключ к пониманию событий 1381 г. Во второй части «Восстания Уота Тайлера» он обстоятельно рассматривает манориальную организацию и ее разложение, исследует новые явления в хозяйственной жизни страны (коммутация и феодальная реакция, междукрестьянская аренда и рабочее законодательство), стремясь проследить их влияние на социальные отношения и классовую борьбу. Не ограничиваясь этим, Петрушевский ищет глубинные причины, обуславливавшие изменения в организации феодального производства и подготовившие в конечном итоге почву для революционного взрыва в 1381 г. Он обращается к изучению экономического строя средневековой Англии, как основы всех изменений феодального общества.

Петрушевский указывает, что «разложение английского феодализма ... было результатом хозяйственной эволюции английского общества, постепенного перехода от натурального, замкнутого хозяйства к денежно-хозяйственной, более широкой организации»⁷⁾. Не будет преувеличением сказать, что вся концепция восстания Уота Тайлера у Петрушевского в значительной мере базируется на факте признания господства натурального хозяйства в тот период. По Петрушевскому, натуральное хозяйство являлось базисом манориальной организации в пору ее расцвета, оно определяло ее характерные особенности, взаимоотношения входивших в нее элементов. «Манориальный строй,— утверждает Петрушевский,— возник в условиях натурального хозяйства, той стадии экономического развития общества, когда благодаря почти полному отсутствию разделения занятий и обусловленного им обмена хозяйственная деятельность человека не может иметь иной цели, кроме добывания и изготовления продуктов для непосредственного удовлетворения потребностей в пище, платье и иных жизненных средствах самого трудящегося или того, на кого он работает в зависимости от тех или иных социальных условий»⁸⁾. Порожденные господством натурального хозяйства ограниченные потребности лорда манора имели своим естественным следствием, как заявляет Петрушевский, и ограниченность эксплуатации зависимого населения. Это положение являлось своеобразным экономическим обоснованием пресловутой теории Петрушевского о «социальной гармонии» внутри манора. Петрушевский считает возможным говорить,

⁶⁾ См., в частности, книги: Т. Роджерс, История труда и заработной платы в Англии с XIII по XIX вв., Спб., 1899; У. Дж. Эшли, Экономическая история Англии в связи с экономической теорией, М., 1897; W. Stubbs, The constitutional history of England in its origin and development, vol. II, Oxford ed. 2, 1877.

⁷⁾ Д. М. Петрушевский, Восстание Уота Тайлера, ч. 2, стр. 100.

⁸⁾ Там же, стр. 94.

что в условиях господства натурального хозяйства существует лишь политическая зависимость внутри манориальной организации; отрицая существование экономической зависимости, он вместе с тем отрицает существование экономических классов и, естественно, классовой борьбы.

Развивая свою концепцию, Петрушевский указывает, что со второй половины XIII века начинается разложение натурального хозяйства, идет проникновение в английский манор товарно-денежных отношений. Неизбежным следствием этого процесса является разложение старой манориальной системы. Петрушевский обстоятельно рассматривает перемены, происходившие в недрах манориального строя под влиянием развития товарно-денежных отношений, и приходит к решающему для его концепции выводу о коренном изменении в отношениях между лордом манора и зависимым от него населением. Он говорит о разрыве, в результате успехов процесса коммутации, прежней хозяйственной связи между доменом и вилланской общиной, о наступлении лордов на общинные земли, о превращении манора в хозяйство с предпринимательскими целями. На развалинах старой манориальной организации возникают новые социальные категории, неизвестные эпохе натурального хозяйства, возникают экономические классы — класс лордов-предпринимателей и класс общинников-земледельцев, зависевших от лордов экономически. Экономические интересы этих классов не только не совпадают, но, по мере дальнейшего развития денежного хозяйства, все радикальнее расходятся между собою. Превращение гармонии интересов между лордом манора и крестьянской общиной сменяется острой борьбой между ними. «Можно сказать, — указывает Петрушевский, — что история каждого манора с момента проникновения в его пределы денежно-хозяйственных тенденций в сущности представляет собой историю борьбы между лордами и общиной»⁹). Так новые экономические условия вызывают к жизни классовую борьбу, которая становится органической частью нового общественного устройства. Более того, Петрушевский даже указывает, что непрекращающаяся борьба хозяйственных интересов является основной чертой нового хозяйственного строя¹⁰).

Однако Петрушевский заявляет, что новые экономические отношения, под которыми он, в сущности, понимает капиталистические отношения, с присущей им классовой борьбой, отличались неустойчивостью, были подвержены действию стихийных катастроф. Такой стихийной катастрофой и явилась Черная смерть, эпидемия чумы, разразившаяся в Англии в 1348 году. Социально-экономические последствия Черной смерти, прежде всего «рабочее законодательство» и феодальная реакция, привели к резкому обострению классовой борьбы в стране, результатом чего и явилось восстание Уота Тайлера.

Таковы основные положения созданной Петрушевским концепции восстания Уота Тайлера. Конечно, концепция эта даже в первоначальном варианте не может быть безоговорочно принята марксистской исторической наукой. Глубоко ошибочной является неоднократно критикованная в советской историографии теория о гармонии хозяйственных интересов лорда манора и вилланской общины в период расцвета манориального строя. Петрушевский полностью не мог освободиться от характерного для предшествующей и современной ему буржуазной историографии преувеличения роли Черной смерти в социально-экономической истории Англии XIV в. и, в частности, в восстании Уота Тайлера. Исследования академика Е. А. Косминского убедительно показали, что

⁹) Д. М. Петрушевский, Восстание Уота Тайлера, ч. 2, стр. 148.

¹⁰) Д. М. Петрушевский, Восстание Уота Тайлера, ч. 2, стр. 281.

так называемая феодальная реакция была обусловлена не Черной смертью, а развитием товарно-денежных отношений, втягиванием в них крупной, преимущественно церковной, вотчины, что проявления ее имели место задолго до эпидемии 1348—1349 гг., которая лишь обострила социальные противоречия, развивавшиеся в английской деревне¹¹⁾. Безусловно модернизаторской является трактовка Петрушевским экономического положения Англии XIV в., в котором он видит существование капиталистических отношений и самостоятельного рабочего класса.

Глубоко ошибочным является утверждение Петрушевского о разложении феодализма и развитии капиталистических отношений в английской деревне XIII—XIV вв. В действительности, в этот период в связи с развитием товарно-денежных отношений происходил процесс разложения старой манориальной организации, кризис барщинно-крепостнического хозяйства. Однако при этом оставалась незыблемой основа феодальных производственных отношений — феодальная собственность на землю, господство которой обуславливало и феодальный характер эксплуатации непосредственных производителей. Тот факт, что Петрушевский отождествляет разложение манориальной организации с разложением феодализма, а развитие товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве — с развитием капитализма, ярко свидетельствует об идеалистической ограниченности его методологии, о непонимании им существа как феодальной, так и капиталистической общественно-экономических формаций.

Вместе с тем концепция Петрушевского содержит целый ряд глубоких наблюдений, правильных выводов, ставящих ее выше общего уровня современной ей буржуазной историографии вопроса. В изображении Петрушевского противоположность хозяйственных интересов антагонистических экономических классов, классовая борьба выступают как закономерные явления, порожденные определенным уровнем экономического развития общества. Именно в характере экономической эволюции средневековой Англии Петрушевский и стремится отыскать главную причину восстания Уота Тайлера, сводя ее в конечном итоге к разложению натурального хозяйства, которое вызвало резкое ухудшение положения английского крестьянства.

Первые изменения в свою концепцию Петрушевский вносит во втором издании «Восстания Уота Тайлера», вышедшем в свет в 1914 году, в период начавшегося кризиса его методологических и общенсторических взглядов. Весьма показательные для понимания общего хода идейно-методологической эволюции Петрушевского после первой русской революции, эти изменения затрагивают трактовку существенных проблем социально-экономической истории Англии в средние века.

Во втором издании «Восстания Уота Тайлера» уже отчасти сказывается влияние допшианских идей. Оно выражается в пересмотре Петрушевским своих старых взглядов на господство в средние века натурального хозяйства, хотя полностью на позиции Допша в этом вопросе Петрушевский еще не переходит. Он отказывается от своего прежнего утверждения о безоговорочном господстве натурального хозяйства в Англии до второй половины XIII столетия, об исключительно потребительских целях барского хозяйства. Вслед за Допшем, Петрушевский доказывает существование в то время феодального барского хозяйства, в котором совмещались натурально-хозяйственная организация

¹¹⁾ Е. А. Косминский. Исследования по аграрной истории Англии XIII века. М., 1947, стр. 457—459.

и денежно-хозяйственные функции и которое ставило себе не одни чисто потребительские цели, но и в той или иной мере входило в систему местного обмена. Он подчеркивает, что феодальное барское хозяйство является натуральным хозяйством не столько по своим функциям, сколько по своей конструкции¹²⁾.

Конечно, само по себе утверждение, что барское хозяйство и до середины XIII в. входило в систему местного обмена и не ограничивалось исключительно потребительскими целями, не может вызвать особых возражений. Марксистская историческая наука далека от взгляда на натуральное хозяйство как на хозяйство, совершенно не связанное с рынком, чуждое вякому, пусть и нерегулярному, обмену¹³⁾. На таких ошибочных позициях стоят буржуазные историки и экономисты, которые вслед за Бюхером доказывают господство на протяжении большей части средних веков натурального хозяйства. Но глубоко неправы также и те, кто подобно Допшу отрицают его существование даже в раннее средневековье. Подобных взглядов на сущность натурального хозяйства придерживался и Петрушевский. В первый период своей научной деятельности он разделял бюхеровские воззрения о господстве в период развитого феодализма замкнутого манориального хозяйства, лишённого каких-либо товарно-денежных функций. Но когда во втором издании «Восстания Уота Тайлера» он отказывается от этих воззрений, то речь идет не о преодолении бюхеровского ограниченного понимания натурального хозяйства, а о начавшемся его переходе по этому вопросу на допшианские позиции отрицания самого факта существования в средние века натурального хозяйства.

Став на путь отказа от своих прежних взглядов на хозяйственный строй средневекового поместья, Петрушевский поставил под удар всю свою теорию о гармонии хозяйственных интересов лорда манора и зависимой от него общины (эта гармония интересов обуславливалась в его концепции, как известно, прежде всего, тем, что лорд преследовал в своем хозяйстве чисто потребительские цели). Однако он не отказывается от утверждения о классовой гармонии в средневековом маноре. Но теперь этой гармонии дается иное обоснование, уже не только экономическое, но и политическое. По-прежнему Петрушевский доказывает ограниченный характер эксплуатации крестьян со стороны лорда, но объясняется эта ограниченность в значительной степени политикой государственной власти «В качестве государственного сословия,— пишет Петрушевский,— сеньоры лишь в такой мере имеют право на труд крестьянского сословия и на его продукты..., в какой это необходимо для существования их как правящего и военного сословия. Этим определяются границы фискальной и хозяйственной эксплуатации крестьянской массы сеньорами, поскольку она вытекает из их взаимных отношений как государственных сословий и, следовательно, покоится на публичном, а не на частном праве, является результатом не экономической зависимости и власти, а политической»¹⁴⁾);

¹²⁾ Д. М. Петрушевский, Восстание Уота Тайлера, 2-е переработанное издание М., 1914, стр. 271—272.

¹³⁾ См. классическую формулировку сущности натурального хозяйства, данную К. Марксом: «...условия хозяйствования целиком или в подавляющей части производятся в самом хозяйстве, возмещаются и воспроизводятся непосредственно из его валового продукта» К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 25, ч. II, стр. 359. Эта формулировка подчеркивает главное — экономическую независимость такого хозяйства, отнюдь не исключая возможности его ограниченных торговых связей с внешним миром.

¹⁴⁾ Д. М. Петрушевский, Восстание Уота Тайлера, изд. 2-е, стр. 554.

Петрушевский прямо не говорит, что гармония хозяйственных интересов лорда манора и крепостной общины определялась политикой государственной власти. Но такой вывод напрашивается, если исходить из всех его рассуждений об ограниченности хозяйственной и фиксальной эксплуатации крестьянских масс со стороны сеньоров рамками государственной необходимости, о государственных сословиях, гармонически осуществляющих свою деятельность на благо единого общественного и государственного целого.

Попытка Петрушевского доказать, что социальная гармония, ограниченность, эксплуатации зависимого населения в средневековом английском маноре были следствием господства натурально-хозяйственного строя в средневековом поместье, является полностью несостоятельной. Но еще более безосновательно его утверждение, что социальная гармония определялась государственной необходимостью, вытекала из самой природы взаимоотношения сеньоров и крестьян как государственных сословий, обуславливалась политикой государственной власти. Характерно, что это утверждение остается неаргументированным. Петрушевский не может привести ни одного свидетельства источников, которое подтверждало бы его взгляды. И это отнюдь не случайно. Не конкретная историческая действительность, а надуманная схема лежит в основе подобных взглядов на характер социальных отношений в средневековой Англии. Петрушевский исходит из типичного для буржуазного ученого идеалистического представления о государстве как надклассовой силе, наделенной самобытными творческими потенциями, способной в силу этого по своему усмотрению преобразовать общественные отношения. Именно с таких позиций, вопреки историческим фактам, Петрушевский и трактует проблему отношений между государством и общественными классами в феодальной Англии.

Выдвигая на все более значительное место роль государства в хозяйственной жизни средневекового поместья, Петрушевский во втором издании «Восстания Уота Тайлера» еще не отказался полностью от своих прежних взглядов на натуральное хозяйство и его значение в средние века. Отсюда — известная противоречивость в его характеристике основ манориального строя. Если, с одной стороны, он объявляет манориальную систему порождением государства с его потребностями, то, с другой, он еще не отрицает и роли натурального хозяйства. Так сохраняется во втором издании книги утверждение Петрушевского о том, что гармония хозяйственных интересов, характерная для отношений между барским двором и зависимой от него крестьянской общиной, вытекает с естественной необходимостью из натурально-хозяйственной организации барского хозяйства¹⁵⁾ (хотя следует заметить, что в свете его новых взглядов это утверждение является явным анахронизмом).

Во втором издании «Восстания Уота Тайлера» Петрушевский отказывается от прежнего противопоставления политических сословий экономическим классам, признает существование экономических классов на всем протяжении феодального общества. Он утверждает, что политическая зависимость крестьянства, как государственного сословия от сеньоров, как военного и правящего сословия, сочеталась в английском маноре с чисто экономической зависимостью малоземельного и безземельного крестьянства от сеньоров «как более или менее крупных земельных собственников и обладателей хозяйственного капитала», что,

¹⁵⁾ Д. М. Петрушевский, Восстание Уота Тайлера, изд. 2-е, стр. 531.

таким образом, «наряду с государственными сословиями продолжали существовать и развиваться и экономические классы»¹⁶⁾.

Доказывая существование в феодальную эпоху экономических классов и экономической зависимости огромного большинства крестьянского населения от лордов, Петрушевский, безусловно, стоит на гораздо более правильной позиции, чем в первом издании своей книги, где, как известно, он признавал наличие только чисто политической зависимости крестьянской общины от лорда и заявлял о полной экономической самостоятельности крестьянской общины. Однако никаких существенных выводов Петрушевский отсюда не делает. Он по-прежнему отрицает классовую борьбу в классическом английском маноре. Наличие экономических классов, по его утверждению, не вело к классовой борьбе, поскольку существовала натурально-хозяйственная организация общества. В методологическом отношении Петрушевский делает даже шаг назад от своих прежних взглядов на этот вопрос. Если раньше он подчеркивал прямую связь между наличием экономических классов и классовой борьбой между ними, считал классовую борьбу закономерным явлением в обществе, разделенном на экономические классы, то теперь он считает возможным существование гармонии хозяйственных интересов в обществе, расчлененном на антагонистические классы.

Признавая глубокую экономическую дифференциацию средневекового общества, наличие массы безземельных и малоземельных крестьян, получающих земельный надел у лорда и уплачивающих за это продуктами своего хозяйства и своим трудом, Петрушевский далек от признания этого положения характерной чертой феодального строя. Во втором издании «Восстания Уота Тайлера» он не только не отказывается от своей характеристики феодализма как политического учреждения, но и продолжает ее развивать дальше. Он приходит к глубоко неправильному утверждению, что средневековое общество является феодальным лишь одной своей стороной. «Феодальной,— пишет он,— в средневековом обществе является лишь та власть и лишь та зависимость, которая всецело и исключительно покоится на основе публичного права. Средневековое общество является феодальным лишь рассматриваемое со стороны созданного государственной властью особого социального строя и тех общественных отношений, которые органически связаны с ним и вместе с ним возникли исключительно на почве публичного права»¹⁷⁾.

Таков характер изменений, внесенных Петрушевским во второе издание книги «Восстание Уота Тайлера». Эти изменения нарушают первоначальную стройность и цельность его концепции восстания 1381 г. Непомерно преувеличивая роль государства как силы, создающей общественные отношения, Петрушевский становится на путь отказа от последовательного проведения своей основной идеи об экономической обусловленности социально-политических отношений в Англии XIII—XIV вв.

В 1927 г. появилось третье, вновь переработанное, издание книги Петрушевского «Восстание Уота Тайлера». В третьем издании, которое вышло в свет в период окончательного перехода Петрушевского на антинаучные позиции неокантианства и допшианства, отразились его новые методологические и общен исторические установки.

¹⁶⁾ Д. М. Петрушевский, Восстание Уота Тайлера, изд. 2-е, стр. 259—260. В другом месте Петрушевский прямо указывает, что в экономической зависимости от лорда манора находилось огромное большинство населения крестьянской общины (там же, стр. 561).

¹⁷⁾ Д. М. Петрушевский, Восстание Уота Тайлера, изд. 2-е, стр. 260.

В предисловии к третьему изданию Петрушевский излагает свое понимание сущности феодализма. Он «видит в феодализме определенную форму государственного устройства и управления, опирающуюся на организованную государственной властью систему политических соподчиненных государственных тяглых сословий»¹⁸).

Это означало принципиальный отход Петрушевского от его прежних взглядов на феодализм. Дело в том, что в первом издании своей книги Петрушевский стоял на дуалистической позиции в понимании феодализма, разделяя его на феодализм социально-экономический и политический. Это позволяло ему понимать феодализм в какой-то степени как социально-экономическую систему, главным экономическим признаком которой он считал натуральное хозяйство. Теперь же, акцентируя чисто политико-юридический характер феодализма, Петрушевский перестает связывать его с какими-либо специфическими экономическими формами. Отсюда его отказ от натурально-хозяйственной теории, за которым следует признание капитализма извечной формой экономических отношений.

Представление о феодализме как об исключительно политическом учреждении, особой форме государственного устройства и управления, не обусловленной определенным уровнем развития производительных сил и вообще не связанной с какими-либо определенными формами хозяйственной организации общества, не могло не привести Петрушевского к радикальному пересмотру его прежней концепции социально-экономического развития Англии до середины XIV столетия. Пересмотр этот прежде всего коснулся проблемы хозяйственной организации английского средневекового общества. Уже во втором издании «Восстания Уота Тайлера» Петрушевский в значительной степени отошел от натурально-хозяйственной теории развития средневекового общества. Окончательный переход на позиции неокантианства и допшианства привел Петрушевского к тому, что он полностью порвал с натурально-хозяйственной теорией.

Петрушевский заявляет, что замкнутое, натуральное хозяйство в средние века — миф, никогда не существовавший в исторической действительности. Он пишет: «Говоря об английском (и не об одном английском) феодальном поместье, следует окончательно расстаться с тем фантастическим образом его, какой был создан под гипнозом натурально-хозяйственной концепции средневековой европейской культуры, и раз навсегда признать, что манор, как хозяйственная организация, всегда был связан с рынком и вел свое хозяйство, как предприятие, преследовавшее коммерческие цели, и чем дальше, тем все более и более выяснялся и определялся этот его хозяйственный характер. По своим задачам вотчинное хозяйство было меновым и денежным»¹⁹).

Отрицая существование в средние века натурального хозяйства, изобразя английское средневековое поместье — манор как предприятие, по своим целям и характеру подобное капиталистической ферме, Петрушевский не только допускает искажение исторической действительности. Такие взгляды Петрушевского находятся в неразрешимом противоречии со всей его концепцией восстания 1381 г. Как известно, в первом издании своего труда Петрушевский рассматривал восстание Уота Тайлера как закономерный итог социально-экономического развития средневековой Англии, как естественный результат разложения феодализма. В такой трактовке восстания большое, если не центральное

¹⁸) Д. М. Петрушевский, Восстание Уота Тайлера, 3-е вновь переработанное издание, М.—Л., 1927, стр. 10.

¹⁹) Д. М. Петрушевский, Восстание Уота Тайлера, изд. 3-е стр. 109.

место занимает проблема разложения натурального хозяйства со всеми вытекающими отсюда социальными и даже политическими последствиями. Именно в результате разложения натурального хозяйства исчезает прежняя, характерная для натурального хозяйства, гармония интересов домена и крестьянской общины, а манор превращается в хозяйство — предприятие, цели которого оказались прямо противоположными интересам крестьянской общины. Идет процесс образования экономических классов, становится закономерной борьба между ними, на смену старым, патриархальным отношениям приходят новые, характерные уже не для феодального, а для капиталистического общества. Неустойчивость этих новых, только еще формирующихся в XIV в. отношений и привела к восстанию Уота Тайлера. Таким образом, концепция восстания 1381 года у Петрушевского органически связана с признанием факта существования натурального хозяйства. Отрицание этого факта означает подрыв самой основы его концепции.

Расправляясь с «мифом» о натурально-хозяйственном развитии средневекового общества, Петрушевский, тем самым, в третьем издании «Восстания Уота Тайлера» вступал в глубокое внутреннее противоречие со всей своей концепцией социально-экономического развития английского общества до второй половины XIV столетия, подготовившего восстание 1381 г.

Следует особенно подчеркнуть, что только что отмеченное противоречие не выходит на поверхность изложения. Анализ предпосылок восстания 1381 г., изложение его хода, характеристика программы восставших, определение характера восстания, трактовка «рабочего законодательства» и феодальной реакции остаются в основном неизменными по сравнению с предыдущими изданиями. Более того, по существу Петрушевский в третьем издании «Восстания Уота Тайлера» повторяет без значительных изменений и свою старую характеристику социальных отношений в английском маноре до XIV в. В частности, остается в силе его утверждение о гармонии хозяйственных интересов барского двора и крестьянской общины, об отсутствии классовой борьбы в английской средневековой деревне до второй половины XIII в.²⁰⁾ Но теперь все это повисает в воздухе, лишается своего экономического обоснования. Даже во втором издании «Восстания Уота Тайлера», когда уже начался переход Петрушевского на позиции допшианства, он, тем не менее, объяснял, как мы видели, наличие гармонии хозяйственных интересов лорда манора и крестьянской общины не только политикой государственной власти, но и фактом натурально-хозяйственной организации барского поместья.

Отрицание натурального хозяйства в средние века делает для Петрушевского такое объяснение невозможным. Правда, Петрушевский сохраняет приведенное во втором издании утверждение о том, что фискальные и хозяйственные требования сеньора определялись государственной необходимостью. Но такое утверждение явно недостаточно для объяснения хозяйственной, а также и социальной гармонии средневековой деревни. Остается непонятным, как сочеталась ограниченная

²⁰⁾ Следует, однако, отметить, что в 3-м издании Петрушевский отказывается от категорического отрицания классовой борьбы в английской деревне до XIV в. Характерный пример. Во 2-ом издании автор утверждает, что «антагонизм и борьба классовых интересов до поры, до времени еще чужды были отношениям между сеньором и вилланами...» (стр. 561). В 3-м же издании это место выглядит так: «Антагонизм и борьба классовых интересов еще сравнительно мало давали себя знать в отношениях между сеньором и вилланами...» (стр. 300). К сожалению, это положение не получает в работе никакого развития.

эксплуатация крестьян с коммерческими целями манора-предприятия: ведь Петрушевский неоднократно заявлял, что включение манора в товарно-денежный хозяйственный оборот, обращение его в манор-предприятие вызывает неограниченный рост потребностей лорда-манора, хозяйственные интересы которого бесповоротно расходились с хозяйственными интересами крестьянской общины.

С целью устранить это противоречие Петрушевский в 3-м издании «Восстания Уота Тайлера» пытается дать экономическое обоснование ограниченным потребностям лорда манора. Он указывает, что хозяйственной основой феодального государственного порядка являлся стесненный экономическими интересами феодального поместья хозяйственный оборот, который и создавал замкнутость феодального поместья²¹). Несмотря на все свое стремление освободиться от «гипноза натурально-хозяйственной концепции» средневекового развития, Петрушевский вынужден признать, что «общий склад поместной жизни, несомненно, заключал в себе много натурально-хозяйственного», в частности, он признает натурально-хозяйственную организацию барского хозяйства²²). Тем самым возникает новое противоречие с его собственным утверждением о постоянной связи манора с рынком, о маноре как хозяйстве-предприятии, рассчитанном не только на местный, но и на весьма отдаленный рынок²³). И это противоречие не может устранить не подтвержденное никакими конкретными доказательствами утверждение Петрушевским того, что замкнутость феодального поместья «вполне совместима с денежно-хозяйственными коммерческими интересами вотчинного хозяйства...»²¹).

В связи с рассуждениями Петрушевского о стесненности хозяйственного оборота в средневековой Англии важно подчеркнуть одно интересное обстоятельство. Ограничение хозяйственного оборота и связанное с этим ограничение экономической свободы рассматривается им как следствие политических условий, следствие развития феодализма как определенной формы государственного устройства и управления: «феодализм... — заявляет Петрушевский, — наложил свою печать и на хозяйственный, и на социальный облик крупного поместья и тем конституировал его как свою хозяйственную базу, создав тем самым условия, ограничивавшие территориально-экономическую свободу крестьянской массы и тем стеснявшие свободу гражданского и, в частности, хозяйственного оборота общества и тормозившие его эволюцию в направлении к расширению общих хозяйственных связей, к развитию народного хозяйства»²⁵). Таким образом, не экономические условия определяют политическое развитие общества, а, наоборот, политические факторы являются причиной определенного хозяйственного состояния общества. Такой вывод представляется закономерным следствием усвоения Петрушевским реакционных методологических и общеисторических идей.

²¹) См. Д. М. Петрушевский, Восстание Уота Тайлера, изд. 3-е, стр. 144.

²²) Д. М. Петрушевский, Восстание Уота Тайлера, изд. 3-е, стр. 149. Правда, Петрушевский видит натурально-хозяйственную организацию средневекового поместья лишь в том, что «оно опирается на натуральные, барщинные позинности вилланов и свободных держателей» (там же, стр. 144).

²³) Д. М. Петрушевский, Восстание Уота Тайлера, изд. 3-е, стр. 152.

²⁴) Там же, стр. 144.

²⁵) Д. М. Петрушевский, Восстание Уота Тайлера, изд. 3-е, стр. 145. Характерно, что Петрушевский считает возможным утверждать, что экономическая свобода виллана была ограничена лишь территориально, лишь постольку, поскольку он был держателем земельного надела (см. там же, стр. 144).

Рассматривая ограничение хозяйственного оборота как характерную черту феодального поместья, Петрушевский связывает ликвидацию этого ограничения с разложением феодального строя в целом. И вновь приходится констатировать противоречие в концепции Петрушевского. С одной стороны, Петрушевский в полном соответствии со своими взглядами на сущность феодализма рассматривает разложение феодального строя как исключительно политический процесс, сознательно и планомерно проводимый государственной властью. «Ликвидация феодального строя была ликвидацией созданной государством системы политически соподчиненных государственных сословий», — заявляет Петрушевский и продолжает дальше: «Она производилась здесь (т. е. в средневековой Англии — Б. М.) сознательно и планомерно государственной властью по мере того, как выяснялись для этой последней неудобства той или иной стороны феодального аппарата и возможность передать те или иные его функции органам все усложнявшегося центрального и местного управления»²⁶). Далее Петрушевский заявляет, что в результате реформ Генриха II и других подобных мероприятий государственной власти военное и правящее государственное сословие постепенно утрачивало свой феодальный облик и опять превращалось в экономический класс крупных землевладельцев с той лишь разницей, что теперь крупные землевладельцы обладали большим социальным весом²⁷).

Итак, перед нами ярко выраженная идеалистическая трактовка разложения феодального строя, инициатором которого выступает сама государственная власть, действующая исходя из собственных интересов. Но «параллельно этой ликвидации феодального строя сверху, — пишет Петрушевский, — сознательно и планомерно проводившейся государственной властью, шел процесс разрушения его снизу, стихийный, гетерогенный, чисто экономический процесс, процесс расширения хозяйственных связей в стране в народно-хозяйственном направлении, разрушавший основу хозяйственной структуры поместья, тесную связь (и зависимость) барского двора феодального сеньора и деревни, политически ему подвластной, а тем самым и общую хозяйственную базу феодального общества и государства»²⁸). Таким образом Петрушевский, с другой стороны, рассматривает разложение феодализма как экономический процесс разложения хозяйственной структуры феодального поместья, как хозяйственной базы феодального государства.

Любопытная деталь: если превращение военного и правящего государственного сословия в экономический класс крупных землевладельцев оценивается Петрушевским как чисто политическое явление, результат государственных мероприятий, то ликвидация «крестьянского сословия» и образование экономического класса мелких землевладельцев и земледельцев изображается им в другом плане. Петрушевский рассматривает этот процесс как результат действия не политических факторов, вроде целенаправленной политики государственной власти, а более глубоких причин. Он говорит о чисто экономической эволюции, которая неизбежно вела к ликвидации низшего слоя, организованного государством в систему политически соподчиненных государственных сословий общества, к ликвидации вилланства и образованию экономического класса мелких землевладельцев и земледельцев²⁹). Таким обра-

²⁶) Д. М. Петрушевский, Восстание Уота Тайлера, изд. 3-е, стр. 146.

²⁷) Там же.

²⁸) Там же.

²⁹) Д. М. Петрушевский, Восстание Уота Тайлера, изд. 3-е, стр. 146—147.

зом, Петрушевский насильственно разрывает единый по своей природе процесс разложения феодализма, искусственно выделяет и противопоставляет его две стороны. В исторической действительности они были неразрывно связаны между собой и являлись порождением одной и той же общей причины — развития производительных сил, которое вело к глубоким переменам как в барском, так и в крестьянском хозяйстве. Эти перемены разрушали феодальный базис и открывали дорогу новым экономическим отношениям. Мы уже не говорим о том, что Петрушевский модернизирует историю, относя разложение феодализма в Англии к XIII—XIV столетиям.

Итак, концепция третьего издания «Восстания Уота Тайлера» характеризуется крайней противоречивостью. Методологические и общео исторические воззрения, позаимствованные у самых реакционных направлений буржуазной философии и историографии эпохи империализма, Петрушевский, естественно, не сумел привести в соответствие с концепцией восстания Уота Тайлера, развитой им в первом издании своей книги, то есть в тот период, когда он стоял на относительно прогрессивных позициях в области методологии исторического исследования.

Его концепция восстания утратила свою былую логичность и целостность и приобрела эклектический и противоречивый характер. В этом и сказалось решающее влияние на нее усвоенных Петрушевским неокантианских и допшианских идей.

Так обстоит дело с характером изменений, произведенных Петрушевским во втором и третьем изданиях «Восстания Уота Тайлера». Что касается вышедшего в 1937 г. четвертого издания этой книги, то оно не представляет собою чего-либо нового по сравнению с третьим изданием³⁰⁾.

Эволюция концепции Петрушевского нашла известное выражение в его отношении к историческим источникам, обработке их. Книга Петрушевского «Восстание Уота Тайлера» явилась результатом исключительно большой его работы над источниками, их кропотливого анализа, сопоставления самых разнообразных свидетельств о восстании, их критики. Всесторонний анализ источников рассматривался Петрушевским как необходимейшее предварительное условие каких-либо выводов о причинах, характере и значении восстания³¹⁾. Неслучайно, в первом издании «Восстания Уота Тайлера» критическому анализу источников посвящена специальная глава. Начиная со второго издания, эта глава из основного текста переносится в приложение. Конечно, дело не в месте расположения того или иного материала. Важнее то, что во втором издании, равно как и в последующих, Петрушевский в отдельных случаях отступает от им же самим провозглашаемого требования всестороннего анализа источников, считает возможным делать ответственные

³⁰⁾ Проблему социально-экономического развития средневековой Англии в связи с восстанием 1381 г. Петрушевский рассматривает также в «Очерках из экономической истории средневековой Европы» (М., 1928), не внося, впрочем, в ее трактовку никаких существенных изменений по сравнению с третьим изданием «Восстания Уота Тайлера». Ничего принципиально нового по интересующему нас вопросу не содержит его последняя опубликованная работа — вступительная статья к книге У. Ленгленд «Видение Ульяма о Петре Пахаре», М.—Л., 1941.

³¹⁾ Именно в отсутствии критического анализа источников Петрушевский усматривает один из главных недостатков всей предшествующей «Восстанию Уота Тайлера» историографии вопроса. Он подчеркивает, что многочисленные теории, претендующие на разрешение проблемы восстания 1381 г., носят чисто гипотетический характер. Их происхождение — априорное, ни одна из них не явилась результатом тщательного изучения конкретной истории восстания путем привлечения всего разнообразного материала источников (Д. М. Петрушевский, Восстание Уота Тайлера, ч. 1, стр. 1—2).

выводы на основе априорных рассуждений. В частности, как уже отмечалось, Петрушевский оставляет совершенно не аргументированным свое утверждение о творческой, преобразующей роли средневекового государства.

Во втором и последующих изданиях «Восстания Уота Тайлера» Петрушевский, в основном, сохраняет те выводы о движущих силах, характере и ходе восстания, которые делались им на основании анализа источников в первом издании книги. Но в тех, впрочем немногочисленных случаях, когда вводятся новые источники, они, как правило, глубоко не анализируются, вследствие чего их появление не влечет за собой сколько-нибудь существенных изменений в выводах и формулировках автора, хотя подчас такие изменения напрашиваются сами собою. Именно так обстоит дело с трактовкой Петрушевским программ восставших крестьян. В первом издании своей книги, рассматривая Майл-Эндскую и Смитфилдскую программы, Петрушевский утверждает, что разница между ними заключается в том, что первая из них выдвигает преимущественно социальные требования, а вторая политические³²). Такое утверждение до известной степени могло объясняться скудостью имевшихся тогда в распоряжении Петрушевского данных о содержании программ, особенно Смитфилдской. Работая над вторым изданием «Восстания Уота Тайлера», Петрушевский привлек новые источники, позволившие ему дать более детальное освещение как самого хода восстания, так и выдвигавшихся крестьянами во время восстания требований. Особенно большое значение имело привлечение так называемой «Анонимной хроники» (*Anonimale cronicle*), сообщавшей ряд чрезвычайно ценных сведений о Смитфилдской программе.

На основании свидетельства этой хроники Петрушевский значительно более подробно описывает встречу восставших крестьян с королем на Смитфилдском поле. Гораздо обстоятельнее выясняются требования восставших, которые были от их имени представлены Уотом Тайлером королю. Если в первом издании речь шла, главным образом, о требованиях отмены исключительной собственности сеньоров на леса, воды и прочие угодья, то во втором издании наряду с этим говорится и о других, более радикальных требованиях (отмена всех законов в государстве, кроме Винчестерского, направленного против грабежей и разбоя, уравнение в правах всех сословий, конфискация и раздел между прихожанами церковных земель; ликвидация церковной иерархии и т. п.).

Таким образом, выдвигается широкая программа коренного переустройства всей жизни английского общества. Безусловно, эта программа гораздо решительнее Майл-Эндской и отражает интересы широкой массы английского крестьянства, заинтересованного не только в отмене крепостного права, дальше чего не шла Майл-Эндская программа, но и в проведении целого ряда других социально-экономических преобразований. По существу, здесь речь идет о коренной ломке как феодальных производственных отношений, так и соответствующей им феодальной надстройки. Подобных выводов нельзя было сделать из тех скудных данных о содержании Смитфилдской программы, которые имелись в распоряжении Петрушевского во время работы над первым изданием «Восстания Уота Тайлера». Естественно было ожидать, что в связи с новыми данными о требованиях крестьян на Смитфилдском поле, Петрушевский во втором издании своей книги внесет соот-

³²) См. Д. М. Петрушевский, Восстание Уота Тайлера, ч. 1, стр. 341—342.

ветствующие изменения в трактовку программ восстания. Приведенные Петрушевским дополнительные данные о Смитфилдской программе бесспорно показывают, что отличие ее от Майл-Эндской заключается в ее радикальности, в том, что она отвечала интересам значительно более широких крестьянских масс, выражая их самые насущные требования — и социальные, и политические. Однако Петрушевский не вносит никаких изменений в свою характеристику программ восставших крестьян. Он полностью сохраняет во втором издании противопоставление Смитфилдской программы, как якобы по преимуществу политической программе Майл-Эндской, выдвигающей, главным образом, социальные требования. Безусловно, здесь сказалось и то обстоятельство, что второе издание «Восстания Уота Тайлера» вышло в свет в 1914 г., то есть в период начавшегося кризиса методологических взглядов Петрушевского, имевшего своим выражением, среди прочего, и отказ от длинно научных обобщений.

**

Сравнение первого и последующих изданий «Восстания Уота Тайлера» показывает эволюцию, которую претерпели взгляды Петрушевского на характер социально-экономического развития средневековой Англии, то есть на центральную проблему его концепции восстания 1381 г. Причины этой эволюции кроются отнюдь не в привлечении Петрушевским новых источников, неопровержимые показания которых заставляли бы его произвести пересмотр старых своих взглядов на характер социально-экономической эволюции Англии в средние века. Напротив, ни один из пунктов новых воззрений Петрушевского не аргументируется и не может быть аргументирован материалом источников. Не в исторической действительности, отражаемой историческими документами, а в социологических и общенсторических схемах реакционной буржуазной науки лежит подлинная основа его новых взглядов.

Необходимо также отметить, что восприятие Петрушевским реакционных методологических идей сказалось и на его отношении к литературе вопроса. Знаменательно, что Петрушевский, внимательно следивший за буржуазной историографией вопроса, совершенно игнорирует труды советских ученых по аграрной истории средневековой Англии, имевших к 1937 г. в своем активе такие капитальные исследования, как «Английская деревня в XIII в.» (М., 1935) Е. А. Косминского.

Выводы советских ученых, руководствовавшихся марксистской методологией исторического исследования, естественно, противоречили взглядам Петрушевского и оказались для него неприемлемыми.

Переход Петрушевского на позиции неокантианства в области методологии истории, органически сочетавшийся с усвоением им допшианских положений о характере средневекового хозяйственного развития, делал неизбежным пересмотр всей его концепции восстания Уота Тайлера. Этот пересмотр выразился не только в радикальном изменении взглядов Петрушевского на характер социально-экономического развития средневековой Англии. В полной мере он отразился и на оценке самого восстания, на определении его места в истории Англии, что как раз и являлось главной задачей Петрушевского, когда он приступил к работе над книгой. Всей логикой своего изложения социально-экономической эволюции Англии в средние века Петрушевский в первом издании «Восстания Уота Тайлера» доказывает закономерность и прогрессивность восстания, его антифеодальный характер. В последующих изданиях он сохраняет характеристику восстания 1381 г. как антифео-

дального. Однако эта характеристика, в сущности, находится в принципиальном противоречии со всей его новой трактовкой развития английского феодализма. В самом деле, нельзя серьезно говорить о прогрессивном, антифеодальном характере восстания Уота Тайлера, если отрицается социально-экономическая природа феодализма, если весь процесс разложения феодализма объясняется как результат целенаправленной политики государственной власти, действующей в интересах всего общества. Именно в силу этого, в свете новых воззрений Петрушевского, не может быть речи о закономерности восстания Уота Тайлера, как необходимого результата всего предшествующего социально-экономического развития Англии.

ЭЛЕМЕНТЫ ПЕРЕДНЕАЗИАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ У НАРЫМСКИХ СЕЛЬКУПОВ

Г. И. ПЕЛИХ

Вплоть до XX века нарымские селькупы представляли собой малочисленную народность, затерявшуюся среди болот и тайги глухого Нарымского края.

Суровые природные условия, географическая изолированность, угнетение со стороны более сильных соседей и пр. задерживали развитие селькупов и способствовали консервации древних черт в их жизни и быту. Это выражалось, например, в том, что в условиях XX века селькупы продолжали заниматься, в основном, лишь охотой, рыболовством и собирательством с примитивными орудиями и организацией производства. У них бытовали классификаторская система родства, тотемистические верования и тому подобные архаические явления.

Но особенно ярко архаичность селькупов проявляется в некоторых особенностях их материальной культуры, изобразительного искусства и мифологии.

Своеобразие селькупской культуры особенно бросается в глаза при сравнении их с другими народами Западной Сибири. В целом ряде случаев селькупы обнаруживают сходство не с ближайшими соседями, а с культурой давно исчезнувших древних народов Передней Азии, точнее с кругом древних, малоизученных культур, известных нам по раскопкам в Тель-Халафе, Самарре и Эль-Обейде. Эта группа поселений образует комплекс синхронных друг другу культур, конца V — начала IV тысяч. до н. э. Носители ее нам известны. Условно их называют протошумерийцами.

Некоторые параллели из области мифологии, пиктографического письма и пр. можно провести также между селькупами и шумерийцами, но все они относятся к числу архаических явлений даже для шумерийской древности и объясняются, вероятно, лишь тем, что шумерийская культура сложилась на основе более древнего круга культур, впитав в себя его характерные особенности.

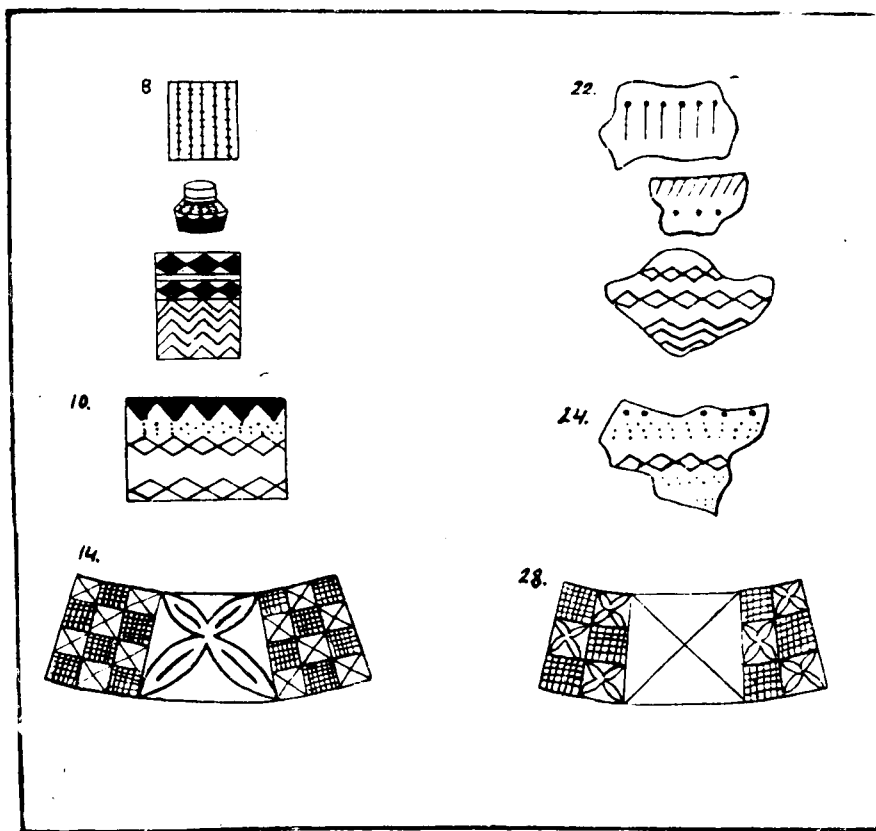
Обратимся к конкретным примерам.

Как известно, при сопоставлении различных культур важную роль играет сходство орнаментальных мотивов. Традиционные особенности орнамента могут сохраняться на протяжении тысячелетий и находятся в тесной связи с историей формирования народов. Многократные совпадения орнаментальных узоров трудно объяснить конвергентностью развития.

Сравнивая селькупские орнаменты с переднеазиатскими, мы можем отметить наличие сходства в трех направлениях.

1. Во-первых, многократно встречаются прямые совпадения орнаментальных мотивов. В табл. 1 мы приводим ряд селькупских орнаментов, которые бытуют, частично, у селькупов в настоящее время и собраны этнографическими экспедициями ТГУ или взяты нами из фондов Томского краеведческого музея или опубликованных материалов археологических раскопок на территории современного расселения нарымских селькупов.

Таблица 1. 1—13 — Tell Halaf¹⁾, 15, 16, 17, 18, 19⁴⁾, 20, 25, 27, 28 — нарымские селькупы²⁾, 19⁶⁾ — алтайцы³⁾, 21⁴⁾, 22, 23, 26⁵⁾ — материалы археологических раскопок на территории нарымских селькупов.

¹⁾ Christian V., *altertumskunde des Zweistromlandes*, I. Band., Taf. 34, 38, 41, Leipzig, 1940.

²⁾ Материалы этнографических экспедиций ТГУ (Томский государственный университет).

³⁾ Иванов С. В., *Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX в.*, М.—Л., 1954, стр. 609.

⁴⁾ Дульзон А. П., *Археологические памятники Томской области*, Труды Томского краев. музея, т. V. Томск, 1956, табл. XVIII, р. 2.

⁵⁾ Дульзон А. П., *Ученые записки ТГПИ* (Томский государственный педагогический институт), т. XII, табл. VII, XI, XII, Томск, 1954.

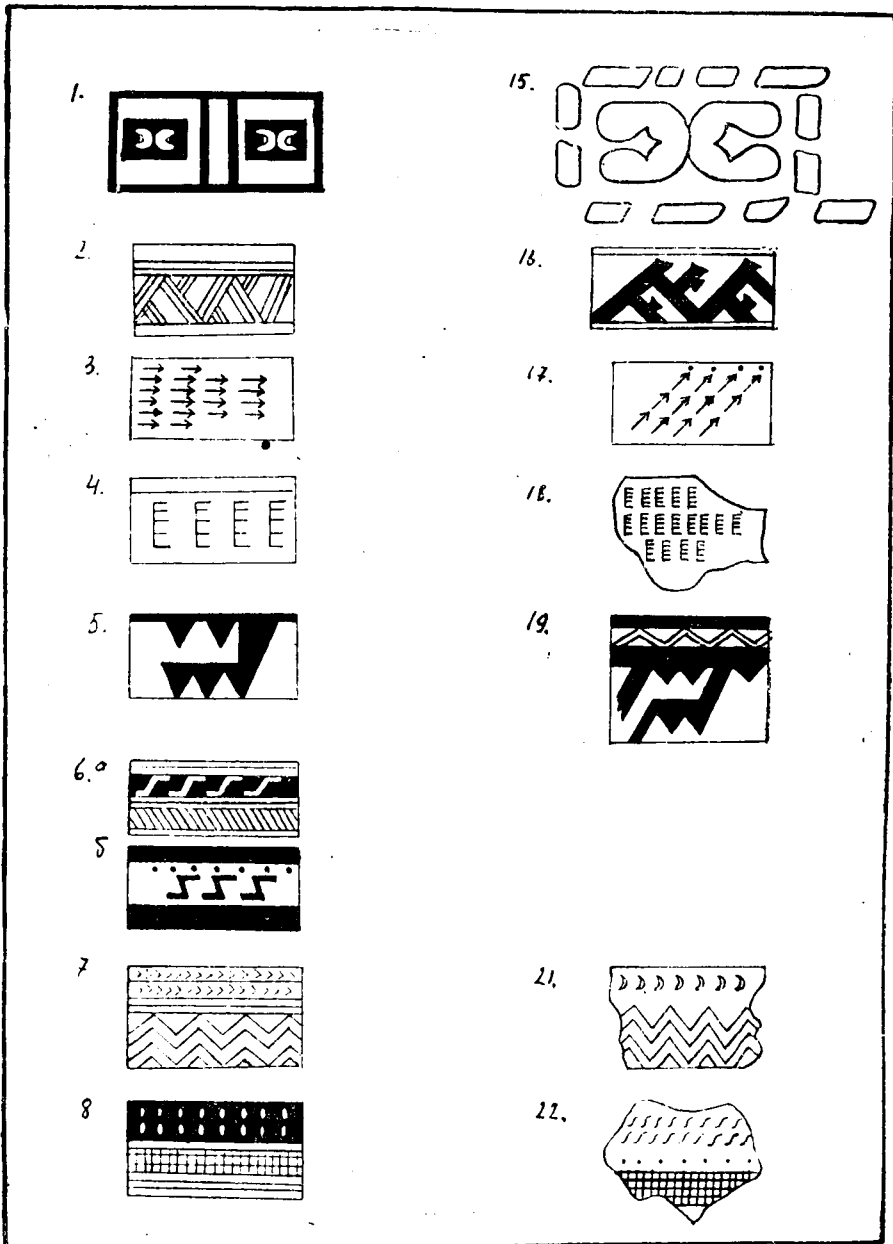

Таблица 2. 1—9 — Самарра⁶⁾; Урук; 10 — Урук⁷⁾; 11 — Убаид⁸⁾; 12 — Эшнунна; 13 — Хафаужа; 14 — Урук¹¹⁾; 15, 16, 24, 25, 28 — на-

⁶⁾ Christian V., Gk. Ior., Taf. 34, 38, 41.

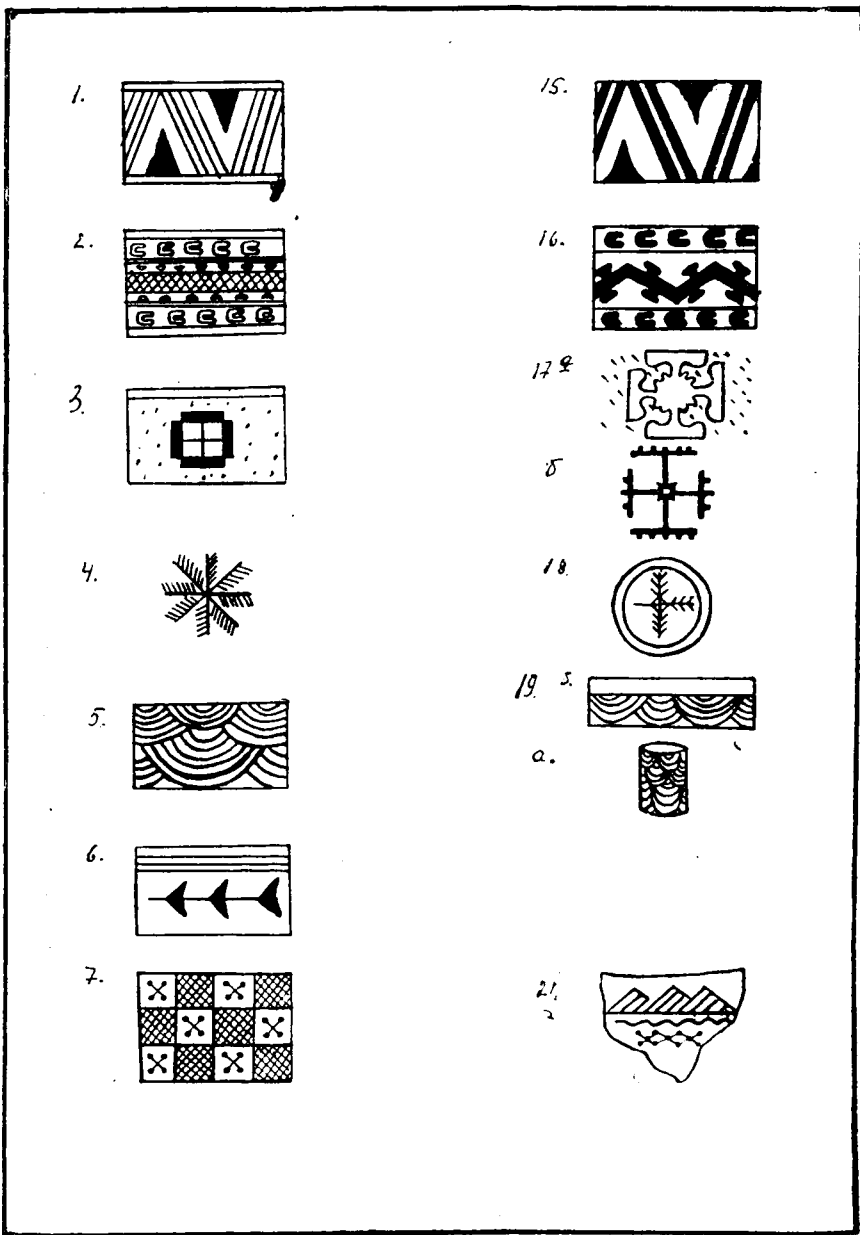
⁷⁾ Heinrich E., Bauwerke in der Altsumerischen Bildkunst, Wiesbaden, 1957, p. 28.

⁸⁾ Christian V., Gk. Ior. Taf. 67.

⁹⁾ Там же, Taf. 166.

¹⁰⁾ Гордон Чайлд, Древнейший Восток в свете новых раскопок, М., 1956, стр. 231, p. 84.

11. Труды ТГУ, т. 171.

рымские селькупы¹²⁾; 26 — нарымские селькупы¹³⁾; 17, 18, 20, 21, 22¹⁴⁾; 23, 27¹⁵⁾ — материалы археологических раскопок.

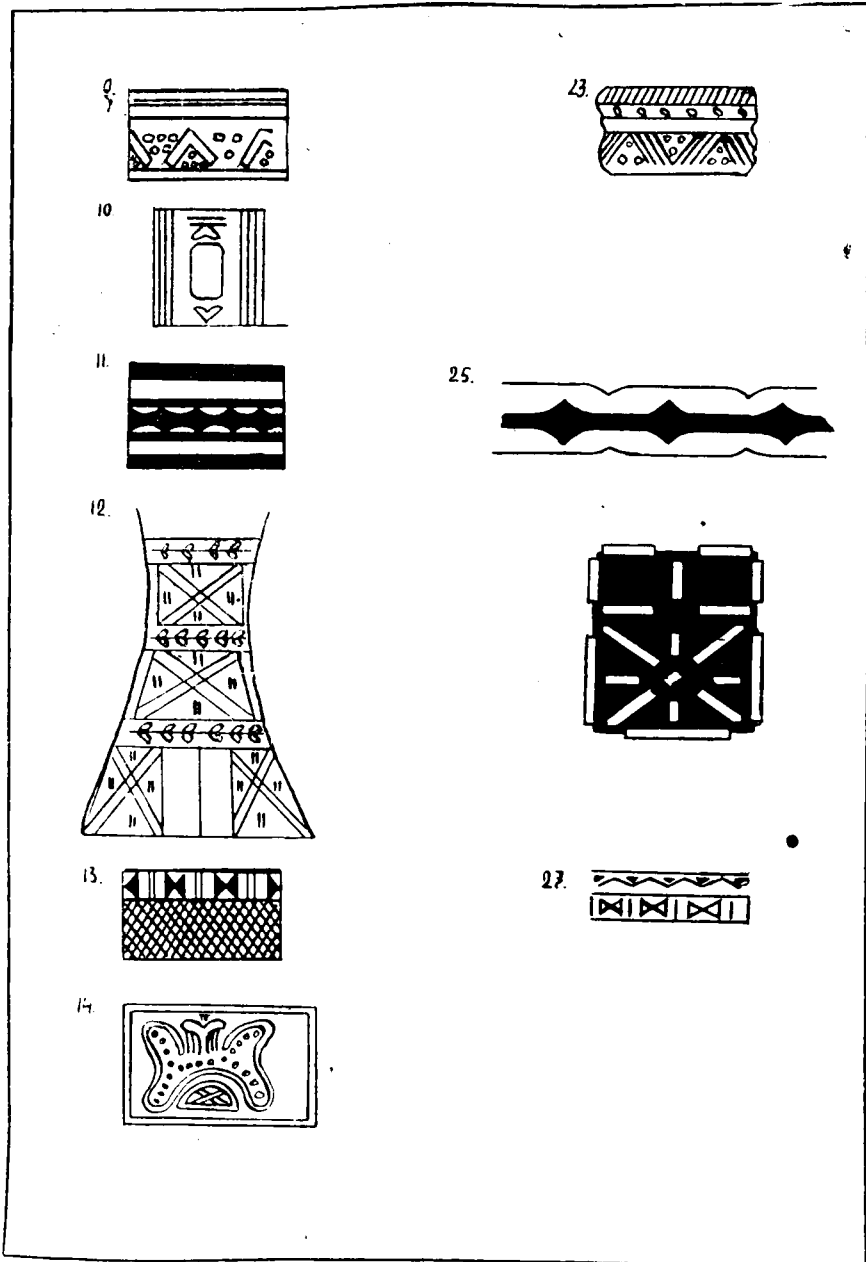
Число прямых совпадений между селькупскими и переднеазиатскими орнаментами сравнительно велико. Мы приводим в таблицах (1—2)

¹²⁾ Материалы этнографических экспедиций ТГУ.

¹³⁾ Томский краеведческий музей, ин. № 30.

¹⁴⁾ Дульзон А. П., Ученые записки ТГПИ, т. X, табл. VIII, XXV, XXX, Томск, 1953.

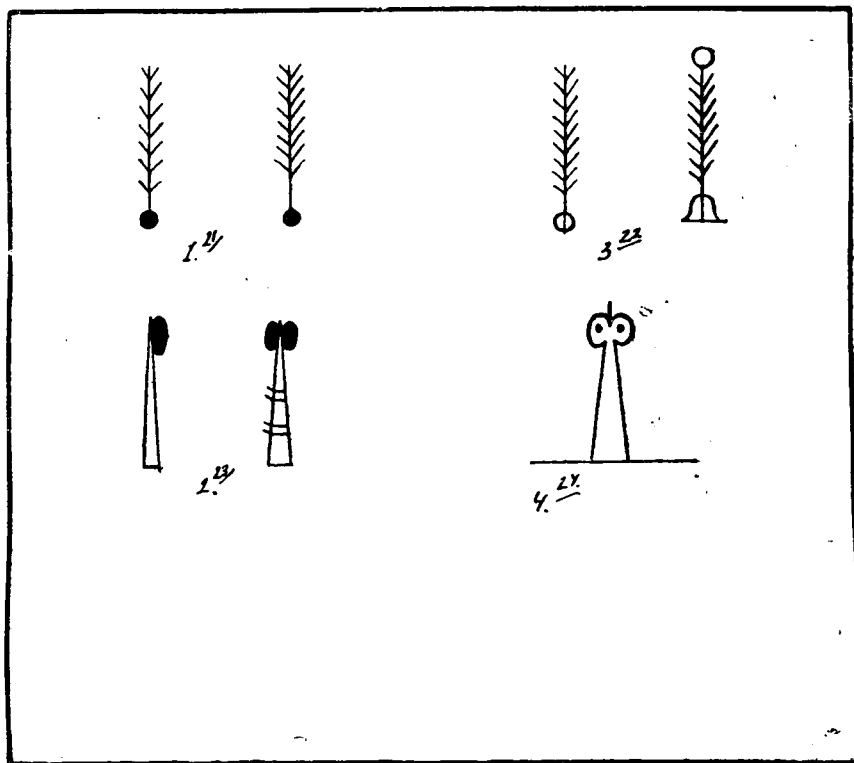
¹⁵⁾ Дульзон А. П., Ученые записки ТГПИ, т. XII, табл. VII, VIII, XI, Томск, 1954.

около 30 пар совпадающих узоров. Число их может быть увеличено.

2. Во-вторых, некоторые мотивы селькупских орнаментов совпадают с архаическими знаками древнешумерийского пиктографического шьема. Например, у селькупов часто встречается знак священного дерева с диском солнца или месяца (см. табл. 3). Его рисуют на шаманских

бубнах¹⁶⁾; Оглобин¹⁷⁾ и Симченко Ю. В.¹⁸⁾ отмечают наличие такого знака среди «остяцких знамен XVII в.». Селькупы до сих пор продолжают рисовать этот знак на различных деталях жилища и утвари. Несколько таких изображений на наличниках окон и на печах старинных селькупских домов опубликовано А. П. Дульзоном¹⁹⁾. Значение данного изображения остается не совсем ясным, но традиция и само название («по-парге») позволяют отождествлять его со старинными

селькупскими столбами «по-парге», которые ставили раньше в селькупских поселках для защиты жилищ от нечистой силы. К таким столбам прикреплялись круглые изображения солнца и месяца. Сведения об обычаях, связанных со столбами «по-парге» (священное шаманское дерево) собраны этнографическими экспедициями ТГУ, упоминания о таких столбах и их изображениях встречаются также в работах многих исследователей²⁰⁾.

¹⁶⁾ Прокофьева Е. Д., Костюм селькупского шамана, МАЭ, т. XI, М., 1949, стр. 342.

¹⁷⁾ Оглобин, Остяцкие знамена XVII в., Истор. вестник, т. X, 1889, стр.

¹⁸⁾ Симченко Ю. Б., Тамги народов Сибири в XVII в., рукопись в Архиве Института этнографии АН СССР.

¹⁹⁾ Дульзон А. П. Поздние археологические памятники Чулыма... Уч. зап. ТГПИ, т. х., Томск, 1953, стр. 229.

²⁰⁾ Дульзон А. П., Археологические памятники Томской области, Труды Томского краев. музея, т. V, Томск, 1956, стр. 234.

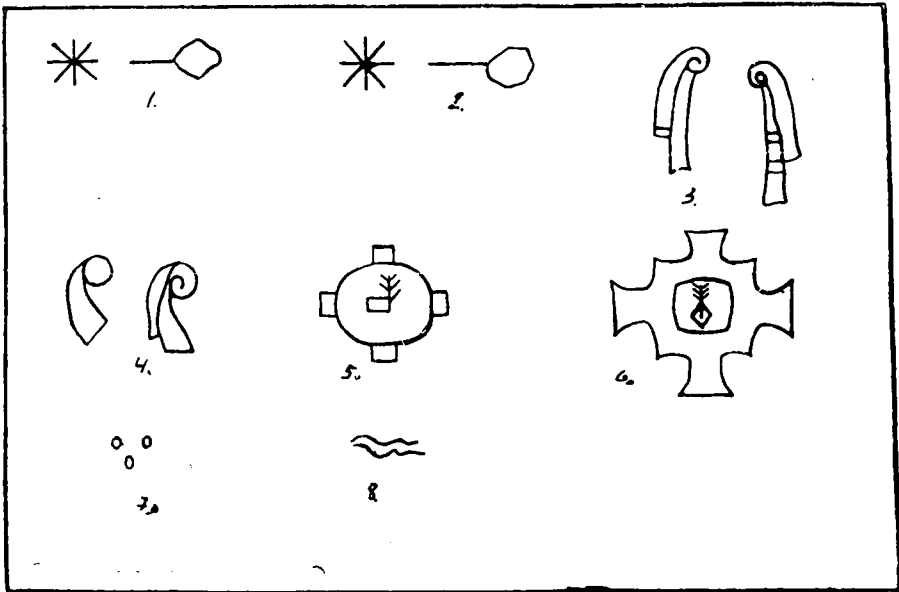
Патканов С., Стародавняя жизнь остяков и их богатыри по былинам и сказаниям, «Живая старина», в. 3, 1896, стр. 168.

Плотников А. Ф., Нарымский край, СПб., 1901, стр. 153.

Прокофьева Е. Д., Представления селькупских шаманов о мире, МАЭ, XX, М.—Л., 1961, стр. 153.

Такой же знак²¹⁾ встречается на шумерийских рельефах²²⁾ и среди знаков древнего письма²³⁾. В данном случае интересно не только совпадение изображений, но и то, что у шумерийцев этим знаком также часто обозначаются священные столбы «носители символов» (Simboltreger). На шумерийских рельефах Simboltreger всегда стоит (как и у селькупов²⁴⁾ рядом с хижиной или загонем для скота²⁵⁾.

Кроме того, в шумерийских текстах часто встречается солярный знак в сочетании с другим знаком «па» и означает в этом случае «небо». (См. табл. 4, рис. 1). Если же за солярным знаком следует другой знак (gi), то данное сочетание читается как «dingir» божество²⁶⁾. У селькупов Пиковской волости, как отмечает Ю. Б. Симченко, в актах XVII века встречаются точно такие же два знака в том же сочетании. За солярным знаком здесь следует знак, подобный шумерийскому «па». Только у селькупов он называется «ковдыс»²⁷⁾. (См. табл. 4, рис. 2). Значение его неизвестно.

Имеется и ряд других совпадений. Знак, изображенный на рис. 3 (табл. 4), является у шумерийцев священным символом богини Ининны²⁸⁾. У селькупов — это распространенный мотив долбленного орнамента для украшения наличников окон²⁹⁾ (рис. 4, табл. 4). Изображение на рис. 5 (табл. 4) у шумерийцев означает городскую стену или крепость³⁰⁾. У селькупов этот мотив часто встречается в различных орна-

²¹⁾ Дульзон А. П. Поздние археологические памятники Чулыма... Уч. зап. ТГПИ, т. х., Томск, 1953, стр. 229.

²²⁾ Deimel A., Sumerische Grammatik, Roma, 1924, p. 45.

²³⁾ Дьяконов И. М., К возникновению письменности в Двуречье, Труды Отд. истории материальн. культуры и исследований Востока, III, 1940, стр. 145.

²⁴⁾ Материалы этнографических экспедиций ТГУ.

²⁵⁾ Heinrich T., Gk. Iog., p. 37.

²⁶⁾ Deimel A., Gk. Iog., p. 18.

²⁷⁾ Симченко Ю. Б., Тамги народов Сибири в XVII в., рукопись в Архиве Института этнографии АН СССР.

²⁸⁾ Heinrich E., Gk. Iog., p. 64.

Тюменев А. И., Государственное хоз-во древнего Шумера, М.—Л., 1956, табл. 2.

²⁹⁾ Материалы этнографических экспедиций ТГУ.

ментальных узорах³¹⁾ (рис. 6, табл. 4). Изображения на рис. 7 (шайтанские рожи), рис. 8 (вода), рис. 9 (скобель) распространены, кроме шумерийцев и селькупов, у широкого круга народов Сибири.

3. В-третьих, кроме вышеуказанных параллелей, отметим, что в области изобразительного искусства у селькупов и у древних переднеазиатских народов наблюдается в некоторых случаях сходство в манере изображения, своего рода штампы при передаче определенных понятий. Так, например, обращает на себя внимание своеобразная трактовка человеческих фигур. Антропоморфные изображения были обнаружены в Томской области на керамике из раскопок у поселка Самусь IV (2-я половина II тысячелетия до н. э.)³²⁾ и на более поздних бронзовых предметах с горы Кулайки³³⁾. Их отличительная особенность заключается в том, что у человеческих фигурок голова заменяется двумя—тремя линиями. Иногда от них спускаются вниз еще две—три линии, «возможно имитирующие косы»³⁴⁾. Подобного рода изображения встречаются и у кетов³⁵⁾ (см. табл. 5).

Если мы обратимся к переднеазиатским антропоморфным изображениям, то снова встретимся с тем же принципом замены головы несколькими линиями. Приведем для сравнения антропоморфные изображения на керамике из Самарра³⁶⁾. Среди шаманских изображений современных селькупов нередко встречаются человеческие фигуры, у которых голова заменена одной или несколькими линиями³⁷⁾.

Или, например, возьмем такую характерную деталь селькупского орнамента, как гвоздеобразные выступы. Элементы «гвоздеобразности» присущи изобразительному искусству ряда народностей Сибири. Однако центром локализации «гвоздеобразного стиля» в Западной Сибири является территория расселения селькупов и их восточных соседей — кетов. В. Н. Чернецов вообще предполагает, что указанные стилистические особенности развились под влиянием кетского и селькупского орнаментов, где гвоздеобразные выступы являются основной типичной чертой³⁸⁾.

С подобными же явлениями мы встречаемся и у древних шумерийцев. Как известно, шумерийскую письменность часто называют «гвоздеобразным письмом»³⁹⁾. Но у шумерийцев гвоздеобразная форма древней клинописи, знаки которой лишь постепенно приняли гвоздеобразный вид. Очевидно, еще у протошумерийцев гвоздеобразные предметы имели культовое значение, так как древние votивные надписи делались на глиняных конусах гвоздеобразной формы, а в могилы с покойником клали медные или из обожженной глины гвозди⁴⁰⁾ (см. рис. 1). Эlemen-

³⁰⁾ Дьяконов И. М. К возникновению письменности в Двуречье, Труды Отд. Истории материальной культуры и исследований Востока, III, 1940, стр. 145.

³¹⁾ Материалы этнографических экспедиций ТГУ.

³²⁾ Матющенко В. И. Об антропоморфных изображениях на глиняных сосудах из поселения Самусь IV, «Советская Археология», 1961, № 4, стр. 267.

³³⁾ Мягков И. М., Древности Нарымского края, Труды Томского краевого музея, II, 1929, табл. III.

³⁴⁾ Матющенко В. И. Там же, стр. 267.

³⁵⁾ Иванов С. В., Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX—начала XX века, М.—Л., 1954, стр. 97.

³⁶⁾ Paggot A., *sumer*, Gallimard, 1960, p. 45.

³⁷⁾ Прокофьева Е. Д., Костюм селькупского шамана, МАЭ, т. XI, 1949, стр. 365.

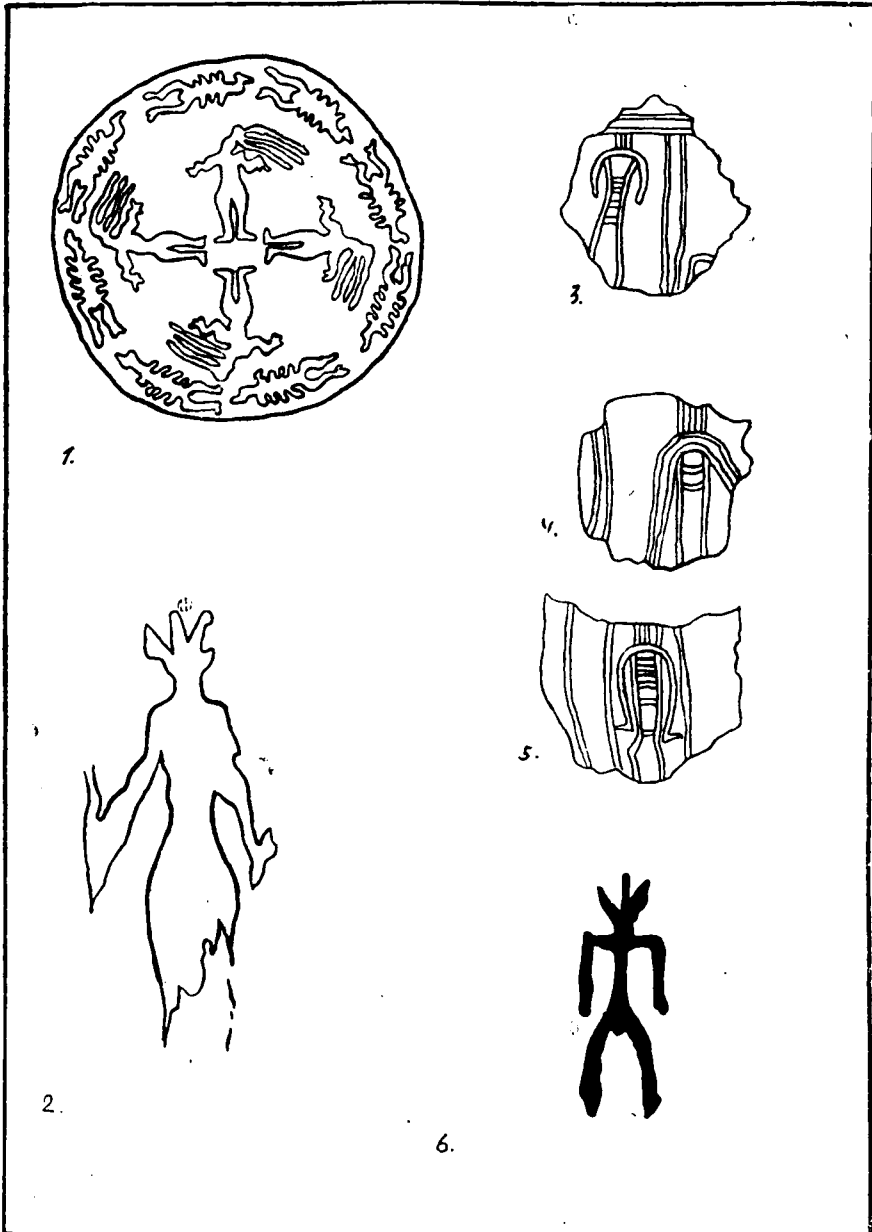
³⁸⁾ Чернецов В. Н. Орнамент ленточного типа у обских угров, «Советская этнография», 1948, № 1, стр. 147—148.

³⁹⁾ Липи Н. А., Белов А., Глиняные книги, Л., 1950, стр. 139.

⁴⁰⁾ Christian V., *Gk. log.*, p. 146.

ты гвоздеобразности встречаются иногда и в переднеазийских орнаментах (см. рис. 2)⁴¹).

Старинная селькупская землянка выкапывалась на краю обрыва и покрывалась плоской или двускатной (очень пологой) крышей. Пря-

моугольное в плане помещение внутри перегородивалось поперечной стенкой, отделяющей холодную часть (у входа) от внутреннего жилого помещения. Стены землянки забирались бревнами, соединенными

⁴¹) Гордон Чайлд, Древнейший Восток в свете новых раскопок, М., 1956, стр. 219.

при помощи столбов с пазами. Постройки такого типа сохранились в настоящее время по рекам: Оби (пос. Қалғуяк), Парабели (пос. Нельмач) и в устье р. Томи (пос. Козюлино). Такие же землянки были раскопаны П. Н. Кутафьевым на р. Ый (притоке Тьма), где им было обнаружено около 200 подобных жилищ⁴²).

Многочисленные совпадения в области изобразительного искусства явление само по себе достаточно интересное. Однако прежде чем делать какие-либо выводы обратимся к другим явлениям из области материальной культуры и мифологии.

Интересны в этом отношении, прежде всего, некоторые особенности одной из форм древнейшего селькупского жилища — землянки «карамо». Аналогичный тип жилища (только больших размеров) был обнаружен во время раскопок М. П. Грязновым близ села Большая речка⁴³).

Судя по этнографической литературе, селькупская землянка не имеет прямых параллелей у соседних с селькупами народностей Западной Сибири. Она отличается от старинной землянки кетов⁴⁴), от эвенкийского «голомо»⁴⁵), от древнехантыйских пирамидальных полужемлянок, (которые также встречаются на территории Нарымского края)⁴⁶), а также от более поздних городищ Сибирского юрта⁴⁷) на территории домонгольского расселения западно-сибирских татар и от старинных жилищ на территории Хакасии⁴⁸) и Алтая⁴⁹).

У нас нет оснований связывать селькупскую землянку с переселением самодийских племен. Во-первых, данные археологических раскопок свидетельствуют об ее большей древности, во-вторых, наличие такого типа жилья не было зафиксировано у других самодийских народов. Вероятно, данный тип жилища следует отнести к отдаленным досамодийским предкам селькупов.

Обратимся теперь к древним жилищам на территории Передней Азии. В 1957 году была опубликована работа E. Heinrich, «Badwerke in der altsumerischen Bildkunst», в которой автор восстанавливает историю строительного дела в Месопотамии по образцам древнешумерийского рельефа. В результате исследования E. Heinrich выделяет два типа древней дошумерийской жилищной архитектуры: 1) овальную или круглую тростниковую хижину и 2) прямоугольный в плане деревянный дом. В древнейших изображениях (интересующей нас эпохи) они существуют самостоятельно, но затем, в картинах Урука и Джемдет-Насра оба архитектурных типа начинают сливаться. Их элементы, смешиваясь друг с другом, образуют комплекс, который мы называем шумерийским⁵⁰). E. Heinrich полагает, что тростниковые хижины были местным типом дома, они тесно связаны с условиями жизни южной Месопотамии. Но второй тип дома, по мнению автора, мог возник-

⁴²) Кутафьев П. Н., Отчет об археологических исследованиях по Нарымскому краю за 1938 г., Архив музея истории материальной культуры при ТГУ, т. IV, инв. № 116—2.

⁴³) Грязнов М. П., Археологические исследования территории одного поселка, КСИИМК, 40, 1951, стр. 107.

⁴⁴) Долгих Б. О., Старинная землянка кетов на реке Подкаменная Тунгуска, «Советская этнография», № 2, 1952, стр. 159.

⁴⁵) Там же, стр. 165.

⁴⁶) Материалы этнографических экспедиций ТГУ.

⁴⁷) Левашева В. П., О городищах Сибирского юрта, «Советская археология», XIII, 1950, стр. 341—350.

⁴⁸) Потапов Л. П., Этнический состав сагайцев, «Советская этнография» 1947, № 3, стр. 108 (рис. 4), стр. 109 (рис. 5).

⁴⁹) Потапов Л. П., Очерки истории Шории, М.—Л., 1936, стр. 110—111.

⁵⁰) Heinrich E., Gk. Iog., p. 80—83, 91.

нуть только в стране богатой деревом, в горах Малой Азии, Армении или Ирана⁵¹).

Сравним последний тип переднеазиатского дома с селькупской землянкой (табл. 6)⁵²). В обоих случаях перед нами прямоугольное двухкамерное жилище с одинаковым местом расположения входа и очага. Совпадает форма двускатного или плоского перекрытия, обнаруживается сходство в приемах строительной техники, так как Е. Heinrich убедительно удалось показать, что бревна стен в древнешумерийских домах соединялись, как и у селькупов, при помощи столбов с выдолбленными пазами. При переходе к строительству из глины столбы заменились прямоугольными выступами древнешумерийского храма. Сходство селькупской землянки с древнешумерийским домом становится еще более заметным, если мы вспомним уже упоминаемый раньше старинный селькупский обычай ставить рядом с домом священный столб «по-парге», к верхнему концу которого прикреплялись круглые изображения солнца и месяца. Кое-где этот обычай сохранился в Нарыме еще и в настоящее время. Подобные столбы с кольцами на верхних концах (Simboltreger) мы встречаем и у переднеазиатского жилища. Как и у селькупов, эти столбы не были связаны с самим строением, а стояли рядом и также играли культовую роль⁵³).

Кроме того, у селькупов наблюдается следующая странная деталь: в суровом климате северной тайги глинобитные печи для варки пищи делались не в жилище, а рядом с ним, под навесом. Этот обычай сохранился у нарымских селькупов до настоящего времени. Здесь проявляется какая-то древняя прочная традиция южного происхождения. В древних переднеазиатских домах очаг также устраивался вне жилища, прямо на улице.

Неожиданное сходство в деталях обнаруживается также при сравнении селькупской и переднеазиатской (древней) лодки.

Если мы сравним селькупскую лодку (анты) по «Историко-этнографическому атласу Сибири» с лодками других народностей, то не сможем отнести ее ни к одному из приведенных там типов⁵⁴). Специфика селькупской «анты» особенно обращает на себя внимание ввиду того, что ни в охотничьем инвентаре, ни в лыжах и нартах невозможно выделить специфически селькупский тип. В то же время селькупская лодка почти совершенно идентична древнешумерийской, которая нам известна по нескольким моделям и изображениям на рельефах. В обоих случаях это узкие с низкими бортами лодки, у них круто обрезана корма, в то время как закругление носа занимает почти одну третью часть всей длины лодки, как, например, на глиняной модели «открытой, похожей на каное лодки с загнутым носом» из Ура⁵⁵), и в реконструированной шумерийской лодке из книги А. Parrot'a (табл. 9, рис. 1)⁵⁶).

⁵¹) Там же, р. 92.

⁵²) Таблица 6, рис. 1, План древнего (дошумерийского) дома.

Таблица 6, рис. 2, План селькупской карамо (пос. Нельмач Парабельского района Томской области).

Таблица 6, рис. 3, План древнего жилища на р. Ый, Дульзон А. П., Труды Томского краевед. музея, т. V, 1956, стр. 236.

⁵³) Heinrich E., Gk. log., р. 43.

⁵⁴) «Историко-этнографический атлас Сибири», под редакцией М. Г. Левина и Л. П. Потапова, М.—Л., 1961, стр. 126.

⁵⁵) Вулли Л., Ур-Халдеев, М., 1961, стр. 24.

⁵⁶) Parrot A., Gk. log., р. 38.

Отличительной особенностью селькупской и шумерийской лодок являются своеобразные выступы («головки») на носу и на корме. Причем в обоих случаях «головки» на носу делались в виде продолговатого или трехугольного выступа, а «головки» на корме закруглялись в виде половинки волюты⁵⁷). Единственное отличие заключается в том, что на рисунке А. Parrot'a закругленная головка коры обращена завитком вверх, а у селькупской лодки чаще всего — вниз.

Обращает на себя внимание и наличие у селькупов сложного «центрально-азиатского» лука. Еще в начале XX века у нарымских селькупов лук и ружье уживались друг с другом, а в XIX веке «остяки Нарымского края вместо винтовки чаще употребляли лук»⁵⁸). Селькупский лук состоял из трех пород дерева, концы его усиливались пластинками из лосиных костей. Все это, а также верхний слой бересты, покрывающей лук, намертво склеивалось рыбным клеем. Лук получался настолько упругим, что тетиву из лосиных жил могли натянуть на него лишь четверо мужчин⁵⁹). Для предохранения руки от удара тетивы при стрельбе из лука выпиливалась костяная пластинка и привязывалась ремешком к суставу левой руки⁶⁰).

Селькупский лук, таким образом, по всем признакам относится к «центрально-азиатскому» типу, который является «образцом предельного развития луков вообще»⁶¹). Луки большинства остальных народностей Северной Сибири принадлежат к категории простых или усиленных луков. Сложные луки, если и употреблялись некоторыми из них, как, например, долганями, то не изготавливались на месте, а ввозились при посредстве русских купцов от «остяков» и якутов и были известны под названием остяцких или якутских⁶²). Сложный лук был еще у соседних с селькупами кетов. У хантов же существовала значительно отличающаяся от селькупского «самая простая форма сложного лука, когда лук сделан только из двух пород дерева» и обклеен берестой⁶³).

По форме и строению селькупский лук очень напоминает шумерийский. Мы не будем сейчас касаться гипотезы о шумерийском происхождении всех сложных луков и ее критики⁶⁴). Отметим лишь, что не менее вероятным центром возникновения сложных луков «туркестанского» или «центрально-азиатского» типов можно считать районы Средней и Центральной Азии. Именно так решает вопрос Ф. Лушан («известный буржуазный этнограф, наиболее крупный специалист своего времени по лукам»⁶⁵), считая, что сложный лук изобрел либо какой-то древний тюркский народ, либо шумерийцы⁶⁶). Едва ли случайным является то, что селькупы имели более сложный и совершенный лук, чем большинство остальных народностей Западной Сибири, более развитых, чем они,

⁵⁷) Материалы этнографических экспедиций ТГУ.

⁵⁸) Дочевский И. И., Охота в Томской губернии, «Научные очерки Томского края», под ред. Кашенко, Томск, 1958, стр. 6.

⁵⁹) Материалы этнографических экспедиций ТГУ.

⁶⁰) Прокофьев Г. Н., Селькупская грамматика, Л., 1935, стр. 114.

⁶¹) Окладников А. П., Неолит и бронзовый век Прибайкалья, МИА, 18, М.—Л., 1950, стр. 228.

⁶²) Попов А. А., Коллекции по материальной культуре долганов в музее антропологии и этнографии, МАЭ, XVIII, 1958, стр. 32.

⁶³) Адлер Б., Луки и стрелы Северной Азии, «Антропологический журнал», 34, 1903, стр. 193.

⁶⁴) Окладников А. П., Неолит и бронзовый век Прибайкалья, МИА, 18, М.—Л., 1950, стр. 227—228.

⁶⁵) Там же, стр. 228.

⁶⁶) Luschán Hr. V., Zusammengesetzte und verstärkte Bogen; Zeitschrift für Ethnologie, Berlin, 1899, p. 232.

во всех других отношениях. Прочий охотничий инвентарь селькупов довольно примитивен и не отличается в этом отношении от орудий охотничьего промысла соседних народностей. К тому же, охота лишь в последнее столетие приобрела для селькупов первостепенное значение, выдвинувшись на первое место по сравнению с рыболовством и собирательством. В этих условиях гиперболическое развитие селькупского лука, обнаруживающего сходство с южными образцами, легче всего объяснить, как занесенный сюда остаток былой культуры, возникшей в иных условиях и среде.

Есть основания думать, что сходство селькупов с переднеазиатскими народами не ограничивается областью материальной культуры и орнамента. Обратимся, например, к селькупской мифологии. В старинных преданиях селькупы иногда употребляют не те термины, что в разговорной речи. Впервые это явление отметил Г. Н. Прокофьев, указав на наличие у селькупов «шаманского языка»⁶⁷). Если сравнить тайный «шаманский язык» селькупов с шумерийским, то снова выступает ряд параллелей. Звуковые аналогии в данном случае не играют решающей роли, тем более, что фонетика шумерийского языка потребует еще, возможно, дальнейших уточнений. Но интересно, что за совпадающими терминами стоят сходные мифологические образы и представления, поэтому мы приведем здесь несколько примеров такого рода.

Шумерийцы

Селькупы

I. $\begin{matrix} v & v & v \\ mas & (mus, & mes) \end{matrix}$ — категория духов, связанных с почитанием солнца, змей, огня и пр.⁶⁸). Термин вошел в состав многих слов, обозначающих имена божеств (Ша-маш, Гильгамеш и др.) — Эламская богиня⁷⁰).

II. Термины, обозначающие царство мертвых:

- 1) $\begin{matrix} v \\ irkalla; \end{matrix}$
- 2) $\begin{matrix} v \\ ersit latara; \end{matrix}$
- 3) $\begin{matrix} v \\ agali^{72}). \end{matrix}$

III. $\begin{matrix} v \\ Itu & (iti) \end{matrix}$ — месяц⁷³), первоначально бог мертвых, охоты и войны⁷⁴).

I. $\begin{matrix} v \\ mase & (mase) \end{matrix}$ — духи земной поверхности и воздуха, связанные с культом солнца и «лесных хозяев»⁶⁹). У хаптов «масеулус» — лесной и звероловный бог⁷¹).

II. Названия трех подземных миров:

- 1) мир, где обитают злые иeretkula;
- 2) мир, где живут тени покойников — latari;
- 3) agalo — нижний подземный мир злого дьявола «Ло».

III. $\begin{matrix} v \\ Ite \end{matrix}$ — месяц⁷⁵). В то же время богатырь, «национальный герой» селькупов⁷⁶), божество подземно-

⁶⁷) Прокофьев Г. Н., Церемония оживления бубна у остяко-самоедово, Изв. ЛГУ, т. 2, 1930, стр. 370.

⁶⁸) Deimel P., Die schlange bei den Babiloniern; Iommentarii de Rebus assiro-Babiloniens..., Roma, 1924, № 14, p. 49—54.

⁶⁹) Материалы этнографических экспедиций ТГУ.

⁷⁰) Zimmern H., Winkler H., Die keilschriften und die alte Testament, Berlin, 1903, p. 485.

⁷¹) Косоков И., К вопросу о шаманстве в северной Азии, М., 1935, стр. 42.

⁷²) Zimmern H., Winkler H., Gk. lor., p. 412.

⁷³) Falkenstein A., Die nensumerischen gmichtsurkunde, Dritter Teil, München, 1957, p. 122.

⁷⁴) Zimmern H., Winkler H., Gk. lor., p. 412.

⁷⁵) Castrén M. A. Wörterverzeichnis an den samujedischen sprache, st. get., 1855.

⁷⁶) Прокофьев Г. Н., Селькупская грамматика, Л., 1935, стр.

IV. У месяца — 2 супруги:

одна — богиня Les, вторая — в подземном мире — Эрешкигаль⁷⁷).

V. Kes Ke/is i — звезда⁸⁰).

VI. Сангу — жрец⁸²).

го мира, хозяин теней покойников.

IV. Кроме солнца (Шунчи) у месяца есть вторая жена, подземный дьявол из духов иерешгула. (Поэтому месяц живет то на небе, то в подземном мире⁷⁸). Жертвы, приносимые духам подземного мира, называются — «иерех»⁷⁹).

V. Kas — звезда⁸¹).

VI. Санге — мифический шаманский орел, шаман, превращающийся в птицу⁸³).

**

Указанные явления сходства должны найти какое-то объяснение. Могут ли все они быть случайными совпадениями? Такой вывод едва ли правомерен, так как число совпадений значительно и они повторяются в различных сферах деятельности (орнамент, материальная культура, мифология). Едва ли можно объяснить случайностью и то, что сходство обнаруживается в основном со строго определенным кругом переднеазиатских культур: (Телль-Халаф, Самарра, Эль-Обейд), т. е. с самыми ранними земледельческими культурами на территории древнего Двуречья эпохи конца 5-го — начала 4-го тысячелетия до н. э. Как известно, культурам типа Телль-Халафа предшествовала культура Джармо (4857—3200). Кроме того, к северо-западу от Телль-Халафа была распространена культура Сакче-Гёзе и др. Затем, на смену Телль-Халафу, Самарре и Обейду пришли культуры Урука и Джемдет-Насра. Однако элементы сходства у селькупов обнаруживаются именно с культурами круга Телль-Халафа. Нам не известна этническая принадлежность носителей этих культур, так же как и их отношение к более поздним шумерийцам, хотя несомненно, что интересующие нас культуры оказали заметное влияние на шумерийскую цивилизацию.

Предположение о том, что наблюдаемые элементы сходства относятся к протошумерийским культурам, вытекает из следующих соображений: 1) орнаментальные узоры совпадают с орнаментами из Телль-Халафа, Самарра, Обейда и близких им культур Ирана; 2) к этому же времени относится сходство в жилом строительстве; 3) в этой связи интересно также отметить некоторые общие черты, проявляющиеся в похоронных обрядах. Мы не останавливались на этом вопросе специально из-за недостатка материала по древним протошумерийским захоронениям. Известно, что покойников этого периода хоронили в неглубоких ямах (0,5 м), трупы лежали в вытянутом положении на спине, в могилах находили глиняную посуду, фигурки и гвозди⁸⁴).

⁷⁷) Zimmer n H., Winkler H., Gk. lor., p. 414.

⁷⁸) Материалы этнографических экспедиций ТГУ.

⁷⁹) Шатилов М. Б., Ваховские остяки, Труды Томского краевого музея т. IV, 1931, стр. 115.

⁸⁰) Delitzsch Fr., sumerisches glossar, Leipzig, 1914, p. 121.

⁸¹) Castron M. A. Gk. lor., p.

⁸²) Delitzsch Fr., Gk. lor., p. 234.

⁸³) Прокофьев Г. Н., Церемония оживления бубна у остяко-самоедов, Изв. ЛГУ, т. 2, 1930, стр. 370.

⁸⁴) Christian V., Gk. lor., p. 111.

Все эти признаки совпадают с селькупским погребальным обрядом, хотя материала для отождествления их, конечно, мало. Здесь интересно то, что подобный вид погребений обнаружен лишь в культурах вышеуказанной стадии. Уже в приблизительно синхронной и близкой культуре Урука трупы лежат на боку в согнутом положении⁸⁵). Вытянутые, лежащие на спине скелеты из Эль-Обеида отличаются от скорченных погребений Урука, «а в более поздних захоронениях такая поза не встречается вплоть до греческого периода»⁸⁶).

Таким образом, вытянутые захоронения, обнаруживающие близость к селькупским, имели место в Двуречье лишь в строго определенную эпоху, с памятниками которой обнаруживают близость и селькупские орнаменты и памятники материальной культуры. Правда, некоторые параллели из области мифологии и пиктографического письма относятся к более позднему периоду собственно шумерийской культуры, но они принадлежат к области архаических явлений, а, как известно, тесные связи между шумерийцами и их предшественниками никем не подвергались сомнению.

Важно отметить и то, что усилиями ряда исследователей на протяжении последних десятилетий было доказано, что переднеазиатские культуры Телль-Халафа, Самарры и Обейда не могут быть изолированы от древних культур Ирана и юго-запада Средней Азии⁸⁷).

С другой стороны, переднеазиатские элементы, выступая главным образом в культуре нарымских селькупов, встречаются в то же время и у соседних с селькупами кетов, хаптов и, возможно, алтайцев. Все они относятся к области архаических явлений и древность их в ряде случаев прослеживается археологически. Это дает возможность относить элементы сходства с переднеазиатскими культурами к древней этнической общности, вошедшей позже в состав как селькупов, так и соседних с ними народностей. В этом отношении интересно напомнить гипотезу Ф. Борка и Г. Хюзинга, поддержанную И. Алиевым о близости эламо-каспийских племен угорским или вообще урало-алтайским⁸⁸). Как известно, нарымские селькупы, несмотря на некоторые монголоидные признаки, сохраняют черты светлого европеоидного компонента. Это было установлено Г. Ф. Дебецом, показавшим, что 1) «локализация светлого элемента в Сибири имеет определенный характер. Она связана в первую очередь с обскими уграми и селькупами»; и что 2) «смешение европеоидного и монголоидного элементов на территории западной Сибири предшествовало не только русскому завоеванию, но и гипотетическим переселениям из Алтае-Саянского нагорья около начала нашей эры»⁸⁹).

Таким образом, с одной стороны выступает комплекс близких друг другу культур Передней Азии, родственных в какой-то мере культурам Ирана и Средней Азии, с другой стороны — отдаленные предки селькупов, относящиеся, очевидно, к древней этнической общности, также обнаруживающей родство с южными среднеазиатскими культурами.

⁸⁵) Christian V., Gk. log., p. 119.

⁸⁶) Вулли Л., Ур Халдеев, М., 1961, стр. 30.

⁸⁷) Флитнер Н. Д., Культура и искусство Двуречья и соседних стран, М.—Л., 1958, стр. 48.

⁸⁸) Поставская Н. М., Изучение древней истории Ближнего Востока в Советском Союзе, М., 1961, стр. 352—353.

⁸⁹) Дебеч Г. Ф., Селькупы (Антропологический очерк), Труды Института этнографии АН СССР (Тр. ИЭАН СССР), т. 2, 1947, стр. 126.

Так намечаются возможные точки соприкосновения между народами, отдаленными друг от друга расстоянием во много тысяч верст и тысячелетиями во времени.

Если возможно предположение о южном (среднеазиатском) происхождении предков (или части предков) современных селькупов, то сохранение у них элементов древних культур, давно исчезнувших в других местах, объясняется замедленностью и консервативностью их развития, порожденной изолированностью существования в глухой нарымской тайге, и рядом других причин. На юге, где проходили широкие миграционные потоки, где возникали и исчезали цивилизации, от древних культур мало что могло сохраниться. В то время как у племен, отнесенных в северный таежно-болотистый край, с одной стороны, произошли значительные изменения в жизни и быту, вызванные необходимостью приспособляться к новым условиям существования, с другой стороны, в деталях, не имеющих практического значения, могли удерживаться старые традиции.

Таково одно из возможных предположений для объяснения причин выявляющегося сходства между селькупам и древним населением Передней Азии. Выяснение этого вопроса могло бы пролить свет на многие явления из истории народов Сибири, недостаточно ясные до сих пор.

ВКЛЮЧЕНИЕ ЧУЛЫМЦЕВ В СОСТАВ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА¹⁾

В. С. СИНЯЕВ

Первыми русскими, достигшими Чулыма, были сургутские казаки, быстро продвигавшиеся в 90-х годах XVI столетия с северо-запада вверх по Оби.

В 1593 году был построен Березов. В 1594 году по приказу царского правительства князем Федором Петровичем Борятинским и Владимиром Анничковым уже был «поставлен» Сургут²⁾.

Почти одновременной постройкой городов Березова, Тары и Сургута было намечено три основных направления дальнейшего освоения Западной Сибири.

Экспедиции из Березова скоро привели к закреплению за Московским государством огромного района, примыкающего к Тазовской губе. С постройкой города Мангазеи в 1600 г., из этой «злотокипящей государственной вотчины» открывалась широкая северная дорога на Енисей.

Отряды служилых людей из Тары пошли вверх по Иртышу. Дойдя до границы с южносибирскими кочевниками, царские отряды начали «обтекать» их территорию, и в 1598 году тарский воевода Андрей Воейков появился уже на Оби, несколько южнее современного города Новосибирска. В битве у устья Ирмени окончательно было разгромлено Сибирское ханство Кучума.

Вероятно, около 1598 же года сургутские казаки появились у устья Чулыма.

Район Оби, населенный хантами (остяками) и селькупам (остяко-самоеды) осваивался быстро. Промысловщики и служилые люди из Сургута занимали один за другим притоки Оби. В Сургутский уезд в это время входила огромная территория бывшей «Пегой Орды». Естественно, что потребовалось строительство дополнительных острогов.

Произвол царской администрации вызывал восстания местного населения. Чтобы легче подавлять их и регулярнее собирать ясак, сургутские воеводы в 1598 году основали в центре «Пегой Орды» Нарымский острог.

¹⁾ Эта работа примыкает к ранее опубликованным статьям автора: «Окончательный разгром Кучума на Оби в 1598 году», «Вопросы географии Сибири» сб. II, Томск, 1951, стр. 141—156. «К вопросу о южной границе Томского уезда в XVII веке», Труды Томского областного краеведческого музея», т. 5, 1956, стр. 79—88.

²⁾ Наказ строителям города от 19 февраля 1594 года напечатан по копии из дел Сибирского приказа в «Чтениях Общества истории и древностей Российских», 1909, кн. II, смесь, стр. 2—5.

Из притоков Оби особенно энергично осваивалась Кеть. Вероятно, к этому вели не только открывшиеся здесь возможности сбора ясака, но и известия о дороге на Енисей. Несколько позднее именно здесь прошел основной водный путь на восток, по которому шли землепроходцы и перевозились грузы для городов, строившихся на Енисее и в Восточной Сибири.

Вслед за Нарымом был заложен Кетский острог³⁾, называвшийся первоначально Кунгопским⁴⁾.

Выше устья Кети в Обь впадал самый крупный правый ее приток — Чулым, в низовьях которого жили селькупы.

Вряд ли служилые люди до построения Кетского острога могли обложить ясаком тюркоязычное население Чулыма и Оби между устьями Чулыма и Томи.

Г. Ф. Миллер справедливо отмечает, что «Сургутский уезд распространился тогда [во время построения Кетского острога. В. С.] вверх по Оби почти до реки Томи, и по этой причине к нему причислялась также вся река Кеть»⁵⁾.

Ко времени основания города Томска в 1604 г. в Кетском остроге уже был отдельный воевода, назначаемый из Москвы.

Можно предположить, что присоединение к Московскому государству тюркоязычного населения Чулыма (чулымцы) началось с назначением первого воеводы в Кетский острог и посланного в связи с этим царского наказа о «прибрании» соседних земель.

На Чулыме русские перешли северную границу расселения тюркоязычных народов Обь-Енисейского междуречья.

Продвижение промысловиков, служилых людей и крестьян в данном районе, как и вообще в Сибири, совершалось по рекам. Зачастую успехи землепроходцев были прочнее всего именно на мощных водных артериях.

На окраинах России, где имелось больше незакрепощенного населения, чем в центре, было и больше возможностей для передвижения не только торговых людей, но и крестьян. Передвижение это было и необходимостью (торговые пути, слабо развитое сельское хозяйство и т. д.) и совершалось почти исключительно по рекам — Дон, Поморье⁶⁾. Русский человек здесь сжилась с рекой, с лодкой.

Основная часть труда по начальному освоению Сибири выпала на людей Поморья. Наличие черносошного крестьянства, малоплодородные земли, торговля Москвы через Архангельск — все это способствовало здесь развитию промыслов и ремесла.

Русские промысловщики строили кочи и выезжали на охоту далеко в море или в легких лодках плавали по бесчисленным рекам. Чем больше развивались промыслы, тем дальше и дальше уходили охотники по рекам, отыскивая пушные богатства. Особенно сильным это движение стало со времени экспедиции Ермака.

³⁾ Г. Ф. Миллер не называет даты основания Кетского острога; К. Н. Сербина на карте, приложенной к I тому «Истории Сибири» Миллера, время основания этого острога относит к 1596 году. А. И. Андреев в примечании к этой же книге пишет, что время «основания Кетского острога остается неизвестным и после привлечения материалов Сибирского приказа» (стр. 503). Буцинский временем основания острога считает 1602 год.

⁴⁾ Под этим названием он известен западноевропейским писателям XVII века Исааку Массе (1612 г.) и Мильтону (1649—1652 гг.). Алексеев М. П. Сибирь в известиях западноевропейских писателей. Иркутск, 1941.

⁵⁾ Миллер Г. Ф. История Сибири, т. I, 1937, стр. 302.

Московское правительство пройденные промысловщиками дороги закрепляло посылкой отрядов служилых людей.

В Сибири русским поморам пригодилось знакомство с суровым климатом севера, знание рек и лесов, умение строить суда, плавать во льдах полярных морей. В XVII же веке ими был пройден весь северный морской путь⁷⁾.

О первых годах нахождения русских на Чулыме скупо повествует небольшое число сохранившихся документов. Дела сургутской воеводской канцелярии погибли еще до 1740 года. Та же судьба позднее постигла Нарымский и Кетский архивы. Г. Ф. Миллер два последних архива просматривал в 1740 году в Нарыме, снял несколько копий и увез некоторые подлинные документы (хранятся в «портфеле» 478,1). Они, в основном, относятся уже ко времени после построения Томского города. При этом нужно отметить, что и из Томского архива XVII в. сохранилась до нашего времени лишь незначительная часть материалов.

Вскоре после основания Томска, датой которого нужно считать 27 сентября 1604 г.⁸⁾, он стал крупным колонизационным центром. Именно служилые люди из Томска под начальством Ивана Москвитина вышли впервые, в 1639 году, на берега Тихого океана.

Для Чулыма влияние близкого Томска было более непосредственным. Чулымские волости вошли в Томский уезд. Томск защищал чулымцев от нападений кочевников с юга.

Служилые люди смогли без применения военной силы «объясачить» зависимые и полузависимые от кочевников волости в бассейне Чулыма и Томи не только ввиду успехов на севере, но и благодаря большому политическому эффекту, произведенному окончательным разгромом Кучума отрядом под руководством тарского воеводы Андрея Воейкова.

Весть о поражении казавшегося всеильным Кучума должна была быстро облететь зависевшие до этого от него «волости», которые он постоянно беспокоил. Эту весть разносили и купцы-бухарцы и даже сам Кучум со спасшимися с ним родственниками и приближенными.

Очень скоро, вероятно, узнали об этом и эуштинцы.

Вскоре после того, как сургутские казаки появились к северу от устья Томя у границы поселений тюрков, зависевших от эуштинского князца Тояна, последний на примере разгрома Кучума у Ирмени получил наглядное представление о силе Московского государства. Если учесть, что в неделе пути от Тоянова городка находились киргизы и лишь немногим далее «колмаки», постоянно беспокоившие разорительными налетами своих соседей, то становится ясно, что, находясь между двух огней, Тоян не только не мог удержать в зависимости мелкие тюркоязычные группы населения в низовьях Томи, но и сам должен был признать зависимость от кого-то.

Некоторое время Тоян еще выжидал, присматривался к обстановке. Но когда служилые люди, посланные из Кетского острога, появились на Чулыме и начали собирать ясак уже к востоку от эуштинцев, Тоян сделал выбор и в 1603 году отправился в Москву просить царя Бориса Годунова построить на томской земле город.

⁶⁾ О самостоятельности русского населения на окраинах Московского государства см.: Г. Красинский, *Покорение Сибири и Иван Грозный*. «Вопросы истории», 1947, № 3.

⁷⁾ Окладников А. П. *Русские полярные мореходы XVII в. у берегов Таймыра*. М.—Л., 1948.

⁸⁾ Миллер Г. Ф. *История Сибири*, т. 1, приложение 57.

Таким образом, решение Тояна о добровольном переходе в русское подданство было решительно продиктовано сложившейся обстановкой и в тех условиях было единственно верным.

В челобитной Тояна ничего не говорится о чулымцах, так как они были уже хорошо известны русским. Зато здесь впервые упоминаются енисейские киргизы: «... а до киргизского князька до Немчи⁹⁾ 7 ден, а людей у него 1000 человек»¹⁰⁾. По мнению Миллера, они «жили тогда где-нибудь на реке Урюпе, которая соединяясь с Июссом, образует Чулым, или же на Божьем озере, по-татарски Тенгерикюль, до которого киргизы часто доходили»¹¹⁾.

В общем, район кочевок ближайших к Томску киргизов указан верно. Надо только отметить, что ни один из Июсов не соединяется с Урюпом.

О том, что река Чулым, ведшая в киргизские земли, стала известна русским раньше построения русскими Томского города, свидетельствует отписка, отправленная после 27 сентября 1604 года кетским воеводой Постником Бельским в Томск Писемскому и Тыркову.

«И вы, господине, делаете не по государеву указу, что в Чюлым и Киргиссы ясашников посылаете и ясак государев велите имати, а Чюлым и Киргиссы преж сего ясак давали в Кецкой остроге»¹²⁾.

Здесь речь идет уже о тюрском районе Чулыма, так как низовья Чулыма, населенные селькупамы, фактически были ближе к Кетскому острогу. Упоминание же о Киргиссах, то есть местах поселений чулымских тюрок, бывших данников-киштымов киргизских князьков, окончательно убеждает нас в этом.

Из отписки Постника Бельского видно, что Писемский и Тырков, ссылаясь на царский указ «в Чюлым по ясак послали служивых людей и закладчиков велели поимати».

Томск, становясь административным центром, начинает сосредоточивать в своих руках власть над порубежными землями. Это привело к столкновению с кетским воеводой, так как уменьшение района сбора ясака неблагоприятно сказывалось на значении Кетского острога и на доходах воеводы.

Подобные столкновения, ведущие к повторным сборам ясака с местного населения и другим проявлениям произвола, были в Сибири неоднократно и отрицательно сказывались на ходе включения сибирских земель в состав России.

Источники неоднократно говорят о волостях и городках по Оби и Чулыму. Что касается городков, то это, вероятно, именно те городища, которые были обнаружены в указанных местах экспедициями Томского университета, начиная с 1946 года¹³⁾.

«И в росписи у меня написаны те волости Чюлым и Киргиссы», — сообщает Постник Бельский, то есть Чулым был хорошо известен в Кетском остроге.

Следующая отписка Постника Бельского, посланная в Томск 24 февраля 1605 года, более подробна. Перед этим Кетский воевода получил из Томска письмо: «и пишет, что вы на Обь, к Нянкулу, и в Чюлымские волости по государев ясак служилых людей разослали, а того именно

⁹⁾ Это имя в других источниках пишется так же: Номча и Немза.

¹⁰⁾ Миллер Г. Ф. История Сибири, т. 1, приложение 55, стр. 412.

¹¹⁾ Там же, стр. 314.

¹²⁾ Миллер Г. Ф. История Сибири, т. 1, приложение 56, стр. 412—413.

¹³⁾ Синяев В. С. Материалы к археологической карте Нижнего Чулыма. «Советская археология», т. XIII, 1950, стр. 331—340.

не пишите, в которые в Чулымские горотки и волости и к которым князьком послали служивых людей по государев ясак»¹⁴).

Постник Бельский сообщает, что в росписи у него записаны «Чулымские, и Киргисские и Мелесские горотки и волости». 22 сентября 1604 года он послал на Чулым служилых людей для сбора ясака: «с Чулымских князцев с Лаги, да с Сылгака, да с Каргачинных детей и с Майнаковых и их людей, и всего взято государева с Чулымских князцев и их людей с 40 с одного человека да с Мелесских с 4-х человек»¹⁵). Сборщики ясака «заклады поймали» и 5 декабря вернулись в Кетский острог. А 23 декабря туда же пришел из Томска стрелец Сидорко с грамотой. Очевидно, первая отписка Постника Бельского с ним и была отправлена в Томский город, таким образом, ее можно датировать более точно — она была послана после 23 декабря.

Вторую отписку Постник Бельский составил уже в более мягком тоне. Настойчивые ссылки томских письменных голов на царский указ произвели свое действие. Постник Бельский просит сообщить, с каких волостей собрали ясак томские служилые люди («чтобы которые волости и князцы промеж нами в ызбыли не были и государев ясак на них не залег»).

«А в Мелессы и в Киргиссы Кетского острогу ясащики не ходили же, потому что прежде зашли Томского города ясащики, и те волости ближе к Томскому городу»¹⁶), — пишет Постник Бельский.

Все Чулымские волости источники делят на 3 группы: на собственно Чулымские, Мелесские и Киргисские. Чулымские волости кетский воевода желал оставить за собой. Выше по Чулыму были волости мелецких татар. Под Киргиссами, очевидно, подразумеваются земли кызыльцев и некоторых их ближайших соседей.

Общая опасность скоро заставила забыть о столкновении между томской и кетской администрацией.

В июле 1605 года Постник Бельский узнал о подготовке широко задуманного восстания ясачного населения, которое по замыслу должно было охватить район Оби, Кети, Чулыма и Томи. Подготовкой восстания руководили князьки. Интересно отметить, что об этой подготовке Постнику Бельскому сообщила Киноту, жена «мужика» Майги, князец которого, Могуля, был одним из руководителей подготовки восстания на Кети.

Об этом рассказывает третья известная отписка Постника Бельского в Томск (1605 год, не ранее 7 июля — не позднее 31 августа)¹⁷).

Киноту сообщила, что «Магуля, да Мастя, и Питка и все Кетцкие верхних и иных волостей лутчие и молотчие люди умышляют над Кетцким острогом всякими промыслы, как бы им Кетцкой острог взяти и служивых людей побивати, куды которого пошлют».

Постник Бельский пишет, что названные Киноту люди были схвачены служилыми людьми в то время, когда те собирались ехать на условленное для сбора место.

Во время допроса князец Могуля рассказал, что «присылали де к нам зимою Томский князец Босанда да Киргисской князец Номзи Чулымского князца Лагу и Обской князец Байбахта и все Обские люди присылали Леглеева племянника Качеку да Нянкулова сына Кичегу

¹⁴) Миллер Г. Ф. История Сибири, т. 1, приложение 57, стр. 413.

¹⁵) Там же.

¹⁶) Там же, стр. 414.

¹⁷) Там же, стр. 414—415.

зимою и весною и велели де нам над Кетцким острогом промышлять всяким промыслом».

То же самое подтвердили и другие допрашиваемые.

Имя чулымского князька Лаги нам уже встречалось во второй отписке Бельского, где указывалось, что с него взят ясак кетскими служилыми людьми. «Киргисской князец Номзи» (Немча) упомянут ранее в челобитной Тояна. Об остяцком князке Нянкуле писали томские письменные головы в Кетский острог, что к нему посылали они служилых людей за ясаком. Следовательно, Нянкул жил где-то недалеко от устья Чулыма. Обской князец Байбахта жил, вероятно, где-то в районе устьей Кети.

Кетский острог предполагалось сжечь.

Главным объектом нападения князьки считали Томск, намечал притти к нему «в деловую пору, как люди разойдутся на пашни и на рыбную ловлю; и промышлять над Томским городом всякими мерами, как бы взять Томский город, а тех людей по пашням и на рыбной ловле побивати, и куда которых служивых людей пошлют, и их побивать»¹⁸).

Обрисованная тактика нападения в страдную пору на отдельные группы служилых, пашенных и «промышленных» людей да еще выжигание посевов на корню станет обычной для последующих нападений киргисских князьков на Томск и волости Томского уезда.

Подготавливаемое восстание, несмотря на широту замысла, обречалось на провал, так как оно в значительной степени было бы верхушечным, хотя часть населения, недовольного ясачными поборами, князьки и могли бы в это время увлечь за собой. О верхушечности замысла говорит и то, что посланные к кетским князькам люди действовали угрозами: «не возьмете де вы Кецкого острогу, и мы возьмем Томской город, да вас всех побьем, да и Кецкой острог возьмем».

Замысел восстания, очевидно, исходил от киргизского князца Номчи. Недаром, во время пытки, Могуля называет сначала его, вместе с противником Тояна, томским князьком Басандой и лишь потом обских князьков.

Это первый известный факт борьбы киргизских князьков против Московского государства за возвращение им чулымских киштымов. В этой борьбе киргизы использовали недовольство томского князька Басанды и постарались связаться с князьками Пегой Орды, где за несколько лет перед этим происходило значительное восстание. Те же в свою очередь связались с кетскими и чулымскими князьками.

Постник Бельский, выяснив сущность заговора, сообщил о нем в Томск Гавриле Писемскому. Какие меры были приняты после этого сообщения, из-за отсутствия источников судить трудно. Во всяком случае, ясно, что попытка этого восстания была задушена в зародыше.

Следующая известная отписка из Кетского острога в Томск относится уже к самому концу 1608 года¹⁹). Ее послал кетский воевода Григорий Елизаров томским воеводам Василию Волинскому и Михаилу Новосильцеву. Елизаров сообщает о нападении тунгусов на Кузнецкую волость на Кети и дает некоторые новые сведения о киргизах. Он пишет, что посланные в предыдущем году служилые люди «на Енисею к Тюлькину сыну и их людям» не могли собрать ясака, а полученные «поминки соблишка худые» воевода Владимир Молчанов постеснялся отправить в Москву.

¹⁸) Там же, приложение 58, стр. 415.

¹⁹) Миллер Г. Ф. История Сибири, т. II, 1941, приложение 79, стр. 208—209.

Хотя жители Тюлькиной земли в источнике и названы остяками, на самом деле они были аринами и жили около современного Красноярска.

Елизаров пишет, что «живет де тот Тюлькин сын и с своими остяками податно к киргисским людям, и ясак в прежних годах давал тот Тюлькин сын киргисским людям, а надеются на тех же киргисцев, что государю не платят»²⁰).

Очевидно, перед этим был совершен из Томска поход в земли киргизов. Елизаров сообщает, что осенью об этом он слышал от встретившихся «томских людей с государевою казной».

Кетский воевода спрашивает, стали ли киргизы платить ясак после этого похода.

Что касается аринов, то источники несколько позднее сообщают о сборе дани с них не только киргизами, но и их соперниками в этом отношении, западными бурят-монголами.

Так царские отряды начинают наталкиваться на встречную колонизацию сначала калмыков, а затем енисейских киргизов и бурят-монголов. Но в то время царское правительство не сомневается уже в необходимости «объясачить» не только данников южносибирских феодалов, но и самих киргизов и бурят-монголов.

Наиболее острой и длительной была борьба с киргизскими князьками, продолжавшаяся еще и в начале XVIII века. Эта борьба нашла отражение в многочисленных русских письменных источниках. Но никто из историков-сибиредов не рассмотрел специально эту наиболее драматичную и сложную страницу в истории присоединения Южной Сибири к Московскому государству.

Такие же характеристики киргизов, как у Миллера, Фишера и ряда других дореволюционных авторов, имеющих широкую известность, обязывают советских историков как можно быстрее дать научное освещение затронутой нами темы.

И. Фишер, например, так пишет об енисейских киргизах: «Теперь приступаем мы к киргизам, весьма беспокойному народу, который из всех татар наиболее склонен к граблению, смертоубиствам и разорению»²¹). Конечно, в подобных высказываниях нет и намека на научный анализ.

Упомянутые выше томские воеводы Волинский и Новосильцев должны были разбирать дело о насилиях бывших томских голов Матвея Ржевского и Семена Бартенева в связи с челобитной, посланной томскими служилыми людьми в Москву. В отписке воеводы воспроизводят текст этой челобитной (1608 год не ранее 28 декабря 1609 года)²²). Из нее видно, что положение рядовых служилых людей немногим зачастую отличалось от положения ясачного населения. И те и другие были ничем не гарантированы от произвола царской администрации. Не удивительно, что служилые люди пишут в челобитной одновременно и о своих нуждах и о притеснении туземного населения. Когда условия становились невыносимыми, служилые люди, случалось, восставали вместе с «ясачными».

Произвол царской администрации часто был поводом для восстаний местного населения.

Томские служилые люди писали, что в 1606 году «ехали Матвей и Семен в Томской город Обью рекою с усть Иртыша, и едучи по Оби

²⁰) Там же.

²¹) Фишер И. Сибирская история, СПб, 1774, стр. 53.

²²) Миллер Г. Ф. История Сибири, т. 1, приложение 60, стр. 416—419.

реке ясашных людей пытками пытали, и поминки с них великие имали, и их грабили, лисицы, и собаки, и рыбу, и жир, чем они сыты бывають, имали насильством, и от того де в ясашных людех стала измена великая, и в Томской город не приходят»²³⁾.

Ржевский и Бартецев аналогичным образом держали себя и в отношениях с киргизами, что, без сомнения, скоро сказалось на чулымских волостях. Киргизский князек Номча послал в Томск свою жену «бити челом» о принятии его со своими людьми в русское подданство. «И Матвей де и Семен с Номчины жены сняли грабежом шубу соболью, и за ту же шубу киргизский князец Номча воевал твоих государевых ясашных людей Чюлымских волостей»²⁴⁾.

Так было совершено первое известное нам нападение киргизов на чулымские волости.

Случай с собольей шубой нельзя, конечно, считать причиной нападения киргизов на чулымские волости, как это желает представить Миллер²⁵⁾ и вслед за ним другие авторы. Мы видим, что уже в 1605 году Номча пытался поднять восстание, чтобы вернуть себе бывших чулымских киштымов. Посылку Номчей своей жены в Томск можно скорее считать за разведку обстановки в городе, а произвол томских голов является несомненным поводом для нападения на чулымские волости.

В 1609 году, при воеводах Волинском и Новосильцеве, томские служилые люди добились значительных успехов в «проведываний» земель, расположенных по Верхнему Енисею. Но к концу этого же года начались первые серьезные неудачи томских воевод, которые понемногу приведут к длительной ожесточенной борьбе в этом районе.

О событиях 1609 года мы, в основном, узнаём из отписок Волинского и Новосильцева в Москву²⁶⁾.

6 декабря 1608 года были посланы в Мелесскую волость для сбора ясака стрельцы Сидорко Соломатов, Василий Свяженин, Андрей Ортемьев и Окута Пылев. Князек Мелесской волости Хойчак сообщил им, что мелесский князь Исек, замешанный еще до построения Томска в убийстве сургутских сборщиков ясака, теперь «живет у своих людей на Чюлыме втай»²⁷⁾. Он, «бояся опалы, бегал по многим землям», был у киргизов и на Енисее. Хойчаку было поручено «звать князя Исека в Томский город». В конце января Хойчак и Исек прибыли в Томск. Исек в челобитной ссылался на то, что «что его люди побили твоих государевых людей без ево ведома». Исека привели к шерсти «и велели... ему жить в своей волости на Чюлыме по-прежнему».

Чтобы загладить свою вину, Исек сообщил, что живут «ясашные люди Кимской волости на Киме реке, а ясаку тебе государю не платят ни в которой город».

Томские воеводы послали с Исеком в Кимскую волость служилых людей, которые собрали там ясак и привели население волости к шерсти.

Сличение ряда документов о Кимской волости²⁸⁾ не оставляет сомнения, что река Ким, в данном случае, это правый приток Чулыма — Кемчуг.

Поездка для «объясачивания» далекой Кимской волости дала возможность служилым людям ближе познакомиться с другими, лежащими вокруг «землицами».

²³⁾ Там же, стр. 417.

²⁴⁾ Там же.

²⁵⁾ Там же, стр. 314.

²⁶⁾ Там же, приложения 61, 62, 63, 65, 68, 70, 71, 72.

²⁷⁾ Там же, стр. 412, 420—421.

²⁸⁾ Там же, приложения 61, 68, 88.

В первые месяцы 1609 года Волынский и Новосильцев сообщают о приведении к шерсти десарских людей, затем матских и, наконец, маторских и тубинских.

Десарцы во главе с князьком Немцем сообщили, что до этого с них взяли ясак «бращкие люди» — бурят-монголы²⁹). Десары (джесары) жили на восточной окраине Минусинской котловины³⁰).

Матские же люди, которых, по источнику, было 600 человек, перед этим платили ясак «Алтыну царю, а нынча, государь, оне от Алтына царя отступиди, а хотят служить тебе государю и кочевать с киргисскими людьми вместе ближе к Томскому городу»³¹).

Моторцы и тубинцы перед приходом служилых людей должны были уплатить ясак «черным калмыкам». «А моторцев де, государь, всех людей человек с 300, да в Тубе де, государь, человек со 100»³²).

Таким образом, с жителей Минусинской долины берут ясак, и просто грабят, киргизы, калмыки, буряты и монголы алтынхана. Неудивительно, что целый ряд народностей оказывается в положении «двоеданцев» еще до появления царских служилых людей.

Материал отписки 1609 года тобольского воеводы князя Ивана Катырева-Ростовского Волынскому и Новосильцеву³³) показывает, что первоначальные успехи русских в этом районе были непродолжительными.

По принятой в то время форме делопроизводства тобольский воевода приводит в начале отписки текст письма из Томска, на которое он отвечает:

«Писали есте в Тоболеск, что в нынешнем в 117 году генваря в 4 день посылали естя в Киргизы Томских казаков Бурнашка Никонова с товарищи для государства ясаку; и Бурнашко с товарищи в Томской город пришли июня в 8 день и сказывали вам, что киргиской князек Номча ясак с себя и с людей своих дал и прислал за ясаком жену свою, а в достальном ясаку просил срока и хотел сам быти; а Кочебай и Ноял и Кошкой ясаку от себя и с людей своих не дали, а их били плетьми и голодом морили; а Номчина жена сказала, что Кочебай с товарищи государю не премят и мужа ее Номчи не слушают»³⁴).

Пока трудно сказать окончательно, почему должны были «Кочебай с товарищи» подчиниться Номче. Возможно, что царская администрация возлагала на него надежды как на старшего из киргизских князьков. А так как киргизские князьки в это время перестали «слушать» Номчу, то не исключена возможность, что он думал снова подчинить их уже с помощью служилых людей и вновь послал свою жену в Томск.

Кроме того, к томским воеводам «приходили Чюлымских волостей князьки и ясачные люди и били челом, что приходили к ним на Чюлым те ж киргизские князьки Кочебай с товарищи войною и их грабили, мяхкую рухлядь имали, и им от них чинится насильство великое, чтоб их от киргизских людей насильства оборонить»³⁵).

Это не единственная известная просьба чулымцев к воеводам о защите от грабительских набегов киргизских князьков.

²⁹) Там же, приложение 63, стр. 422.

³⁰) Окладников А. П. Очерки из истории западных бурят-монголов, Л., 1937, стр. 25.

³¹) Миллер Г. Ф. История Сибири, т. 1, приложение 64, стр. 423.

³²) Там же, приложение 65, стр. 423.

³³) Там же, приложение 69, стр. 428—430.

³⁴) Там же, стр. 428.

³⁵) Там же.

25 июня в «Киргиссы» для защиты чулымцев от киргизов было послано около 300 томских служилых людей и татар, которые туда «пришли на киргисских людей ночью, и они от них побежали за Енисею, а живот свой весь пометали; а которые остались, и они их побили, и жены их, и дети, и весь живот поймали, и стада всякие животные отогнали тысячи с 3»³⁶). Киргизов было около ста пятидесяти человек.

На обратном пути томского отряда киргизы устроили засаду на лесной дороге. Потеряв более 20 человек убитыми и ранеными, бросив добычу, отряд вернулся 4 июля в Томск во время нападения на него «черных калмаков», воспользовавшихся отсутствием в городе значительной части гарнизона.

Скоро снова «изменил» царскому правительству и Номча³⁷).

Миллер об этом походе томских служилых людей пишет следующее: «Место встречи служилых людей с киргизами у реки Енисея указано, конечно, ошибочно, да и все это дело представляется сомнительным; зная огромные пространства тех мест, трудно говорить, чтобы томские служилые люди в такое короткое время могли пройти столь дальний путь»³⁸).

Во-первых, источник ничего не говорит о том, что встреча с киргизами произошла на Енисее. Указание на то, что киргизы «побежали за Енисею», скорее говорит о направлении бегства, чем о месте встречи.

Во-вторых, поход был начат по челобитью чулымцев, подвергшихся нападению киргизов во главе с Кочебаем, и, естественно предположить, что встреча произошла в долине Чулыма или какого-либо из его притоков, но никак не на Енисее. За это говорит и сравнительно небольшое число встреченных киргизов.

В-третьих, поход был совершен в «Киргиссы», то есть в одну из трех частей Причулымья, населенного чулымцами.

В-четвертых, это подтверждается и десятидневным сроком похода, недостаточным для того, чтобы достичь Енисея и вернуться оттуда в Томск.

Поэтому сомнения Миллера относительно показаний данного источника можно считать необоснованными.

Вместе с неудачным походом томских служилых людей в июне — июле 1609 года кончается период первоначального освоения русскими района Причулымья. Служилые люди, воспользовавшись благоприятной ситуацией — большим политическим эффектом от разгрома Кучума на юге и одновременным движением сургутских казаков с севера после подавления сопротивления Пегой Орды, постройкой Томского города, существованием ясака и до прихода царских отрядов, малой населенностью этих мест и т. д. — смогли без применения оружия добиться перехода чулымцев в русское подданство.

Только что обложенные ясаком маты, десары и другие народы на целое столетие «отпадают» от Московского государства. В это время возникает вопрос о «киргизском рубеже», вокруг которого долгие десятилетия шла ожесточенная борьба между царской администрацией и князьями енисейских киргизов.

Так же, как поход Воейкова, включив окончательно в состав Московского государства барабинских татар, поставил царские отряды перед тайшми сильных кочевников-калмыков, так и поход томских служилых людей в 1609 году, после «объясачения» чулымцев, по-на-

³⁶) Там же, стр. 428—429.

³⁷) Там же, стр. 434.

³⁸) Там же, стр. 324.

стоящему поставил царские отряды перед князьями кочевников — енисейских киргизов.

Образовалось два фланга борьбы Московского государства за Южную Сибирь. Разница лишь в том, что один из них оформился при удачном походе тарского воеводы, а другой при неудачном походе, организованном томскими воеводами, что стимулировало активное сопротивление киргизских князьков.

Условия между Обью и Енисеем, в основном, были аналогичны условиям между Обью и Иртышом. Таким образом, установление границы Московского государства на «рубеже» Южной Сибири, как в Барабае так и в Причулымье, есть единый процесс.

Номча теперь пытается объединить киргизов не в Московском государстве, а в борьбе с ним. Эту линию продолжает его сын Ишей и особенно внук Иренак, находившиеся в вассальной зависимости от джунгарских феодалов.

Реакционные усилия князьков и тайш в конечном итоге обрекались на неудачу, так как экономических предпосылок для их объединения было недостаточно — все зависело от обстановки в южных степях и в царских опорных пунктах. Русское централизованное государство в борьбе против южносибирских кочевников, переживавших время феодальной раздробленности, имело решающие преимущества, которые со временем развернулись с полной силой. Царизму помогало то, что в данном случае он выполнял более прогрессивную задачу, чем сибирские феодальные владетели.

В будущем присоединение богатейшей Южной Сибири к Московскому государству облегчалось и тем, что по историческим судьбам, по природным данным и т. д., она являлась неотъемлемой частью Сибири.

В целом борьбу томской администрации за чулымских киштымов нужно признать явлением положительным не только потому, что они расширяли возможность для появления несравнимо более высокого, связанного с русской земледельческой культурой, уровня производительных сил в этих местах. Выход отрядов служилых людей на границу с южносибирскими кочевниками сыграл прогрессивную роль и в том отношении, что избавлял разрозненное тюркоязычное население, включенное в состав Московского государства, от разбойничьих налетов отдельных феодалов, тяжело отражавшихся на производительных силах края. Складывающееся русское централизованное многонациональное государство впервые вносило в этот край сравнительно определенный налог на население — окладной ясаk. Усобицы отдельных феодалов и их грабительские налеты, подрывавшие хозяйство, в этих условиях исключались³⁹). Положительная роль включения в состав русского государства прежде всего была понята зависимыми сибирскими народами, так называемыми киштымами отдельных феодалов.

Царское правительство сравнительно рано осознало значение Южной Сибири как важного экономического района, но присоединение ее к России произошло лишь в начале XVIII века, то есть в другое уже время и при других исторических условиях.

³⁹) Неисчислимы бедствия, причиняемые в условиях феодальных усобиц сибирскому туземному населению, были очевидны уже для С. С. Шашкова (Рабство в Сибири. Собр. соч. т. II, 1898, стр. 526—527) и Н. М. Ядринцева (Сибирь как колония. СПб, 1892, стр. 151—152).

ПАРТИЙНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ КУЗБАССА И БОЛЬШЕВИКИ ТОМСКА В ПЕРИОД ОТ ФЕВРАЛЯ К ОКТЯБРЮ 1917 ГОДА

В. А. СОЛОВЬЕВА

Цель данной статьи — показать связь партийных организаций Кузбасса с большевиками губернского центра в период от Февраля к Октябрю 1917 г. и в связи с этим рассмотреть некоторые вопросы состояния и деятельности партийных организаций Томска и Кузбасса в этот период.

История революционных событий 1917 года в Кузбассе, деятельность партийных организаций этого промышленного района в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции по сравнению с революционным движением в других местах Томской губернии наиболее изучена и освещена в исторической, историко-партийной и мемуарной литературе.

Отдельные вопросы оформления и деятельности партийных организаций Томска и Кузбасса в период от Февраля к Октябрю освещаются в той или иной мере в ряде исследований по истории партийных организаций Сибири в 1917 г. Из них прежде всего следует назвать работы М. М. Шорникова, А. Н. Резниченко, монографию В. П. Сафронова¹). Все более расширяется круг литературы и специально посвященной истории 1917 года в Кузбассе.

Интересные сведения о рабочем движении и работе партийных организаций Кузбасса имеются в изданных еще к десятилетию Великой Октябрьской социалистической революции сборнике статей и воспоминаний «Горняки Сибири» и книге о Кузнецком округе «За десять лет»²).

В начале 40-х годов вышла научно-популярная брошюра И. Аппилофьева «Кузбасс в борьбе за Октябрь» (Новосибирск, 1942 г.). Автор брошюры привлек архивные материалы и другие источники и проследил революционизирование масс Кузбасса в период от Февраля

¹) М. М. Шорников, «Большевики Сибири в борьбе за октябрь», Новосибирск, 1947 г., «Среднесибирское бюро ЦК РСДРП(б) в сборнике статей «Большевики Западной Сибири в период подготовки и проведения социалистической революции», Новосибирск, 1957 г., и др. А. Н. Резниченко, «Разоблачение большевиками соглашательской деятельности меньшевиков и эсеров в Сибири в условиях развития революции от Февраля к Октябрю 1917 г.» Труды Новосибирского инженерно-строительного института им. В. В. Куйбышева, т. IX, общественные науки, Новосибирск, 1959 г. В. П. Сафронов, «Октябрь в Сибири. Большевики Сибири в борьбе за победу Великой Октябрьской социалистической революции (февраль 1917 — март 1918 гг.)», Красноярск, 1962 г.

²) «Горняки Сибири. Революция и гражданская война 1917—1927 гг.», Новосибирск, 1927 г.; «За десять лет Кузнецкий округ к десятой годовщине Октябрьской революции», Щегловск, 1927 г.

к Октябрю, показал огромную роль большевиков Кузбасса в этом процессе. К тридцатилетию Октябрьской революции появилась статья И. Зобачева «Борьба большевиков Кузбасса за власть Советов»³⁾, охватывающая деятельность большевиков Кузбасса и в период подготовки Октября.

Большая работа по изучению истории борьбы за власть Советов в Кузбассе проведена историками за последние годы, особенно в связи с сорокалетием Великой Октябрьской социалистической революции. Появился ряд работ, освещающих деятельность партийных организаций, Советов и в целом развитие революционного движения за власть Советов в Кузбассе в 1917—1918 гг. Среди них выделяются статьи и работы В. А. Кадейкина и Г. А. Докучаева, опубликованные в периодической печати и книгах местного издания, освещающие вопросы рабочего и крестьянского революционного движения в Кузбассе и большевистского руководства этим движением. Г. А. Докучаев в работе «Кузбасс в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции»⁴⁾ особо останавливается и на состоянии партийных организаций Кузбасса в период от Февраля к Октябрю. Автор, на наш взгляд, дает правильную оценку характера партийных организаций Кузбасса до оформления их в самостоятельно большевистские. В. А. Кадейкин одну из своих статей специально посвятил партийным организациям Кузбасса в период мирного развития революции⁵⁾. О Советах Кузбасса в 1917 г. говорится в статье Ю. С. Котлярова «Первые Советы рабочих депутатов на Кемеровском руднике»⁶⁾.

О Кузбассе накануне Октября говорится в одной из глав книги «Кузнецкий угольный бассейн» (М., 1957 г. Глава написана З. Г. Карпенко). Издана серия брошюр и книг по истории отдельных городов Кузбасса (книга И. Н. Балибалова, брошюры Т. А. Демидова, Я. М. Кузнецова, Г. Р. Умнова и др.)⁷⁾, где имеются разделы о происходивших в этих городах событиях 1917—1918 гг. Деятельности партийных организаций Кузбасса в период Октябрьской революции и гражданской войны посвящен ряд докладов и сообщений, опубликованных к научной конференции 1962 г. по истории партийных организаций Кузбасса. Авторы этих докладов дают картину оформления легальных партийных организаций Кузбасса после Февральской революции и останавливаются на их работе в период от Февраля к Октябрю⁸⁾.

Вышло в свет значительное число воспоминаний участников революционных событий 1917 года в Кузбассе⁹⁾.

³⁾ См. «Октябрь в Западной Сибири», Новосибирск, 1948 г.

⁴⁾ См. «Труды объединенной научной конференции по истории Великой Октябрьской социалистической революции и социалистического строительства в Кузбассе (1—3 ноября 1957 г.)», Кемерово, 1959 г.

⁵⁾ В. Кадейкин, «Большевики Кузбасса в период мирного развития революции» (апрель — июнь 1917 г.), «Блокнот агитатора», № 6, 1957 г.

⁶⁾ См. «Труды объединенной научной конференции по истории Великой Октябрьской социалистической революции и социалистического строительства в Кузбассе (1—3 ноября 1957 г.)», Кемерово, 1959 г.

⁷⁾ И. Н. Балибалов, «Кемерово», Кемерово, 1957 г.; Т. А. Демидов, «Тайга», Кемерово, 1957; Я. Кузнецов, «Маринск», Кемерово, 1957 г.; Г. Р. Умнов, «Анжеро-Судженск», Кемерово, 1961 г.

⁸⁾ См. «К истории партийных организаций Кузбасса (доклады и сообщения к научной конференции)», вып. 1, Кемерово, 1962 г. Здесь же опубликованы тезисы и нашей данной статьи под названием «Связь партийных организаций Кузбасса с большевиками губернского центра в период от февраля к Октябрю 1917 г.

⁹⁾ См., напр., «За власть Советов. Сборник воспоминаний», Кемерово, 1957 г.; ряд воспоминаний опубликован к сорокалетию Октябрьской революции в местных газетах.

Почти во всех вышедших за последние годы исторических работах, воспоминаниях о революционных событиях этих революционных лет в определенной степени говорится и о работе партийных организаций Кузбасса в период от Февраля к Октябрю 1917 года.

Но как в исторической, историко-партийной литературе, так и в воспоминаниях не нашли должного, а нередко и верного освещения связи партийных организаций Кузбасса¹⁰⁾ и губернского центра в период подготовки социалистической революции, влияние большевиков губернского центра на постановку и развертывание партийной и революционно-пропагандистской работы среди трудящихся масс Кузбасса, место партийных организаций Кузбасса в развертывании большевистской работы в губернском масштабе по мобилизации масс на социалистическую революцию. В литературе имеет место освещение революционных событий 1917 года и работы большевиков в массах на территории Кузбасса в период от Февраля к Октябрю в отрыве от событий и работы большевиков в губернском центре и во всей губернии, хотя события эти подчас тесно переплетались друг с другом. Партийные же организации Кузбасса нередко представлены или же как организации, не имевшие и не ощущавшие никакого партийного руководства в губернском масштабе вплоть до осени 1917 г., или же как организации, получавшие помощь уже с первых же месяцев после Февральской революции якобы от губернского комитета РСДРП. Имеются в литературе утверждения о связи некоторых партийных организаций Кузбасса уже в период двоевластия будто бы с Томским губкомом РСДРП(б), да и все партийные организации Кузбасса того периода некоторыми авторами представлены самостоятельно большевистскими.

В действительности же в Томской губернии в 1917 г. после оформления легальных социал-демократических организаций долго не было создано губернского партийного комитета. Вплоть до сентября 1917 г. здесь не было ни губернского комитета РСДРП, ни тем более губернского комитета РСДРП(б) ввиду существования в губернии на протяжении длительного времени объединенных социал-демократических организаций.

Как объединенная социал-демократическая организация, куда вошли большевики и меньшевики, оформилась в дни Февральской революции и легальная партийная организация в Томске — в городе с преобладающим мелкобуржуазным населением. Причем первое время в Томской организации было сильно влияние меньшевизма. Меньшевики в большинстве вошли в комитет Томской организации РСДРП.

Однако уже к моменту оформления партийной организации губернского центра в ней была и сильная группа закаленных в революционной борьбе большевиков. Большевики Томской партийной организации сразу же после Февральской революции стали укреплять связи с местными партийными организациями губернии, и в ходе развития революции в период от Февраля к Октябрю, до создания губернского партийного комитета, выполняли роль губернского партийного центра, стараясь координировать деятельность большевиков губернии, ведя борьбу за создание губернского партийного комитета. Свое влияние как координирующего партийного губернского центра большевики Томска распространяли прежде всего на Кузбасские партийные органи-

¹⁰⁾ Территориально мы относим к Кузбассу не только территорию нынешней Кемеровской области, а все города и села, которые в 1917 г. входили в Маринский и Кузнецкий уезды.

¹¹⁾ «Новая жизнь», № 8 от 12 апреля 1917 г.

зации с целью установления прочных связей с большевиками, широкими пролетарскими массами Кузбасса — опоры революции. Уже в половине марта делегат Томского комитета РСДРП побывал в Тайгинской и Мариинской социал-демократических группах Кузбасса¹¹⁾. В марте — апреле 1917 г. в Кузбассе не раз побывали И. Л. Наханович, В. М. Косарев, Ф. Г. Чучин, Г. К. Соболевский и другие видные большевики из Томска.

Устанавливая связь с местными большевиками Кузбасса, большевики Томска провели большую работу по организации Советов и профсоюзов, по развертыванию партийно-пропагандистской работы в Кузбассе. При руководящем участии группы томских большевиков во главе с Ф. Г. Чучиным в начале апреля проводились революционные митинги на Кемеровских, Кольчугинских копах, было вынесено решение об организации общего Совета рабочих депутатов Кемеровского района. В Тайге и Мариинске по предложению выезжавшего туда томского большевика Г. К. Соболевского организовались Советы солдатских депутатов и объединились с Советом рабочих депутатов¹²⁾.

Всюду томские большевики выступали с речами о совершившейся революции в России и дальнейших задачах рабочих и солдат, встречая восторженное одобрение со стороны рабочих Кузбасса.

Большевики старались послать на копи именно большевистских делегатов в составе делегаций от Томской объединенной социал-демократической организации. Многие из томских большевиков побывали на предприятиях Кузбасса в качестве представителей Совета солдатских депутатов Томского гарнизона, оказавшегося с момента своего возникновения под сильным влиянием большевиков. Большевики приезжали из Томска в Кузбасс даже в составе делегаций по организации власти на местах, направляемых Томским комитетом общественного порядка и безопасности — местным органом буржуазной власти, в создании и работе которого они ошибочно приняли участие.

Большую роль сыграли большевики Томска и в самом оформлении партийных организаций Кузбасса. По настоянию большевистской части Томской социал-демократической организации в апреле в каменноугольные районы губернии: в Анжерку, Судженку, Кемерово, Кольчугино выехала группа большевиков во главе с И. Л. Нахановичем для пропагандистской и организаторской работы. В середине апреля, а в ряде мест даже в начале мая оформились легальные социал-демократические организации в каменноугольных районах губернии. Так, с помощью томских большевиков оформились партийные организации в апреле на Судженских копах¹³⁾, Кемеровском химзаводе¹⁴⁾, на Коль-

¹²⁾ «Известия Совета солдатских депутатов Томского гарнизона», № 7 от 7 апреля и № 8 от 11 апреля 1917 г.

¹³⁾ «Знамя революции», № 85 от 13 сентября 1917 г.

¹⁴⁾ Я. Д. Баранов, «Воспоминания о возникновении большевистской организации Кемеровского коксохимзавода». «К истории партийных организаций Кузбасса (Доклады и сообщения к научной конференции)», вып. 1, Кемерово, 1962 г., стр. 24.

Имеются и другие данные о сроках оформления партийной организации на Кемеровском коксохимзаводе. В книге «За десять лет. Кузнецкий округ к десятой годовщине Октябрьской революции» (Щегловск, 1927 г., стр. 10, 13) утверждается, что бюро химзаводской ячейки РСДРП(б) организовалось в начале мая 1917 г. Этой же даты в определении срока оформления партийной организации коксохимзавода придерживаются авторы введения к сборнику документов «Установление Советской власти в Кузбассе (1917—1919 гг.)» (Кемерово, 1957 г., стр. 8), а также М. Г. Смирнов и Ф. М. Дмитриев в своих воспоминаниях (см. «За власть Советов», сб. воспоминаний, Кемерово, 1957 г., стр. 22) и «К истории партийных организаций Кузбасса (Доклады и сообщения к научной конференции)», вып. 1, Кемерово, 1962 г., стр. 19), а так-

чугинском руднике¹⁵), а с 12 апреля¹⁶) по 1 мая¹⁷) на Анжерских коях. К лету 1917 г. партийные организации были оформлены во всех промышленных пунктах Кузбасса. Еще в конце марта была создана социал-демократическая организация на Марининских приисках¹⁸). В мае была создана Тайгинская партийная организация, в конце мая оформилась партийная организация в Боготоле¹⁹).

Для постоянной партийной работы в Кузбасс в первые же дни революции большевики Томска направили большевика М. М. Рабиновича, а также Ф. Г. Чучина в качестве комиссара Томского временного комитета общественного порядка и безопасности и Совета солдатских депутатов Томского гарнизона. Они заняли руководящие посты в Судженском комитете РСДРП и помогли другим партийным организациям Кузбасса.

Партийные организации Кузбасса формировались, главным образом, из кадровых рабочих. Поэтому ряды меньшевиков здесь с самого начала были очень малочисленны и партийные социал-демократические организации по своему составу оформились почти чисто большевистскими, а руководство комитетами РСДРП, например, в Судженской партийной организации взяли большевики. Под большевистским влиянием на Судженских коях уже в конце апреля 1917 г. была отстранена прежняя администрация и создан Совет управления коями под контролем Совета рабочих и солдатских депутатов²⁰). Но в организационном отношении партийные организации Кузбасса оформились не как самостоятельно большевистские, а как объединенные социал-демократические организации.

На организационное строение и политическую линию партийных организаций Кузбасса сразу после Февральской революции определенное влияние оказала партийная организация губернского центра, ошибочное вхождение томских большевиков в объединенную с меньшеви-

же А. Мазюков в статье «Старейшая партийная организация Кузбасса», помещенной в газете «Кузбасс», № 272 от 18 ноября 1959 г. В. П. Сафронов, на основании данных газеты «Красноярский рабочий», № 126, 1917 г. называет сроком создания этой партийной организации июнь 1917 г. (см. В. П. Сафронов, «Октябрь в Сибири», Красноярск, 1962 г., стр. 643).

На основании имеющихся как в источниках, так и в литературе сведений о пребывании на Кемеровском коксохимзаводе в апреле 1917 г. представителей Томского Совета солдатских депутатов и Томской партийной организации (см. «Известия Совета солдатских депутатов Томского гарнизона», № 7 от 7 апреля 1917 г.; Я. Д. Баранов, «Воспоминания о возникновении большевистской организации Кемеровского коксохимзавода», «К истории партийных организаций Кузбасса (Доклады и сообщения к научной конференции)», вып. 1, Кемерово, 1962 г., стр. 24), а также указаний на то, что в первое время партийная организация Кемеровского коксохимзавода была объединенной (В. В. Аникеев, «Сведения о большевистских организациях с марта по декабрь 1917 г.», Вопросы истории КПСС, 1958 г., № 3, стр. 124; В. П. Сафронов, «Октябрь в Сибири», Красноярск, 1962 г., стр. 646; «Красноярский рабочий», № 126, 1917 г.), мы присоединяемся к точке зрения Я. Д. Баранова, относящего формирование этой партийной организации к апрелю 1917 г. А в мае — июне на коксохимзаводе произошло оформление данной партийной организации, как самостоятельно большевистской.

¹⁵) «За десять лет. Кузнецкий округ к десятой годовщине Октябрьской революции», Щегловск, 1927 г., стр. 13; «Установление Советской власти в Кузбассе (1917—1919)», сборник документов, Кемерово, 1957 г., стр. 8 (Введение).

¹⁶) «Новая жизнь», № 15 от 21 апреля 1917 г.

¹⁷) Государственный архив Томской области (ГАТО), ф. 1380, оп. 1, д. 1, л. 3.

¹⁸) «Знамя революции», № 119, 1917 г.

¹⁹) «Установление советской власти в Кузбассе (1917—1919 гг.)», сборник документов, Кемерово, 1957 г., стр. 8 (Введение); В. П. Сафронов, «Октябрь в Сибири», Красноярск, 1962 г., стр. 646.

²⁰) В. И. Ленин, Соч., т. 24, стр. 405—406.

ками организацию. С позиций создания объединенных социал-демократических организаций подходили томские большевики — представители томской партийной организации — к оформлению партийных организаций в губернии, в том числе и в Кузбассе.

Начиная с половины марта в социал-демократических группах и организациях Кузбасса, как и в других организациях губернии, да и всей Сибири, представители томской организации поднимали вопрос о созыве общесибирского съезда представителей социал-демократических организаций (имелось в виду объединенных) в целях выяснения организационных, тактических вопросов, а также организации областного общесибирского комитета РСДРП. Такая конференция в апреле была созвана краснорядцами. Томская партийная организация, а вместе с нею и партийные организации Кузбасса (Анжерских и Судженских копей), направив на конференцию своих делегатов с решающим голосом, приняли в ней активное участие. Представитель партийных организаций Кузбасса и представитель от организации Томска вошли в избранное на этой конференции Средне-Сибирское областное бюро объединенных организаций РСДРП и участвовали в его деятельности²¹⁾.

В ходе Февральской революции томские и кузбасские большевики возглавили массы в борьбе с царскими порядками за демократические свободы, за создание Советов и профсоюзов, за улучшение экономических условий жизни трудящихся, хотя в результате объединения с меньшевиками в первые месяцы революции допустили ошибки в проведении политической партийной линии, ярко выразившиеся, например, в признании партийными организациями политики «давления и контроля» за Временным правительством и местными органами буржуазной власти.

С момента ознакомления большевиков с Апрельскими тезисами В. И. Ленина, указавшими партии и рабочему классу путь дальнейшей борьбы за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую, резко обострилась борьба между большевиками и меньшевиками в социал-демократических организациях по важнейшим вопросам революции.

Развертывалась борьба большевиков с меньшевиками и в Томской партийной социал-демократической организации. В силу определенного влияния меньшевиков и примиренцев Томская объединенная партийная организация в это время заняла колеблющиеся позиции. В ее резолюциях наряду с заявлениями о движении к полновластиям всероссийского Совета рабочих и солдатских депутатов, о стремлении к миру без аннексий и контрибуций содержались и соглашательские положения о поддержке буржуазного Временного правительства и давлении на него со стороны Советов²²⁾. Но большевики-ленинцы из Томской партийной организации на основе Апрельских тезисов В. И. Ленина и решений VII Апрельской конференции большевиков развернули партийно-политическую работу в массах по разоблачению империалистической политики Временного правительства и соглашательства меньшевиков и эсеров, по пропаганде большевистского лозунга «Вся власть Советам».

Большевики развернули в Томске работу по организационному укреплению партийной организации, проведя в мае общую ее реорганизацию. В переизбранный партийный комитет в большинстве вошли боль-

²¹⁾ «Голос Сибири», № 128 от 16 июня 1917 г.

²²⁾ См. резолюцию общего собрания Томской объединенной социал-демократической организации от 19 апреля 1917 г. «Новая жизнь», № 17 от 23 апреля 1917 г.

шевики, что свидетельствовало о серьезном усилении позиций большевиков в Томской организации РСДРП.

В мае 1917 года томская объединенная партийная организация все еще придерживалась средней линии между большевизмом и меньшевизмом. По главному вопросу революции — отношению к коалиционному Временному правительству — правительству буржуазному Томская партийная организация не смогла сразу ясно определить свою позицию. Однако томские большевики-ленинцы разоблачали соглашательство меньшевиков и эсеров, вошедших во Временное правительство. Некоторые томские большевики, такие, как Н. Н. Яковлев, А. А. Звездов, Г. К. Соболевский и другие²³), в мае ставили вопрос о создании отдельного большевистского партийного комитета. Был намечен даже состав большевистского комитета, хотя до конца это не было доведено. В июне 1917 г. томские большевики, оставаясь пока в объединенной организации, оформили свою большевистскую фракцию.

После майских перевыборов Томского комитета РСДРП, а особенно после организационного оформления большевистской фракции большевики Томска поставили перед партийной организацией задачу успешной работы в массах не только по фабрикам, мастерским, заводам и в гарнизоне города, но и по всей губернии, проявив при этом серьезную заботу о дальнейшем развертывании революционной работы в Кузбассе. В конце мая было решено создать районную группу, которая объединила бы лиц, желающих посвятить себя работе как среди рабочих, так и среди крестьян губернии. В задачах районной группы была особо оговорена работа на коях и в других промышленных районах губернии, т. е. и других промышленных пунктах Кузбасса²⁴).

Комитеты партийных организаций Кузбасса, в частности Судженский комитет РСДРП, летом 1917 г. по основному вопросу революции занимали большевистские позиции, хотя и продолжали пребывать в Сибирском объединении РСДРП. В резолюции, принятой 10 июня, резко высказавшись против издевательств предпринимателей над рабочими, Судженский комитет РСДРП дал большевистскую оценку сущности коалиционного Временного правительства, как правительства буржуазного. Судженский комитет РСДРП подчеркнул, что хозяйничанье буржуазии усиливает развал народного хозяйства. Выход из создавшегося в стране положения Судженский комитет видел в устранении буржуазии от распоряжения производством и распределением продуктов и в сосредоточении на местах и в центре всей полноты власти в руках Советов²⁵).

Томская, а особенно кузбасские партийные организации, с первых месяцев после Февральской революции испытывали тяготение к Красноярску. В ряде мест Кузбасса, там, где партийные организации состояли преимущественно из кадровых рабочих, партийные организации становились на ленинско-большевистские позиции в организационном отношении; они не разделяли политическую линию томской партийной организации, не поддерживали примиренческих позиций части томских большевиков.

Так, партийная организация Боготола, где было много железнодорожников, тесно связанных с рабочими Красноярского железнодорож-

²³) Партийный архив Томского обкома КПСС (ПАТО КПСС). ф. 4204, оп. 1, д. 27, л. 1 (Воспоминания большевика М. Александрова).

²⁴) «Сибирский рабочий», № 1 от 4 июня 1917 г.

²⁵) «Борьба за власть Советов в Томской губернии (1917—1919 гг.)» Сборник документальных материалов, Томск, 1957 г., стр. 69.

ного депо, а также партийная организация Кемеровского коксохимзавода, на котором работало много кадровых рабочих, прибывших сюда еще в 1916 г. из Донбасса, больше тяготели к большевистской организации Красноярска и к Средне-Сибирскому бюро ЦК²⁶⁾, нежели к партийной организации губернского центра. Большевики Кемеровского коксохимзавода заявляли в апреле, что Томский комитет РСДРП они считают «мещанским»²⁷⁾.

Усиление позиции большевиков в томской партийной организации способствовало идейному и организационному сближению партийной организации губернского центра с партийными организациями Кузбасса, что большевиками Кузбасса было принято с огромным удовлетворением. Судженская социал-демократическая организация, приветствовала это сближение²⁸⁾.

Томская партийная организация посылала теперь своих представителей на копи уже для закрепления существовавших там организаций²⁹⁾.

С начала июля томские большевики в своей газете «Сибирский рабочий» постоянно помещали корреспонденции о состоянии партийной работы на отдельных предприятиях Кузбасса, о нарастании в Кузбассе рабочего революционного движения.

Укрепляли весной и летом 1917 г. связи с большевиками Томска и сами кузбасские большевики, постоянно информируя томских большевиков через Ф. Г. Чучина, через письма в Томский Совет солдатских депутатов³⁰⁾ о положении дел и настроения рабочих на предприятиях Кузбасса, направляя в Томск и своих представителей.

Тесная и постоянная связь большевиков Кузбасса с большевиками Томска проявлялась и во всей практической революционно-пропагандистской работе, проводимой весной и летом 1917 г. среди трудящихся Кузбасса.

Совместными усилиями томских и кузбасских большевиков была создана в Кузбассе сеть партийных и рабоче-солдатских клубов, широко используемых для политического воспитания рабочих. Летом 1917 г. действовали клубы, библиотеки и читальни на Судженских коях, Мариинских приисках, в Кольчугино и др. местах³¹⁾. На судженских коях, например, при партийном клубе социал-демократов были организованы курсы по общественным вопросам³²⁾. И в клубах, и на митингах, проводившихся на предприятиях, часто выступали представители от томских большевиков. Большевистским, как и весь митинг, было выступление представителя Томского комитета РСДРП на открытии 4 июня партийного клуба на Судженских коях³³⁾.

Особенно большую работу развернули большевики среди трудя-

²⁶⁾ М. Г. Смирнов, «Первые большевики коксохимзавода», «За власть Советов», Кемерово, 1957 г., стр. 20; Я. Д. Баранов, «Воспоминания о возникновении большевистской организации Кемеровского коксохимзавода», «К истории партийных организаций Кузбасса (Доклады и сообщения к научной конференции)», вып. 1, Кемерово, 1962 г., стр. 24; К. Романов, «Как организовался и работал наш союз», «Путь борьбы», вып. 1, Томск, 1923 г., стр. 92; В. П. Сафронов, «Октябрь в Сибири», Красноярск, 1962 г., стр. 645.

²⁷⁾ «За десять лет. Кузнецкий округ к десятой годовщине Октябрьской революции», Щегловск, 1927 г., стр. 13.

²⁸⁾ «Сибирский рабочий», № 8 от 4 июня 1917 г.

²⁹⁾ «Знамя революции», № 83 от 10 сентября 1917 г.

³⁰⁾ См. ГАТО, ф. р — 554, оп. 2, д. 1, л. 194.

³¹⁾ «Сибирская жизнь», № 125 от 14 июня 1917 г.; ГАТО, ф. 1380, оп. 1, д. 3, лл. 54, 57.

³²⁾ ГАТО, ф. 433, оп. 1, д. 571, л. 80.

³³⁾ «Сибирская жизнь», № 125 от 14 июня 1917 г.

щихся Кузбасса через массовые рабочие организации — Советы и профсоюзы. Под влиянием и при участии томских большевиков в июне 1917 г. было закончено преобразование Советов рабочих старост (первоначальная форма некоторых Советов Кузбасса) в Советы рабочих и солдатских депутатов, проведена работа по превращению их в полновластные органы.

По инициативе большевиков Анжеро-Судженска и Томска, начиная с мая 1917 г., в Кузбассе для объединения пролетарских сил велась работа по преобразованию профсоюзов Кузбасса по производственному принципу и созданию межсоюзного объединения горняков в Западно-Сибирском масштабе. Первое совещание представителей Анжерских, Судженских, Кольчугинских копей и Кемеровского химического завода от 26 мая 1917 г., взявшее на себя инициативу по созыву Западно-Сибирской конференции горняков, состоялось в Томске³⁴). А июльская конференция, созванная уже для окончательного решения вопроса об общесибирском союзе горнорабочих и его оформления, для принятия решения о созыве съезда и создания комиссии по организации съезда горняков прошла в Кузбассе, на Анжерских копиях³⁵). В июле на первом съезде горнорабочих Западной Сибири была оформлена Западно-Сибирская областная профсоюзная организация горнорабочих.

В руководстве рабочим революционным движением в Томской губернии большевикам-ленинцам наряду с борьбой против меньшевиков и эсеров приходилось преодолевать непоследовательность большевиков-примиренцев. Под влиянием примиренчества большевики как Томска, так и Кузбасса, в составе партийных организаций, принимали участие в примирительных камерах, в мае — июне усиленно насаждаемых соглашателями на промышленных предприятиях губернии для примирения пролетариата и капиталистов. Большевики шли в примирительные камеры с целью защиты интересов рабочих, но на деле участие большевиков в этих организациях тормозило революционное прояснение классового сознания рабочих, так как способствовало созданию иллюзий общности интересов рабочих и буржуазии.

Последовательные большевики Томска и Кузбасса вели рабочих на борьбу за признание своих политических прав, профсоюзов и Советов, за введение рабочего контроля на предприятии и борьбу с саботажем предпринимателей. Последовательнее, чем другие партийные организации, осуществляла весной и летом 1917 года руководство борьбой рабочих с предпринимателями Судженская партийная организация. Судженские большевики, с помощью большевиков Томска, начиная с конца апреля 1917 г. через Совет рабочих и солдатских депутатов и профессиональный союз (рудничный комитет) по-ленински развернули борьбу против стремления предпринимателей свернуть производство, борьбу за установление рабочего контроля на предприятии. Освещая действия Судженского Совета рабочих и солдатских депутатов по борьбе с предпринимателем Михельсоном и администрацией копей, развернувшейся в мае—июне 1917 г., газета «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов» видела в этих действиях не что иное, как стремление довести «до логического конца ленинские методы борьбы с экономической разрухой»³⁶). Рабочие некоторых предприятий

³⁴) См. ст. «Съезды и конференции». «Горняки Сибири. Революция и гражданская война 1917—1927 г.», Новосибирск, 1927, стр. 49.

³⁵) «Знамя революции», № 21 от 24 июня 1917 г.

³⁶) Цитирую по газете «Вперед», № 77 от 9 июня 1917 г. (Томский областной краеведческий музей, д. 13, оп. 3, л. 5).

(Анжеро-Судженские копи) под влиянием большевиков требовали национализации промышленности.

Большевики Томска оказывали революционизирующее влияние и на крестьянские массы Кузбасса. Весной и летом 1917 г. во многие пункты Кузбасса из Томского гарнизона направлялись на полевые работы солдаты, распропагандированные большевиками и снабженные революционной литературой. Только в марте команды солдат из Томского гарнизона выехали в деревни Кузбасса по железной дороге до станций Тайга, Судженка, Ижморская, Беркуль, Мариинск, Итат и другие пункты³⁷⁾.

Развитие революции требовало сплочения пролетарских сил и создания губернского партийного комитета для координирования большевистской партийной работы по мобилизации масс губернии на социалистическую революцию.

Уже в мае большевики Томска поставили перед организующейся районной партийной группой задачу подготовки губернской партийной конференции, на которой предполагалось провести избрание губернского комитета РСДРП. Повестка дня предполагавшейся губернской конференции, включавшая вопросы о текущем моменте, об отношении к войне и Временному правительству, о роли рабочего класса, пересмотре партийной программы и др.³⁸⁾, обязывала партийные организации губернии, в том числе и партийные организации Кузбасса, высказать свое отношение по основным вопросам революции и занять ту или иную позицию.

Созыв конференции намечался на 25 июля, но июльские события в Петрограде, а затем корниловщина, заставившие каждую партийную организацию четче определить свою линию, изменили эти сроки.

С получением известий об июльских событиях в Петрограде томские большевики через большевистский Совет солдатских депутатов, через комитет РСДРП выразили резкий протест против расстрела петроградских рабочих. Если в резолюции томского комитета РСДРП по поводу июльских событий сказались еще влияние объединения с меньшевиками в виде пропаганды «единства» сил «революционной демократии», то Совет солдатских депутатов резко протестовал против сотрудничества «социалистов» с буржуазией во Временном правительстве³⁹⁾.

В связи с июльскими событиями большевики губернского центра решили «для выработки координированных действий в борьбе с надвигающейся контрреволюцией» созвать 13 июля партийную конференцию, причем не просто губернскую, а сибирскую, что диктовалось важностью объединения всех большевистских сил Сибири для борьбы с контрреволюцией. На конференцию были приглашены партийные организации Сибири от Красноярска до Новониколаевска и на юг до Бийска, в том числе и все партийные организации Кузбасса, на большевистский состав которых большевики Томска возлагали большие надежды в обеспечении большевистского состава конференции, а следовательно, и большевистского характера ее работы и решений.

Еще до созыва томской конференции Западно-Сибирских социал-демократических организаций, в дни первых известий об июльских событиях, большевики партийных организаций Томска и Кузбасса приняли

37) ГАТО, ф. р — 551, оп. 1, д. 1, лл. 1—9.

38) «Голос Сибири», № 148 от 11 июля 1917 г.

39) См. «Знамя революции», № 34 от 11 июля и № 35 от 12 июля 1917 г.

40) См. «Знамя революции», № 39 от 18 июля 1917 г.

участие в средне-сибирском социал-демократическом, а по существу, большевистском совещании.

На Томском июльском средне-сибирском партийном совещании, состоявшемся 15 июля, присутствовали представители от Томска, Новониколаевска, Змеиногорска, Судженских, Кемеровских, Анжерских копей и Красноярска. Это совещание, на котором преобладали большевики, определило задачи работы большевиков и в момент усиления контрреволюции. Главными из них были: борьба за дальнейшее развитие революции, укрепление влияния партии внутри Советов и других демократических организаций, мобилизация беднейших слоев города и деревни на борьбу с буржуазией и ее правительством⁴⁰).

В июльские и послееюльские дни томские и кузбасские большевики хотя и допустили некоторую дезориентацию масс с лозунгом «Вся власть Советам» (продолжали выдвигать требования о передаче власти Советам во всероссийском масштабе), провели огромную работу в массах, используя июльские события для разоблачения контрреволюционной политики Временного правительства и соглашения эсеров и меньшевиков. На предприятиях Кузбасса проводились митинги и собрания⁴¹). В самый разгар июльской реакции большая разъяснительная работа, в острой борьбе с эсерами, была проведена на проходившем в Томске первом съезде горнорабочих Западной Сибири. Съездом руководили совместно видные большевики Томска и Кузбасса: Н. Н. Яковлев, И. Л. Наханович, С. И. Канатчиков, Ф. Г. Чучин, М. М. Рабинович, И. Н. Кудрявцев и др.

Июльские события и проведенная большевиками огромная работа усилили влияние большевиков среди рабочих Кузбасса, способствовали отходу рабочих от соглашателей.

В дни послееюльского разгула реакции и подготовки корниловского заговора в центре страны, когда и сибирская буржуазия при поддержке меньшевиков и эсеров выступила в открытый поход против революции, усилив борьбу за установление своего единовластия на местах, большевики Томска не только боролись за сохранение завоеванных томским Советом солдатских депутатов позиций, но и оказывали через этот Совет революционизирующее влияние на солдатские и крестьянские массы всей Западной Сибири, в том числе и Кузбасса.

В конце июля — начале августа солдатские команды Томского гарнизона, находившегося под сильным большевистским влиянием, были отправлены в Кузнецкий и Мариинский уезды⁴²). Томский Совет солдатских депутатов посылал в города Кузбасса, как впрочем во многие города Сибири, своих представителей для проведения агитации в местных гарнизонах за неподчинение Временному правительству. Согласно решениям Совета его представители призывали гарнизоны других горо-

⁴¹) Утверждение Т. И. Головатова в его воспоминаниях о боевых делах Анжеро-Судженских коммунистов (см. сб. «За власть Советов», Кемерово, 1957 г.), будто в Анжеро-Судженске в ответ на июльский расстрел петроградских рабочих и солдат в июле была проведена демонстрация протеста, утверждение, закрепившееся в последнее время и в исторической литературе о революционных событиях 1917 г. в Кузбассе, документальными материалами не подтверждается. Нам не удалось обнаружить ни одного документа, где бы говорилось о демонстрации рабочих на Анжерских или Судженских копиях или других промышленных пунктах Кузбасса в ответ на июльские события в Петрограде. А в донесении губернского комиссара Гана министру внутренних дел от 31 июля 1917 г., сообщавшем о порожденных июльскими событиями в Петрограде настроениях в губернии, говорилось, что манифестации в губернии имели место только в Томске и Новониколаевске. (См. ГАТО, ф. р — 1, оп. 1, д. 2, л. 246).

⁴²) «Знамя революции», № 55 от 5 августа 1917 г.

дов отвергать план правительства, позволявший отправку солдат на полевые работы лишь воинскими подразделениями для работы в крупных сельскохозяйственных хозяйствах, и направлять солдат «земляческими командами» (командами из солдат земляков по волостям) в свои хозяйства с условием помощи и другим солдатским семьям. 10 августа с этой целью из Томска были откомандированы 3 солдата из 38 и 25 стрелковых запасных полков в гарнизонный Совет г. Боготола⁴³). Действия Томского Совета солдатских депутатов, рассчитанные на оказание помощи прежде всего беднейшим крестьянским хозяйствам, были горячо поддержаны солдатами сибирских гарнизонов.

С получением известий о заговоре Корнилова томские большевики через специальные воззвания к гражданам, опубликованные от имени комитета РСДРП и Совета солдатских депутатов, разъясняли смысл выступления корниловцев, как объявления буржуазией гражданской войны революционным рабочим, солдатам и крестьянам, разоблачали всю суть правительства буржуазии и шедших на соглашение с ней эсеров. Большевики Кузбасса решительно призывали к борьбе с контрреволюцией. Резко выступила против контрреволюционного заговора, еще в дни его подготовки, к тому времени уже самостоятельная большевистская Боготольская организация, развернув широкую разъяснительную работу среди рабочих Боготола⁴⁴).

Судженская и другие партийные организации Кузбасса, Томская партийная организация не раз заявляли о том, что они стоят на интернационалистической платформе. Однако затягивание разрыва организационных связей с меньшевиками мешало большевикам как Томска, так и многих партийных организаций Кузбасса в четкости проведения твердой большевистской линии в дни корниловщины. Из-за примиренчества по отношению к меньшевикам большевики в публикуемых от имени объединенных организаций и их комитетов воззваниях и обращениях шли на уступки в сторону так называемой «революционной демократии». Сильные колебания допустил Томский комитет РСДРП. В составе объединенных организаций большевики в эти дни участвовали в различных коалиционных собраниях, принимавших резолюции о доверии Временному правительству и органам «революционной демократии» (Томск, Судженские копни и др.). Большевики, не выдвинув своей четкой политической линии, приняли участие в создании томского, кузнецкого районного и местных на предприятиях Кузбасса комитетов спасения революции, создаваемых буржуазией и соглашателями для отвлечения рабочих от борьбы с буржуазией⁴⁵).

⁴³) ГАТО, ф. р — 554, оп. 1, д. 1, лл. 2001, 2002.

⁴⁴) «Знамя революции», № 76 от 1 сентября 1917 г.

⁴⁵) См. «Знамя революции», № 81 от 7 сентября 1917 г.; ГАТО, ф. 1380, оп. 1, д. 5, лл. 2—3. Следует заметить, что утверждения Резниченко А. Н. в ст. «Разоблачение большевиками соглашательской деятельности меньшевиков и эсеров в Сибири в условиях развития революции от Февраля к Октябрю 1917 г.» (См. Труды Новосибирского инженерно-строительного института, том X, общественные науки, Новосибирск, 1959 г., стр. 141) и Докучаева Г. А. в ст. «Кузбасс в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции» (См. «Труды объединенной научной конференции по истории Великой Октябрьской социалистической революции и социалистического строительства в Кузбассе». Кемерово, 1959 г., стр. 71) о выступлении большевиков Кузбасса в дни корниловщины с разоблачением идеи создания «комитетов спасения революции», как обмана масс, как реакционной затее Временного правительства, без указания на факт вхождения большевиков Кузбасса в эти комитеты, создают неточное представление о линии партийных организаций Кузбасса в те дни, как о линии до конца большевистски последовательной. В действительности же в партийных организациях Кузбасса по отношению к «комитетам спасения революции» имели место колебания.

Но главным в деятельности большевиков как Томска, так и предприятий Кузбасса в период корниловщины было то, что они выступили решительными сторонниками подавления контрреволюции и защиты достигнутых в ходе развития революции завоеваний пролетариата и крестьянства. Большевики здесь шли по пути сплачивания, революционных сил вокруг Советов для разгрома контрреволюции. В Томске в эти дни под влиянием большевиков Совет солдатских депутатов взял в свои руки дело подготовки сил на борьбу с контрреволюцией и тем самым предупредил наметившееся здесь выступление корниловцев. Решительно были настроены в дни корниловщины и Советы Кузбасса. Твердые большевики в выступлениях на общих партийных собраниях, где обсуждалось отношение к корниловщине и Временному правительству, на рабочих и солдатских митингах подчеркивали неизбежность перехода власти в руки Советов. В помещенных в местной печати в первые дни после разгрома корниловского мятежа статьях томских большевиков как задача времени выдвигалась борьба за диктатуру пролетариата⁴⁶). Рабочие и солдаты видели в Советах революционную власть. Не случайно среди трудящихся масс, особенно в Кузбассе, комитеты спасения революции не нашли поддержки.

В дни корниловщины и борьбы с нею большевики Томска и губернии усилили подготовку пропагандистских кадров. По поводу открывшихся при Томском Совете солдатских депутатов пропагандистских курсов буржуазия высказывала опасения, что они «дадут России еще несколько десятков большевиков»⁴⁷). Многие из подготовленных в Томске большевистских пропагандистов позже были посланы в промышленные районы Кузбасса.

После июльских событий и VI съезда большевистской партии, особенно с разгромом корниловщины, большевики Томска и всей губернии повели решительную борьбу за окончательный разрыв с меньшевиками и за создание губернского большевистского комитета. Во второй половине июля усиленную агитацию за присоединение партийных организаций к большевистскому ЦК вели большевики Анжерских и Судженских копей⁴⁸).

В Кемеровской партийной организации после событий 3—5 июля, а особенно после корниловщины, стали резко разграничиваться социал-демократические течения⁴⁹). На Анжерских копей после июльских событий быстро росло влияние большевиков среди рабочих, в том числе и среди членов социал-демократической организации⁵⁰). В начале сентября Томский комитет РСДРП взял на себя инициативу созыва губернской партийной конференции.

6 сентября, присоединяясь к решению августовской Средне-Сибирской партийной конференции, по указанию ЦК остро поставившей вопрос об изгнании меньшевиков из партийных организаций Сибири, признала ЦК большевиков своим руководящим партийным центром Томская партийная организация⁵¹). С прибытием делегатов со Средне-Сибирской конференции присоединились к большевистскому ЦК и партийные организации Кузбасса (Кемеровская, Судженская и Анжерская партийные организации). А 9 сентября на губернской конференции, заявившей о присоединении к ЦК большевиков всех социал-демокра-

⁴⁶) «Знамя революции», № 79 от 5 сентября 1917 г.

⁴⁷) «Свободная речь», от 6 сентября 1917 г. (ЦГАОР, ф. 406, оп. 6, д. 4, л. 79).

⁴⁸) ПАТО КПСС, ф. 4204, оп. 1, д. 28, л. 4 (Воспоминания И. П. Войнова).

⁴⁹) «Знамя революции», № 85 от 13 сентября 1917 г.

⁵⁰) Там же, № 83 от 10 сентября 1917 г.

⁵¹) «Рабочий путь», № 16 от 21 сентября 1917 г.

тических партийных организаций губернии, был создан и губернский большевистский комитет⁵²).

На оформление самостоятельных большевистских организаций Томской губернии серьезное влияние оказал революционный Красноярск с его большевистскими силами, Средне-Сибирское районное бюро ЦК, а затем Красноярское районное и Средне-Сибирское областное бюро РСДРП(б). Тяготение Томской, а особенно Кузбасских партийных организаций к Красноярску заметно усилилось с конца июня 1917 г. (с момента изгнания оборонцев из объединенной Красноярской организации и объединения ее с красноярскими правдистами) и июльских событий в Петрограде.

Газета «Сибирская правда» — орган Средне-Сибирского бюро ЦК и Красноярского городского комитета РСДРП(б), распространявшаяся в Восточной и Западной Сибири, имела в читальных как Томска, так и промышленных пунктов Кузбасса⁵³). В Кузбасс в помощь партийным организациям красноярские большевики часто посылали своих представителей, лекторов. Особенной популярностью среди горнорабочих пользовался Я. Е. Боград. Представители партийных организаций некоторых районов Кузбасса ездили по партийным делам в Красноярск. В Боготолле и Кемерове под влиянием тесной связи с красноярской большевистской организацией большевики уже задолго до губернской большевистской конференции, еще в июне, окончательно порвали организационные связи с меньшевиками, и партийные организации определились, как большевистские⁵⁴). Из Красноярского же отдела РСДРП(б) эти организации получали для своих членов и бланки большевистских партийных билетов. В партийных членских билетах, выдаваемых летом 1917 г., например, членам Кемеровской большевистской организации, значилось: «Красноярский отдел РСДРП(б)», печать заводского партийного комитета и подпись секретаря заводского комитета РСДРП(б)⁵⁵).

Однако наличие таких тесных связей с Красноярской партийной организацией, доходивших до организационного ей подчинения, еще не дает оснований для имеющих в исторической литературе утверждений об отсутствии какой бы то ни было связи Боготольской партийной

⁵²) «Знамя революции», № 83 от 10 сентября, № 85 от 13 сентября, № 87 от 16 сентября, № 100 от 3 октября 1917 г.

⁵³) М. М. Шорников, Средне-Сибирское бюро ЦК РСДРП(б). «Большевики Западной Сибири в период подготовки и проведения социалистической революции». Сборник статей. Новосибирск, 1957 г., стр. 60—62.

⁵⁴) О Боготольской партийной организации см.: В. П. Сафронов, «Октябрь в Сибири», Красноярск, 1962 г., стр. 645.

⁵⁵) В партархиве Кемеровского обкома КПСС хранится один из партбилетов членов партийной организации коксохимзавода от июля 1917 г. Изображение его опубликовано в газете «Кузбасс», № 272 от 18 ноября 1959 г. Следует заметить, что дата выдачи этого билета (1 июля 1917 г.), свидетельствующая о наличии бланков из Красноярска в Кемерово уже в июне, а также утверждения некоторых участников революционных событий о поездке большевиков коксохимзавода за бланками партбилетов в Красноярск еще в первых числах мая (см. Я. Д. Баранов, «Воспоминания о возникновении большевистской организации Кемеровского коксохимического завода», «К истории партийных организаций Кузбасса (Доклады и сообщения к научной конференции)», вып. 1, Кемерово, 1962 г., стр. 24 (имеющиеся об этом данные в литературе), А. Мазюков в статье «Старейшая партийная организация Кузбасса», «Кузбасс», № 272 от 18 ноября 1917 г.), не позволяют соглашаться с заявлением В. П. Сафронова, что будто организация РСДРП(б) Кемеровского коксохимзавода была объединенной до июля 1917 г. (см. В. П. Сафронов, «Октябрь в Сибири», Красноярск, 1962 г., стр. 646). Не позже мая — июня эта партийная организация определилась как самостоятельно большевистская.

организации с губернским центром⁵⁶), об отсутствии руководства из Томска вплоть до губернской конференции большевистской организацией на Кемеровском химзаводе⁵⁷). Посылка томскими большевиками большевистски настроенных солдат в Боготол, участие представителя Кемеровской партийной организации в проводимых томскими большевиками совещаниях (участие представителей из Кемерово на июльском томском большевистском совещании) свидетельствует о том, что и эти партийные организации, как и все другие организации Кузбасса, несмотря на идейную близость с большевистской Красноярской партийной организацией и длительное отсутствие Томского губернского партийного комитета, на протяжении всего времени от Февраля к Октябрю держали связь и с большевиками губернского центра.

Губернская конференция, по существу, признала ведущую роль за большевиками партийной организации губернского центра, избрав из Томской партийной организации в губернский комитет РСДРП(б) 5 большевиков, в то время как от партийных организаций Кузбасса, численность которых во много раз превышала Томскую, вошли в губернский комитет только 2 представителя и 1 представитель от Новониколаевска⁵⁸).

С оформлением губернского руководящего партийного органа связи большевиков Томска с партийными организациями Кузбасса не ослабли. Томские большевики продолжали оказывать Кузбассу помощь пропагандистскими большевистскими силами, литературой. В конце октября как представитель ЦК побывал на многих предприятиях Кузбасса (Анжерские и Судженские копи, Тайга) томский большевик В. М. Косарев. Проведенные с его участием митинги рабочих потребовали передачи власти в руки Советов. «Для закрепления завоеваний революции и ограждения их от покушений со стороны контрреволюционных помещиков и капиталистов мы требуем передачи всей власти в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»⁵⁹), — говорилось в резолюции собрания рабочих Анжерских и Судженских копей. Большое значение в работе большевиков Кузбасса в деревне сыграли выступления томских большевиков и их борьба с эсерами на первом губернском съезде крестьянских депутатов по вопросам о земле, об объединении Советов. В деревни Кузбасса в предоктябрьские дни направлялись большевистски настроенные агитаторы из рабочих и солдат Томска, Новониколаевска, Каннска и с предприятий Кузбасса.

Губернский комитет РСДРП(б), несмотря на отдельные проявившиеся в первое время слабости в его работе, в частности, затягивание с изданием губернского печатного большевистского органа, хорошо знал обстановку в Кузбассе накануне Октября. В лице рабочих Кузбасса большевики губернии видели главную опору в борьбе за власть Советов как в Томске, так и в губернии. В предоктябрьские дни большевики губернии широко развернули работу среди рабочих Кузбасса, готовя их к решительному штурму капитализма.

⁵⁶) См. К. Романов, «Как организовался и работал наш союз». «Путь борьбы», вып. 1. Томск, 1923 г., стр. 92.

⁵⁷) Ф. М. Дмитриев, «Зарождение Кемеровской партийной организации и ее деятельность в 1917—1920 гг.» «К истории партийных организаций Кузбасса». Доклады и сообщения к научной конференции, вып. 1, Кемерово, 1962 г., стр. 20.

⁵⁸) «Знамя революции», № 100 от 3 октября 1917 г.

⁵⁹) «Знамя революции», № 132 от 9 ноября 1917 г.

ОТМЕНА КРЕПОСТНОГО ТРУДА МАСТЕРОВЫХ В ГОРНОЗАВОДСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ АЛТАЯ

В. И. ТУЖИКОВ

Советскими историками подробно и всесторонне исследовано проведение крестьянской реформы 1861 г. и развитие капитализма в Европейской России. Однако до сего времени мало уделено внимания вопросам об освобождении личности крепостных и отмене принудительно-обязательного труда мастеровых в горнозаводской промышленности «кабинета» на Алтае.

Дореволюционные исследователи Ю. А. Гагемейстер¹⁾, Н. Зобнин²⁾, и Тыжнов³⁾ достаточно полно показали положение мастеровых в дореформенное время.

Советские исследователи дореволюционного Алтая Н. Савельев⁴⁾, Т. Макеев⁵⁾, З. Г. Карпенко⁶⁾ в своих работах показали, что с развитием горного дела на Алтае уже к середине XVIII в. сложился общественный и административный строй, полностью соответствующий крепостной эпохе Европейской России. Т. Макеев отмечает, что «военно-казарменный режим для мастеровых, закабаление крестьян — неопровержимое свидетельство того, что в Алтайском имении русских царей существовало крепостное право, притом в одной из самых тяжелых его форм»⁷⁾.

З. Г. Карпенко в своей статье рассматривает историю развития промышленности Алтая, положение приписных и мастеровых людей, источники формирования рабочих кадров в горнозаводской промышленности Западной Сибири с 1725 по 1860 г. Н. Савельев в своей работе «Крестьянская реформа 1861 г. на Алтае» подробно анализирует процесс зарождения приписных и мастеровых крестьян на Алтае, дает их экономическое положение, показывает, как проходила подготовка реформы для проведения отмены крепостного права приписных и мастеровых на кабинетских землях, основательно разбирает причины упадка горнозаводской промышленности, затем останавливается на проведе-

1) Ю. А. Гагемейстер, Статистическое обозрение Сибири, ч. III, СПб., 1854 г.

2) Н. Зобнин, Мастеровые алтайских горных заводов до освобождения, Сибирский сборник, СПб., 1892 г.

3) И. Тыжнов, Из истории горнозаводского населения на Алтае, Алтайский сборник, т. 6, Барнаул, 1907 г.

4) Н. Савельев, Крестьянская реформа 1861 г. на Алтае, Барнаул, 1950 г.

5) Т. Макеев, К истории развития промышленности на Алтае, Алтайкрайиздат., 1951 г.

6) З. Г. Карпенко, Формирование рабочих кадров в горнозаводской промышленности Зап. Сибири (1725—1860). «Исторические записки», т. 69, АН СССР, 1961 г.

7) Т. Макеев, Указ. соч., стр. 20.

нии землеустроительных работ и заканчивает свою работу ликвидацией царского имения на Алтае в 1917 г. На наш взгляд, в работе Н. Савельева недостаточно освещены такие вопросы, как освобождение личности крепостного на Алтае, изменение в пореформенное время административно-правового и экономического положения мастеровых. Эти вопросы необходимо выяснить потому, что сам процесс превращения мастеровых из крепостных работников в юридически свободных рабочих, продающих свою рабочую силу в пореформенное время по найму «кабинету», является необходимым условием формирования из мастеровых западно-сибирского пролетариата. Ибо во второй половине XIX в. мастеровые Алтая явились одним из источников формирования сибирского пролетариата.

Совершенно справедливо отмечает советский исследователь профессор Ф. С. Горовой в своей работе «Падение крепостного права на горных заводах Урала» то, что главным вопросом реформы для крестьян был вопрос о «наделах и платежах»⁸⁾, а для рабочих, живущих только за счет продажи своей рабочей силы, главным в реформе 1861 г. было освобождение личности крепостного. Ф. С. Горовой по этой проблеме делает следующий вывод: «Недооценка значения ликвидации крепостной зависимости личности производителя материальных благ и создание новых органов управления в период реформы 1861 г. искажает действительный исторический процесс»⁹⁾.

**

Категория мастеровых в горнозаводской промышленности «кабинета» на Алтае появилась в 1761 г., когда из приписных крестьян стали брать по рекрутским наборам не на военную, а на горнозаводскую службу. Ранее приписные крестьяне выполняли все операции, начиная от добычи руды, транспортировки ее и кончая плавкой металла. Непостоянный состав рабочих на заводах давал низкую производительность труда. Взрослые мужчины из крестьян, не имея опытов и навыков к производственным процессам, делали те или иные операции при плавильных нечах и на других работах неуклюже и медленнее, чем выполняли эти же работы подростки, выросшие на заводах.

Проблема создания постоянных кадров для горнозаводской промышленности была решена за счет рекрутчины, которая продолжалась до 1849 г. в 35 лет, а с 1852 г. была приравнена к солдатской двадцатипятилетней службе. В течение долголетней службы мастеровые, так звали горнорабочих, овладевали известными навыками и опытом регулирования металлургического процесса при выплавке серебра, меди, свинца на заводах и добыче руды в забоях на рудниках. Из мастеровых, более опытных и знающих производственные процессы, назначались мастера, нарядчики, уставщики и приемщики, им присваивались унтер-офицерские звания, и они непосредственно подчинялись горным инженерам, имевшим звание артиллерийских офицеров, заводов и рудников.

Мастера и нарядчики, уставщики и приемщики распоряжались всей армией рядовых рабочих, именовавшихся мастеровыми и урочниками. Если мастеровые выполняли работы, требующие определенной квалификации, то рабочие-урочники производили более черные работы при заво-

⁸⁾ В. И. Ленин, Соч. т. 2, изд. 4, стр. 464.

⁹⁾ Ф. С. Горовой, Падение крепостного права на горных заводах Урала. Пермь, 1961 г., стр. 19.

дах и вне их. Урочники, выполнив заданный урок-норму, могли заниматься сельским хозяйством.

Мастеровые работали по 12 часов в сутки две недели подряд, а третья неделя называлась «гулевая». В «гулевую» неделю мастеровые могли заняться на своих приусадебных участках обработкой земли или работать по найму. За каторжную работу на заводах и рудниках мастеровые получали незначительное по своему размеру годовое «жалование», которое зависело от квалификации рабочего, от его поведения и беспрекословного подчинения многочисленному начальству. В 1849—1861 гг. годовая плата — «жалование» — была: мастерам 30—48 руб. (серебром), подмастерьям — 18 руб., высшим разрядам рабочих — 10—12 руб., низшим разрядам рабочих платили 6—9 руб.¹⁰). Кроме этого, мастеровые ежемесячно получали за службу по 2,5 пуда ржаной муки на себя и по 1 пуду на каждого члена семьи. Государственных налогов мастеровые не платили, но за это крепостные несли на своих плечах такой тяжелый труд, который был в условиях Алтая хуже каторжного. Не случайно многие мастеровые предпочитали каторгу, чем работу на заводах и рудниках и особенно на золотых приисках, расположенных в глухих местах, где рабочие без семьи и задавленные несправедливостью начальства тупели и дичали.

До отмены крепостного права положение горнозаводских рабочих было чем-то промежуточным между крепостными крестьянами и бытом солдат военных поселений. Мастеровые рабочие были разбиты на команды, возглавляемые офицерами, подчинены военной дисциплине и военному суду. Военно-судебные комиссии на заводах состояли из офицеров горного ведомства, которые за работу в суде жалования не получали, поэтому и дела на провинившихся мастеровых лежали не разобранными целыми месяцами, а подсудимые в это время томились в заводских тюрьмах. За малейшую провинность мастеровые подвергались наказанию: кнутом, палками, шпицрутенами. Палка была неотъемлемой принадлежностью унтер-офицеров. Она была символом их власти и свободно ходила по спинам мастеровых. К этому надо еще добавить бесчеловечную военно-каторжную дисциплину, полный произвол ближайшего начальства, которое ведало судом и чинило расправу над мастерами.

Обязанности кабинетских мастеровых были тяжелее обычных повинностей крепостных крестьян. Фактически мастеровые были на положении вечно каторжных. Совершенно не случайно зажиточные из приписных крестьян за большие деньги вместо себя нанимали рекрутов. Так, например, в 1833 г. крестьянин Астанин, дер. Сухостроевой Каинской волости, нанял за себя служить на заводе крестьянина Смирнова за 385 рублей ассигнациями¹¹).

Об изнурительном труде и долгосрочной службе вынужден был написать даже чиновник «кабинета» А. Влахопулов, что «тягость долговременной обязательной горнозаводской службы и незначительность получаемой рабочими пенсии делали положение рабочих тяжелым и необеспеченным»¹²).

¹⁰) Н. Зобнин, Мастеровые алтайских горных заводов до освобождения. Сибирский сборник, СПб, 1892 г., стр. 21.

¹¹) Гос. архив Алтайского края (ГААК), ф. 2, оп. 2, д. 385, л. 15.

¹²) Свод законоположений и распоряжений, относящихся до поземельного устройства приписных крестьян, мастеровых и урочников Алтайского и Нерчинского округов. (1858—1882 гг.). Составлен причисленным к Кабинету А. Влахопуловым, без года издания, стр. 2.

Развитие капитализма в России, поражение в Крымской войне и массовое выступление крепостных крестьян и рабочих людей заставили царское правительство во второй половине XIX в. взяться за подготовку отмены крепостного права.

Как известно, 19 февраля 1861 г. Александром II был подписан манифест, 17 «Положений» и «Дополнительных правил»¹³⁾ об отмене крепостного права в России.

Реформа 1861 г. на вотчинных и посессионных заводах Урала проводилась на основе «Дополнительных правил о приписанных к частным горным заводам людям ведомства министерства финансов»¹⁴⁾. На основании этого закона на Урале было освобождено от крепостной зависимости 87827 ревизских душ, причисленных к вотчинным заводам, и 145484 души, причисленных к посессионным заводам¹⁵⁾.

«Дополнительные правила» отразили три стороны жизни крепостных Урала: 1) ликвидацию личной зависимости крепостного, т. е. правовое положение рабочих, 2) поземельные отношения горнозаводского населения и 3) образование новых органов управления горнозаводского населения. Крепостные казенных горных заводов освобождались значительно позднее, т. е. к 8 марта 1861 г., когда было подписано царем «Положение о горнозаводском населении казенных горных заводов ведомства министерства финансов»¹⁶⁾. По этому «Положению» было освобождено 93356 душ крепостных рабочих казенных заводов Урала¹⁷⁾. Всех категорий крепостных Урала насчитывалось 326667 ревизских душ мужского пола. «Положения» касались тех же трех сторон быта и жизни крепостных, что и в «Дополнительных правилах».

В тот же день, т. е. 8 марта, последовал указ царя министру императорского двора, в котором указывалось: 1) распространить немедленно на нижних и рабочих чинов Алтайского горного округа «Положение о горнозаводском населении казенных городов заводов ведомства министерства финансов» как в отношении прав личных, по имуществу, так и в отношении устройства хозяйственного быта и общественного управления»¹⁸⁾. Приписные крестьяне Алтая в количестве 145565 душ¹⁹⁾ освобождались по тому же «Положению», что и крепостные казенных заводов Урала.

Крепостники-заводчики, министерство финансов, управление казенными заводами Урала и собственник-царь заводов Алтая, боясь сразу потерять даровую рабочую силу, провели указом об отмене крепостного права для приписных крестьян в течение 3-х лет, а для мастеровых — 2-х лет.

Таким образом, юридически горнозаводское население Алтая и Урала освобождалось в 1861 г., фактически же приписные крестьяне были освобождены в 1864 г., а мастеровые в 1863 г. Для приписных крестьян Алтая барщина была заменена шестьюрублевым оброком, а для мастеровых принудительная работа на заводах — свободным наймом-договором.

¹³⁾ С. Ф. Горовой, Указ. соч., стр. 198.

¹⁴⁾ 2ПСЗ, т. XXXVI, отд. 1, СПб, 1863, № 36719, стр. 438—45.

¹⁵⁾ Ф. С. Горовой, Указ. соч., стр. 213.

¹⁶⁾ 2ПСЗ, т. XXXVI, отд. 1, СПб, 1863, № 36717, стр. 438—450.

¹⁷⁾ Ф. С. Горовой, Указ. соч., стр. 308.

¹⁸⁾ 2ПСЗ, т. XXXVI, отд. 1, СПб, 1863, № 36717, стр. 335.

¹⁹⁾ Центральный государственный исторический архив в г. Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. 468, оп. 20, д. 1239, л. 1.

По «Положению» в 1861 г. освобождению подлежали нижние и рабочие чины, т. е. мастера, уставщики, мастеровые, урочники и другие категории рабочих, проработавшие 20 лет и более. Таких уволено с Алтайских заводов, рудников и золотых приисков 200 нижних чинов и 5250 рабочих. Кроме того, было уволено 1190 подростков от 12 до 18 лет и 3090 мальчиков и школьников»²⁰). Только за 1862 г. было уволено 9703 человека муж. пола. В 1862 г. освобождались мастеровые, проработавшие 15 лет и более, и только с 8 марта 1863 г. все остальные. Всего за два года (с марта 1861 по март 1863 г.) было освобождено от крепостного труда заводом 23672 мастеровых²¹).

Приведенные данные свидетельствуют о том, что в первую очередь увольнялись те, чьи силы в течение десятков лет были подорваны на каторжных работах на заводах, рудниках и золотых приисках. Такие рабочие для производства уже не представляли мускульно-живой ценности, от них-то и стремились поскорее избавиться, тогда как молодых и здоровых рабочих держали до крайнего срока освобождения.

При отмене крепостного труда мастеровых царь указом стремился обеспечить «кабинетские» заводы дешевой рабочей силой. В 1861 г. из населения, принадлежавшего заводам Алтая, были образованы горнозаводские волости: Павловская, Сузунская, Змеиногорская, Зырянская и в 1863 г. Салаирская. Юридически эти волости управлялись государственными губернскими властями²²).

Население этих волостей пользовалось правами сельских обывателей, т. е. оно могло избирать общество сельских старост и волостное управление, судебно-полицейская власть передавалась в руки гражданских волостей округа и губернии. Мастеровые становились лично свободными, не подчиняющимися больше горной канцелярии. Они могли вести свое хозяйство, вступать в брак, наниматься на работу по своему усмотрению, без разрешения горного начальства.

Мастеровые, получив личную свободу, или оставались на работе по вольному найму при заводах, или часть переходила в сельское сословие.

Так, в 1861 г. из Павловской горнозаводской волости было отчислено 425 душ, не имевших постоянной оседлости²³), т. е. не имевших дома, усадьбы, скота и покосов в Павловском заводе; из Сузунского завода — 215 душ²⁴) и Змеиногорской горнозаводской волости — 299 душ муж. пола²⁵). А всего было отчислено 12362 человека мужского пола (по распоряжению канцелярии горного округа) и приписаны без согласия сельских обществ к селениям Алтайского округа, в которых мастеровые имели родственников, а некоторые и хозяйства²⁶).

Очень образно описывает П. А. Ивачев занятия мастеровых Колыванской шлифовальной фабрики Бийского округа после освобождения их от крепостной зависимости: «Замена обязательного труда вольнонаймным отразилась на изделиях... только в смысле их дороговизны... Хотя в первое время по увольнении большинство каменодельных мастеров оставило фабрику с целью заняться хо-

²⁰) Гос. архив Омской обл. (ГАОО), ф. 3, оп. 3, д. 4953, лл. 5—6.

²¹) ЦГИАЛ, ф. 1181, оп. 15, д. 4, л. 2.

²²) 2ПСЗ, т. XIV, отд. 1, СПб, 1861, № 36719, стр. 441.

²³) Н. А. Ваганов, Хозяйственно-статистическое описание крестьянских волостей Алтайского округа, б/г, б/м, стр. 137.

²⁴) Н. А. Ваганов, Хозяйственно-статистическое описание крестьянских волостей Алтайского округа, б/г, б/м, стр. 143.

²⁵) Там же, стр. 192.

²⁶) ЦГИАЛ, ф. 1181, оп. 15, д. 4, л. 2.

зьяством, но вскоре они должны были убедиться, что при ограниченном наделе сенокоса (по $\frac{3}{4}$ десятины на душу) скотоводство немислимо, а посевы овса, пшеницы и проса в гористой местности при коротком лете не успевают созреть и зябнут от ранних морозов. При отсутствии же сплавных рек вблизи фабрики и каких бы то ни было иных промыслов ушедшие мастера вернулись снова к каменодельному искусству, как единственному средству их пропитания»²⁷⁾ (Разр. — В. Т.). Одни из них занимались шлифованием камня в своих домах ручными машинами, другие по контракту при кабинетской шлифовальной фабрике, на которой по штатному расписанию 1867 г. работал 141 человек²⁸⁾. Следовательно, и после реформы кадровый состав рабочих остался на фабрике.

С 1862 г. мастеровые стали лично свободными и могли наниматься по вольному найму на заводы. Но это только юридическая сторона дела, фактически же мастеровые были опутаны многочисленными пунктами «Положения об освобождении», которые прикрепляли мастеровых к старому месту жительства, а следовательно, и к работе на заводах. К примеру взять хотя бы землеустройство.

Как известно, до реформы мастеровые и урочники Алтая и Урала, выполняя основные заводские операции, были полностью заняты на производстве. Наряду с работой на заводах, мастеровые имели нищенские подсобные хозяйства, состоящие из 1 десятины покоса, огорода, а иногда из небольшого клочка пашни, кроме этого, они имели избы и усадьбы. «Милость» царя-помещика для алтайских мастеровых состояла в том, что построенные рабочими избы и раскорчеванные ими полоски земли под огороды и конопляники отдавались в собственность, и наделялись 1 десятиной покоса за поземельно-оброчную плату в размере 40 коп. за 1 десятину²⁹⁾. За мастеровыми сохранялись ранее имевшиеся участки пахотной земли с 40-копеечной платой за десятину. Таким образом, и в пореформенное время мастеровой становился не собственником земли, а всего-навсего ее арендатором. Те же мастеровые, которые не имели участков пахотной земли, не получали их³⁰⁾.

Все эти ограничения были направлены на то, чтобы удержать мастеровых при заводах. Мастеровые не облагались шестирублевым оброком, да фактически их и не за что было облагать, так как они не были наделены пахотной землей.

Это видно из душевых окладов за 1889 г., приведенных в таблице (стр. 207)³¹⁾.

П. А. Голубев указывает, что шестирублевый оброк платили только те мастеровые или их дети, которые перечислялись в крестьянские или мещанские общества³²⁾.

Во многих пунктах «Положения» обещались льготы тем мастерам, которые согласятся поступить на заводские работы³³⁾. О закреплении рабочей силы к заводам Алтая беспокоилось и главное управление Западной Сибири, которое в 1864 г. предложило начальнику Алтайских горных заводов отводить бывшим мастеровым в аренду от 8 до 15 десятин свободных заводских земель сроком не более 5 лет и прежде всего тем лицам, которые пожелают продолжать горнозаводские работы.

²⁷⁾ Н. Савельев, Алтайские камнерезы, Алткнигиздат, 1956, стр. 38.

²⁸⁾ Н. Савельев, Указ. соч., стр. 44.

²⁹⁾ 2ПСЗ, отд. 1, СПб, 1863, № 36719, стр. 442.

³⁰⁾ 2ПСЗ, т. 36, СПб, 1863, стр. 443.

³¹⁾ П. А. Голубев, Платежи и повинности, Алтай, Томск, 1890, стр. 140.

³²⁾ Там же, стр. 139.

³³⁾ 2ПСЗ, отд. 1, т. 36, СПб, 1863 г., № 36719, статьи 34 и 39, стр. 443.

Наименование податей	Государственные крестьяне	Крестьяне бывшие приписан к заводам	Бывшие мастер. алтайских заводов
Подошная подать	1—83 к.	—	—
Оброчная подать в кабинет	—	4—50 к.	—
“ “ в казну	3—25 к.	1—50 к.	—
На межевой капитал	0—03 к.	0—03 к.	0—03 к.
Земский сбор			
На содерж. училищ	—	7—6 к.	7—6 к.
На губерн. повинности	0—74 к.	—	—
Частные волост. повин.	0—40 к.	—	—
Душевой оклад	6—25 к.	6—10,6 к.	10,6 к.

По истечении 5-летнего арендного срока, заводоуправление снова может продлить на такой же срок аренду, но опять-таки если мастеровые и впредь не уклонятся от горнозаводских занятий³⁴⁾.

Кроме этого, «Положение» обещало квалифицированным рабочим-мастеровым, которые согласятся проработать на заводах по 10 лет, освободить их от солдатской службы, и заводоуправления обязаны были за них исполнять на свой счет натуральные и земские повинности³⁵⁾.

Все эти уступки мастеровым, как-то: освобождение от шестирублевого оброка, от солдатской службы, закрепление за мастеровыми усадеб, аренда земли — в первую очередь были направлены на прикрепление мастеровых к заводам. Они были даны только для квалифицированных рабочих-мастеровых, но не для урочников. Заводчики твердо знали, что дешевый труд мастеровых с лихвой окупит те уступки, которые делались «Положением об освобожденных».

После отмены крепостного права на Алтае, действительно, часть рабочих, не имевших оседлости, покинула заводы и переселилась в деревню для того, чтобы заняться хлебопашеством. Другая же часть мастеровых осталась по-прежнему на заводах и рудниках потому, что не могла приобрести орудия труда и тягловой силы, чтобы заняться сельским хозяйством. Из мастеровых перечислялись в сельское сословие те, которые были недавно взяты на горнозаводскую службу. Они еще не обзавелись на заводах и рудниках своим хозяйством, домом, усадьбой, т. е. оседлостью, и не успели забыть опыта и навыка возделывания сельскохозяйственных культур в деревне. Главная же причина была в том, что 12326 человек не получили земельного надела и во избежание разорения их причисляли к сельским обществам. Потомственные же мастеровые от земледелия отвыкли и предпочитали работу в городах, на заводах и рудниках.

Кроме того, алтайские заводы по своему местоположению, экономике и дальнейшему развитию имели ряд специфических особенностей друг от друга. В частности, одни были расположены в гористой таежной местности (Кольванская шлифовальная фабрика), другие находились в городе (Барнаульский сереброплавильный завод), а третьи намечались к закрытию (Томский железодельательный завод).

³⁴⁾ ГААК, ф. 2, оп. 3, д. 2517, л. 1017.

³⁵⁾ 2ПСЗ, отд. 1, т. 36, СПб, 1863, № 36719, стр. 445.

В 1867 г. на Барнаульском сереброплавильном заводе, расположенном в городе, работало 566 человек³⁶). Рабочие, не получив земельного надела, работали на заводах. Павловская горнозаводская волость Барнаульского округа, состоявшая из одного Павловского завода, в 1861 г. насчитывала 1173 ревизских души³⁷). В 1867 г. на заводе работало 416 человек³⁸). Большинство жителей этой волости арендовало землю под посевы у Павловского заводууправления. Так, в 1882 г. ими было арендовано 372 десятины под пашню с платой по 40 коп. за десятину, кроме того, арендовали до 4 тысяч десятин сенокосной земли. Жители Павловского завода содержали до 3 тысяч лошадей, до 4 тыс. голов крупного рогатого скота и до 5 тысяч овец³⁹).

Из приведенных данных видно, что бывшие мастеровые продолжали работу на заводах и рудниках, а часть урочников занялась земледелием и перевозкой руды, угля и флюсов на заводы.

Сузунская горнозаводская волость Барнаульского округа насчитывала в 1861 г. 1458 ревизских и мужских душ⁴⁰). В 1867 г. работало на заводе 236 рабочих⁴¹). В 1882 г. работало на заводе 250 годовых рабочих, до 50 месячных и 50 поденщиков. Около $\frac{3}{4}$ жителей этой волости занимались — одни транспортировкой угля, другие — выжиганием древесного угля, третьи — находились на годовых, месячных и поденных работах на заводе. Кроме того, многие выделяли кирпич, занимались плотничеством, столярным, кузнечным, слесарным и сапожным ремеслами. Население Сузунского района, не имея пахотных земель, занималось разведением скота. Так, 760 хозяйств имели до 3320 лошадей, 3180 голов крупного рогатого скота и 4200 мелкого скота⁴²).

Скотоводством выгодно было заниматься потому, что часть скота продавалась на золотые прииски, лошадей сбывали в Тобольскую губернию и на Урал. Кроме того, большое количество тягловой силы требовали заводы для перевозки различных материалов, угля, руды и т. д.

Салаирская горнозаводская волость Кузнецкого округа, образованная в 1863 г., состояла из 5 обществ и 6 селений, в которых проживал 1381 рабочий. Дореволюционный исследователь Алтая Н. А. Ваганов писал, что «многие мастеровые, по освобождению от обязательного труда, переселились в Барнаул, Томск, Кузнецк, где находят сбыт своим изделиям (столяры, слесари, кузнецы и т. п.). Остальной народ получает заработок на Гавриловском и Гурьевском заводах, на Салаирских рудниках как серебро-свинцовых, так и железном, на Бочатской каменноугольной копи и на старании при добыче золота»⁴³). Часть мастеровых, переселившись в города и другие рудники, не бросила своего ремесла.

В Локтевскую волость Бийского округа входило 4 горнозаводских селения с 2007 ревизскими душами. Бывшие горнозаводские рабочие после освобождения от крепостной зависимости продолжали работать на Локтевском сереброплавильном заводе по годовым контрактам, месячным условиям и поденно. В 1867 г. работало 447 человек⁴⁴).

³⁶) ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 53, л. 628, л. 302 (об.).

³⁷) Н. А. Ваганов, Указ. соч., стр. 137.

³⁸) ЦГИАЛ, там же, л. 304 (об.).

³⁹) Н. А. Ваганов, Указ. соч., стр. 139.

⁴⁰) Там же, стр. 143.

⁴¹) ЦГИАЛ, там же, л. 312.

⁴²) Н. А. Ваганов, Указ. соч., стр. 145.

⁴³) Там же, стр. 67.

⁴⁴) ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 53, л. 628, л. 306 (об.).

Кроме того, рабочие занимались перевозкой руд от Усть-Каменогорской пристани до Локтевского завода. На Риддерском руднике Бийского округа жило в 1863 г. 1506 душ горнозаводского населения. Из них отставных мастеровых числилось 249 душ. Главным занятием бывших горнозаводских людей с. Риддерского являлись работы на Сокольском и Крюковском серебро-свинцовых рудниках. В большинстве горнорабочие заключали контракты на год. Кроме рудничной работы, жители с. Риддерского занимались добычей золота из кварца. Эти работы по добыванию руды и золота в 1882 г. давали заработок до 40000 рублей почти исключительно бывшему горнозаводскому населению⁴⁵⁾.

Змеиногорская горнозаводская волость Бийского округа состояла из 7 селений, из которых было образовано 5 сельских обществ в 1861 г. с мужским населением в 2621 человек. Население волости в значительном числе до 400 человек работало в 1882 г. на Змеевском сереброплавильном заводе.

Зырянская горнозаводская волость Бийского округа образована в 1861 г. из 4 селений и стольких же сельских обществ с населением в 1179 горнозаводских людей. В основном жители этой волости занимались горными работами на кабинетских рудниках. «От этого промысла они получают заработок, представляющий им возможность нести лежащие на них повинности и кормиться с семействами»⁴⁶⁾.

Таким образом, земледелием смогли заниматься лишь более обеспеченные урочники и мастеровые, которые смогли обзавестись хозяйственным инвентарем и рабочей тягловой силой. Остальная часть населения, не имея средств к существованию, вынуждена по-прежнему заниматься горнозаводскими работами.

Вскоре после реформы в 1864 г. был ликвидирован Томский железоделательный завод, расположенный в Кузнецком округе. При ликвидации завода было уволено рабочих 399 человек. Всего же на землях завода жило 1012 человек (678 мужчин, 334 женщины). Рабочие Томского завода, потеряв работу и не получив надела пахотных земель, находились в бедственном положении. В письме «кабинета» от 30 марта 1865 г. начальнику алтайских горных заводов указывалось на то, что необходимо вызвать людей к переселению в Гурьевский завод⁴⁷⁾, где они могли быть использованы на работе. Томское губернское управление в 1865 г. хлопотало перед министром двора о том, чтобы разрешили «переселяться на свободные земли по указанию Горного Правления Алтайского округа»⁴⁸⁾ тем рабочим, которым не будет отведено надела.

Действительно, при закрытии Томского завода часть рабочих перешла на Гурьевский завод, некоторое число мастеровых переселилось в г. Кузнецк, но значительная часть горнозаводских рабочих с. Томского осталась на месте и занялась кустарными промыслами: плотничным, столярным, кузнечным и др. У томских кузнецов обучались ремеслу крестьяне близлежащих деревень, а научившись, открывали в своих селениях кузницы. Рассмотренные поволостные сведения о жителях горнозаводских селений свидетельствуют о том, что после освобождения от принудительного труда горнозаводские рабочие, получив в личную собственность усадьбу с домом и надворными постройками, а также небольшие клочки земли сенокосных угодий, вынуждены были заклю-

⁴⁵⁾ Н. А. Ваганов, Указ. соч., стр. 142.

⁴⁶⁾ Там же, стр. 201.

⁴⁷⁾ ГААК, ф. 2, оп. 4, д. 4659, л. 7.

⁴⁸⁾ ГААК, там же, л. 2.

чать контракты-договоры с заводоуправлениями и работать на тех же заводах и рудниках.

Работали они на заводах потому, что им негде было продавать свою рабочую силу. Ввиду этого большинство горнозаводских рабочих, не имея навыков к сельскому хозяйству, оставалось работать на заводах и рудниках или уходило на золотые прииски.

Движение населения было, и это естественно, ибо реформа 1861 г. раскрепощала мастеровых и при заводских крестьян, давала им свободу личности, передвижения, право приобретать на себя имущество, заниматься торговлей, свободно продавать свою рабочую силу. Все эти мероприятия говорили о буржуазном характере реформы. Теперь горное начальство не могло окриками или палкой заставить рабочего работать на заводах, оно должно с ними заключить договор-контракт на добровольных началах.

Переходы рабочих с одного места на другое для продажи своей рабочей силы наблюдались не только среди освобожденных мастеровых Алтая, но и рабочих других районов страны. Так, в июле 1863 г. уволенные от обязательной службы Аллигерскому серебро-свинцовому заводу (расположенному на Кавказе) мастеровые Егор Сорокин и Ермолай Понкратьев изъявили желание приписаться на постоянное место жительства, первый — в Салаирский, а последний — в Семеновский рудники Алтайских заводов⁴⁹). В этом же году с Аллигерского завода прибыл на Томский завод мастеровой Ипат Безносков, который и был зачислен в списки горнозаводской общины⁵⁰).

О том, что движение рабочих на заводах Алтая было незначительным, наглядно показывает таблица, составленная нами за ряд лет на основании архивных источников⁵¹).

Наименование	Работало рабочих					Крестьян, занимавшихся перевозкой руды, угля, флюсов в 1882 г.
	по смете положено вольнонаемных в 1863	к-во рабочих в 1867 г.	к-во рабочих в 1882 г.			
			годовых	поденщиков	недельных	
Заводы	2585	2316	1613	2261	2829	7039
Рудники	1153	2569	361	23489	—	332
Золотые прииски	98	704	3909	—	—	—
Итого	3836	5589	5883	25750	2829	7371

Анализируя данные, помещенные в таблице за 1863, 1867, 1882 годы, мы убеждаемся в том, что массового ухода рабочих с заводов не было, наоборот, при вольнонаемном труде даже увеличилось число рабочих. Администрация заводов нанимает меньше годовых квалифицированных рабочих и больше временных рабочих для выполнения вспомогательных работ.

⁴⁹) ГААК, ф. 2, оп. 4, д. 4683, л. 32.

⁵⁰) ГААК, там же, л. 49.

⁵¹) ГААК, ф. 2, оп. 3, д. 2968, лл. 8—40; ЦГИАЛ, ф. 37, оп. 58, д. 628, лл. 302—319; ГААК, ф. 3, оп. 2, д. 7, лл. 21—25.

Из этой таблицы видно, что в большинстве случаев перевозкой сырья для заводов занимались крестьяне.

Из разработанных материалов можно сделать такой вывод, что после отмены крепостного права на Алтае, так же как и на Урале, освобожденные потомственные мастеровые-рабочие в подавляющем большинстве своем продолжали работу на заводах, рудниках и приисках. Только более зажиточные из урочников и мастеровых, а также не имевших оседлости при заводах, переселились в деревни, чтобы заняться сельским хозяйством, или небольшая часть мастеровых отправилась в город, чтобы заняться ремеслом.

Итак, рабочий состав горнозаводской промышленности Алтая и Урала формировался из среды местного населения. Говоря об Урале, в отчете горного департамента за 1900 и 1901 гг. указано: «В Замосковском крае, на горных заводах рабочих обращалось в 1900 г. — 28265 чел. и в 1901 г. — 25970 чел. Заводскими работами в крае занималось горнозаводское население старинных местных заводов, которого пока с избытком хватает и на все вновь возникающие в последнее время горные заводы»⁵²). В 1890 г. на Урале числилось 162 тысячи (70%) рабочих железодельной промышленности около 50 тысяч (20%) рабочих золотых приисков⁵³). На Алтае в 1882 г. работало на заводах, рудниках и золотых приисках 5883 годовых рабочих, 25750 поденщиков и 2829 недельных рабочих, кроме того, транспортные работы исполняли 7371 крестьянин⁵⁴).

В пореформенное время производственные отношения в горнозаводской промышленности Алтая и Урала соединили в себе черты капиталистической и феодальной системы хозяйства. Неслучайно В. И. Ленин это обстоятельство подчеркивает таким положением: «...капиталистическое хозяйство не могло сразу возникнуть, барщинное хозяйство не могло сразу исчезнуть. Единственно возможной системой хозяйства была, следовательно, переходная система, система, соединяющая в себе черты и барщинной и капиталистической системы»⁵⁵). Это относится не только к хозяйству помещиков в земледелии, но оно также относится к горнозаводской промышленности Алтая и Урала, так как кабинет и горнопромышленники были и помещиками и заводчиками.

Реформа наглядно показала, что наиболее отсталыми в техническом отношении были помещичьи, бывшие вотчинные, а также посессионные фабрики. «Они в первую очередь стали ликвидироваться, лишившись в новых экономических условиях основы своего существования — крепостного права»⁵⁶). Так это было, спустя сорок лет, с горнозаводской промышленностью Алтая.

В. И. Ленин, анализируя промышленность Урала, писал: «Во времена оны крепостное право служило основой высшего процветания Урала и господства его не только в России, но и отчасти в Европе... Но то же самое крепостное право, которое помогло Уралу подняться так высоко в эпоху зачаточного развития европейского капитализма, послужило причиной упадка Урала в эпоху расцвета капитализма»⁵⁷). Эта харак-

⁵²) Отчет горного департамента за 1900—1901 гг., стр. 462.

⁵³) История СССР. Россия в период победы и утверждения капитализма (1856—1894), ч. I, изд. АН СССР, 1952, стр. 759.

⁵⁴) ГААК, ф. 3, оп. 2, д. 7, лл. 21—25.

⁵⁵) В. И. Ленин, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 160.

⁵⁶) П. И. Лященко, История народного хозяйства СССР. М., 1952, т. 2, стр. 96.

⁵⁷) В. И. Ленин, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 424.

теристика, данная В. И. Лениным промышленности Урала, всецело относится и к промышленности Алтая.

Своеобразие формирования рабочих Алтая и Урала в пореформенное время обуславливалось сохранением пережитков крепостничества, которое тормозило полное отделение значительной части рабочих от земли. По этому поводу В. И. Ленин писал: «Как известно, условия освобождения уральских крестьян от крепостной зависимости были сформированы именно с отношением крестьян к горной работе: горнозаводское население делилось на мастеровых, которые, не имея земли, должны были весь год заниматься заводской работой, и на сельских работников, которые, имея наделы, должны были исполнять вспомогательные работы»⁵⁸).

Следовательно, горнозаводчики Урала и «кабинет» на Алтае и после реформы прикрепили рабочих к заводам и рудникам, создав из них постоянный источник резервной рабочей силы, а это, в свою очередь, обусловило и низкую заработную плату рабочих, и более низкий уровень техники, и отсталость Алтая и Урала.

В горнозаводской промышленности Алтая и Урала на долгие годы сохранились остатки крепостного права в виде примитивной техники, личной зависимости населения, которое прикреплялось к месту поселения; круговая порука, общинное пользование землей и ряд других пережитков крепостничества тормозили развитие горной промышленности.

Итак, после реформы 1861 г. мастеровые-рабочие Алтая в основном остались на прежних местах работы, только незначительная часть их, не найдя работы на месте, уходила в другие районы страны.

Мастеровые Алтая были потомственными рабочими горнозаводской промышленности «кабинета», а в пореформенное время явились одним из источников формирования рабочего класса Западной Сибири.

⁵⁸) В. И. Ленин, Соч., т. 3, изд. 4, стр. 425 (примечание 2).

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ И КУЛЬТУРНОМ РАЗВИТИИ ОЙРАТСКОГО ОБЩЕСТВА (XVII—XVIII вв.)

Ш. ЧИМИТ-ДОРЖИЕВ

Проблемы социально-экономического и культурного развития ойратского общества в XVII—XVIII вв. освещены слабо. Одной из причин этого было, несомненно, недостаточное использование монгольских и ойратских источников, а также архивных документов. В последнее время положение несколько изменилось в связи с выходом монографии И. Я. Златкина «Очерки новой и новейшей истории Монголии» (М., 1957 г.). В указанной работе имеется небольшой раздел, посвященный проблемам социально-экономического развития Монголии в целом (с XVII века).

В данной статье будут рассмотрены слабо разработанные вопросы вышеназванной темы (землепользование, феодальные отношения, культура и т. п.). При их характеристике нами использованы монгольские хроники, архивные материалы, а также труды и статьи советских и монгольских историков.

Ойратское государство (или Джунгарское ханство) существовало на территории Западной Монголии в течение XVII и первой половины XVIII в. Это было сильное государственное объединение, созданное западно-монгольскими ханами и оставалось таковым вплоть до победы маньчжуров в 1755 г.

В XVII в. связи между различными ханствами Монголии были крайне слабы. Однако во всех частях обширной территории, населенной монгольскими племенами, социально-экономическое развитие шло более или менее однообразно.

Основным занятием ойратов XVII—XVIII вв., как и остальных монгольских племен, было кочевое экстенсивное хозяйство. Богатством страны являлось «табун хошуу мал» (пять видов скота) — рогатый скот, овцы, козы, лошади, верблюды.

Введение скотоводства носило кочевой характер. Скот круглый год находился на подножном корму под открытым небом. Для скота не заготавливалось сено, не строились хашаны и помещения, а поэтому часто случались бедствия. В случаях гололедицы и выпадения «глубоких снегов, — как отмечал Н. Бичурин, — много пропадает его (скота) от истощения и холода»¹⁾.

¹⁾ И а к и ф (Н. Я. Бичурин). Записки о Монголии. СПб., 1828, стр. 180.

Монголы по несколько раз в год кочевали со своим скотом с одного места на другое. Кочевники зависели от времени года и состояния пастбищ. На протяжении года приходилось совершать значительные переходы в поисках хороших пастбищ и водопоя. Способы кочевков были различные. Если халхаские монголы кочевали айльным способом, группами в несколько соседних юрт, то западные и северо-западные монголы — хотонами, группами родственных семей²). Это показывает, что в Монголии в XVII в. характер землепользования был неодинаков. У ойратов землепользование было, в основном, общинным, а в халхаских ханствах и южной Монголии — индивидуальным.

Кочевки должны были проходить в рамках определенной территории, составлявшей владение того или иного феодала. Акад. Б. Я. Владимирцев писал: «Простой монгол должен был кочевать согласно распоряжениям своего сеньора, обязан был останавливаться там, где ему укажут и переходить на новые пастбища тоже в зависимости от воли своего господина»³).

Земледелие не играло сколько-нибудь существенной роли в экономике ойратов, хотя во второй половине XVII в. — первой половине XVIII в. оно получило некоторое развитие благодаря завоеванным ими земледельческим народам Восточного Туркестана и других мест. В статейном списке русского посла Павла Кульвинского, ездившего в 1667 г. к ойратам, отмечалось, что бухарские пленники, находящиеся в Ойратии, «на тайшей пашню пашут»⁴). Николай Спафарий в дорожном дневнике заметил, что ойратский князь Аблай-тайши поселил в своих владениях пленных бухарцев, обязав их заниматься обработкой земли. У Спафария находим также сведения о том, что у ойратов «родится всякой яровой хлеб и овощи, как у русских»⁵). Капитан Унковский, посетивший в начале XVIII в. Джунгарию, писал, что в Западной Монголии земледелием стали заниматься с 90-х годов XVII в. и что земледельцами были главным образом пленные бухарцы⁶). Следовательно, развитие земледельческого хозяйства в значительной мере являлось результатом труда иноземцев. Земледелие носило подсобный характер. Продукты от земледелия являлись для ойратов дополнительными средствами существования. Основными средствами существования оставались животноводческие продукты и изделия.

Известную роль в ойратском хозяйстве играла охота. Но она уже не имела такого широкого распространения, как в раннее средневековье.

У западных монголов развивалась домашняя промышленность. Она основывалась, в основном, на переработке животноводческого сырья. Из овечьей шкуры изготовлялся войлок для юрт, кошмы. Из овчины шили шубы, шапки, из кожи скота и зверей делали обувь, сосуды, конскую сбрую. Было развито деревообделочное, а также кузнечное производство. Из дерева делали посуду, остовы для юрт, телеги, стре-

²) В своей книге «Очерки новой и новейшей истории Монголии» И. Я. Златкин дает следующее определение хотону: «Хотон — группа семейств, связанных, как правило, кровными узами, возглавляемая старейшим из глав семей», стр. 9.

³) Б. Я. Владимирцев. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934, стр. 113.

⁴) ЦГАДА, ф. 126, Мунгальские дела 1667 г., д. 3, л. 32.

⁵) Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г. (Записки Русск. геогр. о-ва по отд. этнографии, 1882, т. X, вып. 1, стр. 42).

⁶) Посольство к зисгарскому Цеван-Рабдану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его на 1722—1724 гг. (Записки Русск. географ. о-ва по отд. этнографии, 1882, т. X, вып. 2).

лы. В специальных мастерских изготовлялись мелкие железные изделия: дуулги (шлемы), сабли, щиты, наконечники стрел и копий и т. д.⁷⁾

Ойратское хозяйство XVII—XVIII вв., в основном, было натуральным. Почти все изделия домашнего ремесла шли на внутреннее потребление. Но домашнее ремесло и животноводческие продукты не могли полностью удовлетворять все потребности кочевников, поэтому необходим был товарообмен с более развитыми, оседлыми народами. Монголы сбывали свой скот, скотоводческое сырье в другие страны и в обмен получали те товары, которых у них не было или в которых потребность была большая. Например, путем торговли с китайцами получали ткани, металлические изделия, серебро и т. д. Западные монголы торговали с русскими и со Средней Азией. Следует отметить, что торговля велась, в основном, монгольскими феодалами, собиравшими большое количество скота и сырья в порядке натуральных поборов от трудящихся, поэтому торговля не захватывала все монгольское общество, всю экономику.

Эти внешнеторговые отношения не могли изменить натуральный характер монгольской экономики. В условиях кочевого образа жизни, феодальной раздробленности и постоянных ханских междуусобиц не было реальных возможностей для прогресса в экономике, развития общественного разделения труда, роста ремесла и товарного производства.

В XVII—XVIII вв. ойраты жили в условиях феодализма, феодальных отношений, хотя и сохранялись пережитки патриархально-родового строя. Процесс развития классовых феодальных отношений у монголов, как и у многих кочевых народов, из-за низкого уровня производительных сил, протекал замедленно, поэтому пережитки родового строя переплетались с феодальными отношениями. Родо-племенные пережитки особенно заметны в общественно-политической жизни ойратов, где феодальные отношения были недостаточно зрелы. Основой феодальных отношений в Западной Монголии являлась феодальная собственность на землю, пастбища. В условиях кочевого скотоводства собственность феодала на землю выражалась в том, что феодал обладал правом распоряжаться пастбищами, регулировать перекочевки в рамках своего владения. Каждый феодал располагал более или менее закрепленной за ним определенной территорией, т. е. пастбищами. Простые массы трудящихся являлись крепостными — албату—феодалов, находились в их зависимости. «Как и в давние времена империи, сеньору принадлежали люди и место, пастбищные территории, где они могут кочевать»⁸⁾. Феодальный режим допускал существование личного аратского хозяйства. Араты⁹⁾ являлись собственниками некоторого количества скота и несложных орудий труда. Однако существование аратского хозяйства было неустойчивым. Используя внеэкономическое принуждение и свою экономическую власть, феодал распоряжался судьбами аратов и их хозяйств. Как албату феодала, арат обязан был нести различные феодальные повинности и платить натуральные поборы. Кроме прямых налогов, арат должен был платить за феодала его семейные расходы и долги и расходы при съездах, надомах и т. д.

⁷⁾ Среди экспонатов Центрального гос. музея в Улан-Баторе имеются предметы средневековья, из памятников XVI—XVII вв. в музее хранятся кольчуги, железные шлемы, щиты, сабли, копья, стрелы, седла (см. кн. «Улсын тов музей, Улаан-Баатар, 1954).

⁸⁾ Б. Я. Владимирцев. Указ. соч., стр. 160.

⁹⁾ Араты — крестьяне; аратское хозяйство — крестьянское хозяйство.

Кроме того, как отмечают классики марксизма-ленинизма, мелкое крестьянское хозяйство должно было поставлять рабочие руки для помещичьего хозяйства. Анализируя состояние русского крестьянского хозяйства, В. И. Ленин в свое время писал, что «Собственное» хозяйство крестьян на своем наделе было условием помещичьего хозяйства, имело целью «обеспечение» не крестьянина — средствами к жизни, а помещика — рабочими руками»¹⁰). Эти ленинские слова применимы к истории феодальных отношений в Монголии XVII—XVIII вв. На самом деле, феодальные владения не могли существовать без мелких аратских хозяйств, без аратского труда. Аратский труд использовался непосредственно в хозяйстве феодала, арат выполнял функции пастуха, доильщика, стригателя и т. д. Подобная форма феодальной эксплуатации была наиболее распространенной в рассматриваемый период.

Арат обязан был нести военную службу, участвовать в походах. Одной из тяжелых повинностей была уртонная служба. Трудящиеся, выполняя эту повинность, давали лошадей, сопровождали и обслуживали феодалов, ханских чиновников.

В монгольских летописях нередко встречаются упоминания об угнетенном положении аратов, о притеснениях их князьями.

Следствием феодальной эксплуатации являлось сопротивление аратства. Самой обычной и доступной формой сопротивления был уход, откочевка аратов. Но он не всегда удавался. Феодалы принимали сообразные меры против беглецов. В монголо-ойратских законах 1640 г. и «Халха Джирум» имеются специальные статьи о беглецах, об их наказании. В законах 1640 г. читаем: «если к кому придут перебежчики, то, взявши половину (их имущества), таковых возвращать»¹¹).

В своде законов «Халха Джирум» сказано: «Если кто задержит беглого по истечении трех суток после побега, пусть выдает его головою основному владельцу его (эджену), предварительно обобрав беглого дочиста»¹²).

Отсталость и недостаточная развитость классового сознания аратов мешала развертыванию широкой борьбы против феодального гнета. Несмотря на это, в западно-монгольском обществе XVII—XVIII вв. классовая борьба имела место. Эта борьба явилась основной причиной замены шаманства ламаизмом. Феодалы рассчитывали использовать новую, более гибкую ламаистскую религию как действительное орудие подчинения трудящихся масс и укрепления своей власти над ними. Так и получилось. Ламаизм активно помогал феодалам в деле укрепления их власти над массами, выступал как верный защитник феодального режима.

Итак, в ойратском обществе имелись два основных класса: господствующий класс феодалов и крепостное аратство. Аратские массы не были однородны, в их среде происходила дифференциация. Однако большинство аратства составляли бедняки (хара хумун).

На самой низкой ступени общества стояли рабы. Рабский труд, в основном, применялся на дому, но рабы участвовали и в ведении хозяйства. Как говорилось выше, пленные бухарцы вели у ойратов земледельческое хозяйство. Русские архивные документы¹³) содержат ряд

¹⁰) В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 158.

¹¹) К. Ф. Голстунский и. Монголо-ойратские законы 1640 г., дополнительные указы Галдан-хун-тайджия и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-Даши. СПб., 1880, стр. 37.

¹²) Халха-Джирум, Улаан-Баатар, 1959, хууд. 29.

¹³) ЦГАДА, фф. Калмыцкие дела, Мунгальские дела.

данных о рабстве в Западной Монголии. По этим данным, у ойратов имелись рабы иностранного происхождения. Своих людей ойраты продавали на сторону в качестве рабов.

Феодалы в Западной Монголии состояли из влиятельных крупных феодалов, князей и мелких феодалов. Феодалы являлись обладателями наследственных уделов. В рассматриваемое нами время продолжался процесс дробления этих уделов по праву наследования. Подобный процесс приводил к появлению совсем незначительных владений. Феодалы всех ступеней находились в вассальной зависимости от хана. Князья обязаны были участвовать в съездах для решения государственных и военных дел, принимать участие в управлении и суде, в случае войны выделяли вооружение и прочие материальные средства и выставляли войска.

Для средневековой Монголии характерны частые междоусобные войны. Феодалы воевали между собой за преобладание, а также в целях расширения своих владений и накопления богатств. Опираясь на свои надельные земли и пользуясь слабостью ханской власти, князья иногда выступали против своего правителя. В XVII в. в Ойратии имел место ряд крупных феодальных междоусобиц. Одним из значительных выступлений являлась борьба хошутского Очирту-хана против недавно занявшего ханский престол Галдан-хана (70-е гг.), которое завершилось поражением первого¹⁴).

Ойратия, как и вся Монголия, делилась на племенные объединения. Каждое такое объединение (улус) состояло из ряда отоков, которые уже не являлись союзами кровных родственников. В результате феодальных междоусобиц и войн, а также вследствие тех событий, которые имели место у монголов в послеоюаньский период, происходит смещение родов и племен. Как отмечает Б. Я. Владимирцев, большинство монголов утратило родовой строй, у халхасцев XVII в. не существовало родового строя, а остались лишь родовые пережитки.

Как показывают исторические факты, у ойратов в XVII—XVIII вв. имелись роды. Конечно, средневековое родоплеменное деление сильно отличалось от древнего деления на роды и племена. Родовой характер ойратского общества был лишь формой, под которой скрывалось новое содержание — отношения господства и подчинения.

Во главе Ойрато-Джунгарского княжества стоял хан, власть которого была наследственной. Хану наследовали его сыновья и братья. В руках хана была сосредоточена административная, судебная и военная власть. В случае необходимости созывались съезды феодалов. Так, русские архивные документы сообщают о том, что для обсуждения особо важных дел созывался совет князей. Русские послы отмечали также тот факт, что на ханских приемах в честь иностранных послов присутствовали влиятельные князья. На съездах решались важные вопросы государственного руководства, вопросы взаимоотношений между феодалами, вопросы войны. Решения съездов играли большую роль в жизни ханства. Довольно часто эти решения превращались в формы уложений, законов, где всячески возносились права и власть феодалов. Когда внешние и внутренние обстоятельства неотложно диктовали укрепление и объединение сил монгольского народа, созывались большие хуралы, межхановские съезды. Так, перед лицом маньчжурской экспансии по инициативе Батур-хунтайджи 44 князя, феодалы из халхаских

¹⁴) Зая-Пандит-ун тэукэ (ойратская летопись), лл. 74, 84 а.

ханств, Джунгарии, Куку-нора, российские калмыки в 1640 г. собрались на общемонгольский съезд, который принял исключительно важные законы. Внешняя опасность заставила монгольских князей, хотя ненадолго, прекратить внутренние междоусобицы и неурядицы и заключить союз для борьбы против маньчжурской угрозы.

Эти решения имели историческое значение. Джунгарский съезд показал, что при желании можно установить мир между отдельными частями Монголии, а не враждовать между собой.

В монголо-ойратских законах 1640 г. нашли отражение нравы, обычаи, правовые нормы монголов. Не напрасно эти законы называются уставом взысканий, ибо они представляют целую систему различных взысканий, начиная с натуральных сборов и кончая всякого рода наказаниями вплоть до смертной казни. Эти законы своим острием направлены на укрепление взаимоотношений между монгольскими ханами, на военный союз между ними перед лицом внешней опасности. Поэтому в законах уделено очень большое внимание вопросу о совместной защите страны, об отражении врага. Законы предписывают сообща отражать неприятельские нападения, устанавливают строгое наказание (смертную казнь, конфискацию имущества, штрафы) за несообщение о появлении неприятеля, за невзвешивание по тревоге, за бегство в момент вражеского нападения и т. д.

Однако союз монгольских феодалов просуществовал недолго. Старые территориальные и династические споры опять вспыхнули. Большую роль в разрыве этого союза сыграла подрывная политика маньчжур. Путем всевозможных обещаний и подачек, распространения провокационных слухов они натравливали одних монгольских князей на других, тем самым подготавливали почву для собственного проникновения в Северную и Западную Монголию. Существование независимых монгольских ханств в Халхе и Ойратии не давало покоя Цинам. Оно могло оказаться заразительным для южных монголов, изнывавших под чужеземным игом.

Маньчжуры сумели до такой степени обострить отношения между Халхой и Джунгарским ханством, что в 1688 г. вспыхнула междоусобная война между ними. Эта война была на руку врагу, который стремился подчинить независимые монгольские ханства. В результате войны халхаские феодалы потерпели поражение и в большинстве своем бежали из своей страны под покровительство маньчжур. Это означало потерю независимости Халха-Монголии. Таким образом, в конце XVII в. Халха оказалась под властью Цинской династии. А над Западной Монголией нависла непосредственная угроза со стороны Цинов. Однако маньчжуры оказались не в силах так быстро подчинить Джунгарию, как этого они желали. Она сохраняла независимость еще полстолетия, т. е. до середины XVIII в.

Маньчжуры взяли курс на изолирование Монголии от соседних стран — России и Китая. В период, предшествовавший маньчжурскому захвату Халхи, между Монголией и Китаем существовали активные торговые и посольские связи. Например, ойраты ежегодно отправляли в Китай многочисленные посольства и торговые караваны, доходившие до 3 тысяч человек. Так как маньчжуры не были заинтересованы в этих связях, то со временем они запретили монголам ходить в Китай, торговать с ним, закрыли конские рынки на монголо-китайской границе, препятствовали и иным связям.

Завоевание маньчжурами Халха-Монголии сильно подняло значение Джунгарии как единственно независимого монгольского ханства. Ликви-

дача независимости этого монгольского государства стала очередной первоочередной задачей Цинов. В конце XVII в. Ойрато-Джунгарское ханство представляло собой крупное военно-феодальное государство. Во время походов войска ойратов достигали 100 тысяч человек. Ойратия особенно усилилась в годы правления Галдан-хана (1671—1696 гг.), дальновидного и энергичного государя. При Галдане Джунгарскому ханству были подчинены Восточный Туркестан, ряд мусульманских районов, много казахских и киргизских земель. Джунгария имела большой вес на международной арене, она поддерживала связи со многими странами. Особенно регулярными были связи с Россией. Несмотря на ойратские набеги на русские поселения в Южной Сибири, попытки собирать албан у ясачного населения России, московское правительство, исходя из собственных интересов, стремилось поддерживать мирные связи с Джунгарией. Россия сочувственно относилась к борьбе ойратов с маньчжурскими захватчиками. Но в войну она не вмешивалась, ибо главные интересы России лежали на Западе, в Европе, а не в степях Монголии.

Западная Монголия в XVII—XVIII вв. была отсталым феодальным княжеством. Эта отсталость видна и в экономике, и в общественно-политическом строе, и в культуре. Сведений о монгольской культуре в послеюаньский период в течение трех столетий крайне мало. По-видимому, наступившие в этот период непрерывные феодальные междоусобицы не способствовали свободному развитию монгольской культуры. Несомненно, культура у монголов в те времена развивалась, а монгольская литература и письменность не прерывались. Как показывают источники, в результате частых феодальных раздоров и междоусобиц многие интересные письменные памятники бесследно исчезли¹⁵⁾.

Несмотря на общую отсталость, вызванную кочевой жизнью и патриархально-феодальными отношениями и феодальными междоусобицами, монгольский народ сумел сохранить и развить свою самобытную культуру и создать ценные исторические и литературные сочинения.

В XVII веке появились прекрасные образцы устного народного творчества, песни и сказы, музыкальные произведения, пляски. Развивалось прикладное искусство. Были созданы самобытные памятники художественного ремесла: ювелирные изделия, художественная резьба по дереву, металлу, кости, ковры и т. д.

Появился ряд ценных исторических и литературных сочинений. В начале века была создана повесть «История Убаши-Хунтайджи и его войны с ойратами». XVII в. был плодотворен в создании исторических летописей, которые со временем получили широкую известность. Такие летописи, как «Алтан тобчи», «Шара туужуи», «Эрдэнийн тобчи», содержат богатые исторические материалы из жизни средневековых монгольских ханств и народа.

Получает распространение переводная литература, преимущественно буддийская. Например, в XVII веке было переведено на монгольский язык основное сочинение буддизма «Ганжур», состоящее из более 100 томов. Известен своими многочисленными переводами буддийских сочинений один из ведущих деятелей ламаизма XVII в. ойратский ученый-лама Зая-Пандита (1599—1662 гг.). Он не только переводил подобную литературу с тибетского на монгольский, но и сам создал оригинальные ламайские произведения. В 1648 г. Зая-Пандита усовершенствовал монгольский алфавит, приблизив его к живому разговорному языку

¹⁵⁾ Журн. «Шинжлэх ухаан (Наука), Улаан-Баатар, № 3, 1956.

ойратов. Так возник ойратский алфавит — «тод бичиг» (ясное письмо) — на основе монгольской письменности. Алфавит Зая-Пандиты отличается от монгольского начертанием некоторых букв и дополнительными диакритическими знаками, позволяющими точно передавать звуки ойратской речи.

Таково было внешнее и внутреннее положение Западной Монголии, Ойрато-Джунгарского ханства, таковы были социально-экономические условия в XVII—XVIII вв., когда русские установили непосредственные связи с ойратами.

ОРДОНАНСЫ 1311 ГОДА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ В АНГЛИИ НАЧАЛА XIV ВЕКА

Л. С. РАФИЕНКО

В XIII — начале XIV вв. в Англии шел процесс государственной централизации, протекавший в постоянной и упорной борьбе с сепаратизмом крупных феодалов. Основными этапами его была борьба за Великую хартию вольностей 1215 г., гражданская война 1258—1267 гг., конфликт 1297 г. и политический кризис 1310—1311 гг. Программные документы, возникшие в ходе этих крупных столкновений королевской власти с магнатами, такие, как Великая хартия вольностей, Оксфордские и Вестминстерские провизии, Подтверждение хартии 1297 г. и ордонансы 1311 года дают в какой-то мере возможность проследить социальную эволюцию в английском обществе XIII — начала XIV в.

Ордонансы представляют собой программный документ баронской оппозиции начала XIV века и являются одним из ценных источников по политической истории средневековой Англии. В отличие от Великой хартии вольностей Оксфордских и Вестминстерских провизий, Подтверждения хартии, ордонансы 1311 г. не изучены ни в русской буржуазной, ни в советской историографии. А между тем они, несомненно, представляют интерес, так как отражают экономическое положение и политическую позицию магнатов, рыцарства и горожан, которые являлись основными действующими силами оппозиции в политическом кризисе 1310—1311 гг. Поэтому задача настоящей статьи состоит в том, чтобы показать при анализе и сравнении вышеуказанных документов, какие политические и экономические требования выдвигали магнаты, рыцарство и города в начале XIV в. и какие изменения произошли в расстановке классовых сил в стране по сравнению с XIII в.

Политической борьбе в Англии начала XIV в. посвящено много работ английских и американских историков конца XIX и первой половины XX в.¹⁾ Однако вся эта литература рассматривает указанную борьбу через призму конституционного развития страны, не вскрывая ее социального смысла. Поэтому большинство английских и американских медиевистов, особенно современных, видят основной результат политической борьбы в Англии начала XIV в. в разделении парламента на две

¹⁾ B. Wilkinson. The constitutional history of England 1216—1399 with select documents, vol. 2, 1952.

G. T. Lapsley. Knights of the shire in the Parliament of Edward 2. Из книги: Crown, Community and Parliament in the later middle ages, Oxford, 1951.

W. A. Morris. Magnates and Community of the Realm in Parleament (1264—13277). Medievalia et Gumanistica, Colorado, 1943.

палаты, в частности, к такому выводу приходит У. А. Морис²). Другие, например, И. Р. Страер, оценивают этот период, как «время революционных экспериментов в английском правительстве»³).

Исследования, посвященные периоду правления Эдуарда II (1307—1327 гг.) в основном делятся на две группы. Одни историки идеализируют политическую позицию баронов. К ним относятся У. Стеббс и Б. Уилкинсон. У. Стеббс — видный представитель вигской школы 70-х годов XIX в. Его политическая концепция подверглась детальному анализу в работе Е. В. Гутновой «Возникновение английского парламента»⁴). В связи с этим мы здесь отметим только, что он, рассматривая королевскую власть в Англии начала XIX в. как надклассовую силу, вступающую в противоречие с интересами «нации», от лица которой выступают бароны, делает вывод, что борьба Эдуарда II с баронской оппозицией была борьбой «между короной и нацией», которая «дала великие конституционные результаты»⁵).

Современный медиевист Б. Уилкинсон является последователем Стеббса. Он также считает, что в начале XIV в. бароны были выразителями интересов «народа», но идет еще дальше, объявляя главу баронской оппозиции эрла Томаса Ланкастера «радикалом» и «парламентарием» и считает, что тот создал свою, так называемую «Ланкастерскую традицию», поддержанную последующими поколениями⁶).

Другая группа историков изображает период правления Эдуарда II как смутное время между царствованием «английского Юстиниана» Эдуарда I и царствованием Эдуарда III. Эти медиевисты видят причину политического упадка Англии за период 1307—1327 гг. исключительно в личности короля Эдуарда II. Особенно это ярко выражено в работах Т. Ф. Тоута, который большое внимание уделяет описанию личных качеств Эдуарда II⁷). Этот король, по его мнению, «имел особую склонность быть свергнутым с престола»⁸). Неправильное понимание роли личности в истории привело Тоута к тому, что он объясняет политическую борьбу, происходившую в Англии в начале XIV в., «недостатками» и «дурными наклонностями» Эдуарда II.

² I. R. Strayer. Statute of Iork and Community of the Realm. American Historical Review, (далее сокращенно—A. H. R.) 1941, vol. 47, № 1.

G. L. Haskins. The growth of England representative government, Philadelphia, 1948.

G. L. Haskins. A Draft of the Statute of Iork, English Historical Review, 1937, vol. 52, № 205.

H. Ionstone. The Cambridge medieval history, 1932, vol. 7. Caridge at university press.

T. F. Tout. The place of the reign of Edward 2 in English history, Manchester, 1914.

T. F. Tout. The political history of England in twelve volums, London, 1905, vol. 3.

W. Stubbs. The constitutional history of England in its origin and development, Oxford, 1875, vol. 2.

³ W. A. Morris. Magnates and Community of the Realm in Parliament (1264—1327) Medievalia et Gumanistica, 1943, fast 1, p. 94.

⁴ I. R. Strayer. Statute of Iork and Community of the Realm, A. H. R. 1941, vol. 47, p. 1.

⁵ Е. В. Гутнова. Возникновение английского парламента. М., 1960, стр. 4—8.

⁶ W. Stubbs. The constitutional history of England, vol. 2, p. 305—306.

⁷ W. Wilkinson. The constitutional history of England 1216—1399 with select documents, vol. 2, p. 11.

⁸ T. F. Tout. The place of the reign of Edward 2 in English history p. 9—12.

T. F. Tout. The political history of England, vol. 3, p. 236—238.

⁸) Ibid., p. 236.

В связи с указанной трактовкой этого периода ордонансы 1311 г. не заняли должного места в исследованиях английских и американских медиевистов, и хотя Тоут, Стеббс, Уилкинсон и Джонстон упоминают о них, но глубокого анализа не дают⁹⁾.

У. Стеббс считает ордонансы одним из звеньев непрерывной цепи конституционных реформ, причем он полагает, что они представляли собой собрание старых жалоб. Единственным новым требованием он считает стремление магнатов ограничить власть короля¹⁰⁾.

Рассуждения Б. Уилкинсона не отличаются от концепции Стеббса. Объявляя магнатов «радикалами», он заявляет, что ордонансы были первой попыткой закрепить «национальный контроль» над бюрократией¹¹⁾, что благодаря им парламент был впервые выдвинут как средство для проведения реформ баронов в жизнь. Уилкинсон считает их одним из Ланкастерских политических экспериментов¹²⁾. Этот историк исходит из неверных позиций. Магнаты не могли быть «радикалами» в силу своего социального положения. Во владениях крупных феодалов применялись наиболее отсталые методы ведения хозяйства, оно не могло быстро приспособиться к условиям развития товарно-денежных отношений, отчего бароны представляли собой наиболее реакционную группировку в английском феодальном обществе, препятствующую процессу государственной централизации. Тем более нельзя говорить об осуществлении магнатами «национального контроля», так как они установили свой личный контроль лишь прикрытый парламентской вывеской. Это подтверждается тем, что в большинстве статей ордонансов в качестве контролирующего органа указывается не парламент, а только «бароны, заседающие в парламенте».

Т. Ф. Тоут, посвятивший специально этому периоду большую монографию, уделяет значительное внимание личному составу ордейнеров, изменениям в системе управления королевского двора, но не содержанию ордонансов, прямо заявляя, что подобно Мальмесберийскому хросту не собирается подробно их разбирать¹³⁾.

Он отождествляет ордонансы с Оксфордскими провизиями, программным документом баронской олигархии XIII в., видя их единственное отличие в реформах королевского двора, которые сводились к установлению норм поставок продуктов для нужд двора и к уточнению обязанностей дворцовых чиновников¹⁴⁾. Тоут приходит к такому выводу, потому что не вскрывает социального смысла этого документа и ищет внешние признаки сходства гражданской войны 1258—1267 гг. и политического кризиса 1310—1311 гг. В другой своей работе он просто ограничивается пересказом содержания статей ордонансов без каких-либо комментариев¹⁵⁾, как это делает и профессор Хильда Джонстон¹⁶⁾.

Таким образом, буржуазные медиевисты, которые в какой-то мере касаются ордонансов 1311 г., не вскрывают социального смысла доку-

⁹⁾ См. указанные выше работы этих авторов.

¹⁰⁾ W. Stubbs. The constitutional history of England, vol. 2, p. 330.

¹¹⁾ B. Wilkinson. Constitutional history with select documents, 1952, vol. 2, p. 24—25.

¹²⁾ Ibid., p. 14.

¹³⁾ T. F. Tout. The place of the reign of Edward 2 in English history, Manchester, 1914, p. 85.

¹⁴⁾ Ibid., p. 91—92, 244—245. Постановления ордейнеров относительно королевского двора были изданы в 1318 г. в качестве приложения к ордонансам 1311 г.

¹⁵⁾ T. F. Tout. The political history of England in twelve volumes, London, 1905, vol. 3, p. 347—348.

¹⁶⁾ H. Constance. In „The Cambridge medieval history“, vol. 7, ch. 14, p. 416—417.

мента, не отражают его классового характера и не объясняют причины их отмены.

К началу XIV в. в Англии в результате экономического и политического объединения страны усилилась королевская власть. Несмотря на то, что государственная централизация проходила в интересах класса феодалов в целом, она встречала сопротивление со стороны отдельных его группировок. Как известно, господствующий класс в Англии XIII—XIV вв. был по своему составу не однороден. Он делился на несколько групп, объединенных общими интересами. Королевская власть должна была учитывать борьбу между этими группировками и, лавируя между ними, использовать их для усиления центральной власти¹⁷⁾.

Ф. Энгельс в письме к Шмидту отмечает, что «в борьбе между правительством и оппозицией отражается борьба уже до этого существовавших и борющихся классов.., уже не прямо, а косвенно, не как борьба классов, а как борьба за политические принципы...»¹⁸⁾. Такого рода борьба внутри класса феодалов разгорелась в Англии в период правления Эдуарда II (1307—1327 гг.). Чтобы выяснить причины ее возникновения следует обратить особое внимание на программный документ оппозиции — ордонансы 1311 г., которые вскрывают расстановку классовых сил в стране и выявляют основные цели оппозиции.

Какова же была политическая обстановка в Англии накануне появления ордонансов 1311 г.?

Эдуард II, не желая допустить контроля со стороны крупных феодалов, окружил себя людьми незнатными или иностранцами, которые целиком и полностью зависели от него и не были связаны с английским баронством. Придворная клика, возглавляемая королевским фаворитом Пьером Гавестоном, стремилась удержать государственный аппарат в своих руках и не допустить контроля со стороны магнатов. Эти цели вполне соответствовали намерениям короля, и он всячески их поддерживал. Члены придворной группировки стремились предельно увеличить свои доходы за счет феодального государства и трудящихся слоев населения, что вызывало зависть магнатов и глубокое недовольство в городах и графствах.

После политического конфликта 1308 г., в результате которого король вынужден был подчиниться всеобщему требованию и изгнать своего любимца Гавестона, в стране наступило кратковременное умиротворение. Эдуард II, воспользовавшись отсутствием единства среди баронов, подарками и обещаниями привлек многих из них на свою сторону. Ослабив силы баронской оппозиции, он вернул Гавестона из ссылки. Чтобы смягчить напряженное положение, создавшееся в стране после возвращения Гавестона, и привлечь на свою сторону широкие слои населения, король прибег к тактике лавирования. Результатом этой политики было издание Стамфордского статута летом 1309 г., согласно которому под страхом наказания запрещалось делать реквизиции товаров в городах и на ярмарках лицам, не имеющим на это достаточных полномочий. Кроме того, он призван был устранить злоупотребления королевских чиновников и ограничить юрисдикцию стюардов и маршалов¹⁹⁾. Король также отменил пошлины, введенные Эдуардом I, и тем самым

¹⁷⁾ О социальной структуре Англии XIII—начала XIV в. см. подробнее Е. А. Кошинский „Исследование по аграрной истории Англии XIII века“, М.—Л., 1947, гл. 5—7; Е. В. Гутнова, „Возникновение английского парламента“, М., 1960, гл. 2—4.

¹⁸⁾ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, 1948, т. 2, стр. 473.

¹⁹⁾ The statutes of the Realm 1101—1713, ed. A. Luders and T. Moulins, London, 1810, vol. 1, p. 154—156. (Далее сокращенно The statutes).

уничтожил привилегии иностранных купцов, чего так добивались горожане²⁰). Этот статут отражал интересы городов и рыцарства, которые были постоянно связаны с рынком, отчего злоупотребления королевских чиновников, реквизиции и привилегированное положение иностранцев вызывали у них недовольство. Стамфордский статут был ответом на петицию «общин», которую король отказался принять на Вестминстерском парламенте в апреле 1309 г.²¹).

Чтобы смягчить недовольство, возникшее в связи с возвращением из ссылки королевского фаворита, он частично удовлетворил требования петиции горожан и рыцарства.

Укрепив свое положение, король вместе с Гавестоном решили вернуть утраченные политические позиции. Гавестон снова стал устранять с высших государственных должностей сторонников магнатов, а на их место ставил своих родственников и друзей²²). Стамфордский статут не соблюдался и реквизиции, производимые королевскими чиновниками, принимали все большие размеры. Лондонский хронист прямо пишет, что «по причине сборов и притеснений, совершаемых королевскими слугами, весь народ (plebs) приговорился к восстанию»²³). В начале 1310 г. были восстановлены отмененные в 1309 г. повышенные пошлины²⁴). Возмущение баронов слилось с недовольством широких масс.

Происходит оформление баронской оппозиции, во главе которой становится крупнейший магнат Англии, эрл Томас Ланкастер²⁵). Он выдвинулся среди магнатов в силу своей знатности и имущественного положения. Его современник, автор Мальмесберийской хроники, пишет: «Я не верю, что какой-либо герцог или граф Римской империи имел такие огромные доходы со своих владений, как Томас, граф Ланкастерский»²⁶). Вокруг него группируются крупные феодалы, владельцы обширных земель и различных судебно-административных привилегий. У них, как у непосредственных держателей, были частые столкновения с королем — их сюзереном. Магнатам удалось использовать недовольство горожан и рыцарей политикой Эдуарда II и его придворной группировки и привлечь их на свою сторону.

Рыцарство было наиболее многочисленной частью господствующего класса. Не имея достаточных средств для внеэкономического принуждения, какими располагали магнаты в своих иммунитетах, оно было особенно заинтересовано в усилении королевской власти.

Городская верхушка не принадлежала к господствующему классу. Между королем, проводившим политику в интересах феодалов, и городами нередко возникали временные конфликты. В целом города, заинтересованные в прекращении феодальных усобиц и в развитии внутренне-

²⁰) Эшли У. Дж. Экономическая история Англии в связи с экономической теорией, Москва, 1897, стр. 120.

²¹) Parliamentary writs and writs of military, London, 1830, part 1, vol. 2, p. 24—35 (Далее сокращенно Parliamentary writs).

W. Stubbs. The constitutional history of England, vol. 2, p. 324.

²²) Chronicles of reigns Edward 1, and Edward 2 (Далее сокращенно Chronicles), ed. W. Stubbs, London, 1882—1883, Roll Series 76, vol. 2, p. 35—36 (Auctore Bridlingtonensi).

²³) Chronicles, vol. 1, p. 157 (Annales Londonienses).

²⁴) Эшли У. Дж. Экономическая история Англии, М., 1897, стр. 120.

²⁵) Он был двоюродным братом Эдуарда II и родственником французского короля Филиппа IV Красивого. Владелец графств Ланкашир и Лейстер, он после женитьбы на наследнице эрла Линкольна получил графство Дерби, а после смерти тестя еще графства Линкольн и Сольсбери.

²⁶) Chronicles, vol. 2, p. 181 (Auctore Malmesbertensi).

го рынка в стране, поддерживали процесс государственной централизации.

Эта политическая борьба в начале XIV в. проходила на фоне возрастающей антифеодальной борьбы английского крестьянства, но ни в одном из документов, изданных оппозицией, не отражены его интересы.

Конфликт произошел накануне Лондонского парламента, состоявшегося 27 февраля 1310 г. Хроники дают подробное описание этого парламента²⁷⁾. Бароны изложили в петиции, представленной королю, свои требования и упрекали короля в том, что он окружил себя «плохими» сановниками, которые истощили страну вымогательствами, что он расточал денежные субсидии своим фаворитам, что он потерял Шотландию, а Гасконь и Ирландия близки к отпадению от Англии²⁸⁾. Перечислив свои жалобы, магнаты потребовали от него разрешения создать особую комиссию ордейнеров из числа епископов, графов и баронов, которая бы могла выработать программу реформ в стране²⁹⁾.

Под давлением широкого фронта оппозиции король вынужден был в ответной хартии от 15 марта 1310 г. согласиться на избрание ордейнеров и предоставление им полной власти «для реформ королевства и его двора». Срок власти ордейнеров был ограничен одним годом³⁰⁾. Это была крупная победа магнатов. Последние не замедлили приступить к действию и опубликовали шесть статей, представлявших собой первое издание ордонансов³¹⁾. То, что половина из них отражает интересы рыцарства и городов, говорит о многом. Бароны, используя активное участие в оппозиции более широких слоев населения, не могли не учесть интересы своих союзников. Принятие первого варианта ордонансов проходило в очень напряженной политической обстановке. По свидетельству автора Мальмесберийской хроники, король всячески оттягивал их утверждение. Магнаты настаивали на своем и угрожали ему. «Они заявили единогласно, что если король не утвердит их решений, то они не будут признавать его королем»³²⁾. Первая публикация ордонансов была популярна в стране. Автор Бридлингтонской хроники сообщает, что Эдуард II «сожалел, что передал баронам всю власть, но его сторонники — графы Глостерский, Уоренский и Корнуольский, выразили беспокойство, что отмена ордонансов может вызвать восстание в стране³³⁾. Налицо был политический кризис, из которого можно было выйти только путем компромисса с магнатами. Поэтому король вскоре признал выборы ордейнеров и ордонансы³⁴⁾. По требованию крупных феодалов он вынужден был произвести и смену высших сановников³⁵⁾.

Сразу после публикации первого варианта ордонансов король объявил о походе в Шотландию с тем, чтобы смягчить недовольство в стране и успешной военной экспедицией поправить свои пошатнувшиеся позиции. Однако эта экспедиция не принесла никаких результатов

²⁷⁾ Chronicles, vol. 1, p. 167—173 (Annales Londonienses). Chronicles, vol. 1 p. 268 (Annales Paulini). Chronicles, vol. 2, p. 36—37 (Auctore Bridlingtonensi). Chronicles, vol. 2, p. 162—163 (Auctore Malmesbertensi).

²⁸⁾ The statutes of the Realm, vol. 1, p. 157.

²⁹⁾ Chronicles, vol. 1, p. 168—169 (Annales Londonienses).

³⁰⁾ Ibid., p. 169—170. Chronicles vol. 2, p. 36 (Auctore Bridlingtonensi).

³¹⁾ The statutes, p. 158 (статьи 1—6). Chronicles, vol. 1, p. 172—173 (Annales Londonienses).

³²⁾ Chronicles, vol. 2, p. 163 (Auctore Malmesbertensi).

³³⁾ Chronicles, vol. 2, p. 39 (Auctore Bridlingtonensi).

³⁴⁾ Chronicles, vol. 2, p. 163 (Auctore Malmesbertensi).

³⁵⁾ Chronicles, vol. 1, p. 269 (Annales Paulini).

и только способствовала ухудшению его положения. В этой напряженной обстановке избранные магнатами ордейнеры, среди которых преобладали противники короля, составили дополнительные 35 статей ордонысов. Для утверждения их был созван парламент в Лондоне 30 сентября 1311 г., на котором были широко представлены города и рыцарство³⁶). Как сообщает автор Мальмесберийской хроники, «король... опротестовал эти статьи, считая некоторые из них неудобными для себя, а некоторые прямо враждебными и заявил, что он не может принять их»³⁷). Не встретив поддержки, Эдуард II просил исключить только 20-ю статью ордонысов об изгнании Гавестона. Бароны ответили отказом и пригрозили ему мятежом. Под их нажимом король вынужден был дать свое согласие на издание ордонысов, которые просуществовали недолго и были отменены широко известным в литературе Йоркским статутом 1322 г.

Ордонысы 1311 г. состоят из преамбулы и 41 статьи. Преамбула и первые шесть статей представляют собой первый вариант 1310 г., а дополнительные 35 статей относятся ко второму варианту. Документ опубликован в 1810 году в издании «The statutes of the Realm 1101--1713»³⁸). К тексту ордонысов прилагается коронационная клятва короля.

Ордонысам была придана форма королевского пожалования. Насколько это «пожалование» было «добровольным», можно судить по ожесточенной борьбе, которую король начал сразу после утверждения ордонысов. Он создал специальную комиссию по пересмотру ордонысов³⁹) и в 1312 г. пригласил в Англию двух французских легистов, которым было поручено ознакомиться с этим документом и аргументировать его несостоятельность⁴⁰). Материалы французских легистов представляют для нас большую ценность потому, что они не только выявляют мнение об ордонысах противоположной стороны, но и подчеркивают основные требования оппозиции. В статьях французских легистов, которые наиболее ревностно развивали в это время теорию неограниченной королевской власти, можно проследить отношение Эдуарда II к ордонысам в целом и к отдельным статьям. Они не разбирают все статьи ордонысов, а лишь те, которые затрагивают основные принципы неограниченной монархии или касаются королевских финансов, не останавливаясь на частных вопросах. Французские легисты отрицали правомочность ордонысов, основываясь на том, что последние ограничивали права короля и были одобрены только самими ордейнерами, а не всеми прелатами и баронами, и отождествляли их с Оксфордскими провизиями, которые были аннулированы Людовиком Святым, причем отмена была подтверждена римскими папами Урбаном IV и Климентом V и распространилась на будущее. Отсюда они делали вывод, что ордонысы составлены лицами, отлученными от церкви за на-

³⁶) Parliamentary writs, p. 44—56.

³⁷) Chronicles, vol. 2, p. 170—171 (Auctore Malmesberiensis). Chronicles, vol. 1, p. 270 (Annales Paulini).

³⁸) The statutes of the Realm 1101—1713 ed. A. Luders and T. E. Moulins, London, 1810, vol. 1.

³⁹) Rotuli parliamentorum, ut et petitiones et placita in parlamento, 1830, (Roll of parliament), Appendix, vol. 1, p. 447—448 (Далее сокращенно Rotuli parliamentorum).

⁴⁰) Текст статей французских легистов об ордонысах 1311 г. приведен в Лондонской хронике, автор которой подробно описывает события этого периода. Chronicles, vol. 1 p. 211—215 (Annales Londonienses).

рушение вышеуказанного постановления, и поэтому не могут быть действительными.

Преамбула ордонансов составлена от имени короля, который «по доброй воле» (of our free will) разрешил магнатам создать комиссию ордейнеров для проведения коренных изменений в стране, так как в противном случае «в английском королевстве возникнет восстание вследствие притеснений и реквизиций» (... and his Realm of English upon the point of rising on account of oppression, prises...). Во избежание этого Эдуард II передал комиссии ордейнеров «всю полноту власти для управления нашим государством и нашим двором так, чтобы ордонансы служили во славу бога и святой церкви для почета и выгоды короля, на благо нашего народа, законно, разумно и согласно коронационной клятве короля»⁴¹), причем срок их полномочий ограничивался одним годом.

Такие демагогические заявления магнатов «о благе народа» дали возможность некоторым английским медиевистам, даже таким видным, как Стеббс, сделать вывод, что бароны действовали в интересах «всей нации».

Первые шесть статей ордонансов, представляющих собой первую публикацию, содержат следующие требования:

1. Церковь должна пользоваться всеми привилегиями, которые она имела раньше.
2. «Мир короля» должен соблюдаться во всем королевстве.
3. В течение власти ордейнеров король не должен раздавать земельных пожалований, рент, привилегий, прав на опеку или разрешение на брак, должностей без согласия баронов.
4. Пошлины в королевстве должны собираться отечественными чиновниками, а не иностранцами, и поступать в казначейство, чтобы король мог жить за свой счет без каких-либо реквизиций.
5. Иностранные купцы вместе с их имуществом должны быть задержаны и обязаны дать отчет в казначейство о своих доходах.
6. Великая хартия вольностей должна соблюдаться, а если в ней будут найдены неясные места, то ордейнеры обязаны их объяснить⁴²).

Магнаты хотели сосредоточить в своих руках основные политические функции в государстве. Прежде всего, они оставили за собой право контролировать раздачу земель и других привилегий, желая подчинить ее своим интересам и не допустить дальнейшего обогащения фаворитов. Кроме того, они взяли на себя обязанность трактовать неясные места Великой хартии вольностей, что давало им возможность объявить любое королевское постановление противоречащим Великой хартии. Это ставило короля в зависимость от магнатов. Поэтому французские легисты опровергли эти статьи, ссылаясь на то, что каждому дозволено дарить свое имущество по своему желанию, и считали незаконным устанавливать контроль над королем.

Особые возражения вызвала у французских легистов статья о запрещении раздачи земель королевского домена. Они считали, что король имеет полное право раздавать земли в качестве бенефиция, за что бенефициарии несут ему военную службу. Легисты были против лише-

⁴¹) The statutes.. vol. 1, p. 157. "...they should be.. full power to order the state of our Hausehold.. in such manner that their ordinances, should be made to the honour of God and the honour and profit, of Holy Church, and to our honour and to our profit, and to the profit of our people, accouding to right and reason and the outh wich we made of our Coronation".

⁴²) The statutes, vol. 1, p. 158 (статьи 1—6).

ния короля права трактовать неясные места Великой хартии вольностей, присвоенного магнатам, и заявили, что королевский сан не допускает такого произвола со стороны баронов⁴³).

Чтобы закрепить свою победу, магнаты были вынуждены отразить в ордонансах интересы рыцарей и горожан, которые прежде всего стремились к установлению мира в стране⁴⁴). Не имея достаточных средств, чтобы оградить себя от произвола крупных феодалов, они выступали против феодальных усобиц, которые приводили к разорению их хозяйства, нарушали торговые связи, препятствовали развитию внутреннего рынка.

Вопрос об иностранном купечестве был наиболее важным для городов. Английское купечество страдало от иностранной конкуренции. В конце XIII в. Ганзейские города основали в Лондоне свое поселение, так называемый Стальной двор, и имели фактории в Бастоне и Линне. Ганза занимала в английской торговле привилегированное положение, несмотря на зависть и недоброжелательство лондонских купцов, не принадлежавших к этому привилегированному союзу⁴⁵). Видную роль в Лондоне играли итальянские купцы. Выступая против нарушения монополии внутренней торговли иностранными купцами, английское купечество, и прежде всего лондонское, подчинило их строгому кодексу обязательных постановлений. Так, иностранцы не могли ездить в глубь страны и заниматься розничной торговлей, а срок их пребывания в Англии был ограничен 40 днями. Это противоречило интересам феодалов. Король и магнаты, являясь основными покупателями предметов роскоши, всячески покровительствовали иностранным купцам, которые были готовы платить повышенные пошлины, лишь бы им предоставили более широкие возможности для торговли. Поэтому Эдуард I в 1303 г. издал Хартию о купцах (*Carta Mercatorum*), которая ставила иностранцев в привилегированное положение. Эта хартия за уплату повышенных пошлин уничтожала все прежние ограничения относительно места и времени пребывания иностранных купцов в стране. Вот почему в первом же издании ордонансов горожане добились включения требования о задержке иностранных купцов и представлении отчета в казначейство об их доходах⁴⁶).

Города добивались упорядочения сбора пошлин, которые должны были собираться королевскими чиновниками и поступать в казну, а не отдаваться на откуп. В четвертую статью ордонансов они включили требование, чтобы сбор пошлин совершался отечественными чиновниками, а не иностранцами, которые очень часто выступали в роли богатых откупщиков⁴⁷). Эта статья отражает интересы как городов, так и магнатов. Если горожане желали упорядочения сбора пошлин, то магнаты стремились установить контроль над государственными финансами. На эту статью легисты отвечают очень лаконично, полностью отрицая какие-либо реквизиции в пользу короля, и считают, что вопрос о том, как собирать пошлины в стране, не входит в компетенцию баронов⁴⁸).

При сравнении первого варианта ордонансов со вторым выясняется, что если в первом половина статей (3 из 6) отражает интересы маг-

⁴³) *Chronicles*, vol. I, p. 213 (*Annales Londonienses*).

⁴⁴) *The statutes*, vol. I, p. 158 (статья 2).

⁴⁵) Т. Роджерс. История труда и заработной платы в Англии с XIII по XIX в. СПб, стр. 118—119.

⁴⁶) *The statutes*, vol. I, p. 158 (статья 5).

⁴⁷) *The statutes*, vol. I, p. 158 (статья 4). Она полностью передает содержание статьи 8 второго варианта ордонансов. *Ibid.*, p. 159.

⁴⁸) *Chronicles*, vol. I, p. 213 (*Annales Londonienses*).

натов, то во втором требования магнатов посвящены две трети статей (20 из 35), причем они касаются кардинальных вопросов управления государством и ограничения королевской власти, в то время как статьи, посвященные рыцарству и городам, далеко не полностью отражают интересы последних. Это свидетельствует о некотором изменении политический обстановки в стране к моменту появления второго варианта ордонансов. В 1310 г. магнаты, добиваясь власти, стремились заручиться поддержкой союзников и поэтому наряду со своими интересами отразили интересы рыцарства и горожан. В 1311 г., укрепив свое положение, они не спешили выполнять данные обещания.

Первостепенное значение бароны придавали изгнанию фаворитов и ближайших сторонников Эдуарда II. В XIII—XIV вв. английские короли, стремясь к неограниченной власти, окружали себя иностранцами и незнатными людьми, которые всецело зависели от них и выполняли их волю. Это вызывало особенное недовольство у крупных феодалов, претендующих на ограничение королевской власти и захват высших должностей в государстве. Еще в Великой хартии вольностей магнаты добились изгнания сторонников короля из иностранцев⁴⁹). Этого требовали магнаты в ходе гражданской войны 1258—1267 гг. Подобная статья была включена и в ордонансы 1311 г.⁵⁰). Особым нападкам подвергся любимец Эдуарда II — Гавестон, изгнанию которого посвящена самая большая 20-я статья⁵¹). Современник событий — автор Мальмесберийской хроники подчеркивает, что эта статья считалась наиболее важной, хотя она не была первой в ордонансах⁵²). Бароны обвинили Гавестона в том, что «он распоряжался государством и разорял короля и народ, что он отвращал сердце короля от его верного народа и презирал их советы»⁵³). Они с завистью смотрели на обогащение королевского фаворита, который игнорировал их и не допускал их вмешательства в управление государством. Они ненавидели его за то, что тот использовал королевскую казну и вывозил ценности в Гасконь, смещал по своему усмотрению государственных чиновников и ставил на их место иностранцев, заставляя короля раздавать земли домена и добиваясь у него помилования для различных преступников. Поэтому они объявили Гавестона «открытым врагом короля и королевства» и потребовали, чтобы он навсегда был изгнан из Англии, Шотландии, Ирландии и Уэльса. Очевидно, большинство этих обвинений было не лишено основания, так как все хроники указывают, что борьба магнатов с Гавестоном была популярна среди широких масс населения. Автор Мальмесберийской хроники пишет о казни Гавестона в 1312 г.: «Я твердо скажу, что смерть одного человека никогда не воспринималась с такой радостью... Радовалась земля, радовались люди, что со смертью Гавестона наступил мир»⁵⁴).

Аналогичные обвинения они предъявили Генриху де-Бомонту, получившему от Эдуарда II остров Мэн, ренты, бейлифства и другие привилегии, и его сестре леди Веси, которой король подарил замок Бамбург.

⁴⁹) Памятники истории Англии XI—XIII вв. М., 1936, стр. 110—111 (статьи 50, 51).

⁵⁰) The statutes, vol. I, p. 160 (статья 13).

⁵¹) Ibid., p. 162 (статья 20).

⁵²) Chronicles, vol. 2, p. 171—172 (Auctore Malmesbertensi).

⁵³) The statutes, vol. I, p. 162 (статья 20). „... in lording it over the state of king and of the crown in destruction of the king and his people, and especially estranging the king's heart from his Liege People, in despising their counsels“.

⁵⁴) Chronicles, vol. 2, p. 181—182 (Auctore Malmesbertensi).

⁵⁵) The statutes, vol. I, p. 163 (статьи 22, 23). Chronicles, vol. 2, p. 41 (Auctore Bridlingtonensi).

Согласно ордонансам эти королевские дарения должны были быть у них немедленно отобраны⁵⁶⁾.

Изгоняя фаворитов, бароны, прежде всего, рассчитывали заменить их своими сторонниками и прибрать к рукам конфискованное у них имущество. Они были против разбазаривания доменiallyных земель, так как это подрывало финансовую базу короны и повышало размеры государственных налогов. Магнаты прямо заявляют в 7-й статье ордонансов, что все дарения, сделанные в ущерб короне, должны быть отменены и впредь не должны даваться без согласия парламента (*without common assent in Parliament*). В противном случае они будут считаться недействительными, а получившие их будут наказаны парламентом, как «разбойники и воры»⁵⁶⁾. Интересно отметить, что бароны выступают здесь как бы от имени парламента, стремясь использовать его авторитет в своих целях и широковещательными заявлениями представить свои действия, как действия парламента «на благо народа, короля и королевства». Естественно, что французские легисты не могли обойти подобного заявления. Они доказывают, что только король может распоряжаться своим имуществом и решение этого вопроса вне пределов власти ордейнеров⁵⁷⁾.

Крупные феодалы хотели лишить всех привилегий и устранить от управления государственным аппаратом сторонников короля, и изолировав его, поставить под свой контроль. В том случае, когда парламента отказывал королю в субсидии, он обращался к итальянским банкирам. Поэтому магнаты объявили об аресте и конфискации имущества купцов итальянской компании Фрискобальди, которые были богатыми откупщиками и банкирами Эдуарда II, и тем самым лишили его финансовой независимости⁵⁸⁾. Обмен денег в стране король должен был теперь делать только с согласия баронов⁵⁹⁾. Они позаботились и о том, чтобы назначения на все высшие должности королевства, такие, как канцлер, казначей, главный судья королевской семьи, стюард королевского двора, хранитель гардероба, контролер, хранитель тайной печати и другие, производились только в соответствии с их желанием⁶⁰⁾. Разбору конкретных случаев таких назначений посвящены статьи 15, 16, 17 и 39⁶¹⁾. Более того, в ордонансах магнаты посягают на основные права королевской власти. Король не имеет права объявить войну или выезжать за пределы королевства «без согласия баронов, которые заседают в парламенте». Если он все же по какой-либо причине созывает на войну своих вассалов, то такой вызов не будет считаться действительным⁶²⁾. Этим требованием они хотели ограничить короля в созыве войска, которое тот мог использовать против них. Запрещая королю объявлять войну без их согласия, бароны преследовали цель подчинить внешнюю политику Англии исключительно своим интересам. Это противоречило политическим целям Эдуарда II, поэтому французские легисты резко осудили эту статью. Они считают, что лишить короля права сво-

⁵⁶⁾ The statutes, vol. I, p. 158—159 (статья 7).

⁵⁷⁾ Chronicles, vol. I, p. 213 (Annales Londonienses).

⁵⁸⁾ The statutes, vol. I, p. 162—163 (статья 21).

⁵⁹⁾ Ibid., p. 165 (статья 30).

⁶⁰⁾ Ibid., p. 160 (статья 14).

⁶¹⁾ Ibid., p. 160 (статьи 15, 16, 17), p. 167 (статья 39).

⁶²⁾ Ibid., p. 153 (статья 9). . . . That the king henceforth shall not go out of his Realm, nor undertake against any one deed of war, without the common assent of his Baronage, and that in Parliament. And if he otherwise do, and upon such Enterprize cause to be summoned his service, such summons shall be for none*.

бодного передвижения — это значит сделать его рабом, прикрепленным к земле, то есть приравнять его к крепостному. Кроме того, объявлять войну и созывать войско может только государь. Отмена этого положения, по их мнению, лишило бы короля военной службы его вассалов. Поэтому они заявляют, что государю всегда следует обуздывать тех, кто выступает с чрезмерными требованиями⁶³). Магнаты стремились установить свой контроль и над законодательной деятельностью правительства. Статуты, которые в чем-либо противоречили Великой хартии вольностей, Хартии о лесах и ордонансам 1311 г., в силу этого постановления впредь должны были аннулироваться⁶⁴). Это давало магнатам возможность запретить фактически любое постановление короля.

Согласно ордонансам парламент должен был собираться один-два раза в год для разбора злоупотреблений королевских чиновников, спорных дел и т. п.⁶⁵). На каждом парламенте избиралась особая комиссия для разбора жалоб на лиц, нарушающих ордонансы⁶⁶), которая была призвана пресекать все попытки королевских сторонников обойти или нарушить их.

Феодалы, как бароны так и рыцарство, еще с норманского завоевания были недовольны политикой английских королей в отношении заповедных лесов. Территория их постоянно увеличивалась и находилась в ведении специальной «лесной администрации», что очень стесняло владельческие права феодалов, земли которых входили в заповедную зону. Так, в Великую хартию вольностей были включены статьи, запрещающие расширение территории заповедников и ограничивающие компетенцию «лесной администрации»⁶⁷). Однако ни статьи Великой хартии, ни изданная в 1217 г. Генрихом III Хартия о лесах не соблюдались. Этот вопрос не был решен Оксфордскими и Вестминстерскими провизиями и оставался открытым вплоть до начала XIV в. Поэтому в 19-ой и 38-ой статьях ордонансов магнаты берут на себя право соблюдать и трактовать неясные места Хартии о лесах Генриха III⁶⁸). Кроме того, они добились смягчения «лесной судебной системы» и передачи дел по нарушению лесных законов в руки шерифов, т. е. общим судебным органам⁶⁹).

Анализируя вторую реакцию ордонансов, интересно проследить насколько бароны удовлетворили требования своих союзников. Церкви посвящены всего две статьи 1-я и 12-я, которые закрепляют за ней прежние привилегии и ограничивают вмешательство светского суда в компетенцию церковной юрисдикции⁷⁰). Интересы рыцарства и частично верхушки свободного крестьянства отражены в ордонансах второго варианта, главным образом, в статьях, посвященных судопроизводству. Мелкие рыцари, страдавшие от притеснения крупных феодалов, были заинтересованы в улучшении судебной процедуры, которая была длительной и для них обременительной. В интересах рыцарства была улучшена юрисдикция по уголовным делам. Уголовные преступления, совершенные на территории иммунитета, согласно ордонансам

⁶³) Chronicles, vol. I, p. 214 (Annales Londonienses).

⁶⁴) The statutes, vol. I, p. 165 (статья 31).

⁶⁵) Ibid., p. 165 (статья 29).

⁶⁶) Ibid., p. 165 (статья 40).

⁶⁷) Памятники истории Англии XI—XIII вв., стр. 108—110 (статьи 44, 47, 49, 53).

⁶⁸) The statutes; vol. I, p. 167 (статья 38).

⁶⁹) Ibid., p. 161 (статья 19).

⁷⁰) Ibid., p. 158 (статья 1), p. 160 (статья 12).

должны были подлежать разбирательству королевского коронера, а не иммунитетной администрации⁷¹⁾.

Надо отметить, что если в Великой хартии магнаты стремятся воспрепятствовать сокращению иммунитетных привилегий⁷²⁾, то в Вестминстерские провизии и ордонансы 1311 г. они вынуждены были включить статьи, ограничивающие права лорда-иммуниста⁷³⁾. Кроме того, ордонансы ограничивали юрисдикцию суда казначейства. Круг вопросов, подлежащих разбору суда казначейства, сводился к рассмотрению дел, касающихся короля и его чиновников, но из его компетенции исключались финансовые дела (о долгах, сделках и т. п.), которые раньше разбирались в нем, причем в случае нарушения этого постановления потерпевший мог жаловаться в парламент (... the parties impleaded shall have their recovery in parliament...) ⁷⁴⁾.

Вопрос о злоупотреблениях королевских чиновников постоянно обсуждался в течение XIII столетия. В Великой хартии вольностей⁷⁵⁾, Оксфордских провизиях⁷⁶⁾ и ордонансах 1311 г.⁷⁷⁾ не только констатируется факт о подобных злоупотреблениях, но все более четко уточняется круг обязанностей королевских чиновников и их подотчетность суду казначейства как высшей судебной инстанции. Для устранения задержки судебного разбирательства ордонансы запрещают прекращение дел из-за выданных королем «Хартий о мире» преступникам и рекомендуют проверять судебные процессы, задержанные «приказом о покровительстве», выданным лицам, находящимся на королевской службе⁷⁸⁾.

В нескольких статьях второй редакции ордонансов отражены интересы городского населения и, прежде всего, английского купечества. Заинтересованные в беспрепятственном развитии внутренней и внешней торговли, города добивались отмены повышенных пошлин на основные предметы торговли (шерсть, овчины, вино и т. п.). Борьба за их отмену велась на протяжении всего XIII и начала XIV вв. В Великой хартии вольностей города добились уплаты только «старинных и справедливых пошлин, установленных обычаем»⁷⁹⁾. Но Эдуард I ввел повышенные пошлины и этот вопрос снова стал на повестку дня в царствование его преемника. Заинтересованный в возвращении из ссылки Гавестона, король в 1309 г. согласился на их отмену, но через год восстановил снова. Поэтому купечество, и прежде всего лондонское, как наиболее богатое, потребовало отмены повышенных пошлин, введенных Эдуардом I, ссылаясь на то, что это «противоречит Великой хартии вольностей и привилегиям Лондона»⁸⁰⁾. На это возражают французские легисты, которые утверждают, что подобное постановление оскорбляет короля и сокращает его доходы и что это не противоречит Великой Хартии вольностей, в которой говорится по этому поводу очень неопределенно, так как обычаи остаются в силе⁸¹⁾.

⁷¹⁾ Ibid., p. 164 (статья 27), p. 166 (статьи 35, 36).

⁷²⁾ Памятники по истории Англии XI—XIII вв., стр. 106—107 (статьи 34, 39).

⁷³⁾ Там же. (Вестминстерские провизии), стр. 168—171 (статьи 1, 2, 3) стр. 174—175 (статья 11), стр. 176—177 (статьи 17, 18).

The statutes, vol. I, p. 164 (статья 27).

⁷⁴⁾ Ibid., p. 163 (статьи 24, 25).

⁷⁵⁾ Памятники истории Англии XI—XIII вв., стр. 104—107 (статьи 24, 28, 29, 30—31).

⁷⁶⁾ Там же, стр. 150—151 (статья 1), стр. 158—159 (статьи 16, 17, 18).

⁷⁷⁾ The statutes, v. I, p. 160—161 (статья 18), p. 163 (статья 24), p. 164 (статья 26).

⁷⁸⁾ Ibid., p. 164 (статья 28), p. 165 (статья 32), p. 166—167 (статья 37).

⁷⁹⁾ Памятники истории Англии XI—XIII вв., стр. 108—109 (статья 41).

⁸⁰⁾ The statutes, vol. I, p. 159—160 (статья 11).

⁸¹⁾ Chronicles, vol., I, p. 215 (Annales Londonienses).

Вопрос о реквизиции товаров королевскими чиновниками был наиболее важным для городов. 28-я статья Великой хартии вольностей, отменяющая реквизиции, не соблюдалась⁸²). Хроники постоянно отмечают о широком недовольстве в городах подобными злоупотреблениями. Фавориты Эдуарда II Деспенсеры, отец и сын, которые пришли на смену Гавестону, по утверждению Т. Роджерса, незаконно осуществляли привилегию реквизиции, на которую имел право только король. Они производили принудительные закупки сельскохозяйственных продуктов и купеческих товаров по определенной ими самими цене, платя за них ордерами на казначейство, причем отчеты часто упоминают, что им давали взятки, лишь бы избежать вымогательства⁸³). Поэтому и в ордонансы включено требование об отмене реквизиций, которые производились королевскими чиновниками под видом закупок в пользу короля⁸⁴). Французские легисты отрицают правомерность этой статьи, считая, что это подлежит юрисдикции короля. Причем они «обвиняют баронов в «союзе с толпой» и в том, что из-за ордонансов 1311 г. возникли волнения в стране. Они считают это постановление незаконным еще и на том основании, что оно было принято в отсутствие тех чиновников казначейства, которые ведут реквизициями⁸⁵).

Этим ограничивается круг вопросов, отражающих интересы городов. Подобными уступками магнаты не могли удовлетворить всех запросов, выдвинутых городами. Их основное требование об отмене произвольной тальи не было включено в ордонансы. Более того, в некоторых случаях бароны, преследуя свои узкосословные цели, урезали привилегии городов. Например, 33-я статья ордонансов отменяет статут, изданный Эдуардом I в защиту купцов, разорвавшихся из-за неуплаты долгов. Эта статья отменяет меры быстрого взыскания долгов, установленные статутом, за исключением тех случаев, когда денежные сделки заключались между купцами. Если купец брал у другого купца займы, то в случае неуплаты долга, он по-прежнему отвечал перед ним своим движимым и недвижимым имуществом. Но если в долг у купца брал феодал, то он впредь должен был отвечать только своим движимым имуществом⁸⁶).

В 41-ой статье была отмечена необходимость опубликования ордонансов по всей стране, с тем чтобы они соблюдались во всех пунктах. Желая подтвердить правомерность ордонансов, магнаты апеллируют на коронационную клятву короля, которую трактуют по-своему. Они ссылаются на нее потому, что в ней король обещал соблюдать все законы, установленные и изданные «представителями народа» (*les gentes de peopel*), под которыми они подразумевают себя⁸⁷).

Таким образом, баронская оппозиция, вступившая в борьбу с Эдуардом II, под лозунгом «защиты народа, короля и королевства» выявила свои настоящие намерения в программном документе — ордонансах 1311 г.

⁸²) Памятники истории Англии XI—XIII вв., стр. 104—105 (статья 28).

⁸³) Т. Роджерс. История труда и заработной платы. СПб, 1899, стр. 153.

⁸⁴) The statutes, vol. I, p. 165 (статья 10).

⁸⁵) Chronicles, vol. I, p. 214 (Annales Londontenses).

⁸⁶) The statutes, vol. I, p. 165 (статья 33). . . . and that to no one shall other Lands be delivered, to hold in the name of Frank Tenement by virtue of the said statute, except the burgages of merchants and their moveable chattles, and that is to be unuerstood between merchants and merchants. . . .

⁸⁷) The statutes, vol. I, p. 168.

Борьба за ордонансы проходила на фоне все более разветвляющейся классовой борьбы английского крестьянства, о чем свидетельствуют исследования советского медиевиста академика Е. А. Косминского⁸⁸⁾ и английского историка Р. Г. Хилтона⁸⁹⁾. Однако интересы основной массы зависимого крестьянства — вилланов — не получили своего отражения в ордонансах, которые носят ярко выраженный классовый характер. Поэтому надуманными являются утверждения тех буржуазных исследователей, которые считают, что бароны в политической борьбе XIII — начале XIV в. отражают интересы «всей нации». Они рассматривают этот документ не с точки зрения его социальной значимости, а указывают прежде всего на его место в развитии английской конституции.

Ордонансы 1311 г. просуществовали только 12 лет потому, что магнаты, захватив государственную власть при поддержке широких слоев населения, в своей дальнейшей практической деятельности отошли от основных положений ордонансов. Они изгнали сторонников Эдуарда II из королевского совета и поставили во главе его эрла Ланкастера⁹⁰⁾, сократили ежедневные расходы короля⁹¹⁾, заставили его назначить Ланкастера главнокомандующим войск для войны с Шотландией и, в конце концов, создали совет из 12 баронов, постоянно находящийся при короле, причем без их согласия король не мог выносить какие-либо решения⁹²⁾, то есть они создали в стране режим баронской олигархии и тем самым оттолкнули широкие слои населения. Магнаты осуществили только те статьи, которые отражали их интересы, а требования городов и рыцарства остались на бумаге. Это привело их к поражению и к отмене ордонансов на Йоркском парламенте 1322 г.

Рассматривая основные этапы политической борьбы в Англии XIII — начала XIV вв. и возникшие в ходе ее развития документы, можно в какой-то мере проследить какие изменения произошли за столетие в социальном развитии страны. При анализе Великой хартии вольностей, Оксфордских и Вестминстерских провизий и ордонансов 1311 г. выясняется, что по сравнению с предшествующим периодом изменяется позиция баронов, которые выступают теперь не в одиночку, как в XI—XII вв.⁹³⁾, а в союзе с городами и рыцарством, и вынуждены завуалировать свои олигархические стремления.

Если в Великой хартии вольностей для осуществления олигархического режима они выдвигают идею создания узкого комитета 25 баронов, а в Оксфордских провизиях — комитета 15 баронов, то в ордонансах 1311 г. такое требование не выдвигается, и, чтобы не оттолкнуть союзников, оно прикрывается парламентской вывеской. Крупные феодалы претендуют на решающую роль в политической жизни страны.

⁸⁸⁾ Е. А. Косминский. Исследования по аграрной истории Англии XIII века. М., 1947.

Е. А. Косминский. Классовая борьба в английской деревне в XIII—XIV вв. Средние века, № 3, 1951.

⁸⁹⁾ Р. Г. Хилтон. Крестьянские движения в Англии до 1381 г. Средние века № 7, 1955.

⁹⁰⁾ *Rotuli parliamentorum*, vol. I, p. 351. *Chronicles*, vol. 2, p. 218—219 (Auctore Malmesbertensi).

⁹¹⁾ *Ibid.*, p. 209—210.

⁹²⁾ *Ibid.*, p. 236—237.

⁹³⁾ Советский исследователь Я. А. Левицкий в работе „Города и городское ремесло в Англии в XI—XII вв.“ (1960) показал, что в Англии города как экономические центры ремесла и торговли возникают в XI—XII вв., сохраняя еще долгое время аграрные пережитки, и в силу своей слабости не принимают участия в борьбе между королем и крупными феодалами.

Их борьба с королем за изгнание иностранцев и прочих фаворитов фактически была борьбой против неограниченной королевской власти. Теперь они добиваются не столько отдельных узкосословных привилегий, которыми еще изобилует Великая хартия вольностей и Оксфордские провизии, сколько стремятся подчинить себе государственный аппарат, то есть использовать в своих интересах достижения государственной централизации. Они выступают от имени парламента, желая использовать в узкосословных целях его авторитет. В ордонансах магнаты различными ограничениями подчиняют себе внутреннюю и внешнюю политику короля, вмешиваются в законодательную деятельность правительства, ограничивают финансовую независимость Эдуарда II. Это свидетельствует о том, что магнаты представляют собой еще большую силу, но изменения в их экономическом положении в связи с развитием товарно-денежных отношений в стране привели к некоторому ослаблению их политических позиций и перемене тактики в борьбе с королем.

Магнаты меняют свое отношение к своим союзникам-городам и рыцарству, с которыми они объединяются во всех политических конфликтах XIII — начала XIV вв. За этот период возрастает роль рыцарства. Рыцарское хозяйство быстро приспосабливается к изменившимся экономическим условиям и применяет передовые методы ведения хозяйства. Рыцарство, как и города, заинтересовано в расширении торговли, в прекращении феодальных усобиц и в усилении королевской власти. Общность экономических интересов сближает политические позиции рыцарства и горожан, в силу чего бароны не могут их не учитывать. Если в Великой хартии вольностей магнаты защищают свои иммунитетные привилегии, то в Вестминстерских провизиях и ордонансах 1311 г. они уже не в силах противостоять требованию рыцарства об ограничении прав иммунитета, то есть не могут воспрепятствовать общему процессу централизации государственного аппарата. Они вынуждены под нажимом рыцарства и городов укреплять и совершенствовать достигнутые успехи в области централизации управления.

Политическая борьба в Англии начала XIV века характеризуется возросшей ролью городов и особенно Лондона. Если в Великой хартии вольностей города добились только подтверждения старых вольностей, единой меры веса и т. п., а в Оксфордских провизиях лишь туманно говорилось о необходимости улучшения положения Лондона и других городов, то в ордонансах выдвинут ряд конкретных требований, свидетельствующих о стремлении городов к ограничению конкуренции иностранных купцов, к упорядочению сбора пошлин и прекращению реквизиций, препятствовавших успешному развитию торговли. Отмена повышенных пошлин, составляющих одну из основных статей государственного дохода, и запрещение отдачи их на откуп свидетельствуют о том, что города превратились в силу, которая может отстоять если не все, то часть их основных требований. Это положение подтверждается и тем, что представители городов и рыцарства чаще приглашаются на заседания парламента⁹⁴), который приобретает все больший авторитет в стране.

⁹⁴) Если за 35 лет царствования Эдуарда I (1272—1307) рыцари собирались на парламент 22 раза, а города 13, то за 20 лет царствования Эдуарда II (1307—1327) рыцари заседали в парламенте 26 раз, а горожане — 22. Е. В. Гутнова. Городское представительство в английском парламенте конца XIII—начала XIV вв. Средние века, № 4, стр. 104; W. A. Morris. Magnates and Community of the Realm in Parliament (1264—1327). *Medievalia et Humanistica*, fas. I, 1943, p. 73—74.

Таким образом, те социально-политические изменения, которые удалось проследить в указанных выше документах, отражают изменения в экономике страны. Как пишет Ф. Энгельс, «экономическое движение в общем и целом проложит себе путь, но оно должно испытывать на себе также и обратное действие политического движения, которое оно само создало и которое обладает относительной самостоятельностью. На экономическое движение оказывает влияние, с одной стороны, движение государственной власти, а с другой — одновременно с ней порожденной оппозиции⁹⁵).

Список сокращений

1. МИА СССР — Материалы и исследования по археологии СССР.
2. ТГУ — Томский государственный университет имени В. В. Куйбышева.
3. Музей ИМК — Музей истории материальной культуры.

⁹⁵) Ф. Энгельс. Письмо к Шмидту от 27 октября 1890 г. К. Маркс, Ф. Энгельс. Избр. произведения, т. 2, 1948, стр. 472.

ОГЛАВЛЕНИЕ

А. И. Балобаев — Из истории милитаристской пропаганды Пангерманского союза во время марокканского кризиса 1911 г.	3
И. Я. Биск — Источниковедческий анализ нового сборника воспоминаний об Эрнсте Тельмане	13
И. Я. Биск — К вопросу о политике германского империализма в странах Востока после первой мировой войны	19
Л. И. Боженко — Из истории культурного строительства в Сибири в 1920—1925 гг. (развитие кино и театра)	24
А. А. Говорков — Аграрные мероприятия советских органов Курской губернии по ликвидации помещичьего землевладения в конце 1917 — начале 1918 гг.	37
С. С. Григорьевич — Начало первой мировой войны на Дальнем Востоке. Переговоры об образовании четвертого Англо-Франко-Русско-Японского Союза	60
С. С. Григорьевич — Политика империалистических держав в Китае во время Синьхайской революции (до февраля 1912 г.)	79
Н. С. Индукаева — Борьба американской дипломатии за установление межсоюзнического контроля на КВЖД (1918 — март 1919 гг.)	94
Б. Г. Корягин — Политика царизма в Сибири во второй половине XIX в.	102
А. Ф. Ляпина — Государственные крестьяне Томской губернии в 1-й четверти XIX в.	120
В. И. Матюшенко — Неолитическая керамика Западной Сибири	135
Б. Г. Могильницкий — К вопросу об эволюции концепции Д. М. Петрушевского о восстании Уота Тайлера	142
Г. И. Пелих — Элементы переднеазиатской культуры у Нарымских селькупов	159
В. С. Синяев — Включение чулымцев в состав русского государства	175
В. А. Соловьева — Партийные организации Кузбасса и большевики Томска в период от Февраля к Октябрю 1917 года	186
В. И. Тужиков — Отмена крепостного труда мастеровых в горнозаводской промышленности Алтая	201
Ш. Чимит-Доржиев — К вопросу о социально-экономическом и культурном развитии ойратского общества (XVII—XVIII вв.)	213
Л. С. Рафиев — Ордонансы 1311 года как источник по истории социально-политической борьбы в Англии начала XIV века	221

Редактор издательства Л. Г. Мордовина

Корректоры О. Л. Болдырева и В. А. Малаховская

К300380. Сдано в набор 12/XII-63 г. Подписано к печати 10/IV-64 г.
Бумага 70 × 108 ¹/₁₆. Объем 14,8 печ. л., 7,4 бум. л., 21,2 уч.-изд. л.
Заказ 5799. Тираж 500. Цена 1 руб. 48 коп. Цена в переплете 1 руб. 63 коп.

Томск, типогр. № 1 Полиграфиздата, ул. Советская, 47.

816112

Томский государственный университет

Научная библиотека 00297353

Цена 1 руб 63 коп.